

ЖИЗНЬ ВЫСШИХ МИРОВ

Г. Вейл Оуэн

Перевод с английского: Кияченко Н. В., Хатунцев Ю. А.

От редакции.

«Что ждет нас после смерти?» — этот вопрос наверняка возникал у каждого из нас. «Оттуда еще никто не возвращался» — говорят скептики. Но значит ли это, что ответа мы не узнаем до тех пор, пока сами не окажемся по ту сторону завесы, отделяющей потусторонний мир от нашего? Отнюдь, ведь известны многочисленные попытки жителей иных, тонких, миров проникнуть к нам, сообщить нам истинные знания о происходящем в мире, послать лучик надежды на продолжение жизни и после смерти. В последнее время всё больше книг выходит на эту тему. Но все ли они достойны доверия? Вот что пишет об этом Е. И. Рерих:

«...трудно даже представить себе тот поток книг, трактующих о жизни в Мире Тонком, который затопляет книжный рынок в Англии и в Америке. В Англии большим успехом пользовались книги на эту тему, написанные священником G. Vale Owen. Написаны они под диктовку духов. Два-три тома из этой серии «The Life beyond the Veil» у меня имеются, и должна сказать, что они заслуживают внимания. Несомненно, эти книги были даны под наблюдением Белого Братства. Многие методы употребляются Великими Учителями, чтобы пробудить сознание человечества. Каждой группе сознания дается то, что она может вместить, что ей ближе». („Письма Е. Рерих”. — Минск, 1992. — т. II, 3.12.37).

И в данном случае мы сталкиваемся с посланиями, принятыми священником, сама вера которого не подразумевает общения с потусторонним миром.

В этих посланиях не только красочно описаны тонкие миры, но и дано теоретическое обоснование истинного положения вещей в нашем мире, показана связь миров и та неоценимая помощь, что неустанно, невзирая на наше неверие, оказывают нам жители Высших миров, даны практические советы по преобразению жизни, указана цель и смысл существования на земле и в высших мирах.

Завершаются Послания описанием „великого Богоявления, призванного открыть цель всей нынешней эволюции, дабы мы могли стремиться к ее приближению с бóльшей уверенностью и пониманием”.

Е. А. Логаева

Вступительная статья к английскому изданию

Долгая баталия близка к победному завершению. Будущее может быть изменено. Будет еще немало неудач и разочарований, но финал уже предрешен.

Те, кто смог соприкоснуться с истиной, верят и знают, что всякое новое откровение или вдохновлённое свыше писание, став достоянием широких масс общественности, одной лишь своею внутренней красотой и рассудительностью способно сокрушить предрассудки и искоренить всякие сомнения.

Ныне достоянием гласности становится откровение, которое нельзя не признать одним из самых чистых, возвышенных и содержательных; ибо оно, несомненно, исходит из светлого и прекрасного источника. Поистине, в нём чувствуется рука Господа!

Повествование это не нуждается в комментариях, ибо говорит само за себя. Но не судите о нём по одним только начальным главам, каким бы возвышенным языком они не были написаны; читайте, и вы увидите, как суть Послания постепенно раскрывается, подобно прекрасному цветку, всё более поражая своим великолепием. Оценивая силу и масштаб этого откровения, полагайтесь на общий настрой своего разума и души.

Для чего было Богу запечатывать источники вдохновения две тысячи лет назад? Почему мы должны верить в столь неестественное положение вещей?

Не разумнее ли будет предположить, что живой Бог продолжает являть свою живительную силу и что новые знания продолжают поступать от Него к людям по мере развития и совершенствования человеческого восприятия и повышения чувствительности очищаемой страданиями человеческой природы.

Существуют и многие другие аналогичные послания — различающиеся в деталях, поскольку в них могут описываться разные сферы потустороннего мира. Кроме того, стиль изложения зависит от степени просветлённости посредника, через которого передаётся послание; ибо каждый, кто пропускает сквозь себя свет, невольно окрашивает его в соответствии с собственным мировосприятием. Только чистый дух способен воспринять абсолютно чистое учение; и вряд ли кто-то, прочитав этот рассказ о небесах, усомнится в том, что передавший его человек должен быть настолько чист, насколько это вообще позволяет человеческая природа.

Те, кто путают слова и предметы, могут сказать, что м-р Вейл Оуэн почерпнул своё Послание из собственного подсознания. Но почему же многие другие ясновидящие описывали те же самые картины, что и Вейл Оуэн, пусть даже не всегда так же ярко и детально? Я сам кратко изложил в двух небольших книгах всё, что мне удалось собрать из разных источников о потустороннем мире. Мы оба ничего не знали о работе друг друга. И всё-таки я, прочитав его замечательную книгу, не обнаружил никаких серьёзных расхождений со своими собственными выводами и даже мог в значительной мере расширить и уточнить некоторые свои прежние познания. Разве подобное сходство было бы возможным, если бы первоисточником информации не была единая истина, переданная через вдохновение?

Начинается новая эра. И тем, кто немало потрудился над её приближением, вполне пристойительно испытывать чувство удовлетворения, видя, как истины, которые они отстаивали с такой убеждённой уверенностью, ныне привлекают к себе внимание всего мира. Разумеется, никто из них не требует признания своих заслуг, ибо каждый понимает, что он — только орудие в руках незримых, но в высшей степени реальных, мудрых и справедливых сил. И всё-таки человек не был бы человеком, если бы не радовался, видя, что ему на помощь идут свежие силы и что бесценный корабль жизни лег, наконец, на правильный курс.

Артур Конан Дойл

ВВЕДЕНИЕ

Это Послание, переданное посредством автоматического (или вернее — вдохновенного) письма, подразделяется на четыре части, составляющие, тем не менее, одно логически связанное целое, что указывает на наличие плана, заблаговременно разработанного теми, кто решил передать его через меня.

Наиболее надёжным каналом для передачи первых сообщений была признана духовная связь, существующая между матерью и сыном. Поэтому первая часть Послания мне продиктовала именно моя мать. Эксперимент вполне удался; и моим новым учителем стала личность более высокого порядка — более философично рассуждающая и наделённая несомненным литературным талантом. Новый учитель называл себя «Астриэлем». Далее я был передан под покровительство Забдиэля, чьи послания, несомненно, следует отнести к более

высокому научному уровню, а позднее — Арнеля, который взял на себя, как мне показалось, практически всю ответственность за налаженное общение. Послания Арнеля более насыщены информацией, нежели все предыдущие, носившие, судя по всему, подготовительный характер.

Относительно персонажей, передававших мне Послание, могу сообщить, что моя мать перешла в высшую жизнь в 1909 году, в возрасте шестидесяти трёх лет. Катлин, служившая духам «секретарем», умерла в возрасте двадцати восьми лет — примерно на три года раньше моей дочери Руби (она умерла в 1896 году в возрасте пятнадцати месяцев).

Существует мнение, что священники — люди, в большинстве своём, весьма доверчивые. Однако получаемая нами подготовка в плане критического восприятия информации, напротив, превращает нас в людей, наиболее скептически настроенных по отношению к любым новшествам, если речь идёт об открытии каких-то новых истин.

Наконец я начал получать ответы на свои вопросы. Сначала моя жена развила в себе способность к автоматическому письму. Затем и мне — через ее посредство — было предложено посидеть спокойно за столом с карандашом в руках и постараться записать те мысли, которые придут в это время мне в голову — не как следствие моей собственной умственной деятельности, но как бы извне, от какого-то постороннего мыслящего существа. Справиться с сопротивлением собственного разума мне удалось не сразу, но в конце концов я стал ощущать, что окружён друзьями, которые искренне желают общаться со мной. Они никоим образом не подавляли и не подчиняли себе мою волю, просто их желания становились для меня с каждым днём всё более очевидными.

Наконец я решил, что должен дать им возможность, ибо я чувствовал, что они желают мне добра. И вот однажды после вечернего богослужения я остался в ризнице и, не снимая сутаны, сел за стол и взял в руки карандаш.

Первые четыре или пять посланий представляли собой бессвязный набор слов. Но постепенно фразы становились всё более осмысленными; и в конце концов я начал получать более или менее разборчивые тексты. С этого времени моё мастерство совершенствовалось с каждым практическим занятием. На нижеследующих страницах я предлагаю читателю ознакомиться с результатами моих трудов.

Г. Вейл Оуэн
Осень, 1925

Часть первая: НЕБЕСНЫЕ ДОЛИНЫ.

ГЛАВА I: Начало.

Вторник, 23 сентября 1913 г.

Кто здесь?

Мама и другие друзья, которые пришли помочь. Мы отлично развиваемся, но пока ещё не способны передать тебе все слова, которые хотели бы, ведь твой ум не так молчалив и пассивен, как мы могли бы желать.

Расскажи мне что-нибудь о вашем доме и занятиях.

Наши занятия меняются в зависимости от нужд тех, кому мы помогаем. Они очень разнообразны, но направлены на духовный подъём тех, кто ещё остаётся в земной жизни. Вот, например, мы предложили Роуз создать группу людей, которые приходили бы к ней на помощь, когда она ощущает тревогу, записывая наши послания. Теперь эта группа отвечает за Роуз. Разве она не чувствует временами их присутствие рядом с собой? Она должна это чувствовать, потому что они всегда рядом, только позови.

О нашем доме. Он очень яркий и красивый, и наши товарищи из более высоких сфер часто приходят к нам, чтобы поощрить нас на пути вверх.

Мне пришла на ум одна мысль: могли ли они видеть этих существ из высших сфер или у них это общение шло так же, как и у нас? Скажу сразу, что часто в этих записках читатель будет наталкиваться на отрывки, служащие совершенно очевидными ответами на мои невысказанные мысли, обычно начинающимися с «да» или «нет». Если помнить это, то не будет необходимости указывать на них, если этого не потребует какой-либо особый случай.

Да, мы можем их видеть, если они желают, чтобы мы их видели, но это зависит от уровня нашего развития и их собственной способности помочь нам.

Теперь опиши, пожалуйста, свой дом — пейзаж и всё, что вас окружает.

Земля, обретшая совершенство. Хотя, конечно же, то, что ты называешь „четвёртым измерением“, существует здесь, и это затрудняет точное описание. У нас тоже есть холмы, и реки, и прекрасные леса, и дома, и всё то, что подготовили пришедшие до нас. В свою очередь сейчас мы трудимся, строя и поддерживая порядок для тех, кто должен ещё немного поучаствовать в своей борьбе на Земле, и когда они придут, то увидят, что всё готово и стол накрыт.

Мы расскажем тебе о зрелище, свидетелями которого не так давно стали. О зрелище здесь, в нашей стране. Нам сказали, что на одной обширной равнине неподалёку от нашего дома вот-вот состоится церемония, на которой нам следует присутствовать. Это была церемония посвящения одного из нас, который прошёл через врата того, что мы можем назвать «предубеждением» — а именно предубеждением против тех, кто не разделял его определённого способа учения и кто теперь был готов пойти дальше в более широкую и полную сферу служения.

Мы пошли, поскольку были званы, и увидели огромное множество людей, прибывающих со всех сторон. Некоторые прибыли в колесницах... почему ты запнулся? Мы совершенно буквально описываем то, что видели — колесницы; можешь назвать их иначе, если хочешь. Их влекли кони, и их возницы, похоже, просто-напросто знали, что нужно им сказать, потому что на лошадях не было поводьев, как это бывает на Земле. Видно было, что лошади шли туда, куда желал возница. Некоторые прибыли пешком, а некоторые прилетели по воздуху. Нет, без крыльев, они не нужны.

Когда все собрались, то встали в круг; все были облачены в мантии оранжевого цвета — яркого, не такого нежного, как у того, кто вышел в центр круга, кто должен был принять посвящение; наши же цвета все не такие; но нам приходится говорить с тобой старым языком. Тот, кто опекал посвящаемого, взял его за руку, поставил на зелёный холм в центре пустого пространства и произнёс молитву. И тогда случилось нечто удивительно красивое.

Небо, казалось, стало ярче цветом — главным образом синим и золотым — и с него опустилось облако, подобное вуали, сделанной из тончайшего кружева, в котором преобладали образы птиц и цветов — не белое, но сплошь золотое и сияющее. Оно постепенно распространилось и опустилось на тех двоих, в центре холма. Теперь они казались его частью, а оно — слившимся с ними. А когда облако медленно истаяло, оно оставило их обоих более прекрасными, чем раньше — прекрасными навсегда, потому что оба продвинулись в более высокую сферу света.

Тогда мы начали петь, и, хотя я не увидела ни одного инструмента, именно инструментальная музыка сплелась с нашим пением и стала едина с ним. Это было очень красиво и служило одновременно наградой для тех, кто её заслужил, и стимулом для тех, кому ещё предстояло пройти путь, который те двое уже преодолели. Музыка, как я узнала позднее, лилась из храмовой рощи, находившейся за кругом, хотя и не было ощущения, что она происходит из какой-то определённой точки. Такова особенность здешней музыки. Она будто является частью атмосферы.

Не была забыта и драгоценность. Когда облако рассеялось, или растворилось, мы увидели её челе посвящённого, золотую и алую, а у наставника, у которого уже была такая, — он носил её на левом плече, — она увеличилась в размерах и стала ярче. Я не знаю, как это происходит, но так трудно бывает объяснить то, что сами мы хорошо понимаем. Когда церемо-

ния окончилась, все мы вновь вернулись к своим занятиям. Всё длилось дольше, чем я описала, и имело очень благотворное воздействие на всех нас.

По ту сторону холма, на дальней стороне равнины, я заметила разрастающийся свет, и красивые его контуры напоминали контуры человека. Не думаю, что это было присутствием Господа нашего, но кого-то из великих Ангелов, который явился дать силу и осуществить Его волю. Без сомнения, некоторые в толпе могли видеть яснее, чем я, потому что мы способны видеть, а также и понимать, соразмерно уровню нашего развития.

***

Теперь, мальчик мой, задумайся на минуту. Идёт ли это от твоего ума или через него, как ты говоришь? Когда ты сел за письмо, как ты и сам знаешь, мы старались избегать внушать тебе что-либо, и всё же ты немедленно рассердился, решив, что мы будто бы влияем на тебя. Разве не так?

Так, я искренне признаю это.

Совершенно верно. А теперь мы оставляем — не тебя, потому что мы всегда с тобой способом, которого ты не понимаешь, — но оставляем это писание и благословляем тебя и твоих близких.

Среда, 24 сентября 1913 г.

Представь, что мы попросили тебя заглянуть немного вперёд и вообразить последствия нашего общения, какими они видятся тебе относительно нынешнего состояния ума. Какой тогда, думаешь ты, была бы сущность событий и какими, думается тебе, видим их мы из нашей сферы духовного мира?

Это что-то вроде воздействия солнечного света, когда он падает на туман над морем и постепенно рассеивает его; вид, который он скрывал, становится более ясен глазу и более красив, чем когда он смутно проступал через окутывавшую его мглу.

Так мы смотрим на твой ум, и даже если солнце порой ослепляет своим блеском и скорее сбивает с толку, чем проясняет зрение, ты знаешь, что итог есть свет, итог всего — тот Свет, в Котором вовсе нет тьмы. Всё же свет не способствует тому, чтобы всё умиротворить, а, по мере своего прохождения, часто создаёт серии вибраций, которые приносят разрушения тем разновидностям живых существ, которые не созданы для того, чтобы выживать под лучами солнца. Пусть они уйдут, сам же иди вперёд, и по мере твоего движения глаза твои станут приспособлены для более яркого света, более величественной красоты Любви к Богу, сама сила которой, соединённая с совершенной Мудростью, обескураживает тех, кто не слит в одно целое со светом.

А теперь, дорогой сын, слушай, а мы расскажем тебе ещё об одном зрелище, которое порадовало нас тут, в краю собственного света Бога.

***

Мы бродили не так давно в прекрасном лесном краю, и по дороге мы чуть-чуть беседовали, но не более чем чуть-чуть, из-за ощущения музыки, которая словно растворяла всё прочее в своей священной мелодии. И вот перед нами увидели мы Ангела из более высокой сферы. Он стоял и смотрел на нас с улыбкой, но не говорил ничего, и мы осознали, что у него есть послание к одному из нас. Когда мы замерли в ожидании, он подошёл и, взявшись за край своего плаща — цвета янтаря — накрыл им меня, обняв за плечи, и, коснувшись щекой моих волос, потому что был много выше меня, сказал мягко: «Дитя мое, я послан к тебе Господом, Которому ты научилась доверять, и путь, что лежит перед тобой, виден Ему, но не тебе. Тебе дана будет сила исполнить всё, что придётся исполнить; и ты была избрана для миссии, которая нова для тебя в здешней твоей службе. Тебе позволят, конечно, навещать здесь твоих подруг, когда захочешь, но сейчас ты должна покинуть их на время, и я покажу тебе твой новый дом и занятия».

Потом все остальные окружили меня, и поцеловали, и пожали мою руку. Они были так же рады, как я сама — только это не вполне то слово, оно недостаточно умиротворенно. Немного погодя, дав нам время поговорить и подивиться, что могли бы значить его слова, он подошёл снова и на сей раз взял меня за руку и увёл за собой.

Мы шли долго, и затем я почувствовала, что мои ноги отрываются от земли и мы движемся в воздухе. Мне не было страшно, потому что его сила передавалась мне. Мы миновали цепь высоких гор, где было множество дворцов, и наконец после довольно долгого путешествия опустили в городе, где я никогда прежде не бывала.

Свет не был режущим, но мои глаза не были приспособлены для такой степени яркости. Скоро я обнаружила, что мы находимся в саду, окружающем большое здание со ступенями во всю ширину фасада, на верхней площадке было что-то вроде террасы. Здание казалось исполненным из цельного куска неизвестного мне материала различных оттенков — розового, голубого, красного и желтого — и сияло как золото, только нежнее. Во входном проёме, лишённом дверей, мы встретили замечательно красивую даму, величественную, но не надменную. Она была Ангелом Дома Скорби. Ты удивлён словом, употреблённом в этой связи. Вот что оно означает: это скорбь не тех, кто пребывает здесь, но жребий тех, кем они руководят. Скорбящие — это те, кто на Земле, и занятие живущих в этом доме состоит в том, чтобы посылать им вибрации, которые оказывают нейтрализующее воздействие на вибрации скорбных сердец на Земле. Ты должен понять, что мы здесь обязаны доходить до самой сути вещей и познавать причины вещей. А это очень глубокая наука, изучить которую можно лишь постепенно, шаг за шагом. Поэтому, когда я говорю о причинах вещей, я использую слово „вибрации” как слово, которое ты лучше сумеешь понять.

Дама приняла меня очень тепло и повела вовнутрь, где указала мне моё место. Оно не было похоже ни на что на Земле, так что его трудно описать. Но могу сказать, что весь дом, казалось, трепетал жизнью и отзывался на нашу волну и жизненную силу.

Итак, это моя нынешняя и самая последняя стадия службы, и она обещает стать для меня очень счастливой. Но я только-только начала понимать молитвы, которые приходят к нам сюда с Земли и регистрируются здесь, и вздохи попавших в беду мы слышим — или, скорее, они тоже регистрируются, и мы видим или чувствуем их и отсылаем свои собственные вибрации в ответ. Со временем это происходит само собой, но сначала требует больших усилий. Так мне показалось. Но даже усилия дарят ответ благословения тем, кто этим занят.

Как я узнала, здесь много местностей, находящихся в контакте с Землёй, и это могло бы показаться мне невозможным, если бы не ответные вибрации, которые возвращаются к нам и показывают, сколько утешения и помощи мы посылаем. Я занята делом лишь понемногу каждый день, а потом выхожу и осматриваю город и его окрестности. И это всё просто восхитительно, даже более прекрасно, чем моя прежняя сфера, в которую я тоже навещаю, чтобы повидать подруг. Так что можешь себе представить беседы, которые мы ведём при встречах. Это почти такая же огромная радость, как и сама работа. Мир в Господе нашем Иисусе — вот атмосфера, окружающая нас. И это такая Земля, в которой нет темноты, и, когда все туманы окажутся в прошлом, дорогой мой, ты придёшь сюда и я покажу тебе всё — пока ты, возможно, не будешь способен взять меня за руку, как Он взял, и повести меня взглянуть на работу в твоей собственной сфере. Ты думаешь, что я делаю тебя предметом своего честолюбия, дитя моё. Да, так и есть, и это материнская — то ли слабость, то ли скорее благословение.

Четверг, 25 сентября 1913 г.

То, что мы хотим сказать тебе сегодня вечером, следует воспринимать как очень несовершенную попытку объяснить тебе значение того отрывка, о котором ты часто размышлял (Иоанн., XVI, 20 «Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет»), где Господь наш говорит Св. Петру, что он есть Его противник. Господь, как ты можешь вспомнить, был на пути к Святому Городу, и говорил Своим Апостолам, что Он будет убит там. Он, несомненно, стремился

внушить им, что хотя людям может показаться, что Его миссия потерпела неудачу, однако в глазах, которые способны видеть так, как Он мог ими видеть, Его кончина будет лишь началом гораздо более могущественного и великолепного развития дарующей жизнь миссии, которую Он принял на себя от имени Отца и ради возвышения мира.

Петр выразил своим отношением, что не понимает этого. Настолько ясного и достаточно простого, чтобы понять. Обычно остается незамеченным, что Христос неотступно шел прямой линией развития, и что Его смерть была лишь эпизодом на Его пути вперед, и что скорбь, как ее понимает мир, не есть антитеза радости, но может быть частью ее. Если правильно ее использовать, она становится точкой опоры, на которой может покоиться тот рычаг, что сумеет снять груз с сердца человека, понявшего, что всё есть часть Божественного Плана ради нашей же пользы. Лишь познав подлинную „цену” скорби, понимаем мы, как ограничено ее воздействие, не идущее далее того, чтобы сделать нас несчастными. Господь собирался ввергнуть Апостолов в тяжчайшую скорбь, но, пока бы они не поняли блага этого, они не могли использовать эту скорбь и подняться над суетой мира. А потому не могли исполнить дела, которое Он назначил им к исполнению. «Скорби ваши обратятся в радость», — сказал Он им. Так и было суждено случиться, но не прежде, чем они изучили познавательную ценность скорби, — хотя и не до конца.

Всё это выглядит очень простым, когда записано таким образом, и бесспорно это просто, потому что все основополагающие принципы Божественного Промысла просты. Но для нас, и для меня в настоящее время, это имеет значение, которое может не быть очевидным для тебя. Ведь проблема, которая является главным предметом изучения в новом Доме, где я провожу так много времени, есть тот же самый предмет, а именно — превращение, или преобразование, вибраций скорби в вибрации, которые рождают в сердце человека радость.

Это такая прекрасная наука, хотя и множество трудностей примешивается к ней из-за предписаний, наложенных на нас, относительно священной неприкосновенности свободной воли. Мы не можем господствовать ни над чьей волей, но должны так действовать через их волю, чтобы не только получить желаемый эффект, и всё время сохранять их свободу, и заслуживать хотя бы относительную благодарность. Я устаю порою, но это пройдет, когда я стану более сильна в работе. О чем ты хочешь спросить? Думаю, ты хочешь спросить о чем-то.

Я, в самом деле, сегодня утром думал спросить тебя о методе, с помощью которого вы на меня воздействуете. Но я забыл. Мне кажется, здесь нечего особенно объяснять, правда? Я бы назвал это ментальным впечатлением.

Да, это верно в той мере, в какой что-то объясняет, но объясняет мало. Ментальное впечатление — это фраза, которая скрывает значительную часть того, что не понятно. Мы воздействуем на тебя с помощью тех же вибраций, которые различаются по своей природе, но все направлены на твою волю. Однако я вижу, что ты не слишком интересуешься этим вопросом. Мы вернемся к нему, если захочешь, в другой раз. Я хочу поговорить о том, что интересует тебя сейчас.

Тогда расскажи мне еще что-нибудь о твоём Доме и новой работе.

Что ж, я попробую сделать всё, что смогу.

Он прекрасно обустроен внутри и снаружи. Внутри есть купальни, и музыкальный салон, и места, призванные помогать нам регистрировать нашу работу. Они очень обширны. Я называю их Домом, но в действительности это ряды домов, каждый из которых предназначен для определенного рода работы, и все постепенно увеличиваются по размеру. Мы переходим из одного в другой, по мере того как научимся всему, чему возможно, в каждом из домов. Но это всё так прекрасно, что люди никогда не смогут понять или поверить, поэтому я расскажу тебе о более простых вещах.

Сад при доме очень протяжён, и все его части имеют определённые отношения с домами, своего рода чувственную взаимосвязь. Например, деревья — это настоящие деревья и растут во многом так же, как и деревья на Земле. Но они имеют нечто вроде чувственной

взаимосвязи с домами, и разные виды деревьев откликаются более на один дом, чем на другой, и помогают результату в работе, ради которого этот конкретный дом был воздвигнут. Так обстоит дело и с группами деревьев в рощах, и с бордюрами цветочных клумб вдоль дорожек, и с композициями ручьев и водопадов, которые обнаруживаешь в разных частях сада. Всё продумано с изумительной мудростью и производит очень сильный эффект.

То же самое существует и на Земле, но вибрации там настолько тяжелы, как посылаемые, так и ответные, что результат практически не виден. Например, ты знаешь, что некоторые люди могут выращивать цветы и деревья успешнее, чем другие, и срезанные цветы стоят дольше в одних домах, то есть в семьях, чем в других. Всё то же самое, но в более грубой форме. У нас же влияния более мощны по действию, а те, кто их принимает, более чувствительны в восприятии. И это, кстати, одно из тех средств, что помогают нам заниматься теми случаями, которые регистрируются здесь.

Атмосфера тоже естественным образом испытывает воздействие и растительности, и зданий, поскольку, позволю повторить, эти дома не были возведены механически, а явились следствием — если желаешь, проросли — воли высоких рангом в этой сфере, и потому из очень могущественной созидательной воли.

Атмосфера также оказывает воздействие на нашу одежду и является составной частью во влиянии наших личностей на ее фактуру и расцветку. Если бы духовно все мы стояли на одном уровне, наша одежда имела бы одинаковый оттенок и фактуру из-за одинакового атмосферного влияния, в действительности же она разнится в той степени, в которой наши характеры разнятся один от другого.

Также оттенок наших мантий меняется в зависимости от части сада, в которой нам случится оказаться. Очень интересно и поучительно, а также и очень красиво, наблюдать, как он меняется, когда кто-то сворачивает на тропинку, где цветут различные растения или где иной состав разных видов растений.

Вода тоже очень красивая. Ты слышал о нимфах и тому подобных существах в земной жизни. Что ж, могу сказать тебе, что здесь, во всяком случае, эти существа реальны. Ведь всё пространство наполнено и пронизано жизнью, что значит — живыми существами. Когда я свыклась со всей необычностью и новизной этой сферы, я увидела всё это ясно и не могла представить, что же должно быть несколькими сферами выше. Ведь чудеса этого места, казалось, превышают всё, на что только способно воображение.

Но довольно об этом. Тот, Кто приспособливает нас к одной части Своего прекрасного Царства, приспособит нас и к другой.

Пятница, 26 сентября 1913 г.

Наше последнее сообщение было дано в ответ на предположение одной из участниц нашей группы попробовать повлиять на тебя гораздо более глубоким образом, чем прежде, но мы имели возможность только начать, что и было сделано, но не закончить наше объяснение. Поэтому, если хочешь, мы продолжим говорить об этом предмете.

Да, спасибо.

Тогда ты должен на мгновение попытаться подумать вместе с нами, как если бы ты был по нашу сторону Завесы. Все вещи, как ты должен понять, принимают здесь совершенно иной характер по сравнению с тем, какими они видятся на земном плане. И боюсь, что в глазах тех, кто еще находится на Земле, такой характер, по крайней мере, во многих случаях имеет сходство с нереальностью и выдумкой. И любые мелочи здесь преисполнены таких чудес для тех, кто только что перешел, что пока они не избавятся от привычки мыслить тремя измерениями, они не смогут значительно развиваться. И это, поверь мне, не такая уж простая проблема.

Теперь нами будет употребляться термин „вибрации”, но он далек от точности, если понимать его в контексте вещей материальных. Ведь вибрации, о которых мы говорим, не просто механичны в движении и качестве, но содержат в самих себе жизненную сущность, и именно посредством этой жизненности мы оказываемся способными брать и использовать

их. Это есть связующее звено между нашей волей и внешними проявлениями в вибрациях. Они есть просто феномены глубинной жизни, которые покрывают нас и всё вокруг. Из них, как из сырья, мы способны завершать вещи и создавать вещи, обладающие долговечностью, хотя термин сам по себе представляется неверным.

Например, именно посредством этого метода сконструирован Мост над Бездной, пролегающий между сферами света и тьмы, и этот мост в разных частях неодинаков по цвету. На дальнем конце он окутан тьмой, а по направлению к области света обретает более светлый оттенок. Там, где он касается вершин, от которых начинаются светлые земли, он становится розовым и искрится в свете, окутывающем его, как некий редкостный сорт серебра или, скорее, алебастра.

Да, конечно, над Бездной есть Мост. Иначе как бы переправлялись те, кто преодолел свой путь навверх через мрак? Действительно — я и забыла об этом — есть такие, кто смог пробраться через ужасные сферы тьмы и оказался по эту сторону Бездны. Но их мало, и это те упрямы, кто отвергает помощь и руководство стражей пути, размещенных на дальней стороне, чтобы указывать тем, кто получил на это право, путь через Бездну.

Кроме того, ты должен знать, эти стражи видны этим несчастным только по мере света в их сердцах; и потому нужна определенная степень доверия, если они поручат себя надзору стражей пути. Их доверие также есть результат лучшего состояния ума, благодаря которому они стали способны выбирать между светом и тьмой. Что ж, сложность человеческого духа многосторонняя и запутана, так что обратимся к чему-либо более легкому для облечения в слова. Я назвала это мостом, но — я должна отослать тебя к отрывку «Свет тела есть глаз твой». Прочти его в связи с этим, и ты увидишь, как он полезен не только тем, кто на Земле, но и тем, кто здесь.

Я назвала это Мостом, но в действительности он имеет мало общего с мостом так, как мы видели это на Земле. Ведь наши области безбрежны, и Мост здесь более подобен проезжей сельской дороге, чем чему-либо другому, с чем я могла бы сравнить его для тебя. И помни, я видела всего только маленькую часть этих сфер и потому просто рассказываю тебе о той части, которую я знаю. Без сомнения, есть и другие Бездны, и другие Мосты — возможно, бесчисленное множество. Итак, через хребет, или мост, совершают свое странствие те, кто ищет света, странствие медленное, и по пути есть много домов, где они могут останавливаться время от времени, по мере их продвижения вперед. Их передают от одной группы Ангелов-служителей к другой, пока последний этап не приведет их сюда, на эту сторону. Наша работа в доме, или колонии, к которой я теперь принадлежу, направлена также на эти развивающиеся души, как и на тех, кто еще на Земле. Но это другое отделение, а не то, в котором я сейчас состою. Я еще не продвинулась так далеко в своем учении. Ведь это труднее всего, потому что влияния вокруг тех, кто во тьме, гораздо более злые, чем на Земле, где добрые влияния всегда смешаны с дурными. Лишь после того как легкомысленные и испорченные люди попадут сюда, они осознают величественную задачу, что стоит перед ними; вот поэтому-то столь многие из них веками остаются в состоянии безнадежности и отчаяния.

Когда они благополучно минуют Мост, их приветствуют те, кто находится на склонах, где растут трава и деревья, и они бывают ошеломлены от восторга. Ведь они пока не привыкли к любви и ее сладости после своего опыта пребывания на противоположной стороне.

Я сказала, что этот Мост опирается на вершины; я говорила сравнительно. Место, куда приводит Мост, является нагорьем по сравнению с областями тьмы внизу. Но в действительности это долина, и к тому же самая низкая часть Небесной страны.

Ты думаешь о «великой пучине», или Бездне из Притчи. Всё это находится в полном соответствии с тем, что я написала, и тебе уже давалось объяснение этому где-то в другом месте. Однако не все способны совершить такое путешествие по причине своей малой духовности. Если бы они попытались сделать это, они просто рухнули бы в темное ущелье и сбились с пути.

Я не проникала далеко в те темные области, но немного заходила туда; и несчастий, которые я видела, хватило, чтобы воздерживаться от еще одного визита. Когда я продвинусь

вперед в моей нынешней работе и буду помогать тем бедным душам из высшей точки этого дома, я смогу получить, и, возможно, действительно получу, дозволение пройти дальше в их среду. Но еще пока не сейчас.

Еще одно я должна сказать тебе — потому что пора тебе остановиться. Когда они прорываются и приходят на другого конец Моста, мне сказали, что вопли, которые они слышат позади себя, ужасны; и видны тусклые красные языки пламени. Чем это вызывается, я не в силах ясно определить, но нам говорили, что как пронзительные крики, хрип, рёв, так и пламя создаются теми, оставшимися позади, взбешенными своим бессилием вернуть обратно беглеца или удержать его; ведь зло всегда бессильно перед добром, будь добро даже совсем малым. Но я не буду углубляться в это сейчас, и то, о чем я говорю, есть только молва, так что это передается тебе из вторых рук; но это правда тем не менее.

Суббота, 27 сентября 1913 г.

Я прошу моих друзей попробовать воздействовать на меня более сильно.

Едва ли нужно, чтобы мы старались подействовать на тебя сильнее, чем уже делали это, потому что нам уже удалось через посредство посланий помочь тебе понять кое-что о нашей жизни и условиях, господствующих здесь. Мы бы добавили только, что тебе должно быть ясно, — когда мы приходим сюда, мы находимся не в своем собственном элементе, и то, что для тебя является естественным окружением, для нас туман, и сквозь него мы должны пробиваться изо всех своих сил.

Можете ли вы видеть сейчас, как я пишу?

Да, мы видим тебя, но иными глазами, чем твои. Наши глаза не приспособлены к воздействию такого света, каков он у вас на Земле. Наш свет другого рода, что-то вроде всепроникающего элемента, благодаря которому мы способны разглядеть самые глубины твоего ума, и именно с ним мы говорим — с тобой самим, конечно же, но не с твоим внешним слухом. Так что мы видим тебя самого, а не твое материальное тело, которое есть не что иное, как окутывающий тебя покров. Когда мы прикасаемся к тебе, ты чувствуешь прикосновение не физически, но духовно, и, если ты захочешь уловить наше касание, тебе следует держать это в уме и смотреть в большую глубину, чем тело и его механический мозг.

Ты хотел узнать побольше о том, как мы здесь работаем, и об условиях, в которых протекает наша жизнь. Не каждый кто, кто приходит сюда, в состоянии понять одну из основополагающих истин, которую необходимо усвоить, чтобы развиваться, — то, что Бог уже не присутствует здесь зримо, как это было в Его земной жизни. Они надеются увидеть Его во плоти и бывают сильно разочарованы, когда им говорят, что это совершенно ошибочное представление о способе, которым Он общается с нами. Его жизнь и красота совершенно ясно видны на Земле тем, кто может смотреть глубже, чем внешние обстоятельства. То же и здесь, с той разницей, что жизнь здесь более осязаема и ею легче овладеть и использовать ее тем, кто изучает ее природу. Она пульсирует повсюду вокруг нас, а мы, находящиеся в более чувствительном состоянии, в большей степени способны почувствовать ее, чем когда мы жили земной жизнью. Все же, определив общее положение, следует добавить, что время от времени нам даются явления Божественного Присутствия, когда этого требует какая-нибудь особая надобность; и про одну из них я тебе сейчас расскажу.

Нас позвали на загородную дорогу, где должно было загодя собраться много людей различных конфессий, верований и стран. Прибыв, мы увидели, что группа духов-помощников вернулась по окончании срока своей службы в одной из областей, граничащих с земной сферой, где они должны были действовать среди только что прибывших душ, которые еще не осознали, что пересекли пограничную черту между Землей и Духовной страной. Многие были просветлены, и их взяли сюда, чтобы они могли присоединиться к нам в благодарственном служении, прежде чем отправиться в свои дома. Они были разных возрастов, потому что старые еще не настолько развились, чтобы снова стать молодыми и полными сил, а маленькие не развились, чтобы окончательно вырасти. Все они стояли, разинув рот, в счастливым

предвкушении, и, по мере того как одна за другой прибывали компании их новых здешних друзей, они оглядывали их лица и мантии разных цветов, которые носили люди разных рангов и положений, и дивились всему.

Один за другим все мы собрались и затем услышали, как полилась музыка, которая словно нахлынула на нас и объединила всё великое множество в одну огромную семью. Потом мы увидели, как возник крест из яркого света. Он, казалось, лежал на склоне громадной горы, граничившей с равниной, и на наших глазах начал разлетаться яркими искрами. Мы постепенно начали понимать, что перед нами большая группа Ангелов высших сфер, которые стояли на горе, сложив собой крест; и повсюду вокруг них пылало золотое зарево, которое мы чувствовали даже на расстоянии, — теплое дыхание любви.

Постепенно они становились более различимы для нашего зрения, так как четче проявились в этом более низком для них окружении, и затем мы увидели стоявшее на площадке, где сходились рукава креста, большее по размерам Существо. Мы как будто все разом узнали Его. Это было Явление Христа в том, что ты знаешь как Форму Присутствия.

Он стоял там в молчании и неподвижности долгое время, а затем воздел высоко правую руку и мы увидели, как колонна света опускается на нее. Колонна была своего рода тропой, и на ней мы увидели еще одну нисходящую группу. Сойдя на вознесенную вверх ладонь, они остановились и стояли неподвижно, скрестив руки на груди и склонив головы. Затем рука медленно двинулась, описывая круг и опустилась вниз, и пальцы оказались направлены к равнине, и мы увидели, как колонна протянулась к нам через небо, пока не соединила Мостом пространство между горой и равниной. Конец ее опёрся на множество людей, собравшихся тут.

По этой колонне группа приближалась к нам, пока не стала видимой, и теперь парила над нами. Тогда все они простерли руки к горе и мягко зазвучали их голоса, певшие гимн поклонения Тому, Кто стоял там. И так прекрасно и свято это было, что сначала мы замерли в благоговейном молчании. Но вскоре тоже подхватили их слова и стали кто декламировать, кто петь вместе с ними; в этом, очевидно, и состояла цель их прихода к нам. И пока мы пели, между горой и нами поднялась легкая голубоватая дымка, оказавшая на всех необычайное действие. Она, словно линза телескопа, приблизила к нам Его видение настолько, что мы могли рассмотреть выражение Его лица. Так же она подействовала и на фигуры тех, кто стоял ниже Его. Но наши глаза были недостаточно зоркими, чтобы отчетливо видеть их, но зато мы видели Его милостивое лицо и облик. Я не в силах описать это впечатление. Это было соединение любви и жалости, радости и величия, и я почувствовала, что жизнь — очень священная вещь, если соединила Его и нас едиными узами. Думаю, все остальные тоже чувствовали что-то подобное, но мы не разговаривали друг с другом, поскольку всё наше внимание было захвачено лицезрением Его образа.

Затем дымка неспешно растаяла в воздухе, мы увидели крест на горе и Его, стоявшего, как и прежде, но только видимого уже более смутно; и Ангелы, что приходили к нам, удалились и теперь парили только над Ним. А потом видение медленно расплылось и совсем исчезло. Но результатом было совершенно отчетливое чувство Его Присутствия, сохранившееся и не прерывающееся. Возможно, это и было целью видения, данного вновь прибывшим, которые хотя и не могли видеть так ясно, как уже может мы, пробывшие здесь дольше, но всё-таки были способны увидеть достаточно для того, чтобы это ободрило их и подарило им мир.

Мы помедлили еще какое-то время, а потом разошлись в тишине по своим делам, не говоря много — такое впечатление оказало на нас то, чему мы стали свидетелями. И потом, в этом Явлении было так много такого, о чем стоило поразмыслить впоследствии. Какое счастье, что невозможно было, пока оно происходило, понять всё его значение. Его следовало продумывать постепенно; и мы обсуждаем его между собой до сих пор, и каждый передает свои впечатления. А затем мы складываем их воедино и обнаруживаем, что нам было дано откровение о чем-то таком, что мы не так хорошо понимали прежде. В этом отношении больше всего на нас произвела впечатление Его способность говорить с нами в молчании,

которой Он обладал. Он не произнес ни слова, и всё же мы словно бы слышали Его голос, и мы понимали совершенно ясно, что голос говорил, хотя, повторяю, в действительности Он не произнес ни слова.

Понедельник, 29 сентября 1913 г.

Мысль о том, чтобы смотреть на вещи с точки зрения более высоких сфер, чем твоя, обретет должный вес, когда ты прочтешь то, что мы уже написали. В противном случае, тебя всегда будет вводить в заблуждение кажущееся несоответствие в соединении идей, как мы их передаем. Для нас совершенно естественно связывать приход Господа нашего в Форме Присутствия и случай возникновения того Моста, что перекрывает огромные просторы Бездны. Ведь то, что здесь видится реально, конечно, реально для нас, тут находящихся, есть не что иное, как явление той же незримой силы, что та, с помощью которой Господь и сопутствовавшие Ему Ангелы перекрыли мостом пропасть между сферой, в которой мы живем, и той, откуда приходят эти высшие существа.

Нам хотелось бы, чтобы ты смог достаточно просветиться в отношении некоторых чудес нашего обитания, тогда оно показалось бы тебе более естественным и в продолжение твоего временного пребывания на Земле, и потом, когда ты перейдешь сюда — оно не будет таким незнакомым для твоего ума.

Первое помогло бы тебе увидеть, что наша Земля есть небеса в зародыше, а небеса есть не что иное, как Земля, очищенная и доведенная до совершенства.

Чтобы помочь тебе в этом, мы постараемся описать систему, которая у нас есть, систему различения или распознавания того, что важно, и того, что менее важно. Всякий раз когда что-либо ставит нас в тупик, — я говорю только о нашем непосредственном окружении — мы взбираемся наверх какого-нибудь здания, или холма, или какой-нибудь возвышенности, откуда можно видеть на расстоянии прилегающие земли. Там мы формулируем свои трудности, и когда завершим изложение, то некоторое время храним молчание и пытаемся углубиться в себя. Вскоре мы начинаем видеть и слышать на более высоком плане, чем наш, и вещи, которые действительно имеют значение, мы, посредством зрения и слуха, обнаруживаем на этом высшем плане, в этих высших сферах. Но то, что не имеет большого значения, мы даже не видим и не слышим. Так мы получаем возможность отделить один род вещей от другого.

Всё как будто ясно, дорогая, но не могла бы ты привести мне отдельный случай, что-то вроде примера?

Думаю, да. Мы столкнулись с одним случаем, вызывавшим сомнения, и едва ли знали, как лучше всего поступить. Это касалось женщины, которая пробыла у нас уже довольно долгое время, и казалось, что она не в состоянии сколько-нибудь сильно развиться. Она во все не относилась к числу дурных людей, но похоже было, что она сомневается в себе самой и во всех, кто ее окружает. Самое главное ее затруднение касалось Ангелов — все ли они из света и добра, или есть какой-нибудь род, хотя и ангельский, но относящийся к тьме. Некоторое время мы не могли ясно увидеть, с чего бы это ее волновало, ведь всё здесь кажется состоит из любви и сияния. Но мы узнали, наконец, что у нее были какие-то родственники, скончавшиеся до нее, и которых она здесь не видела и не могла выяснить, где они. Когда мы добрались до ее действительной проблемы, мы обсудили это между собой, и затем пошли на вершину холма и высказали наше пожелание помочь ей, и попросили, чтобы нам указали лучший способ. И случилось нечто совершенно удивительное, сколь неожиданное, столь и полезное.

Когда мы преклонили колени, вершина холма стала словно бы прозрачной, и, поскольку мы стояли на коленях, склонив головы, мы стали смотреть прямо сквозь нее, и часть области под нами проявилась со всей отчетливостью. Место действия, которое мы увидели, — а мы все видели его, так что тут не может быть галлюцинации, — было сухой и бесплодной равниной, погруженной в полутьму: опершись на скалу, там стоял человек высокого роста. Перед ним, упав на колени и спрятав лицо в ладонях, была еще одна фигура, фигура мужчины.

И он, похоже, умолял о чем-то того, другого, стоявшего с выражением глубокого сомнения на лице. Потом, наконец, во внезапном порыве, он нагнулся и схватил коленапреклоненную фигуру зашиворот, и стремительно зашагал по равнине к горизонту, где мерцал тусклый свет.

Он прошел большой путь с этой ношей, и, когда они добрались до места, где свет был сильнее, он опустил его наземь и указал ему путь; и мы увидели, как меньшая фигура благодарит его снова и снова, а затем поворачивается и бежит к свету. Мы следили за этим мужчиной глазами и увидели, что он направляется к Мосту, о котором я уже рассказывала тебе прежде, — но только к тому его концу, что расположен по другую сторону Бездны. Мы не могли понять, почему нам было показано это видение, и продолжали следить за человеком, пока он не добрался до большого здания, стоявшего у входа на Мост, — не для того, чтобы охранять его, а чтобы ждать тех, кто придет, нуждаясь в подкреплении и помощи.

Мы увидели, что человек замечен со сторожевой башни, потому что вспышка света дала сигнал об этом тем, кто внизу, и тем, кто был в следующей сторожевой башне на Мосту.

А потом холм снова обрел свое нормальное состояние, и мы ничего больше не видели.

Теперь мы были даже больше озадачены виденным и медленно спускались с холма, когда нас встретила наша Главная Дама и с нею вместе некто похожий на высокое должностное лицо, но которое мы никогда прежде не встречали. Она сказала, что он пришел объяснить нам указания, которые мы только что получили. Меньший человек был муж той женщины, которой мы пытались помочь, и мы должны велеть ей идти к Мосту, и там она получит пристанище, в котором сможет дожидаться прибытия своего любимого. Большой человек, которого мы видели, был тем, кого эта женщина могла бы назвать Ангелом тьмы, потому что он был одним из самых могущественных духов в той темной стране. Но, как мы видели, он был способен на доброе дело. Тогда почему, спросили мы, он все еще находится в области тьмы?

Пришелец улыбнулся и сказал: «Дорогие мои друзья, Царство Господа, нашего Отца, это гораздо более удивительное место, чем вы себе, видимо, представляете. Вы никогда еще не встречались с областью или сферой, которая была бы замкнута сама в себе, и независима, и отделена от всех прочих сфер. Здесь и нет такой сферы. Этот темный ангел соединяет в своей природе множество знания, и добра, и зла. Он остается там, где пребывает, во-первых, из-за зла, которое еще присутствует в нем и делает его непригодным для областей света. Он остается там также потому, что пока еще не хочет прогрессировать, частью по причине своего упрямства, а иногда потому, что он все еще ненавидит свет и считает тех, кто отправляется в ужасный тяжкий путь вверх, глупцами. К тому же в минуты ненависти и бешенства он жесток. Временами он пытал и мучил того самого человека, которого вы видели возле него, и делал это с жестокостью малодушного хулигана. Но, как вы видели, его ненависть истощается. Когда тот человек взмолился, как-то дрогнуло его сердце, и, повинувшись порыву, торопясь, чтобы не переменить решение, он освободил жертву, желавшую совершить путешествие, и указал ей путь, в глубине души, бесспорно, считая глупцом и все-таки, возможно, более мудрым глупцом, чем он сам».

Это было ново для нас. Мы не сознавали, что в тех темных сферах, что перед нашей, есть какое-то добро; но теперь мы увидели, что так оно и есть — если бы все были совершенно плохими, ни один никогда не захотел бы прийти к нам сюда.

Но какое отношение имеет всё это к различению вещей, имеющих значение, и менее важных?

Всё, что хорошо, — от Бога; и свет и тьма, применительно к Его детям, не являются, и не могут быть абсолютными. Их следует понимать относительно. Существует, как мы теперь знаем, множество «ангелов тьмы», которые пребывают во тьме из-за какого-то излома в своей натуре, какой-то упрямой черты, которая препятствует добру в них проявиться. И они могут однажды обогнать нас на дороге веков и стать более великими в Царстве Небесном, чем те, кто более благословен.

ГЛАВА II: Более яркие сцены.

Вторник, 30 сентября 1913 г.

Едва ли ты сумеешь ясно себе представить, что мы чувствуем, когда приходим на Землю таким вот образом и общаемся с теми, кто еще путешествует в долине жизни. Мы чувствуем, что наделены большими, чем вы, привилегиями, так как имеем возможность довести до сознания людей многое из такого, что они могли бы использовать для возвышения людской расы — ведь не видно пределов возможностям добра и просветления. Но мы в состоянии сделать лишь немного и должны ждать со спокойной душой, пока остальные не объединятся с нами, как это бесстрашно сделал ты, потому что знаешь, что никакое зло не может прийти к тем, кто любит Отца и служит Ему и Сыну Его, нашему Спасителю.

Теперь, чтобы помочь тем, кто всё еще сомневается в нас, нашей миссии и посланиях, позволь мне сказать, что мы не без труда покидаем свой прекрасный дом, спускаясь сюда, в этот туман, окружающий земную сферу. На нас возложена миссия и работа, которую кто-то должен сделать, и мы радостно делаем ее.

Не так давно — говоря земными словами — нас направили в область, где воды были собраны в большое озеро, или бассейн, и вокруг озера, на некотором расстоянии друг от друга, возведены были здания в форме больших холмов с башнями. Они различались архитектурными формами и убранством, и не все были выстроены из одного материала. Обширные сады и кущи окружали их, иные протяженностью в мили, полные прекрасных животных и растений, из которых большая часть видов известна на Земле, но были и такие, что показались бы необычными для тебя сейчас, хотя я думаю, что, по крайней мере, часть из них жила когда-то на Земле. Это деталь. Я же хотела разъяснить тебе назначение этих поселений.

Они служат не для чего иного, как для создания музыки и музыкальных инструментов. Живущие здесь заняты изучением музыки и ее созвучий и воздействий. Мы побывали в нескольких огромных домах и видели там светлые и счастливые лица тех, кто собрался приветствовать нас и показать нам местность; а также и объяснить то, что мы были способны понять, и я честно сознаюсь, такого было немного. То, что лично я сумела понять, я постараюсь объяснить тебе.

Один дом, или колледж, потому что они, по моему разумению, больше походили на колледжи, чем на фабрики, был посвящен изучению лучших способов, как передать музыкальное вдохновение тем, кто имеет талант композитора на Земле; другой дом большее внимание уделял тем, кто имел способности к исполнению музыки, и тем, кто пел, и также тем, кто изучал церковную музыку, или концертную музыку, или оперную и так далее.

Результаты их исследований сводятся в таблицы, и на этом их обязанности кончаются. А потом эти результаты вновь изучаются другой группой, которая рассматривает лучшие способы сообщить их, главным образом, сочинителям музыки. Затем другой корпус выполняет текущую работу по передаче информации через Завесу в земную сферу тем, кто окажется наиболее готовым откликнуться на их вдохновляющее действие. Те, кто решает это, научены делать подобный выбор. Всё в идеальном порядке; от колледжей вокруг озера до церкви, или концертного зала, или оперной сцены здесь тянется цепочка обученных тружеников, непрерывно занятых передачей Земле маленьких даров небесной музыки. И вот так вся лучшая музыка приходит к вам... Да, ты совершенно прав. Многие из вашей музыки — не от нас; многое — запяталось в пути. Но это не есть промах тружеников наших сфер, но лежит на совести живущих по вашу сторону Завесы и тех по эту сторону, кто принадлежит к темным областям и кому эту возможность дает сам характер композиции.

Я попытаюсь объяснить тебе, для чего предназначены эти башни.

Озеро — необъятной протяженности, и дома стоят на небольшом расстоянии от него со всех сторон. Но в некоторых случаях, заранее обговоренных, обитатели этих колледжей отправляют кого-нибудь на вершину башни и, когда все соберутся, там дается концерт — в точном смысле этого слова. На одной башне играют на одних инструментах, на другой — на других, а на третьей поют певцы; и на следующей — тоже певцы, но другого рода; потому

что в нашей музыке не четыре тона, как это принято у вас, но много тонов голосов. Другие башни отданы другим труженикам, действительного занятия которых я не смогла понять. Насколько я сумела выяснить, некоторые из них — знатоки в гармонизации всего объема звуков, возникающего с разных башен.

Но я хочу продолжить описание самого события — концерта или праздника, можешь назвать его как угодно. Нас взяли на остров в середине озера, и там, в красивой местности с деревьями, травой и цветами, с террасами и зелеными беседками, с укромными уголками и сиденьями из камня или дерева, мы наслаждались праздником.

Сначала прозвучал аккорд, долгий и протяженный, становившийся все громче и громче, пока он, казалось, не завладел всем земным и водным пространством и каждым листиком каждого дерева. Это был ключ, данный музыкантам разных башен. Он угас в тишине, и всё стало совершенно беззвучным.

Затем, постепенно, мы начали слышать оркестр. Он звучал со многих башен, но мы не могли различить никакой отдельной части его. Это была безупречная гармония, и равновесие тонов было совершенным.

Потом вступили певцы. Нет никакого толка даже пытаться описать эту музыку небесных сфер на земном языке, но я, быть может, сумею дать тебе некоторое представление о впечатлении. Если коротко, она делала всё более притягательным — не только красивым, но также и притягательным — ведь есть разница в значении этих двух слов, как я их здесь употребляю. Наши лица приняли более привлекательный оттенок и выражение, и деревья стали ярче, и воздух постепенно превратился в марево переливающихся тонов, подобно радуге. Но марево ничего не затемняло; казалось даже, что оно всё приближает. Вода отражала радужные оттенки, и наши одеяния также обрели более яркий цвет. Животные и птицы вокруг нас тоже откликнулись. Одну белую птичку я особенно запомнила. Ее нарядные, молочного оттенка перья постепенно стали светлее, и, когда я видела ее в последний раз перед тем, как она улетела в рощу, вся она сияла как золото, отполированное и пылающее, как прозрачный луч или огонь. Затем, когда дымка медленно рассеялась, и мы все, и всё вокруг стало опять обыкновенным. Но впечатление осталось, и, если бы я могла дать ему название, я сказала бы „мир”.

Итак, вот один небольшой опыт, который был у меня в Доме Музыки. То, что мы услышали, мы будем обсуждать вновь и вновь при встречах со знакомыми, там что-то решим, здесь перерешим, и из всего этого будет извлечена какая-то польза; может быть, для каких-то здешних больших благодарственных служб, или для приема духов, переходящих сюда из земной жизни, или для других надобностей. Ведь музыка участвует во многих сторонах нашей жизни здесь, и вообще, всё кажется музыкой в этой сфере света — музыкой, и переливами цвета, и красотой, всё дышит любовью ко всему и к Нему, Кто любит нас так, как мы не способны любить. Но Его любовь увлекает нас вперед, и, продолжение нашего пути, она всегда с нами, и мы должны вдыхать ее, как вдыхаем красоту Его присутствия.

Нам не остается ничего другого, как делать это, потому что Он есть Всё и Вся здесь, и любовь дарит наслаждение, которое ты сможешь понять только, когда будешь стоять там, где мы стоим, и услышишь, что мы слышали, и видели красоту Его присутствия, которая дышала и мерцала повсюду вокруг, и над нами, и под нами, пока мы учились еще одной частичке Его любви.

Будь сильным и живи доблестной жизнью, потому что итог будет стоять того, как мы сами в этом убедились.

Среда, 1 октября 1913 г.

То, что мы сказали прошлым вечером относительно Дома Музыки, было всего лишь беглым наброском того, что мы видели и слышали; и мы побывали только в одной части того пространства музыки. Нам сообщили, однако, что оно гораздо более протяженное, чем мы думали, и простирается далеко — от озера до горной страны, обступающей равнину, на которой лежит озеро. В тех горах есть другие колледжи, все связанные с теми, которые мы ви-

дели, посредством своего рода беспроводного телефона, и согласованная работа продолжается непрерывно.

На пути назад к нашему дому мы свернули в сторону, чтобы увидеть еще что-нибудь новое. И увидели плантацию очень больших деревьев, на которой была построена башня, не просто колоннообразное строение, а целая композиция со шпилями, башенками и куполами всех цветов. Нас встретили очень учтиво и тепло, и первое, что поразило нас, было удивительное свойство стен. То, что снаружи казалось глухим, внутри было полупрозрачным, и, проходя от залы к зале и от палаты к палате, мы заметили, что свет, заполняющий каждое из помещений, несколько отличается оттенком от предыдущего — не другого цвета, потому что различия почти не были выражены, но лишь в легкой степени глубже или светлее.

Во всех без исключения маленьких помещениях свет был одного определенного и нежного оттенков, но, попадая в большие залы, мы видели, что в них были собраны все оттенки окружающих их палат. Я не вполне уверена, совершенно ли я права, говоря, что во всех меньших мастерских был только лишь один чистый оттенок, но рассказываю тебе точно так, как могу вспомнить. Мы так много всего увидели, что трудно припомнить все подробности — и это был мой первый визит. Так что я не притязаю ни на что большее, кроме правдивого описания общего устройства.

Одним из таких огромных залов был Оранжевый Зал, и в нем были все оттенки этого основного цвета — от легчайшего бледно-золотого до самого глубокого темно-оранжевого. Другой зал был Красный, где оттенки перетекали один в другой повсюду вокруг нас, от самого бледного тона розового лепестка до самого насыщенного малинового тона роз или георгинов. Фиолетовый Зал лучился оттенками от нежнейшего гелиотропа или аметиста до роскошного тона темных анютиных глазок. А теперь я должна сказать тебе, что там было много больше таких залов, переливающихся теми оттенками, которых ты и не знаешь или которые называешь ультрафиолетовыми и инфракрасными, — и они были прекраснее всех.

Теперь эти лучи не смешивались друг с другом в единый тон, но каждый оттенок присутствовал отдельно в своих переходах, и всё же все гармонизировались чудесным и прекрасным образом.

Ты недоумеваешь, для какой цели служат эти здания из хрусталя. Они нужны для изучения воздействия цветов в приложении к различным областям жизни, — животной, растительной и даже минеральной, но к двум первым — главным образом, а также и к одежде. Ведь как фактура, так и оттенок наших одеяний приобретает свое качество от духовного состояния и характера носящего. Наше окружение есть часть нас, как это и у тебя, и свет — один из важных компонентов нашего окружения. Поэтому он очень могуществен в определенных условиях, каким мы видим его в этих залах.

Мне сказали, что результаты этого изучения передаются тем, кто опекает деревья и прочую растительную жизнь на Земле и на других планетах. Но есть и иные результаты, которые слишком тонки по своей природе, чтобы применять их в более грубой окружающей среде Земли и планет, так что лишь малая часть этих исследований пересылается в вашем направлении.

Мне жаль, что я могу сказать тебе лишь немного и из-за этих самых ограничений и потому еще, что это слишком научно и поэтому далеко от меня. Но вот что я могу добавить, потому что разузнала об этом подробнее. В той колонии не собирают основные цвета вместе в одном зале. Почему, я не знаю. Может быть, потому, как полагают некоторые из моих друзей, которые понимают этот предмет лучше меня, что сила, произведенная таким сочетанием, будет слишком громадна для того здания и потребует другого, особо сконструированного, и то вдали, на какой-то высокой горе; потому что возможно, сказали они мне, что никакая растительность не сможет жить даже на большом расстоянии от таких мест. И они добавили, что сомневаются, способны ли люди того уровня, которых мы видели, безопасно управлять такими силами. Они думают, для этого нужны более высокий уровень и мастерство. Но на более высоких сферах, наверное, есть место, где это делается. Судя по тому, как всё здесь организовано, это почти наверняка точно.

Мы покинули поселение, или университет, как его можно назвать, и, когда были на некотором отдалении от равнины, откуда могли видеть центральный купол над деревьями, наш проводник, который пошел с нами, чтобы ускорить наш путь, попросил нас остановиться и принять один прощальный сюрприз, который Глава обещал нам представить. Мы обернулись, но ничего не увидели и, повременив, вопросительно посмотрели на проводника. Он улыбнулся, и мы стали ждать чуда.

Вскоре один из нас спросил: «Какого цвета был этот купол, когда мы первый раз остановились здесь»? Кто-то ответил: «По-моему, красный». Но никто не был уверен. Как бы то ни было, он был теперь золотистого оттенка, и мы сказали, что будем наблюдать за ним. Но вот он уже зеленый, а мы даже не видели, как менялся цвет — так постепенно и плавно происходил переход от одного тона к другому. Так продолжалось некоторое время, и это было исключительно красиво.

Затем купол исчез совершенно. Проводник сказал нам, что он, конечно, на своем месте, а исчезновение купола — один из искусных трюков, которые они научились выполнять, сочетая определенные элементы света из разных залов. Затем купол возник снова, и над ним, и над деревьями появился громадный цветок розы розового оттенка, который медленно превращался в малиновый, и повсюду среди его лепестков были красивые фигурки играющих детей, мужчин и женщин, беседующих друг с другом, привлекательных, красивых и счастливых; здесь же — молодые олени, и антилопы, и птицы, бегающие, или порхающие, или лежащие меж лепестков, очертания которых вздымались, будто холмы или курганы. По этим выпуклостям бегали дети вместе с животными, играя так счастливо и мило. А потом всё медленно исчезло и стало пусто.

Нам показали несколько таких представлений, пока мы там стояли.

Четверг, 2 октября 1913 г.

«Скажи детям Израиля, чтобы они шли вперед». Вот послание, которое мы хотели бы внушить тебе сейчас. Не отставай в пути, ведь вдоль него разлит свет, который укажет тебе дорогу, и, если ты твердо держишься за свою веру в Отца Всего и Его дорогого Сына, Господа нашего, тебе не придется ничего бояться.

Мы пишем это из-за определенных затянувшихся сомнений, всё еще остающихся у тебя. Ты чувствуешь наше присутствие, мы знаем, но наши послания приобрели такой вид, что кажутся слишком похожими на сказку, чтобы быть реальными. Так знай же, что никакая волшебная сказка из всех, когда-либо написанных, не может сравниться с чудесами этих Небесных Областей или с их красотами. Ничто из того, что может проникнуть в творческое воображение человека, пока он в земной жизни, не способно сравниться со славой, ожидающей его дивящийся разум, когда он сбросит земное тело с его ограничениями и встанет свободным под светом Небесной страны.

То, что мы хотим попытаться рассказать тебе ныне вечером, во многом иного порядка, нежели предыдущие послания, и относятся скорее к сущностной природе вещей, чем к феноменам жизни, демонстрируемым нам в назидание и для радости.

Если бы человек мог встать на одном конце из высоких пиков, которыми увенчан здешний ландшафт, он мог бы созерцать некоторые весьма странные и непривычные зрелища. Он, наверное, сначала заметил бы, что воздух чист и что даль имеет характер, отличный от того, который она имеет на Земле. Она бы показалась удаленной, потому что, если бы он захотел покинуть пик, на котором стоит, и отправиться к какой-либо точке горизонта или даже за него, он сделал бы это посредством своей воли. От качества этой воли и его собственной природы зависело бы, шел бы он быстро или медленно, а также насколько далеко он смог бы проникнуть в области, которые лежат за различными горными цепями и чья — я полагаю, нам придется использовать это слово — атмосфера более разряжена, чем та, куда его забросила его сегодняшняя судьба.

Именно поэтому мы не всегда видим тех посланцев, которые прибывают к нам из высших сфер. Они видны одним лучше, чем другим, и лишь тогда подлинно и определенно ви-

димы, когда приспособливают свои тела таким образом, чтобы войти в состояние видимости. Если мы идем слишком далеко в их направлении — то есть в направлении их дома — мы чувствуем изнеможение, которое не позволяет нам проникнуть дальше, хотя некоторые способны идти дальше, чем другие.

И еще, стоя на том пике, наблюдатель заметил бы, что небесный свод не является совершенно непроницаемым для зрения, а скорее обладает природой света, но света такого качества, который усиливается по мере того, как возрастает удаление от поверхности ландшафта. И одни способны заглянуть в этот свет дальше, чем другие, и увидеть там существа и разыгрывающиеся сцены, которые другие, менее развитые, не в состоянии видеть.

Кроме того, он бы увидел повсюду вокруг себя обиталища и постройки различных категорий, некоторые из которых я уже описывала. Но эти здания не были бы для него только домами, рабочими местами и колледжами. По каждой постройке он определил бы не столько ее характер, сколько характер тех, кто возвел ее, и тех, кто обитает в ней. Они долговечны, но не той скучной неизменной долговечностью, что здания на Земле. Их можно развивать, и изменять, и приспособливать по цвету, форме и материалу, в соответствии с тем, чего потребует надобность. Их не пришлось бы сносить, а затем использовать материалы при перестраивании. Время не имеет влияния на наши дома. Они не разрушаются и не ветшают. Их прочность попросту зависит от воли их хозяев, и, пока они желают, здание стоит, а затем разрушается, когда они хотят.

И еще он заметил бы полеты птиц, движущихся издалека и направляющихся с совершенной точностью в определенную точку. Теперь на Земле обучают птиц-почтальонов, но не так, как обучены эти. Во-первых, поскольку их никогда не убивают и не подвергают мучениям, они не боятся нас. Эти птицы — одно из средств, которыми мы пользуемся для отправки посланий из одной колонии в другую. В действительности-же они не нужны, поскольку у нас есть другие, более быстрые и более практичные способы связи. Мы используем их как очаровательную прихоть, так же, как иногда используем цвета и орнаменты из соображений красоты. Эти птицы всегда совершают перелеты, это милые, преданные создания. Они, похоже, знают, в чем состоит их занятие, и любят исполнять его.

Здесь бытует сказка, что однажды одна из птиц в своем стремлении превзойти товарищей обогнала других и перенеслась в земную сферу. Там ее заметил ясновидящий, который выстрелил в нее. И так сильно изумлена была птица-скиталец — не выстрелом, но мыслями, исходящими от человека, — что осознала свое пребывание не в правильном своем элементе, и как только она осознала это, снова оказалась здесь. То, что она почувствовала исходящим из человеческого мозга, было решением и желанием убить птицу, и хотя она чувствовала, что это было нечто жуткое, но когда попыталась объяснить другим птицам, своим друзьям, то была в растерянности, потому что здесь не ведают ни о чем подобном, и она могла описать это не в большей степени, чем птица из этой области могла бы описать свою жизнь птице из земной сферы. Так что другие птицы предложили, что поскольку у нее была история, которую она не могла рассказать, то нужно вернуться, найти этого человека и спросить его, каким словом можно объяснить это чувство.

Птица так и сделала, и человек, который оказался фермером, сказал, что лучше всего выразят его мысль слова «пирог с голубями». Птица вернулась, и, поскольку никто не мог перевести это понятие на свой язык или выяснить какой-то его смысл, вынесли решение, что, кто бы ни пожелал посетить Землю в будущем, он должен проявить большую бдительность, пока не будет выяснено, находится ли он в своей сфере или нет.

А мораль всего этого такова: придерживайся своего, назначенного тебе занятия, которое ты понимаешь и в котором будешь понят теми, кто является твоими товарищами по этой работе; и не слишком-то стремись вырваться вперед, пока не будешь уверен в своей земле, или «атмосфере», иначе, думая, будто идешь вперед, можешь обнаружить себя в сфере, которая ниже той, из которой ты пустился в путь, и где высшие существа этой сферы менее развиты, чем низший твоей сферы, и гораздо менее приятны в общении.

Что ж, вот тебе забавная сказка как небольшой антракт, и пусть она покажет тебе, что мы здесь можем смеяться и быть, при случае, глупо мудрыми и мудро глупыми и что мы стали ненамного взрослее в некоторых вещах с тех пор, как покинули вашу Землю и перешли сюда.

Пятница, 3 октября 1913 г.

Когда у тебя появляются сомнения насчет реальности общения с духами, думай о посланиях, которые ты уже получил, и ты увидишь, что во всем, что мы писали, мы преследовали ясную цель. Она в том, что мы можем помочь тебе, а через тебя и другим тоже, понять, как всё естественно здесь, пускай и удивительно в то же время. Порой, когда мы оглядываемся на нашу земную жизнь, мы чувствуем в порыве тоски желание сделать путь тех, кто всё еще там, чуть-чуть яснее и светлее, чем был наш. Мы не понимали, да так и оставались в неизвестности, что же в действительности ожидает нас.

Посмотрим теперь, сможем ли мы внушить тебе написать несколько слов про обстоятельства, в которых мы оказались, когда прибыли сюда, — то есть про обстоятельства тех, кто переходит на эту сторону, когда впервые сюда прибывает. Они не все имеют равную степень духовного развития и поэтому нуждаются в разном обращении. Многие, как ты знаешь, не осознают какое-то время тот факт, что они мертвы, потому что они обнаруживают себя живыми и с телом, и их предварительное смутное представление о состоянии после смерти не может быть с легкостью отброшено.

Первое, что надо делать, это помочь им осознать факт, что они уже больше не в земной жизни, и мы применяем для этого много средств.

Первое средство — это спросить их, помнят ли они каких-нибудь друзей или родственников, и, когда они ответят, что да, но что те умерли, мы стараемся дать им возможность увидеть этот конкретный дух, который, явившись живым, убедил бы сомневающегося, что тот действительно перешел сюда. Это не всегда помогает, ведь предубеждения упрямы, тогда мы пробуем другое средство.

Мы переносим его в какое-нибудь место на Земле, с которым он знаком, и показываем ему тех, кого он покинул, и разницу в его и их состояниях. Если и это не принесет успеха, мы заставляем его припомнить последние впечатления, через которые он прошел, прежде чем скончаться, и постепенно подводим к моменту, когда он уснул, и затем пытаемся связать тот момент с его пробуждением здесь.

Все эти старания часто кончаются ничем — гораздо чаще, чем ты мог бы себе представить — ведь характер строится год за годом, и представления, которые помогают этому строительству, очень прочно запечатлеваются в характере. Также нам приходится быть очень осторожными, чтобы не перенапрячь его, иначе это отсрочит его просветление. Но те, кто более просветлен, понимают сразу же, что перешли в страну духов, и тогда наша работа проста.

Однажды нас послали в большой город, где мы должны были встретиться с другими помощниками в больнице, чтобы принять дух женщины, переходившей на другую сторону. Те другие следили за ней во время ее болезни и должны были передать ее нам, чтобы перевести сюда. Мы увидели много друзей вокруг постели в больничной палате, и у всех были вытянутые унылые лица, как будто какое-то жуткое несчастье должно было случиться с их больным другом. Это выглядело так странно, ведь это была хорошая женщина и вот-вот должна была быть препровождена в свет из жизни тяжкого труда и скорбей и огромных телесных мук.

Она уснула, и нить жизни была перерезана нашими друзьями-наблюдателями, и потом, мягко, они разбудили ее, и она взглянула и улыбнулась очень ласково при виде доброго лица того, кто склонился над ней. Она лежала совершенно счастливая и довольная, прежде чем начала удивляться, почему эти незнакомые лица были вокруг нее вместо больничных сестер и друзей, которых она последний раз видела. Она стала допытываться, где находится, и, когда ей сказали, выражение изумления и острой тоски появилось на ее лице, и она попросила разрешения повидать друзей, которых покинула.

Это было ей даровано, и она посмотрела на них сквозь Завесу и печально покачала головой: «Если бы они только знали, — сказала она, — как свободна я сейчас от боли и как довольна. Не могли бы вы сказать им?» Мы попытались сделать это, но лишь один из них услышал, по-моему, и тот лишь несовершенно и скоро отбросил эту мысль как фантазию.

Мы забрали ее из этого места, как только она немного обрела силы, в детскую школу, где был ее маленький сын, и, когда она его увидела, ее радость была слишком велика, чтоб высказать словами. Он скончался несколькими годами раньше и был отправлен в эту школу, где жил и по сей день. Тогда ребенок стал наставником своей матери, и приятно было видеть эту картину. Он провел ее по школе и парку и показал ей различные местности и своих школьных товарищей, и очень скоро его лицо уже светилось радостью, как и лицо его матери.

Мы покинули ее ненадолго, а потом, когда вернулись, увидели их двоих, сидящих в зеленой беседке, и она рассказывала ему о тех, кого оставила, а он рассказывал ей о тех, кто перешел раньше и кого он встречал, и о своей жизни в школе, и мы едва-едва сумели разлучить ее с ним, с обещанием, что она вернется и часто будет бывать у своего мальчика.

Это один из лучших случаев, и таких много, но с остальными всё наоборот.

Пока мы ждали мать, беседовавшую с сыном, мы прошли по саду и осмотрели различные приспособления для обучения детей. Одно в особенности привлекло мое внимание. Это был большой стеклянный шар, футов шести или семи в диаметре. Он стоял на пересечении двух тропинок и отражал их. Но если посмотреть внутрь шара, можно было увидеть не только цветы, деревья и растения, которые росли здесь, но и те, от которых они могли произойти. Это было очень похоже на урок эволюционной ботанике, как его можно было бы дать на Земле, отталкиваясь от окаменелостей ископаемых растений. Но здесь мы видели те же растения живыми и растущими и все их виды от прародителя до нынешнего представителя того же семейства.

Мы узнали, что перед детьми ставилась задача рассмотреть последовательность вплоть до данного конкретного растения, дерева или цветка, растущего в этом саду и отражающегося в шаре, и потом попытаться воссоздать в уме дальнейшее и будущее развитие того же вида. Это великолепная тренировка для умственных способностей, но результаты обычно забавные. Это те же занятия, над которыми и взрослые студенты трудятся здесь на других отделениях. Кто-то из них решил, что это было бы полезное средство, чтобы помочь детям применять свой ум, вот и соорудил для них шар. Когда они обдумают свой вывод, они должны сделать образец растения, каким оно появится после следующего периода эволюции. Ужасны и удивительны иные из этих образцов и столь же невероятны, сколь и странны.

Среда, 8 октября 1913 г.

По определенным обстоятельствам мы решили попытаться сегодня дать тебе некоторые предписания, которые будут помощью и руководством, в пояснение того, что лежит под поверхностью вещей, и которые обычно не принимаются в расчет обычным умом.

Одно из них — это вид, который мысль принимает, переносясь из твоей сферы в нашу. Те мысли, которые хороши, появляются со свечением, которое отсутствует у мыслей менее святых. Это свечение истекает от фигуры думающего, и, на основании многообразных цветных лучей, мы способны получить какие-то сведения относительно духовного состояния человека. Именно благодаря этому мы можем избрать для него руководителей, которые наилучшим образом смогут помочь ему в усилении того, что хорошо в нем, и в очищении от того, что нехорошо или нежелательно. Посредством своего рода призматической системы мы разделяем его характер и выносим заключения, которые основываются на результате.

В этой жизни в подобном методе нет надобности, ведь он относится к духовному телу, а здесь, конечно, это тело открыто для всех, являясь совершенным показателем духа, и проявляет его качества. Но я могу сказать, что цвета, о которых я говорила, здесь в определенной степени сообщаются нашим одеждам, а те, кто находится выше нас, занимаются разделением нас по разным сферам и уровням. Но мысли, которые есть следствие духовного действия,

видны по воздействию, которое они в свою очередь оказывают на окружение думающего, и не только видятся, но и чувствуются нами более точным и сильным образом, чем это бывает у тебя.

Следуя по пути этих рассуждений, ты легко обнаружишь, что, если мы думаем о чем-то очень сильно, наша воля способна создать внешнее проявление, которое действительно предметно для тех, кто видит ее. Так создаются многие красивые эффекты.

Можно ли привести конкретный пример, в качестве пояснения?

Да: он поможет тебе понять, что мы имеем в виду.

Я с группой моих подруг, которые были обучены этому искусству, собрались для того, чтобы проверить, как далеко мы сумели продвинуться, и решились провести такой опыт. Мы выбрали поляну в глубине красивого леса и, на пробу, решили все пожелать одного и того же и посмотреть, что получится. Мы хотели создать явление в открытом пространстве, которое было бы таким плотным и постоянным, чтобы мы могли обследовать его впоследствии. И это должна была быть статуя животного, чем-то похожего на слона, но несколько отличного от него; животное, которое есть у нас тут, но которое перестало жить на вашей Земле.

Мы уселись кругом и сосредоточили свою волю на предмете, который надо было создать. Очень скоро он появился и встал перед нами. Мы были удивлены быстротой результата. Но, на наш взгляд, в возникшем животном было два недостатка. Оно было гораздо больше, чем надо — ведь каждый из нас не сумел соразмерить сочетание воли в нужном соотношении. И второе — животное было гораздо больше похоже на настоящее животное, чем на статую, потому что многие думали о живом существе, а также о его окрасе, поэтому результат стал смещение камня и плоти. Многие части были несоразмерны — голова слишком велика, туловище слишком мало и так далее, что показало, что больше умственной силы было сосредоточено на одних частях и меньше — на других. Вот так мы узнали свои несовершенства. Мы пробуем, а потом обследуем результат и пытаемся вновь. Так мы и сделали сейчас.

Пока мы обсуждали результат, статуя постепенно исчезла. И мы стали свободны и готовы к нашей новой попытке. Мы решили не выбирать ту же модель, а на сей раз выбрали образ дерева с плодами — нечто вроде апельсинового.

Мы добились большего успеха в этот раз. Самые главные ошибки были в том, что некоторые из плодов были спелые, а некоторые — неспелые. И листья не были правильными по цвету, а ветки — не соразмерны. И так мы делали опыт за опытом и каждый раз добивались немного лучшего результата. Можешь себе представить нашу радость, смех, шутки, которыми сопровождалась наши ошибки. Тем из вас, кто думает, что в этой жизни мы никогда не шутим и никогда даже не смеемся, придется однажды пересмотреть эти представления, или они сочтут наше общество странным, или, возможно, мы сочтем их такими. Но они скоро узнают, какова любовь в этой стране, где мы можем быть совершенно естественными и непринужденными, и, конечно, мы должны быть такими, если хотим быть принятыми в „порядочное общество“, как бы ты это назвал. Боюсь, всё сказанное слишком распространено на Земле, не так ли? Ну да ладно, живите и учитесь, а те, кто живет в нашей жизни, учатся очень быстро. И чем больше мы узнаем, тем больше мы восхищаемся силами, которыми можем распоряжаться.

Надеюсь, ты будешь приходить и дальше.

О да, потому что это тренировка и для тебя, и для нас тоже, ведь воздействуя на тебя таким образом, мы учимся пользоваться нашей волей и силами в том духе, как я тебе описывала. Разве ты мысленно не видишь образ вещей, о которых мы рассказываем?

Да, иногда очень отчетливо; но я не думал об этом.

Ну хорошо, мой мальчик, теперь ты видишь, не так ли, что мы писали всё вышесказанное с определенной целью. Всё время ты думал, что она слишком неубедительна (и, может быть, так и было — мы не утверждаем обратного), и ты удивлялся, к чему это всё ведет, и, в уме, ты был самую что ни на есть малость возмущен. Теперь уже нет — правда, дорогой? Что ж, мы всё время улыбались; а теперь ты понимаешь — цель, которую мы преследовали,

была объяснить тебе, как эти сцены возникают перед тобой, такие отчетливые и такие реальные, когда ты описываешь их.

ГЛАВА III: От тьмы к свету.

Пятница, 10 октября 1913 г.

Если мы внушили тебе написать о том, что для нас есть самые обыденные обстоятельства, ты, возможно, смог бы сравнить их с твоей повседневной жизнью и увидел бы, что **и ты и мы — все мы школьники, и что это очень большая школа, со множеством курсов обучения и множеством наставников, но с единым планом обучения, и этот план есть единство развития от простого к сложному.** Сложность эта не означает запутанности, ведь по мере того, как мы узнаем о мудрости Божественного Творца всего, мы видим, как прекрасно устроена область, в которой Он напрягает Свою исполненную Любви Волю ради того, чтобы мы могли, уже в самой нашей радости познания, воздавать почтение Сиянию Того, Кто держит всё и вся на Своей оберегающей Ладони.

И поэтому, дорогое дитя, мы еще раз обратимся к нашей теме и расскажем тебе о наших занятиях здесь, в этих сверкающих областях, и о том, как любовь Отца окружает нас со всех сторон, как лучистое облако, в котором всё представляется нам более ясно, когда мы совершенствуемся в человечности и любви.

Одно из тех положений, что важны здесь — соблюдать должную пропорцию между мудростью и любовью, которые есть две великие стороны одного великого принципа. Ведь любовь по отношению к мудрости то же, что дерево по отношению к листьям, и если любовь побуждает и мудрость дышит, то плод здоров и неиспорчен. В качестве пояснения мы дадим тебе конкретный пример того, как нас учат учитывать должным образом любовь и мудрость в отношении самих себя и других, кому мы допущены содействовать.

Нам было дано задание, по которому некоторые из нас, всего пятеро, должны были отправиться в поселение в весьма отдаленной части этой страны и спросить там, какими средствами можно было бы наилучшим образом помочь на Земле тем, кто пребывает в сомнении относительно Божьей Любви. Ведь мы часто бывали в затруднении из-за отсутствия опыта в отношении таких случаев, а подобные случаи, как ты знаешь, многочисленны.

Директором колледжа состоял человек отнюдь не малых дарований, который в земной жизни был государственным деятелем. Однако его известность была невелика, и только после того, как он перешел сюда, он понял, что Земля — не единственное поле, на котором земные умения могут быть применены и осуществлены в Царстве Бога.

Мы изложили ему предмет нашей миссии, и он был очень обходителен и добр, в соответствии со своей высокой должностью. Я полагаю, ты назвал бы его Ангелом высокого ранга, и действительно, если бы он мог явиться на Землю и стать видимым, его сияние внушало бы там благоговейный трепет. Он очень красив, как всем обликом, так и выражением лица; лучезарный, сияющий, сверкающий — так, пожалуй, лучше всего описать его. Он слушал и ободрял нас то и дело мягким словом, побуждая излагать наши затруднения, и мы забыли, что он был такого высокого положения, и говорили без страха и стеснения. И потом он сказал: «Что ж, мои дорогие ученицы — потому что вы заслуживаете в скором времени стать ими — то, что вы рассказали мне, очень любопытно и также очень свойственно работе, которой вы сейчас заняты. Если бы я разрешил все ваши трудности, вы вернулись бы к вашей работе со светлыми сердцами, но, вероятно, обнаружили бы множество упущений в работе — очень многому можно научиться только по опыту; и опыт — это единственное, что может показать вам, какими важными вещами являются любые мелочи. Следуйте поэтому за мной, и я научу вас тому, что необходимо изучать наилучшим образом».

И он повел нас в сад, окружавший его дом, и там мы увидели садовников, ухаживающих за цветами и плодовыми деревьями и выполнявших общую работу по саду. Он провел нас немного по дорожкам, вившимся там и тут, через плантации деревьев и кустарников, где пели птицы и резвились маленькие очаровательные пушистые зверьки. Наконец мы пришли к

ручью. Над ним стояла каменная беседка, которая напомнила мне египетский храм в миниатюре, и он пригласил нас войти. Мы сели на скамью под переплетением цветущих растений разных оттенков, а он сел на другую скамью, поставленную под прямым углом к нашей.

На полу была схема с награвированными линиями, он указал на нее и сказал: „Вот схема моего дома и того сада, которым я вел вас. Тут отмечено место, где мы сидим. Мы прошли, как вы заметили, порядочное расстояние от ворот, у которых я вас встретил, и вы все так много разговаривали о красотах, увиденных вами по пути, что ни одна из вас не уделила внимания направлению, в котором вы шли. Для вас поэтому будет хорошим и приятным упражнением найти обратную дорогу ко мне. А когда вы придете, я смогу, возможно, оказать вам некоторую помощь в порядке рекомендации относительно затруднений, которые вы мне изложили”.

С тем он нас покинул, а мы все переглянулись и затем рассмеялись сами над собой за то, что были настолько глупы, что не догадались, зачем он вел нас в это место таким окольным путем. Мы стали изучать схему снова и снова, но все ее линии, треугольники, квадраты и круги окончательно запутали нас.

Постепенно, однако, мы начали понимать. Это была карта земельного участка, и беседка была в центре, но вход не был указан, и, поскольку четыре дороги вели к ней, мы не знали, какую выбрать, чтобы вернуться обратно. Мы, однако, рассудили, что это не слишком важно (поскольку все они, похоже, вели к внешнему кругу), ведь было такое множество тропинок, пересекавших друг друга по нескольку раз. Я не могу рассказывать тебе обо всех наших попытках решить задачу, потому что это отняло бы слишком много времени.

Наконец у меня возникла мысль, которую я обдумала, и потом, решив, что она может, пожалуй, помочь, изложила остальным. Мне сказали, это было как раз то самое, что нужно, и, очень возможно, это окажется ключом к загадке. Я не придумала ничего лучшего, чем просто идти любой тропой по прямой линии от беседки в каком угодно направлении. Потом, достигнув границы, которая, как мы видели по схеме, была правильной окружностью, мы могли бы пойти вдоль нее и раньше или позже с неизбежностью достигли бы ворот.

Мы пустились в путь, и было это долгое и приятное путешествие, и не без приключений, ведь место было обширное, с холмами и долинами, лесами и потоками. И всё такое красивое, что нам приходилось очень твердо держаться своей цели, иначе мы сбивались с правильного пути.

Мы добрались до самой внешней границы, однако, думаю, не самым лучшим и прямым путем. Мы видели, по форме ее ограждения, что граница была кольцевая. Мы повернули налево, и затем пошли, изгиб круглого владения показался нам бесконечным. Все-таки мы следовали ему и в конце концов пришли к воротам, где в первый раз встретили нашего наставника.

Он ободряюще приветствовал нас, мы поднялись на террасу перед домом и рассказали ему обо всех наших приключениях. Он слушал, как и раньше, с улыбкой, а потом сказал: «Что ж, вы не так плохо справились, ведь вы достигли своей цели и вернулись к воротам. А теперь позвольте разъяснить вам урок, который вы получили. Первое, что надо сделать, это убедиться в правильности направления, в котором вы хотите идти; а второе — выбрать путь не тот, что кажется кратчайшим, но тот, что вернее всего, как вам кажется, приведет вас куда нужно. Этот путь не всегда будет самым быстрым и может привести вас в пограничную область, где бесконечность незаметно растворяет в себе знакомую вам территорию. Все же по ту сторону границы вы можете лучше видеть как протяженность, так и ограниченность владения. И это лишь вопрос стойкости и терпения — и цель совершенно точно будет достигнута.

Также вы заметили, что, когда вы следовали этой дугой по внешней стороне, вы могли видеть только лишь ее маленькую часть в каждый момент времени. Всё же, зная по ее форме, что она приведет к месту, которое вы искали, вы были согласны следовать дальше с верой, основанной на разумных заключениях, и, действительно, вот вы здесь и доказываете своим присутствием, что ваше рассуждение было, по крайней мере в целом, здраво.

Ну, я мог бы дольше обсуждать этот предмет, но я препоручу вас теперь некоторым из моих друзей, которые находятся здесь со мной и помогают в работе, и они покажут вам более подробно наш дом и его окрестности, и, если хотите, будут рады сопровождать вас дальше в поля, потому что там есть много интересного».

Суббота, 11 октября 1913 г.

Мы имели возможность дать тебе лишь краткий отчет прошлым вечером о нашем визите в дом нашего наставника. Это край, где много таких же учреждений, и они главным образом посвящены изучению лучших способов, как помочь тем на Земле, кто пребывает в сомнениях и затруднениях относительно проблем загробной жизни. Ты сумеешь при помощи размышлений развить наши наставления, если увидишь наш опыт в свете притчи.

Мы шли по равнине на Небесах, где осуществляются иногда Явления с высших Небес. Вдаль летит призыв, и собираются огромные множества людей, и тогда явлено бывает нечто великолепное. Потом поднялись в гору и немного спустя оказались на плоскогорье, где стояло несколько зданий, разбросанных там и сям, совершенно разных по размеру. В центре было большое сооружение, и мы вошли туда и оказались в просторном зале, единственном там помещении. Зал был круглой формы, и на стенах были искусные резные изображения небесных тел, и одно из них — Земля. Но они не были неподвижны, а вращались на осях, наполовину внутри, а наполовину выступая из стены. Там были также точные копии животных, деревьев и людей, но все они были подвижны и, по большей части, стояли на подставках в нишах или альковках. Мы спросили о смысле такой выставки, и нам было сказано, что это исключительно научное заведение и будет дана небольшая демонстрация, чтобы мы могли составить некоторое представление о смысле всего здесь показанного.

Голубая мгла начала заполнять центральное пространство. Затем луч света обежал вокруг зала и остановился на шаре, который представлял Землю. Как только он заплясал на нем, сфера словно бы начала впитывать луч и засветилась, а по прошествии времени — луча уже не было — мы увидели, что земной шар светится как будто изнутри. Тогда другой луч был направлен на него, более насыщенный и иного рода, и шар медленно покинул подставку и стал отплывать от стены.

Достигнув середины пространства, он вошел в голубую мглу и тотчас же начал расти, пока не превратился в огромную сферу, сияющую собственным светом и плавающую в синем пространстве. Это было исключительно красиво. Медленно, очень медленно вращалась эта сфера вокруг оси, несомненно так же, как вращается Земля, и мы могли видеть океаны и континенты. Это были плоские рисунки, как на земных глобусах. Но по мере того, как она вращалась, они стали приобретать разный облик.

Горы и холмы выступали, по водам — пошли волны и рябь. Со временем мы увидели мельчайшие модели городов, и даже конфигурации зданий. И всё более и более детальной становилась модель Земли, пока мы не смогли увидеть и самих людей, сперва толпы, и, наконец, и фигурки людей. Тебе будет трудно понять, что на сфере восьмидесяти-ста футов в диаметре мы были способны видеть отдельных людей и животных. Но это часть науки этого заведения — делать возможным то, чтоб детали были видны каждая по отдельности.

Мы видели необъятные просторы прерий, пустынь, лесов и животных, бродивших по ним. А когда глобус медленно поворачивался по кругу, видны были океаны и моря, иные безмятежные, а другие бушующие и ревущие, и то здесь, то там — корабль. И вся жизнь Земли проходила у нас перед глазами. Мы долго смотрели на это, и наш провожатый сказал нам, что сфера, на которую мы смотрели, была Землей, какой она является в этот самый момент. Если нам угодно, он может показать нам обратное развитие эпох от настоящего момента до появления человека как разумного существа. Мы ответили, что будем, разумеется, рады узнать больше об этом удивительном и красивом феномене, и он покинул нас, чтобы пойти, как я полагаю, к устройству, посредством которого всё это управлялось.

Вскоре картины на вращающейся сфере начали меняться, и мы были перенесены назад за тысячи лет жизни Земли и поколений людей, животных и растительности, когда люди только еще выбирались из лесов, чтобы основать поселения на равнинах.

Сейчас я должна объяснить тебе, что здесь не придерживались истории так, как историки придерживаются ее на Земле. То был феномен не нации и веков, но эр и видов. Геологические периоды проходили перед нами, и было исключительно интересно видеть то, что люди зовут каменным веком, железным веком, ледниковым периодом, потопами и так далее. И те из нас, кто понимает достаточно, чтобы следить за этим, заметили, что все эти века названы были совершенно произвольно. Ведь ледниковый период, к примеру, может правильно обозначить положение дел в одном или двух районах Земли, но повсюду-то льда не было, именно это мы видели, пока поворачивалась сфера. Также мы заметили, что и земные континенты возникли не сразу, а в разное время.

Когда мы насмотрелись и осознали, что знаем так мало о древней Земле, сфера постепенно уменьшилась и отплыла обратно к нише в стене, и тогда свет, поблекнув, угас в ней, и она стала похожа на сделанный из алебаstra шар, помещенный здесь как украшение.

Мы были так заинтересованы тем, что увидели, что засыпали вопросами своего доброго провожатого, и он многое рассказал нам об этом зале. Земную сферу, которой только что пользовались, можно было заставить служить и другим целям, чем та, что мы видели. Но выбрана была именно эта, потому что ее живописность более походила для нас, не имевших научной подготовки. Среди других ее назначений было иллюстрировать отношения небесных тел друг с другом и их эволюции до нынешнего их состояния.

Животные, обозначенные вдоль стен, использовались с подобной же целью. Они должны были оживляться этими могущественными лучами и переноситься в середину зала. Подвергнутые такому действию, они могли ходить сами, как живые существа, которыми они и становились по временам, в определенном ограниченном смысле. Когда животное достигало помоста в середине пространства, его подвергали действию увеличивающих лучей — так я могу их назвать, не зная их научного названия, — а затем других, которые делали его прозрачным, и весь внутренний организм животного становился ясно виден студентам, которые собирались там. Те, кто был из этого поселения, говорили, что это очень красивое зрелище — видеть всю организацию устройства животного или человека, таким образом отображенную.

Затем было возможно вызвать в живой модели изменение, так что она начинала „развиваться“ назад — к своему более простому и примитивному состоянию, и так далее. Вся история устройства животного показывалась в этом жизнеподобном процессе. И часто, как только бывал достигнут начальный период его существования как отдельного существа, процесс повторялся в обратном порядке, на сей раз в правильной последовательности и направлении, пока он не становился вновь таким, как сейчас. Любой студент мог внести какое-то изменение и продолжить развитие животного в соответствии с собственной мыслью, и это не с одними только животными, а и с небесными телами, так же и с нациями и с народами. Этим занимаются, однако, в другом зале, особо приспособленном для этой науки.

Именно студент одного из этих учреждений воздвиг сферу в саду у детей. Но это, конечно, куда более простая штука, или так мне показалось после посещения этой колонии красот и чудес.

Этим придется ограничиться на сей раз, хотя видели мы гораздо больше, пока были там. Но мне не следует снова пускаться в рассказ, или я продержу тебя слишком долго.

У тебя есть вопрос. Да, я присутствовала в понедельник на твоём Приходском кружке.¹ Я знала, что она меня видит, но не могла заставить ее услышать меня.

¹ Упоминание о Приходском кружке требует небольшого пояснения. Это произошло в предыдущий понедельник. Я сидел в алтарной части церкви, а участники — лицом друг другу на сиденьях хора. Мисс Э. сидела справа от меня возле Алтаря. Потом она сказала мне, что, когда я подводил итог дискуссии, она увидела за моей спиной мою мать, шагнувшую от Алтаря с простертыми руками и лицом, выразившим сильнейшую тоску и любовь. Она была чрезвычайно яркой и красивой, и ее тело выглядело таким же материальным, как и тело любого из нас. Мисс Э. подумала, что она собирается заключить меня в объятия; и всё это было так живо, что на мгновение она забыла, что фигура не была из плоти и крови и поэтому не могла быть увидена другими. Ей пришлось отвернуться, чтобы сдержать восклицание. Именно об этом я и хотел задать вопрос. — Г. В. О.

Понедельник, 13 октября 1913 г.

Еще один опыт получили мы в этой колонии, о котором хотелось бы тебе рассказать. Это был опыт новый для меня и очень интересный. Нам показывали группу различных учреждений, которые находились под одним пологом, что-то вроде павильона под открытым небом. Он был составлен главным образом из громадного шарообразного купола, опиравшегося на высокие колонны, а внутреннее пространство имело свободные выходы наружу. А центре помоста, на который мы поднялись однопролетной лестницей, обходившей всё здание кругом, был своего рода квадратный алтарь футов около четырех высотой и трех в основании. На нем лежала бронзовая пластина, похожая на солнечные часы, размеченная линиями, символами и разными геометрическими фигурами.

В центре купола было отверстие, ведущее, как нам было сказано, в часовню, откуда управлялись механизмы, применяемые здесь.

Нас поставили вокруг циферблата (так я буду это называть), и наш провожатый оставил нас и, выйдя наружу, поднялся на крышу купола и там вошел в часовню над нами. Мы не знали, что должно было произойти, и потому стояли, вглядываясь в диск.

Немного спустя вся местность приняла иной характер, воздух как будто бы начал менять цвет и яркость. А когда мы огляделись, увидели, что ландшафт исчез, а между колоннами протянулось нечто, что казалось тонкой, как паутина, тканью, развешанной в виде занавесей. Они были различных оттенков, и, пока мы смотрели, всё стало разделяться на собственные цвета и приобретать более определенные формы. Это продолжалось до тех пор, пока мы не обнаружили, что стоим на поляне, окруженной кольцом деревьев, тихо колышущихся на ветерке.

Запели птицы, и мы видели их яркие хохолки, когда они перелетали с дерева на дерево. Постепенно углублялась даль между деревьями, и мы могли заглянуть в далекий прекрасный лес. Купол также куда-то делся, и небо повисло над нами, как балдахин.

Вновь обернулись мы к алтарю и диску. Они были по-прежнему на месте, но фигуры и знаки на них сияли теперь светом, который, казалось, шел изнутри алтаря.

Теперь мы слышали сверху голос нашего провожатого, предложивший нам попытаться прочесть изображение на пластине. Мы мало что могли сделать поначалу, но, наконец одна из женщин, что была умнее других, сказала, что знаки были в действительности символами различных элементов, которые шли на восполнение растительных и животных тел в духовных сферах. Трудно объяснить, каким образом связь между тем и другим стала заметна нам. Но едва на это было указано, стало совершенно ясно, что так оно и есть.

Теперь наш провожатый присоединился к нам снова и объяснил применение самого здания. Оказалось, что прежде чем студенты будут способны значительно продвинуться в творческой науке, как ее изучают в этом краю, они должны получить доскональное знание основополагающих элементов, с которыми им придется иметь дело. Это, конечно же, совершенно естественно. Это здание — одно из первых, куда они приходят учиться, и плита, или циферблат, это своего рода счетчик этих элементов, на котором студент, находящийся в верхней часовне, может видеть сочетания элементов, которые он вызвал, и также содержание каждого элемента, входящего в сочетание.

По мере продвижения вперед учащиеся способны достигать желаемого результата, без каких-либо научных приспособлений, которые поначалу им необходимы. Инструменты удаляются один за другим, пока, наконец, в них совсем отпадет надобность.

Мы спросили провожатого, для какой практической надобности применялось знание, когда бывало получено. Он ответил, что первым назначением была тренировка ума и воли студента. Это превосходная тренировка и очень напряженная. Когда студент становился искусным, он переходил в другой колледж в этом краю, где изучалась другая ветвь науки, и затем должен был пройти еще много уровней тренировки. Действительное применение его знания выпадало на его долю не раньше, чем он проходил через многие сферы развития. На высших из них ему позволяли сопровождать одного из великих Правителей, или Архангелов, или Сил (я не знаю точного и правильного титула), в одной из его миссий служения в Бесконеч-

ном Творении Единого Отца и там видеть весь величественный процесс в действии. Предполагалось, что это может быть сотворение нового космоса или системы, как материальной, так и духовной. Но это настолько высоко от того состояния, в котором мы находимся в настоящее время, что у нас есть лишь общее представление об обязанностях тех Высших Существ, и понадобилось бы несколько эпох развития, чтобы наши пути достигли именно той особой системы Небес. Но что до нас, пятерых женщин, посетивших место, которое я описывала, то наш путь вперед приведет нас в более высокие места.

Мы любим узнавать всё о различных сферах служения, даже если бы мы никогда не были избраны служению им. Не могут все быть творцами космоса, я полагаю, и есть многое другое, что бесспорно необходимо, значительно и великолепно в тех отдаленных от нас пределах, ближайших к Трону и Обители Того, Кто есть всё во всём и для всего.

Возвращаясь через пространные луга, мы встретили такую группу студентов, которая была из другого колледжа и изучала иную ветвь науки. Среди них было несколько женщин. Я поинтересовалась, шло ли женское обучение точно так же, как и у их братьев, и они ответили утвердительно, однако добавили, что если студенты-мужчины отвечают за созидательную сторону, то они, женщины, предназначены дополнять и довершать работу своим духом материнства, и что два аспекта, соединяясь, увеличивают красоту окончательной работы.

К этому времени мы вернулись в первую колонию, где встретили нашего наставника из круглого владения.

Почему ты не назвала мне его имя?

Его имя Арноль, но эти имена звучат так странно для земного уха, и люди всегда пытаются отыскать их значение, так что мы почти никогда не решаемся называть их. Значения, по большей части, непостижимы для вас, поэтому в будущем мы будем просто называть имя, как ты того хочешь, и не расшифровывать его.

Но почему тебе так трудно называть имена? Мне не раз приходилось слышать об этой трудности.

Есть трудность также в том, чтобы объяснить трудность, хотя с твоей точки зрения это такая простая задача. Позволь нам определить это так. Ты знаешь, что для древних египтян имя бога или богини было чем-то гораздо большим, чем имя в понимании негибаво материалистических англосаксов, от которых и пошел вечный вопрос: «Как это называется?» Что ж, с нашей точки зрения, а также для древней мудрости Египта, опиравшейся на сведения, полученные из-за этой стороны Завесы, очень многое заключено в имени. **Даже в простом повторении некоторых имен присутствует настоящая сила, а порой и опасность.**

Вот что мы знаем теперь, но не знали, когда были на Земле. Здесь мы обрели благоговение к сущности «Имени», что для тебя может показаться странным. Частично по этой причине имена не передаются тебе в таком изобилии, как многие могли бы пожелать.

К тому же само произнесение и передача некоторых имен оказывается задачей более трудной, чем ты можешь себе предположить. Это, однако, предмет, который трудно тебе объяснить, и такой, что ты сможешь понять его только тогда, когда станешь знаком с четвертым измерением, что появляется здесь у нас — такой термин мы используем за неимением лучшего. Мы лишь укажем тебе на два-три примера и оставим этот вопрос.

Первый. Когда Моисею было дано Имя «Я есмь Сущий (Иегова)» тем, Кто посетил его, Моисей спросил об Имени, но ни он сам, ни кто-либо другой до сего дня не смог сказать, что оно значит.

Второй. У Ангела, что пришел к Иакову, Иаков спросил имя, и ему было в этом отказано. Ангелы, которые приходили к Аврааму в Ветхом Завете, очень редко называли свои имена. Так же и в Новом Завете, большинство Ангелов, приходивших руководить жителями Земли, только Ангелами и назывались. Когда имя дается, как в случае с Габриэлем, оно редко понимается по-своему внутреннему значению.

Однажды ты увидишь, какой триумф уготован тем, чьи имена написаны в Книге Жизни Агнца, — фраза, о которой также следует поразмыслить, ведь в ней присутствует чудесная и

живая истина, которую те, кто произносят это Имя с такой легкостью, бесспорно, воспримут мало или не воспримут вовсе.

Среда, 15 октября 1913 г.

Как бы ты начал объяснять кому-то, кто имеет слабое представление о духовном мире, истину о жизни за могилой, и реальность этой жизни, и всю ее любовь и красоту? Сначала ты, должно быть, постарался бы донести до собеседника факт его нынешнего существования как действительно бессмертного существа. А затем, когда он в самом деле усвоит определенность этого, он станет, возможно, более открыт для понимания той жизни, которой он, как будет им обнаружено, обладает и с которой соприкоснется, когда откинёт в сторону Завесу и выйдет на более яркий свет Потустороннего.

Мы чувствуем, что, если бы люди могли понять, что жизнь, которую они проживают, есть жизнь, а не просто эфемерное существование, они считали бы заслуживающими внимания слова тех, кто убедился в непрерывности жизни и души и благословенности жребия, уготованного тем, кто на Земле способен бороться и побеждать.

Люди должны бы так проживать свои жизни на Земле, чтобы, когда они перешагнут порог в более обширную, свободную сферу, они могли бы подхватить и продолжить свое служение в Царстве без затянувшегося пробела в своем развитии. Мы видели результаты карьеры столь многих — как это видится в этой стране — что не можем переоценить важность подготовки и самоотренировки, когда появляется возможность. Ведь многие пренебрегают серьезным отношением к этому, думая начать заново здесь, и когда они переходят сюда, то обнаруживают, что очень мало представляют себе, что это „начать заново” в действительности предполагает.

Итак, продолжим. Мы уже говорили тебе про Мост и Бездну...

Да. Но как же твой дальнейший опыт во владениях Арноля и твое возвращение в свою родную сферу? Разве тебе больше нечего рассказать мне об этом эпизоде?

Ничего больше, кроме того, что мы научились многому, обрели новых друзей, видели куда как больше того, что мы здесь записали, и скоро посетим это место еще раз. Теперь позволь нам перейти к тому, что мы хотели сказать и что окажется, возможно, столь же полезным, как если бы мы продолжили описание колонии.

Бездна и Мост — обрати свой ум к тому, что мы говорили тебе о них. Мы хотим рассказать эпизод, которому были свидетелями в том месте, где Мост — как я по-прежнему буду называть его — выходит к нагорьям жизни и света.

Нас отправили туда встретить женщину, которая как раз должна была прибыть, пробившись через те ужасные, темные области, что лежат ниже Моста. Она шла не по великой дороге, но через кошмары тьмы и мрака нижних областей. Нас вел сильный Ангел из сферы, что над нами, который был специально избран для этого задания. То была одна из Сестер-Ангелов, которые обустроивают наши дома там, где принимают спасенных.

Когда мы прибыли туда, мы увидели, как свет мерцает на некотором отдалении на каменистой дороге, ведущей в долину, и узнали, что некий Ангел находится там в дозоре и сейчас движется прочь от нас. Немного погодя мы увидели вспышку над долиной, и ей немедленно ответил поток света от одной из опор Моста. Он служил неким прожектором. Свет пробился вниз во тьму и оставался неизменным. Тогда Беа — наша Сестра-Ангел — велела нам подождать там, где мы стояли, и быстро пошла по воздуху на вершину башни.

Затем мы потеряли ее в потоке света, но одна из моих спутниц сказала, что сама, кажется, видит ее, спешащую по лучу света, что наклонен вниз, к глубине.

Мне бы хотелось задержаться здесь, чтобы объяснить, что свет был не столько для того, чтобы помочь духам видеть (что они могут делать своей собственной властью), но чтобы дать им силу для работы и защиты от пагубных воздействий, которые царствуют в нижней области. Именно по этой причине первый Ангел отправил свой сигнал, и он был понят постоянными стражами Моста и получил ответ тем способом, что я рассказывала. Луч света, каким-то еще не понятным мне пока образом, насыщен энергией жизни и силой — это лучшее

описание, которое я в состоянии дать, — и он был послан, чтобы помочь тому, чьи силы в эту тяжкую минуту нуждались в подкреплении.

Вскоре мы увидели двоих, возвращающихся к нам. Это был сильный Ангел, но он казался очень утомленным, и мы узнали позднее, что ему пришлось выдержать схватку с группой очень злобных духов, которые изо всех сил старались вернуть женщину назад в свою среду. Вот почему ему нужна была помощь. Он шел по одну сторону, а Беа — по другую сторону израненной, замученной души, что была едва ли не в обмороке. Сейчас они, ради нее, шли очень медленно, двигаясь в луче света по направлению к башне на Мосту. Они достигли его, и спасенную приняли в один из домов и заботились о ней, и там оставалась она до тех пор, пока не поправилась достаточно для того, чтобы перейти на наше попечение.

Есть в этом повествовании несколько ситуаций, которые содержат новое для нас знание, и таких, которые подтвердили то, что раньше было лишь догадками. Некоторые из них я называю.

Ошибочно думать, будто Ангелы, даже такого уровня, как те двое, что пошли и освободили эту несчастную женщину, неспособны страдать. Нет, они страдают, и часто. И у злобных существ есть возможность причинять им боль, когда Ангелы рискуют сойти в их области. Теоретически я не вижу причин, почему бы злым существам не одерживать то и дело такие победы, чтобы можно было подчинить их своей власти. Но силы света так совершенны, так хорошо организованы и так бдительны, что я никогда не слышала, чтобы подобная катастрофа когда-либо происходила. Но их битва — настоящая битва, и она утомительна. Это второй момент. Даже эти высокие Ангелы могут утомиться. Но ни собственные страдания, ни усталость не заботят их. Может быть, это звучит как парадокс, но это радость для них — страдать, когда какая-либо несчастная борющаяся душа нуждается в их помощи.

Еще. Световой луч — или, может быть, мне следовало сказать «луч силы и жизни» — был таким сильным, что не защищай Ангелы женщину, окружая ее определенным нейтрализующим воздействием, луч повредил бы ей — это было бы слишком огромным потрясением для того, кто так неподготовлен, как она.

Еще один момент. Луч был виден далеко в области тьмы, и мы слышали приглушенный ропот, исходящий, казалось, за сотни миль от нас, от низин по ту сторону долины. Это было странное ощущение, потому что звук состоял из многих голосов, и некоторые были голосами гнева и ненависти, другие — отчаяния, а иные взывали о помощи и сострадании. И все эти вопли были, казалось, собраны каждый в своём определенном месте и доносились из разных направлений. Мы могли понять лишь немного, но после, пока мы ждали спасенную, мы спросили Беаникс — (боюсь, я не смогу сказать это лучше, так что придется остановиться на этом. Мы будем звать ее Беаникс, но это выглядит не вполне правильно, когда написано на бумаге) — мы спросили ее о тех криках, и откуда они исходили. Она сказала, что не знает, но существует приспособление для их записи, как в сумме, так и по отдельности, для анализа, и что они будут научно обрабатываться здешней наукой любви. А потом будет посылаться помощь — в соответствии с заслугами тех, кто взывал, и в такой форме, которая окажется самой полезной. Каждый крик был свидетельством добра или зла в какой-либо человеческой душе и должен был получить соответствующий ответ.

Когда женщину передали нам, мы сначала позволили ей отдохнуть и окружили ее мирным успокаивающим воздействием, а потом, когда она была достаточно сильна, отвели в дом, где о ней будут заботиться и опекать ее.

Мы не спрашивали ее ни о чем, но дали ей сказать то немного, что она была в состоянии поведать нам. И это нехорошо — напоминать им слишком живо в первое время о Земле, которую они так давно покинули.

ГЛАВА IV: Город и сфера Кастрэля.

Пятница, 17 октября 1913 г.

К тому моменту, когда мы добрались до Дома, в котором нам было поручено оставить нашу бедную сестру, ныне столь благословенную, мы уже были осведомлены о новой миссии, возложенной на нас. Нам было велено идти в другой район, дальше на восток... Снова ты сомневалась, но это как раз то слово, какое нам нужно. Под «востоком» мы понимаем направление, в котором Более Яркий Свет виден над горами, что окаймляют равнину, где нам было дано Видение Христа и Креста. Мы часто называем это направление «востоком», потому что оно напоминает нам о восходе Солнца.

Мы пустились в путь впятером, все женщины, и имели при себе полученное нами описание того места, которое следовало найти. Мы должны были отыскать среди гор большой город, с золотым куполом в самом центре, окруженный колоннадой поверх насыпи, обегавшей его со всех сторон. Мы прошли через равнину, а потом двинулись по воздуху, что требует больше усилий, но получается более быстро, более удобно, поскольку позволяло нам иметь обзор всей страны.

Мы заметили Город и опустились перед главными воротами, через которые вошли на главную улицу. Она проходила по прямой через Город и выходила в ворота с другой стороны. По каждую сторону этого широкого проспекта стояли большие дома, или дворцы, среди обширных садов — резиденции главных должностных лиц этого района, которому сам Город служил столицей.

Еще идя по направлению к Городу, мы видели людей, работающих в полях, и также много зданий, возведенных для какой-то важной надобности. И теперь, когда мы были внутри Города, мы увидели совершенство этих зданий и высочайший уровень садоводства. Ведь у каждого здания был сад того типа, который отвечал ему цветом и обликом. Мы прошли дальше, ожидая какого-либо знака в отношении нашего назначения и миссии, потому что в таких случаях, как этот, всегда отправляется опережающее послание, так что посетителей ожидают.

Проделав некоторый путь, мы достигли большой площадки, где прекрасные деревья росли на лужайках ярчайшей зелени, какую только можно себе представить, и фонтаны играли струями в согласованной гармонии; кстати говоря, там было, должно быть, с десятков фонтанов, и у каждого был свой собственный тон, и каждый был составлен из многих меньших водяных струй, из которых каждая была нотой. Они управлялись так, что можно было сыграть весьма сложное музыкальное произведение, как это звучало бы на органе со многими трубами. В такие моменты там бывает великое множество людей, собирающихся на площади или в парке, как из числа горожан, так и тех, кто проживает снаружи, среди холмов и пастбищ.

Там мы помедлили немного, ведь это чрезвычайно успокаивающе и красиво. Мы сидели на траве, и вскоре к нам подошел мужчина, который, как мы поняли по улыбке на его лице, был тем, кто ожидал нас. Мы поднялись и стояли перед ним в молчании, поскольку не чувствовали возможности начать беседу, видя, что он был Ангелом уровня значительно более высокого, чем наш.

Пожалуйста, опиши его, и назови его имя, если это возможно.

Всему свое время, дорогой мой. Мы здесь учимся устранять нетерпение как нечто такое, что приводит в смятение, не давая никакого продвижения делу.

Он был высокий — много выше, чем средний человек на Земле. Я бы сказала, он был где-то около семи с половиной футов по земным меркам. Я теперь ощутимо выше, чем когда была с тобой, а он был много выше, чем я. Он был одет в тунику кремового цвета, длиной почти до колен, с открытыми руками и ногами и без сандалий. Видишь, я отвечаю на то, что ты спрашиваешь в уме. Нет, у него ничего не было на голове, кроме красивого облака мягких вьющихся каштановых волос, разделенных посередине пробором, и широкого золотого обруча, в центре и по сторонам которого были помещены три больших синих камня. На нем был пояс из серебра, смешанного с каким-то розовым металлом. И эти особенности, вместе с другими, сказали нам о его высоком уровне.

Спокойная благожелательность, но и сила были в его твердом, но исполненном доброты лице, и дарили мир и доверие нам, стоявшим перед ним, но в то же время внушали почтение, которое мы были рады оказывать ему.

Он заговорил, наконец, тихо, приспособив голос, как мы инстинктивно понимали, для нашего случая. Он сказал: «Меня зовут Каст...» Прости меня. Эти имена, похоже, одна из моих слабостей. Они всегда ставят меня в тупик, когда я пытаюсь воспроизвести их здесь, внизу. Но забудь о его имени ненадолго. «Меня зовут К. — сказал он. — Вы уже слышали обо мне от вашей Настоятельницы. Теперь, мои пятеро сестер, идемте со мной, и я расскажу вам, почему вас отправили в этот Город и ко мне». Мы пошли за ним, и по дороге он любезно переговаривался с нами, и мы чувствовали себя совершенно свободно в его присутствии.

Он повел нас, пока мы не достигли величественного сооружения, стоявшего, словно некий древнегреческий храм на высоком цоколе, по всем сторонам которого шли ступени в один пролет.

Здание было необъятное, простиралось вправо и влево и имело высокие арки, входы и портики. Венчал его огромный купол. Это был ориентир, который мы видели, когда подлетали к Городу, и мы лишь обнаружили, что он не был сплошь золотым, но золотым и синим. Мы спросили, кто живет здесь, и он ответил: «Это мой дом, то есть это мой городской дом; у меня также есть другие дома за городом, в сельской местности, где я бываю, время от времени, чтобы навестить друзей, обязанности которых касаются тех округов. Заходите, и вас встретят с радушием, достойным тех, кто проделал такой долгий путь, чтобы увидеться с нами».

Он говорил совсем просто. Я смогла узнать, что здесь простота есть один из признаков великой власти. Можно было предположить, что, чтобы препроводить кого-то к великому властелину, отправляют слуг. Но здесь смотрят на всё иначе. В случаях, когда церемония полезна или желательна, она проводится с большим размахом. Когда в ней нет прока, она не проводится вообще.

Вот так мы и попали в дом Кастрэля, — теперь ты знаешь его имя, я способна назвать его.

Суббота, 18 октября 1913 г.

Итак, он привел нас внутрь, и мы увидели, что интерьер дома очень величественен и великолепен. Вестибюль, в котором мы стояли, был овальной формы и открывался прямо вверх в огромный венчающий купол, который помещался не над центром здания, а отступал немного от портика над этим входом. Ротонда была богато изукрашена камнями разных цветов и драпировками, напоминающими шелк, по большей части густого малинового цвета. Дверные проемы вели в длинные галереи. Голуби порхали в самом куполе, и, очевидно, у них были способы проникать внутрь и наружу. Материал, из которого состояла вогнутая поверхность купола, был из полупрозрачного камня, позволял свету просачиваться смягченным сиянием. Когда мы огляделись вокруг, то увидели, что мы одни, потому что Кастрэль покинул нас.

Постепенно из галереи, по правую сторону от нас, стали слышны смех и счастливые голоса, и оттуда, наконец, вышла группа женщин, среди которых было несколько детей. Они подошли к нам, взяли нас за руки и расцеловались с нами. Затем отошли и встали в небольшом отдалении. Одна женщина выступила вперед и провела нас к алькову в стене, где пригласила сесть.

Стоя перед нами, она обратилась к каждой из нас по имени с приветствием и сказала: «Вы, должно быть, удивлены, зачем вам надо было приезжать сюда, и что это за Город и место, куда вы были посланы. Дом, в котором вы сейчас находитесь, — Дворец Кастрэля, как вы бесспорно уже знаете. Он правитель этого обширного края, где занимаются многими делами и изучают много наук. Я слышала, вы уже были в колонии Музыки и в других поселениях, где изучают многие ветви науки. Ну а мы связаны со всеми ими и постоянно получаем их сообщения относительно прогресса и гармонии в той или иной ветви. Это учитывается и

находится в ведении Кастрэля и его помощников. Впрочем, координация — вот слово, которое выразит, что я имею в виду».

«Например, придет сообщение из Колледжа Музыки, из Колледжа Света, из одного из поселений, где изучается Созидательная способность, и из других ветвей службы. Это все очень внимательно рассматривается, анализируется и сводится в таблицы, и, когда того требует необходимость, результаты проверяются здесь, в одной из мастерских, прикрепленных к городу. Подъезжая, вы должны были видеть некоторые из них. Они разбросаны по сельской местности на большом удалении друг от друга.

Вы поймете, что Верховный Владыка, который, подобно ему, контролирует такое разнообразие сочетаний знаний, должен быть много продвинутым в мудрости и, кроме того, быть очень занятым работой. Именно эту работу вы были посланы увидеть, и, пока вы остаётесь с нами, вы будете иметь достаточно возможностей для посещения отдельных станций. Вы, конечно, не поймете всего или хотя бы многого из научной стороны работы, но вам будет показано достаточно для того, чтобы помочь вам в вашей будущей работе. Теперь идемте, и я покажу вам этот дом, если вы пожелаете осмотреть его».

Мы поблагодарили за доброту. Итак, мы прошлись по всем главнейшим частям этой величественной обители. Это единственное слово, какое я могу для нее подобрать. Повсюду вокруг цвет смешивался с другим цветом — смело, но гармонично, и был не кричащим, а оказывал бодрящее или успокаивающее и умиротворяющее действие. Драгоценные камни и благородные металлы, красивые узоры, вазы и постаменты, колонны, драпировки из мерцающей ткани, фонтаны с плававшей в них рыбой, внутренние дворики под открытым небом, в которых росли и трава, и красивые деревья, и цветущие кустарники, все таких оттенков, что неведомы на Земле.

Во дворце мы оставались продолжительное время и посещали как Город, так и область вокруг него — область, которая в земном измерении насчитывала бы тысячи миль в поперечнике, но вся была в постоянном контакте с Городом, с его пунктами связи и с самим центральным Дворцом. Времени не хватило бы рассказать тебе обо всем. Так что я открою тебе лишь немногие подробности, и попробуй вообразить себе всё остальное, хотя я знаю, что ты в этом не преуспеешь.

Первое, что озадачило меня, было присутствие детей, ведь я полагала, что все дети воспитывались в особых Домах для них. Дама, что встретила нас, была здешней Матерью, а те, что ее сопровождали, были из числа ее помощниц. Я спросила одну из них об этих детях, которые выглядели такими счастливыми и красивыми и держались с такой совершенной непринужденностью в этом величественном месте. Она объяснила, что это были мертворожденные дети, которые никогда не дышали воздухом Земли.

По этой причине они отличались от других, рожденных живыми, даже от тех, кто прожил только лишь несколько минут. Они нуждались также в ином обращении и были способны гораздо скорее усвоить знание этих сфер. Так что их посылали в какой-нибудь дом, такой, как этот, и воспитывали, пока их ум и рост не достигали такой степени развития, чтобы они могли приступить к новому курсу обучения. Тогда, укрепленные в небесной чистоте и мудрости, они передавались в руки таких учителей, которые соприкасались с самой Землей, и обучались тому, что они не имели возможности узнать прежде.

Это было интересно для меня, и наконец я начала понимать, что это одна из причин, по которой я была послана сюда. У меня тогда могло бы пробудиться желание увидеть мое собственное дитя, именно так пришедшее в эти земли, и матерью которого я не надеялась назваться никогда... Я опустила на траву под деревом, и закрыла лицо руками, и опустила голову на колени, и так замерла, обессиленная слишком острым ощущением восторга, которым наполнилось и трепетало всё мое существо, пока я вся не начала дрожать. Добрая моя подруга не говорила со мной, но села подле меня и обняла меня за плечи и позволила мне выплакать мою радость.

Потом, когда я немного оправилась, она очень мягко сказала: «Дорогая, я тоже мать, мать одного из таких же детей. Так что я знаю, что сейчас у тебя на сердце, потому что и я тоже испытала твою нынешнюю радость».

Тогда я подняла взгляд к ее лицу, и она увидела вопрос, который я не могла задать ей, и, взяв меня за руку, она подняла меня и, по-прежнему обнимая за плечи, повела меня к роще, откуда слышались голоса играющих детей, их счастливые выкрики и смех, доносящиеся сквозь деревья — ведь я была очень слаба от всей той радости, наполнявшей меня, и как бы я выдержали еще большую радость, что меня ждала?

Дорогой мой, это было не так давно, и всё еще так свежо для меня, что оказывается трудно написать это для тебя настолько ясно, насколько мне бы хотелось. Достаточно сказать, что я нашла на этой поляне то, о чем и не ведала, и такой дар, как этот, дается в этой стране со слишком большой готовностью, чтобы человек мог бы с должным самообладанием его получить.

Я должна добавить, что, когда маленькие дети переходят сюда, они сначала приучаются к этой жизни, а потом должны получить тот опыт, которого им не достало на Земле. Чем больше подготовки они получили в земной жизни, тем скорее они посылаются довершить ее. Те, что родились мертвые, вовсе не имеют никакой земной подготовки. Несмотря ни на что, они дети Земли и, поскольку они таковы, должны когда-нибудь вернуться и получить ее. Однако не прежде, чем это будет для них безопасно, и то под должным руководством, пока они не станут настолько знающими, чтобы идти в одиночку. Их возвращение в окрестности земной сферы поэтому отложено на большой срок, а тот, кто прожил долгую жизнь на Земле, меньше должен узнать о Земле, когда он переходит сюда, и потому может переходить к другой, более высокой ступени обучения.

Конечно, это лишь общие руководящие принципы, должны быть приняты в расчет отличительные особенности каждого, и правило изменяется и приспосабливается, как требует того каждый конкретный случай.

Но всё хорошо для всех, кто живет и любит, и те, кто любят, лучше проживают самую любезную сердцу жизнь. Также, пожалуй, слишком явная аллитерация, но пусть остается как есть, ведь это правда.

Понедельник, 20 октября 1913 г.

Всё здесь, когда мы прибываем, конечно же, отличается от того, что было в старой жизни, но не настолько отличается, чтобы заставить нас чувствовать себя ошеломленными этой новизной. Действительно, те, кто переходит на эту сторону, прожив лишенную развития жизнь на Земле, обнаруживают себя в сферах таких плотных, что они кажутся для них неотличимыми от земных. Это одна из причин, по которой они не способны осознать, что сменили свое состояние. По мере своего движения через нижние сферы к верхним эта плотность постепенно уступает место более разреженному состоянию, и чем выше ты поднимаешься, тем более очищенным становится окружение. Но совсем немногие переходят в такие сферы, где не видно ни одного признака Земли или никакого сходства с земной жизнью. Я сомневаюсь, что вообще с кем-нибудь такое бывает. Но относительно этого я не могу говорить авторитетно, потому что сама не достигла и даже не посещала сферу, где не было бы абсолютно ничего общего с прекрасной землей Бога. Ведь она прекрасна, и мы должны познавать ее красоты и чудеса здесь как часть нашей подготовки. И обучаясь этому, мы обнаруживаем, что Земля есть не что иное, как следующая ступень от наших сфер, и настроена в тон нам самим и нашему теперешнему окружению. Не будь так, мы не могли бы общаться с тобой в этот самый миг.

Только в одном я твердо уверена: если бы люди помнили о Единстве Бога и Его Царства и о постепенном развитии, которое, в Своей мудрости, Он предопределил для нас, они бы гораздо лучше понимали, что такое смерть и что — за ней. Возможно, многим показалось бы совершенным абсурдом, если бы им сказали, что здесь у нас есть настоящие дома, и улицы, и горы, и деревья, и животные, и птицы; и что животные здесь не для одной только красоты, но

также для дела; и что лошади и быки и другие животные тоже используются для дела. Но им нравится их работа, да так, что радостно смотреть на них. Я заметила однажды коня и всадника, движущихся по улице, и не могла понять, кто из них двоих больше наслаждается поездкой. Но боюсь, это будет принято немногими...

Одна из построек на широкой улице была библиотекой, где хранились записи о сообщениях с загородных станций. Другая была мастерской, где некоторые записи могли быть проверены действительным опытом. Следующая была лекционным залом, в котором профессора рассказывали о своих достижениях тем, кто занимался другими ветвями науки. А одна из мастерских имела весьма любопытную историю.

Стояла она на порядочном удалении от улицы и была построена из дерева. Оно напоминало полированное красное дерево, но с прожилками золота в волокнах. Давным-давно здание было возведено как Часовня Совета для Главы тех времен — задолго до того, как Кастрэль приступил к этой работе. Здесь он имел обыкновение собирать студентов, чтобы они могли продемонстрировать свои знания на практике.

Молодой человек встал нам навстречу и, выйдя в центр аудитории, встал там и протянул руки и так остался стоять, обратясь лицом к ректору. Пока он стоял там, он становился все более сияющим и каким-то полупрозрачным, пока, наконец, не оказался окружен ореолом света, в котором видны были Ангелы из высших сфер. Его улыбка заключала в себе некую тайну, которую правитель пытался разгадать.

В открытую дверь вошел маленький мальчик и огляделся вокруг, удивляясь большому скоплению людей. Он смотрел на множество лиц тех, кто сидел там, и был, казалось, смущен. Он собирался уже повернуться и убежать, когда поймал взгляд молодого человека, теперь лучившийся светом. Тотчас малыш забыл обо всех других и, побежав так быстро, как только могли нести его маленькие ножки, устремился прямо в центр круга с распростертыми руками и выражением огромной радости на лице.

Молодой человек поднял малыша и посадил его себе на плечо, а затем, приблизившись к правителю, бережно положил малютку ему на колени и стал возвращаться на то место, где прежде стоял. Но по мере того как он шел, его очертания становились менее ясными, и, не дойдя до места, он стал совершенно невидимым. Всё опустело. А маленький мальчик лежал на коленях правителя, смотрел снизу вверх ему в лицо и улыбался.

Тогда правитель поднялся и, держа ребенка на левой своей руке, с благоговением возложил правую руку ему на голову и сказал: „Братья мои, написано: «Маленький ребенок будет править ими». То, что мы видели, есть Явление Господа нашего Христа, и этот малыш — один из тех, кто от Царства, как Он сказал. Какое послание Он передал тебе, дитя, пока ты был в Его руках и Он нес тебя ко мне?»

Тогда впервые ребенок заговорил и, всё еще смущенный множеством слушателей, сказал: «Если тебе угодно, правитель, я должен быть хорошим и поступать, как ты мне скажешь, и тогда Он будет показывать мне время от времени новые вещи для твоего города и области. Но я не знаю, что это значит».

Правитель распустил студентов и взял малыша в свой дом. Он пришел к выводу, что это были Илий и Самуил. Ребенку было позволено играть повсюду и смотреть и слушать. Он никогда не путался под ногами, и не докучал вопросами. Но время от времени, когда какая-нибудь задача исключительной сложности стояла перед студентами, он делал, казалось бы, незначительное замечание, но оно всегда было ключом к решению. Когда прошло время, важнейшей целью, которую Он ставил, давая это Явление, сочли именно то, что студенты научились простоте; а именно: чем более простое решение они могли найти для любой проблемы в отдельности, тем лучше оно подходило к общей схеме вместе с другими решениями.

Было также много других уроков, которые извлекли из Видения как такового; например тот факт, что Он присутствовал среди них всегда и в любое время мог стать видимым, ведь когда Он пришел в этот раз, то выступил из толпы студентов. Распростертые руки напомнили им о самопожертвовании даже в тех счастливых землях. Но о ребенке: он рос и мудро-

стью и обликом стал похож на своего Божественного Покровителя, и, когда Правитель тех времен был взят в более высокую сферу, он унаследовал его должность.

Что ж, всё это было давным-давно, и всё же старый зал стоит и сейчас. Он всегда содержится в идеальном порядке и украшается внутри и снаружи цветами. Но теперь он не используется для лекций и дискуссий, а лишь для поклонной службы. А время от времени проходит служба Великому Отцу, в освящающем Присутствии Его Помазанного Сына.

Сферы Бога удивительны в своей красоте света и славы; но самым прекрасным кажется Присутствие Его Духа во всей этой бесконечности и вечности, и Его нежная любовь ко всем, и мудрым, и простым; и к тебе, и ко мне, дорогой мой, Он так определил взаимосвязь различных состояний в своей земле, что мы можем говорить друг с другом через тонкую Завесу, что протянута между нами.

Вторник, 21 октября 1913 г.

Об этом городе я могла бы рассказать тебе гораздо больше, чем уже рассказала. Но есть многое другое, о чем я должна говорить, и потому дам тебе еще только одно сообщение о нашей жизни там.

Как-то раз к нам пришел Кастрэль. Улыбаясь, он заговорил с нами: «Близится церемония, на которой вам следует присутствовать. Пойдемте со мной».

Мы последовали за Кастрэлем по аллее, и когда вышли на открытое пространство, наш провожатый остановился и сказал: «Теперь я хочу, чтобы вы посмотрели вон туда и сказали мне, что вы видите!»

Каждая из нас, пятерых, сказала ему, что видим большую всхолмленную равнину, с множеством зданий, похожих на длинную цепь высоких гор. «И больше ничего?» — спросил он. И продолжал: «Да, это вне пределов вашего зрения в настоящий момент. Но мое зрение более развито, и я расскажу вам, что вижу. За этой цепью я вижу другие горы, еще выше, а за ними — высокие пики. На некоторых из них есть постройки, другие пусты. Я бывал уже в тех краях и знаю, что среди гор, которые отсюда видны, есть равнины, на которых раскинулась страна, столь же обширная, что и та, столицей которой служит этот Город. Я сейчас вижу большой и пышный город, более протяженный и более богатый и великолепный, чем этот. Главные ворота обращены сюда, и из них появляются экипажи и седоки на конях. Они собрались вместе и готовы выступить в путь. Вот их глава отделился от толпы и выдвинулся вперед. Он отдает приказ, толпа горожан поднимает руки и желает им счастливого пути. Теперь их правитель движется вперед к краю отвесной скалы, на которой возведен Город. Он отделяется от края и продолжает путь по воздуху. Его экипаж указывает путь, и другие следуют за ним. И они едут, — добавил он с улыбкой, — в нашем направлении. Сейчас мы перейдем на другое место, и вы станете свидетелями их прибытия».

Никто из нас не спросил о причине их визита. Дело было не в том, что мы боялись спросить. Но мы каким-то образом чувствовали, что всё то, что нам следовало знать, было нам сказано. Мы перешли на стену города и стояли там, глядя поверх равнины в направлении холмов.

«Скажите мне, — велел он, — которая из вас первой заметит их».

Мы смотрели долго и пристально, но ничего не могли увидеть. Наконец мне показалось, что я вижу, как над горами начала мигать звезда, далеко-далеко в пространстве. Как раз в этот момент одна из моих спутниц воскликнула: «Мне кажется, мой господин, что звезды не было здесь, когда мы пришли сюда».

«Нет, — ответил он, — она была здесь, но невидимая для вас. Так это ты первая увидела ее?» Я не хотела говорить, что увидела ее тоже. Мне следовало сказать об этом раньше. Но он продолжал: «Думаю, здесь есть еще одна, которая видит звезду. Разве нет?» — и он повернулся ко мне с ласковой улыбкой. Я покраснела и промямлила что-то. «Хорошо, — сказал он, — следите за звездой. Остальные увидят ее через какое-то время». Затем, обернувшись к нам двоим, он учтиво поклонился и сказал: «Дамы, я поздравляю вас с вашими большими

достижениями. Вы быстро движетесь к более высокому уровню, и, если так пойдет дальше, ваша сфера службы будет скоро расширена». Обе мы почувствовали себя счастливыми.

Но теперь звезда стала гораздо ярче, и всё время, пока мы смотрели на нее, она как будто увеличивалась и растягивалась. Затем я заметила, что она уже не была круглым диском, а постепенно принимала другую форму, и наконец я смогла увидеть, что это была арфа из свете, она смотрелась как драгоценное изделие с множеством алмазов. Но по мере того как она приближалась, мы поняли, что она была составлена из лошадей, и повозок, и людей, и всё это двигалось по воздуху по направлению к нам.

Наконец мы услышали приветственные выкрики людей с городских стен и поняли, что они тоже заметили их. «Теперь вы видите характер их деятельности в этом Городе». «Музыка», — предположила я. «Да, — ответил он, — она связана с музыкой. Это, во всяком случае, главная цель их визита».

Когда они подлетели ближе, мы увидели, что в группе несколько сотен человек. Это было прекрасное зрелище, — они шли путем небесным, кони и повозки из огня, а седоки из света. О, эти жители высших областей слишком красивы, чтобы мы могли рассказать тебе о них. Низший рангом был почти равен уровню Кастрэля, собственное сияние которого было спрятано, чтобы он мог быть одновременно как правитель Города, так и простым его жителем. Всё же, пока приближалась группа, мы заметили, что он начинает меняться. Его лицо и фигура светились всё ярче, пока, наконец, он не засиял так же ярко, как наименее яркий из тех, кто двигался по небу. Когда я думала об этом позже, то поняла, почему ему было необходимо приспособляться к низшим сферам, в которых он служил. Ведь когда он стоял перед нами сейчас, даже не обретя всей полноты своей природной яркости, всё-таки ни одна из нас не осмелилась обратиться к нему, но все мы отошли немного назад и оставили его стоять в одиночестве. Мы не были испуганы, но нам было непривычно — насколько я могу это выразить.

Участники вспыхивающей драгоценной арфы уже спешили через нашу стену, постепенно замедляя темп и перестраиваясь. Затем, снизившись, они приземлились перед главными воротами Города.

Кастрэль покинул нас на какое-то время и вышел из городских ворот, сопровождаемый главными своими приближенными. Он был облачен в свет — это почти всё, что я могла видеть. Но венец его и пояс, которые он носил, сияли ярче, чем когда-либо. Он приблизился к возглавлявшему процессию и опустился перед ним на колени. Этот Ангел был много ярче, чем сам Кастрэль. Он вышел из своего экипажа, поспешил к нашему Правителю, поднял его с колен и обнял. Движения были полны изящества и любви, и те несколько секунд, что они были вместе, полная тишина царила вокруг. Но когда объятие разомкнулось, и были произнесены — на языке, которого мы не понимаем — слова благословения, Кастрэль поклонился и остальным, а затем, выпрямившись, посмотрел на городские стены и поднял руку. Всё тотчас взорвалось музыкой и пением жителей, исполнявших торжественный гимн. Я рассказывала тебе о пении в другом краю. Но здесь было гораздо величественнее, потому что этот план был более продвинутым. Потом все вошли в Город под выкрики народа, звон городских колоколов, звуки инструментальной музыки и пение тысяч людей на стенах.

Они проследовали по улице ко Дворцу, и, поворачивая на дорогу, ведущую в сторону от главной улицы, Ангел-Правитель остановился, повернулся назад и, подняв руки, благословил людей на их языке. Потом он продолжил путь и вместе со своими блистающими спутниками исчез из виду.

Дорогой мой, я изо всех сил пыталась дать тебе хотя бы слабое описание этого события, но потерпела полное крушение. Это было гораздо более величественно, чем я была способна передать. Я потратила время на описание сцены прибытия также потому, что поняла ее лучше, чем цель, ради которой они приехали. Это слишком сложно для меня, так как касается учителей Города и великих людей этой Земли. Всё, что я смогла узнать, это что она главным образом касалась исследований относительно связи музыки с творческой способностью.

Больше этого я понять не могу. Но, может быть, другие смогут сказать об этом больше, чем я.

Среда, 22 октября 1913 г.

Если бы мир был одним огромным бриллиантом или жемчужиной, отражавшей или излучавшей свет солнца и далеких звезд, каким ярким было бы всё вокруг него! В какой-то мере так оно и есть, но лишь в очень ограниченной степени — из-за отсутствия глянца на поверхности Земли. И какова отражающая способность Земли по сравнению с воображаемой гигантской жемчужиной, такова и яркость жизни на Земле по отношению к нашей здесь, в этих областях света и красоты, в этой Господней Земле вечного лета.

Окидывая взглядом безбрежные равнины и долины Небесной Страны, мы едва способны припомнить воздействие атмосферы Земли и ее влияние на наше видение земных вещей. Но мы помним некоторые свойства, которые здесь отсутствуют. Например, даль здесь всегда ясна. Она только постепенно исчезает, вроде бы тает. Деревья и растения появляются не на сезон, а цветут постоянно. Когда цветы срывают, они свежи долгое время, не поникают и не вянут, а тоже исчезают или растворяются в воздухе. А сам воздух не всегда бесцветный. В окрестностях Города Правителя Кастрэля повсюду ощущение золотого солнечного света. Это не туман, он ничего в себе не скрывает, но купает всё в золотом свечении. Иногда он бледно-розовый или голубой. И у каждой окрестности свой особый оттенок, или чувство цвета, в соответствии с природой людей, их занятием и склонностью ума.

Оттенок воздуха, похоже, рефлекторно реагирует на самих людей. В особенности на гостей из других краев. Более развитые, приходя в новые просторы страны, могут по одному этому признаку рассказать об общем характере и занятиях тамошних людей. Воздействие, однако, очень быстро распространяется и на них самих. Оно не меняет, разумеется, их характера, но воздействует на их ощущения и почти молниеносно сказывается на изменении оттенка их одежды.

Так, когда кто-то посещает незнакомый район, он очень скоро начинает чувствовать, внутри и вовне, это ощущение братства и единства — одного из самых восхитительных благословений, которые я здесь обрела. Везде, куда ни пойдешь, встречаешь братьев и сестер. Представь себе, что бы это значило, если бы так было на Земле. Тогда Ангельское пожелание Мира и Доброй Воли было бы глубоко воспринято и Земля стала бы порогом Небесного Дома.

Мы вернулись из этого Города, спрашивая себя, какое воздействие на нас оказал этот визит, чему новому мы научились, что почувствовали. Что касается меня, нетрудно догадаться, что одна только встреча с моей маленькой девочкой была для меня даром, на который я не рассчитывала. Но пока мы неторопливо шли назад через равнину, мы выяснили, что каждая получила и какое-либо особое благословение именно для себя.

Мы добрались до нашей сферы как раз тогда, когда наша Мать-Ангел также вернулась из путешествия к Мосту, о котором я уже рассказывала тебе. На сей раз она привела с собой того, кого ты хорошо знаешь, миссис С. Она прошла через тяжкое испытание. Когда она впервые перешла сюда, ее взяли в место, где она могла бы быстро развиваться. Ее случай был сложный — уж очень много смешанных черт — и трудно было поместить ее правильно. Ей предоставили шанс и помогали всеми средствами. Но тебе следует знать, свободная воля и личность — очень важные здесь составные и никогда не угнетаются, когда предлагается помощь. Скоро миссис С. Стала беспокойна, и было видно, что ей следует предоставить идти своей дорогой. Ее предостерегли и затем поместили на распутье, выбрать собственную дорогу, как она того хотела. Был назначен опекун, чтобы непрерывно наблюдать за ней, и чтобы когда бы ни понадобилась помощь, он оказался рядом.

Поначалу она как будто не знала, куда идти и что делать, чтобы найти то, чего она хотела, — мира. Она долго бродила в окрестностях Моста. Лишь тогда, когда она уяснила, что ее собственная воля вновь и вновь ведет ее в места, где главенствует тьма, где люди, образы и звуки тоже отрицательной природы, она наконец двинулась через пограничную область и

шаг за шагом повернулась немного к свету и была постепенно возвращена обратно в Дом, который покинула. Она теперь развивается медленно, будь уверен, постепенно смягчается ее сердце, она становится более человеческой и верующей, и с ней со временем всё будет хорошо.

Видишь, всё учитывается здесь, даже ситуации, которые кажутся случайными и мимолетными в земной жизни. Все они регистрируются и рассматриваются в их связи друг с другом. Все как будто непреднамеренные разговоры или случайные встречи, прочитанная книга, рука, пожатая однажды на улице, немногие знакомые, встреченные в доме общего друга — каждый пункт регистрируется, учитывается, соотносится и используется, когда требует случай. Так оно будет и в этом случае.

Никогда поэтому не ленись взвешивать хорошенько всё, что ты делаешь, и каждое слово, что ты говоришь; не из беспокойства, но скорее возвращая привычку желать делать добро; всегда и везде излучать доброту сердца, ведь в Царстве это не мелочь, но нечто такое, что делает плащи яркими, а тела лучистыми.

ГЛАВА V: Ангельское служение.

Четверг, 23 октября 1913 г.

Возможно, если бы мы взяли подробно рассказывать тебе о нашем развитии в этих небесных сферах, мы бы утомили тебя, потому что множество деталей показалось бы лишними и не было бы воспринято. Но это можно поправить, если мы сопроводим то, что писали прошлым вечером, дав тебе сейчас пример — в порядке иллюстрации.

Не так давно мы получили послание о прибытии на Мост сестры, которая перешла с дальней стороны, где лежат области мрака. Меня и еще одну из нас послали проводить ее в этот Дом. Мы шли быстро и нашли нашу питомицу, ожидавшую нас. Она была совсем одна, потому что ее спутники оставили ее, чтобы она могла с пользой для себя побыть в тишине, в молитве и размышлении, перед началом дальнейшего продвижения.

Она сидела на поросшем травой склоне под деревом, ветви которого простирались над ней, как балдахин. Ее глаза были закрыты, и мы стояли перед ней в ожидании. Когда она открыла их, то посмотрела на нас с вопрошающим выражением.

— Сестра, — обратилась я к ней, — мы не знаем, кто ты, но мы знаем, что ты была всегда ребенком нашего Отца, и потому — всегда была нашей сестрой. Ты либо одна из тех, чьи лица обращены к солнечному сиянию Его Присутствия, или та, кто, боясь трудностей, снова повернет к Мосту.

Она недолго молчала, а потом сказала:

— Надеюсь, нет. Там всё слишком ужасно.

— Ты должна выбрать; ведь ты не можешь оставаться здесь. Ты пойдешь по дороге, ведущей вверх, — разве нет? — и мы протянем тебе руку и одарим тебя сестринской любовью, чтобы помочь в пути.

— Там они тоже звали меня сестрой; они звали меня «сестрой» в насмешку, без конца подвергая меня позору и мучениям. Я не знаю, как мне поступить дальше; я так запятнана, и отвратительна, и слабовольна.

Я прервала ее, сказав, что сейчас она должна постараться забыть эти испытания, пока мы не окажем ей помощь. Я знала, что ноша ее будет тяжела и горька; но есть только один путь вперед — ничего нельзя замалчивать, всё следует рассмотреть и понять каждый поступок и слово вплоть до нынешнего мгновения. Должна быть признана Божественная справедливость и Божественная любовь во всем — и это единственный путь вперед и вверх. Но с этим следовало немного повременить, пока она будет в состоянии вынести это. И потому мы утешили ее и шаг за шагом увели оттуда.

Пока мы шли, она оглядывалась по сторонам и спрашивала о том, что видела. Мы рассказывали ей всё, что она могла понять. Мы рассказывали ей о нашей Матери-Ангеле, кото-

рая правила местностью, и о наших тамошних подругах по труду. Внезапно остановилась и сказала, что не может идти дальше, потому что ей страшно.

Оказалось, что когда страж на другой стороне Моста далеко во мраке услышал ее крик о помощи, он тотчас направил туда луч света и послал посланца помочь ей. Этот дух нашел ее, близкую к обмороку, на берегу темного мрачного потока, воды которого были зловонны и горячи, и перенес ее в Дом у ворот Моста. Здесь ей оказали помощь, восстановили силы и направили по Мосту к тому месту, где мы ее нашли.

Теперь выяснилось, что, когда этот дух-труженик нашел ее, она почувствовала чье-то присутствие, но никого не могла увидеть. Поэтому она громко закричала: «Будь ты проклят, если тронешь меня!» — думая, что это был один из ее прежних мучителей и сотоварищей по злу. Дальше она не помнила ничего, пока не пришла в себя опять в Доме у ворот. Она понимала, что прокляла одного из посланников Бога и боялась света. Проклятие есть проклятие, против кого бы оно ни было направлено, и оно тяжестью лежало на ее душе.

Мы с моими спутницами всё обсудили и пришли к выводу, что должны вернуться. Этот грех ее был направлен против одного из наших товарищей по труду в областях света и любви, и мы видели, что она не найдет покоя среди нас, пока это зло не будет исправлено. Мы пошли назад к Мосту, а потом к Дому у ворот.

Там мы нашли духа-помощника, который принес ее в это место, и она испросила у него прощение и получила его. Он ждал нас — ведь он был сильнее и развитее нас и потому обладал большей мудростью и знал, что она заставит себя вернуться. Поэтому, когда мы приблизились, он вышел из ворот, где стоял, наблюдая, как мы идем по дороге, и, когда она увидела его доброе лицо и прощающую улыбку, она сразу поняла, что это его она искала, и, упав на колени, получила его благословение.

Боюсь, это послание сегодня не очень захватывающее. Я передала его, чтобы показать тебе, как даже за незначительные, на первый взгляд, вещи приходится расплачиваться.

Как мне кажется, какой-то разум, более высокий, чем наш, руководил нами всё время; ведь этот случай оказался важным эпизодом в развитии бедной грешницы. Когда она увидела лицо того, против кого она согрешила, и услышала от него слова любви и прощения, это показало ей в первый раз, что всё, что ей придется вынести в будущем, будет сладостно, и каждая исполненная задача принесет свое благословение. И это, без сомнения, для тех, кому предстоит столкнуться с покаянным и мучительным стыдом при воспоминании о Великой Любви Бога, которую они некогда презрели и отвергли.

Что она делает теперь?

Она продвигается вперед, но медленно. Столько всего тянет ее назад! Но всё-таки она развивается, несмотря ни на что. Она в нашем Доме, но ей пока не давали никакой особой работы, чтобы делать ее для других. Она ее получит, конечно, но еще очень нескоро.

Грех есть отрицание Любви и Отцовства Бога, а это куда более страшно, чем даже проступок против заповедей. Он есть осквернение самой природы и духа нашей внутренней духовной жизни, Святилища Духа Божьего. А очистить загрязненное Святилище — это нечто большее, чем навести чистоту в обычном жилище. Сама насыщенность Светом Присутствия в этом духовном состоянии выявляет каждое пятнышко и пылинку, и счастливы те, кто содержит это Святилище чистым и светлым, потому что им суждено будет узнать, как сладостно жить и любить в Нем.

Понедельник, 27 октября 1913 г.

Снова принимаемся мы за наше повествование о Небесной Жизни и надеемся, что сумеем рассказать тебе еще немного о любви и блаженстве, которые мы испытываем в этих светлых краях. Наш Дом расположен на склоне густо поросшего лесом холма на расчищенном участке, и наши пациенты — потому что они действительно таковы — получают здесь от нас заботу и попечение в мире и тишине после своих горестных испытаний в тех землях, где свет тускл и тьма входит в самые души. Они приходят сюда изнуренными и слабыми, и им позволяют идти вперед только тогда, когда они станут достаточно сильны.

Ты бы, наверное, хотел узнать что-нибудь о наших здешних методах. Их можно обобщить одним словом — «Любовь». Это руководящий принцип всей нашей работы. Мы не собираемся никого судить и наказывать, но только лишь помогаем. И многим становится не по себе от этого, ведь это так непривычно!

Одна из наших бедных сестер встретила недавно нашу Мать-Ангела в саду и хотела свернуть с дорожки, чтобы не столкнуться с ней — не из страха, а из благоговения. Но наша светлая Мать подошла к ней и ласково обратилась к ней, и, когда та почувствовала, что может говорить совершенно свободно, задала вопрос. «Где Судья, — спросила она, — и когда состоится Суд? Я вся трепещу, потому что знаю, что наказание будет очень страшным; и я хочу узнать самое худшее и подготовиться к нему».

На это Мать ответила: «Дитя мое, суд над тобой состоится, когда ты того пожелаешь; но, послушав тебя, могу сказать, что он уже начался. Ведь ты сама и есть судья своей прошлой жизни и сама вынесешь себе наказание. Ты сделаешь это по собственной воле, пересмотрев всю жизнь, которую прожила, и, когда ты смело начнешь признаваться в одном грехе за другим, ты станешь развиваться. То, что тебе теперь придется вынести, уже больше не будет страшным. Всё страшное отныне в прошлом. Ты постоянно будешь чувствовать, что Он ведет тебя, и чувствовать всё больше и больше — по мере движения по верному пути».

«Но, — настаивала спрашивающая, — я в растерянности, потому что я не вижу Трона Великого Судьи, Который будет награждать одних и наказывать других».

«Ты непременно однажды увидишь Трон, но не сейчас. Суд, о котором ты думаешь, сильно отличается от того, каким ты его представляешь. Но ты не должна бояться. Развиваясь, ты будешь узнавать больше и понимать больше великую любовь Бога».

Многие из тех, кто переходит сюда, ожидают увидеть всё приготовленным к тому, чтобы ввергнуть их в пытку. Другие, взлелеявшие высокое мнение о своих заслугах, бывают сильно разочарованы, когда им определяют низкое положение, иногда очень низкое, и не препровождают тотчас в Присутствие Христа на Троне. Поверь мне, милый сын, множество сюрпризов ждет тех, кто переходит сюда, и приятных, и нет.

Я видела совсем недавно писателя, издавшего несколько книг, который разговаривал с парнем, бывшим в земной жизни кочегаром на газовом заводе. Так вот, этот писатель получил от кочегара наставления. Он был рад учиться, потому что прежде лишь частично научился человечности; забавность состоит в том, что он не так стеснялся сидеть у ног этого молодого духа, как пойти здесь к старым друзьям и признать ошибки и свое тщеславие в прошлой жизни. Но ему, конечно, рано или поздно придется сделать это, и молодой человек подготавливает его к этой мысли. Нам кажется странным видеть, как он всё еще цепляется за свою старую гордыню, хотя мы всё знаем о нем и его прошлом и нынешнем статусе, кстати, довольно низком, но он всё время думает, что успешно скрывает от нас свои мысли. С такими людьми наставники должны проявлять много терпения, впрочем, это является для них хорошей тренировкой.

А теперь посмотрим, сможем ли мы объяснить трудность, смущающую многих исследователей психической материи, когда они не получают от нас информации о той или иной вещи или ситуации.

Ты должен постараться понять, что, когда мы спускаемся сюда, мы находимся не в должном своем элементе и испытываем затруднения от ограничений, которые незнакомы для нас. Мы должны действовать в соответствии с земными законами, иначе не могли бы дать тебе понять, что именно хотим сделать или сказать. Часто мы обнаруживаем, что, если кто-то сосредотачивает свою мысль на какой-то конкретной личности, которую хочет видеть или слышать, или каком-то особом предмете, о котором хочет спросить, мы бываем стеснены ограниченным набором средств, оставшихся в нашем распоряжении. Остальные силы в этом спрашивающем закрыты, открыты для нас лишь те, которые он сам захотел оставить открытыми. А этого недостаточно для того, чтобы иметь с ним дело.

Кроме того, активность его воли встречается с активностью нашей на полпути, а это всё-таки столкновение, и в результате — неразбериха или искажение. Почти всегда лучше дать

нам возможность действовать по-своему, довериться нам, а уже впоследствии критически рассматривать то, что удалось получить. Если желательны сведения на какую-то конкретную тему, пусть эта тема будет у тебя в уме в то время, когда ты занимаешься своими повседневными делами. Мы увидим и учтем ее, и, если это возможно, полезно и законно, мы найдем возможность и средства, раньше или позже, ответить на это. Если ты задаешь вопрос тогда, когда мы с тобой, проявленные тем или иным способом, не требуем, а просто покажи нам свои мысли и затем предоставь нам делать то, что мы можем. Не настаивай. Можешь быть уверен, что, поскольку мы хотим помочь, мы сделаем всё, что сможем.

А теперь что касается твоего интереса. Ты хотел узнать о Руби и остальных. Ты не настаивал, и поэтому мы смогли свободно пользоваться обстоятельствами и теперь можем дать тебе некоторые сведения.

Руби счастлива как всегда и стала совершенным знатоком в работе, которая ей поручена. Я видела ее совсем недавно, и она говорит, что сможет прийти и поговорить с тобой и Роуз очень скоро. Сейчас ты удивляешься, почему она не смогла прийти сегодня. У нее есть другие обязанности, и мы также должны выполнять свои в соответствии с планом. Еще она сказала вот что: «Скажи любимому папочке, что его слова к людям доходят сюда и кое-что из того, что он говорит им, мы обсуждаем, потому что они как раз о том, что мы не смогли узнать в земной жизни».

Это кажется невероятным. Правильно ли я понял?

Так вот ты о чем! Кто же, по-твоему, это милые дети-ангелы? Разве ты не понимаешь, что обучение тех, кто перешел сюда очень юным, по преимуществу касается жизни и обстоятельств их новой родины и что лишь понемногу им позволено дополнять свои знания о Земле и ее жизни, которая, несмотря ни на что, должна быть изучена в совершенстве по мере их продвижения вперед? Вот почему применяются все средства — но благоразумно — чтобы обучить их. Можешь ты представить более удачный путь, чем позволить отцу быть наставником своего ребенка? Я больше ничего не собираюсь говорить об этом. Этого достаточно. Поразмысли над этим с позиции здравого смысла.

Да, но если то, что ты сказала, правда, можно вообще начать бояться наставлять людей.

Ты совершенно прав, думая, что должен быть осторожен, когда даешь наставления. Это относится к каждому — ко всем их мыслям, словам и делам. Они здесь все известны. Можешь быть уверен, что, когда что-нибудь недостойное или низменное думается или говорится, этому никогда не позволяют пробраться в ту сферу, где находится Руби. Так что успокойся, мой дорогой, и не бойся высказывать то, что у тебя на уме, ведь молчание иногда менее приветствуется здесь, чем ошибочное мнение, если это, конечно, искренне.

Вторник, 28 октября 1913 г.

Всё, что мы смогли дать тебе в этих посланиях, было передано посредством воздействия на твой ум наших мыслей и слов. Делая это, мы берем и используем столько, сколько находим здесь, так что можешь с большей легкостью перенести наши мысли. Часто, однако, была необходимость вызывать твой дух вдаль от земных окрестностей и давать тебе видение мест, которые мы описываем, и ты записывал то, что видел.

Нет, мы не забирали тебя из твоего тела, поскольку на самом деле ты всегда оставался в сознании. Мы занимали и поглощали всё твое внимание, чтобы придать силу твоему внутреннему зрению — зрению духовного тела — и в такие моменты ты едва осознавал свое окружение. Ты забывал о нем и переставал обращать внимание на него, и тогда мы могли придавать тебе, в определенной мере, силу отдаленного видения; и к этому мы прибавляли события, свидетелями которых были сами.

Четверг, 30 октября 1913 г.

Положи руку себе на голову, и ты заметишь, что мы тогда сможем с большей готовностью говорить с тобой, а ты — понимать.

Вот так?

Да. Это помогает и тебе, и нам — обоим, потому что есть поток магнетизма, направленный от нас к тебе, и, если сделать, как мы посоветовали, он не так скоро рассеивается.

Я не понял из этого ни слова.

Может быть. Есть много такого, чему тебе еще надо научиться, мой дорогой, и то, что мы говорим сейчас, это одна из таких вещей, малая, сама по себе, и все же существенная. Часто именно мелочи помогают достичь успеха.

А сейчас, хотя мы не слишком склонны объяснять методы, которые применяем при передаче посланий, поскольку мы можем дать тебе лишь несовершенное понимание, все-таки скажем следующее: энергию, которую мы используем, лучше всего можно определить как магнетизм; с ее помощью вибрации наших умов направляются в твой мозг. Твоя рука, определенным образом помещенная, служит чем-то вроде магнита и хранилища одновременно и помогает нам. Но мы не будем говорить об этом, а перейдем к тому, что сможем лучше прояснить для тебя.

В нашей жизни в Земле вечного лета мы стремимся помогать как тем, кто перешел к нам, так и их друзьям, которые всё еще на Земле. В действительности, две стороны службы неразделимы, ведь те, кто перешел сюда, часто сильно горюют и потому не способны развиваться, пока не узнают, что тем, кого они оставили позади, оказываются помощь с этой стороны. Поэтому мы часто предпринимаем экскурсии на земной план.

На прошлой неделе мы приняли женщину, которая оставила мужа и троих маленьких детей, и она умоляла позволить ей пойти посмотреть, как они управляются дома. Она была в таком горе, что, в конце концов, мы взяли ее и прибыли вечером, как раз когда они все сидели ужинать. Мужчина только что пришел с работы и собирался поесть, прежде чем укладывать детей — двух девочек, семи и пяти лет, и двухлетнего мальчика — спать. Все они сидели вокруг стола на кухне, довольно уютной, и отец попросил старшую дочь произнести молитву. Вот что она сказала: «Господи, пошли хлеб насущный всем нам, и маме, ради Христа. Аминь».

Женщина подошла к младшей девочке, положила руку на ее голову и заговорила с ней, но та не могла услышать ее. Это обеспокоило мать, но мы попросили ее ждать и смотреть. Вскоре девочка заговорила, после долгого молчания, во время которого она и ее отец думали о той, что покинула их. Она сказала: «Папа, ты думаешь, мамочка знает о нас сейчас и о тетушке Лиззи?» «Не знаю, — ответил он, — но думаю, знает, потому что я чувствовал себя очень несчастным последние дни, как будто она беспокоилась из-за чего-то; и это могло быть из-за тетушки Лиззи». «Если так, — сказал ребенок, — не давай нам уезжать. Миссис — присмотрит за малышом, а я могу помогать, когда возвращаюсь домой из школы, и нам тогда не придется уезжать». «Ты не хочешь ехать?» — спросил отец. «Не хочу, — сказал ребенок. — Малыш и Сиси пусть едут, а я не хочу». «Ладно, я подумаю об этом, — сказал он. — Не печалься. Думаю, мы всё сумеем устроить». «А мама поможет, и ангелы, — настаивала малышка. — Теперь она может говорить с нами, и они помогут ей, если она их попросит».

Отец не говорил больше ничего; но мы смогли прочесть его мысль, что, уж если этот маленький ребенок имеет такую веру, ему следовало иметь хотя бы такую же; и вскоре он заставил себя сосредоточиться на проблеме и посмотреть, как ее можно решить. Потому что расставание с детьми было ему не по душе, и он был очень рад найти повод, чтобы оставить их при себе.

Не могу сказать, что мать была сильно успокоена своим визитом. Но по пути назад мы сказали ей, что вера этого ребенка, если она будет усилена верой отца, создаст могущественное средство помощи.

По возвращении мы сообщили обо всем нашей Матери-Ангелу, и немедленно приняты были меры, чтобы убедиться, что семья не будет разлучена, и матери предложено было при-

ложить усилия для развития, чтобы она тоже смогла помогать. Тогда с ней произошла перемена. Она взялась за работу по-настоящему ревностно, и скоро ей будет позволено присоединиться к группам в их путешествиях по направлению к Земле и вносить свою скромную лепту в их могущественную службу.

Но сейчас мы должны рассказать тебе о другом. Не так давно прибыл в нашу колонию мужчина, который также недавно перешел сюда. Он бродил, ища себе что-нибудь по душе, и подумал, что это поселение выглядит примерно так, как ему хотелось бы. Не подумай только, что он был один. Его сопровождал, но на расстоянии, опекун, который готов был помочь, когда потребуется. Мужчина был примером тех удивительных контрастов, которые у нас часто бывают. Порядочно было в нем добра и света, но они не могли быть использованы в его дальнейшем развитии из-за того, что их сдерживали в подчинении другие черты, которые он не мог привести в порядок.

Его встретил на дороге в некотором отдалении от холма, где стоит наш Дом, один из работников другого Дома и стал расспрашивать его, потому что заметил удивленное и растерянное выражение на его лице. Работник получил сигнал от опекуна, был проинформирован о проблеме и мгновенно был подготовлен, чтобы приняться за нее. Он заговорил с добротой. Произошел следующий разговор.

А. Ты, похоже, не знаком с этим краем. Могу я как-то помочь тебе?

Б. Не думаю, хотя очень любезно с твоей стороны предложить мне помощь.

А. Твое затруднение — одно из тех, с которыми нам здесь случается справиться, хотя и не с таким совершенством, как мы того бы хотели.

Б. Боюсь, ты не знаешь, какое это затруднение.

А. В какой-то степени. Ты в растерянности, потому что не встретил никого из своих друзей здесь, и удивляешься этому.

Б. Так и есть.

А. Но они встречали тебя.

Б. Я их не видел и гадал, где могу их найти. Это кажется странным. Я всегда думал, что друзья должны быть первыми, кто встретит нас, когда мы скончаемся.

А. Но они действительно встречали тебя.

Б. Я не видел никого из тех, кого знал.

А. Совершенно верно. Они встречали тебя, а ты не узнал их — не мог узнать их.

Б. Я не понимаю.

А. Когда ты перешел сюда, тебя немедленно взяли на попечение твои друзья. Но твое сердце, доброе в некоторых отношениях и даже просвещенное, вмещает, однако, жесткость и упрямство. Вот по этой причине ты не распознал их присутствия.

Мужчина долго и с сомнением смотрел на своего собеседника наконец, запинаясь, задал вопрос.

Б. Что же со мной не так? Все, кого я встречаю, добры и счастливы, и всё же я как будто не могу присоединиться ни к какому обществу или найти подходящее для себя место. Что не так со мной?

А. Первое, что ты должен узнать, это что твое мнение может быть неправильным. Для начала я сам скажу тебе об одном ошибочном представлении. Этот мир не то место, как ты пытаешься себе вообразить, где все люди или только хорошие или только плохие. Они, во многом, такие, какими были на Земле. Во-вторых: твоя жена, которая перешла сюда несколько лет назад, находится в более высокой сфере, чем та, в которую ты будешь помещен, когда наконец приобретешь верное представление обо всем. Она не была равна тебе по уму в земной жизни, и не равна сейчас. Но ты на более низком плане, чем она, — потому что учитывается всё. Это второе, что ты должен принять, и принять *ex animo* («от души», чистосердечно). Ты не принимаешь этого, насколько я вижу по твоему лицу. Придется сделать это, тогда тебе, может быть, дадут возможность общаться с ней. В настоящее время это невозможно.

Глаза мужчины затуманились от слез, но он улыбнулся довольно приятно и грустно:

— Сэр, я чувствую, что вы — пророк.

А. Совершенно верно; и потому я скажу тебе еще об одном, что тебе придется принять: есть некто, кто присматривает за тобой всегда, кто всегда рядом, чтобы помочь тебе. Он пророк, или, скорее, провидец, как и я; и это он вложил эти слова в твой ум, чтобы ты повторил их мне.

Теперь лицо чужеземца стало мрачным. Он пытался получить верное представление о происходящем. Он спросил:

— Так это суетность, в ней моя вина?

А. Да, но суетность весьма сложного рода. Во многом ты мил и прост, и не лишен чувства любви, которая есть величайшая из всех сил. Но есть определенная жёсткость в твоём уме, скорее, чем в сердце, которую следует смягчить. Ты попал в привычную колею размышлений и должен выбраться из нее и посмотреть вдаль, или будешь топтаться на месте, как слепец, который может видеть. Есть некоторые вещи, которые ты видишь довольно ясно, а на остальные не обращаешь внимания. Помни, что изменить свое мнение перед лицом очевидности — это не слабость или отказ от убеждений, это признак честного ума. Вот что я еще скажу тебе: будь твоё сердце таким же твердым, как твой ум, ты не бродил бы здесь в полях Господнего света, но в темных краях вон там, за теми холмами — далеко позади них. Теперь я объяснил тебе, друг, насколько смог, твой весьма сложный случай. Остальное сделает другой.

Б. Кто?

А. Тот, о ком я уже говорил тебе; тот, кто опекает тебя.

Б. Где он?

А. Скоро он будет здесь.

Было отправлено послание, и опекун встал рядом со своим подопечным, который, однако, был не способен увидеть его.

А. Вот, он здесь. Спроси его, о чем хочешь.

Мужчина смотрел, полный сомнений и беспокойства, и затем спросил:

— Скажи мне, друг, если он здесь, почему я не могу его видеть?

А. Потому что на этой стадии развития твоего ума ты слеп. Веришь ли ты мне, когда я говорю, что ты, в некоторых аспектах, слеп?

Б. Я очень хорошо могу видеть, и вещи, которые я вижу, совершенно ясны, и страна абсолютно естественна и прекрасна. Я не слеп. Но я начинаю думать, здесь могут быть другие вещи, настолько же реальные, которые я видеть не могу, но увижу однажды, наверное, но...

А. Ну-ка, остановись на этом и забудь про это «но». А теперь смотри, я возьму твоего опекуна за руку.

Он затем взял правую руку наблюдателя в свою, предложив мужчине смотреть внимательно и сказать, если он что-нибудь увидит. Мужчине показалось, он видит что-то вроде прозрачной формы, которая могла быть реальной, а могла и не быть, но без всякого сомнения была наверняка.

А. Теперь возьми его руку в свою. Возьми ее у меня.

Мужчина протянул руку, принял руку опекуна у руководителя и заплакал.

Тот факт, что он протянул свою руку по приказу руководителя, показывает, что во время их беседы он уже продвинулся и немедленно получил свою награду. Кто-то другой крепко сжал его руку на какое-то время, и понемногу мужчина стал четче видеть и чувствовать его более и более явственно. Потом руководитель оставил их одних. Скоро мужчина будет способен слышать своего опекуна, так же как и видеть, и, без сомнения, он теперь пойдет вперед — от усилия к усилию.

Это должно показать тебе, с какими трудными случаями нам приходится иногда иметь дело. Свет и густая тьма, человечность и холодность, слепая гордость — всё смешано воедино, и трудно разделить их с успехом. Но такие проблемы интересны и, когда справишься с ними, дарят труженикам огромную радость.

Руби шлет свою любовь и это послание своим родителям: «Верьте мне, мои дорогие, когда те, кого мы любим на Земле, совершают хорошие и добрые дела и думают, и говорят добрые слова, они немедленно передаются сюда, и мы используем их, чтобы украсить наши комнаты».

ГЛАВА VI: Послание Астриэля¹

Четверг, 7 октября 1913 г.

С помощью тех, кто сейчас первый раз с нами, мы собираемся попробовать дать тебе небольшое наставление об истинах Веры, какими они видятся нам по эту сторону Завесы.

В отношении тех истин, которые люди воплотили в Символах Веры, мы мало что можем сказать, ведь сказано было уже много, но, хотя многое осталось по-прежнему несказанным, люди так плохо подготовлены к восприятию того, что нам следовало бы сказать. Поэтому мы предпочитаем предоставить вам самим отыскивать для себя истины, отметив, как бы между прочим, что все положения истины, если правильно их толковать.

Мы перейдем поэтому к разговору о том, что не слишком берется в расчет в нынешнее время. Это более привлечет внимание людей, когда они покончат с пререканиями по поводу аспектов истины, которые в конечном итоге, всего лишь аспекты, а не сама основополагающая истина. Если бы они стремились к тому, чтобы видеть всё в правильном соотношении, то многие из тех проблем, которые поглощают столько времени, перестали бы иметь для них такое большое значение, и тогда люди смогли бы сосредоточить свое внимание на более глубоких истинах, которые установлены и здесь — так же, как и у вас на Земле.

Об одном хотелось бы напомнить — о действенности молитвы и медитации. Ты уже получил некоторые наставления об этом, и мы дополним их.

Молитва — это не одна только просьба о чем-то, что хочется получить. Она нечто гораздо большее, и ее следует рассмотреть более тщательно, чем это делалось прежде. Чтобы придать молитве силу, надо отбросить в сторону всё временное и сосредоточить свой ум и дух на вечном. Когда ты сделаешь это, то обнаружишь, что многие позиции, которые ты включал в свою молитву, отпали из-за своей неуместности, и более величественные и обширные приобретения стали средоточием твоих духовных сил. Ведь молитва действительно созидательна, как упражнение воли, как это видно в чудесах Господа нашего, таких, например, как Насыщение Пяти Тысяч человек. И когда молитва возносится с этим убеждением, то создается объект, и молитва получает ответ. Объект отвечает субъекту таким образом, что появляется подлинное творение.

Этого не происходит, когда молитва направляется неверно. Тогда проекция воли скользит по касательной и эффект всего лишь пропорционален числу разрозненных лучей, которыми оказывается затронут объект. Кроме того, когда молитва смешивается с мотивами недостойными, она пропорционально ослабляется и также встречается с противодействующими или регулирующими волями на этой стороне, и потому желательный эффект не достигается.

Всё это может звучать весьма неопределенно, но для нас это истина. Ведь ты должен знать, что здесь существуют особо назначенные попечители над молитвами, обязанность которых — анализировать и рассматривать молитвы, возносимые теми, кто на Земле, разделять их по определениям и департаментам и передавать на рассмотрение другим, чтобы поступать с ними соответственно их достоинствам и силе.

Для того чтобы это делалось с совершенством, необходимо, чтобы мы изучали вибрации молитв, как ученые на Земле изучают вибрации звуков и света. Как они способны анализировать, и разделять, и классифицировать лучи света, так и мы способны поступать с вашими молитвами. И как бывают световые лучи, с которыми они, по общему признанию, неспособ-

---

¹ Послание Астриэля были даны в разные дни, однако они не были последовательны. В результате они врезались в сообщения, данные матерью мистера Вэйла Оуэна, таким образом, что почти ломали последовательность ее посланий, а также разрушали последовательность посланий самого Астриэля. Именно потому они собраны в отдельную главу.

ны обращаться, так и многие молитвы являют собой для нас те глубокие тоны, которые за пределами наших науки и знания. Тогда мы передаем их тем, кто выше рангом.

И не всегда такие молитвы можно встретить среди молитв мудрецов. Часто они встречаются у детей, чьи мольбы и вздохи рассматриваются у нас столь же внимательно, что и просьбы целых наций.

«Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом». Ты должен помнить эти слова, которые Ангел сказал Корнилию. Они часто остаются без внимания, не будучи понятыми как буквальное описание тех молитв и той милостыни, какими они представились этому Ангелу и были переданы, возможно, им самим и его товарищами по труду в более высокие сферы.

Это как если бы он сказал: «Твои молитвы и твоя милостыня прошли перед моей комиссией и были должным образом учтены за их заслуги. Мы пропустили их как достойные и получили уведомление от Должностных Лиц, что они исполнены исключительных заслуг и требуют особенного отношения. Поэтому я был направлен прийти к тебе». Мы стремимся со всей доступной нам настойчивостью описать этот случай вашим официальным деловым языком, чтобы помочь тебе понять настолько, насколько ты окажешься способен, обстоятельства, сопутствующие нашему рассказу.

Если ты изучишь примеры молитв из Библии под этим углом зрения, то получишь некоторые впечатления от реальности, какой она видится нам здесь, в нашей родной земле. А что применимо к молитве, может быть применено и к упражнению воли.

Ненависть, и нечистота, и жадность, и другие грехи духа и ума приобретают здесь весомость, которая не видна и не осознается в вашей сфере. И, увы, те, кто говорят, что Ангелы не могут горевать, мало знают о нашей любви к нашим собратьям, всё еще сражающимся на Земле. Увидь они нас, когда мы имеем дело с одним из таких злоупотреблений великого дара Отца, они бы, наверное, любили нас больше и возносили меньше.

Теперь мы предоставим тебе самому далее размышлять над этой материей, если ты сочтешь ее достойной этого, затронем иной предмет, который может быть одновременно интересным и полезным для тебя.

На верхушке башни твоей церкви есть флюгер в форме петуха. Ты можешь припомнить, что сам решил, какой формы он должен быть. Разве не так?

Я совершенно забыл об этом, пока вы мне не напомнили. Впрочем, вы совершенно правы. Архитектор спросил меня об этом, и я колебался между рыбой и петухом и, наконец, остановился на последнем. Меня, однако, удивляет, что вам есть что сказать по этому незначительному поводу.

Без сомнения. Видишь ли, всё это пустяки для тебя; но для нас почти нет пустяков. Тот факт, что подобие петуха высится над твоей башней, прямое следствие определенной деятельности твоего ума тогда, пять лет тому назад. Это пример творения. Многие улыбнутся этому, но нам это неважно, ведь и мы способны улыбаться, и некоторые из наших улыбок поставили бы тебя в тупик, можешь мне поверить.

Значение, которое ты имел в виду, когда принимал свое внешне не слишком важное решение, состояло в том, что всё должно было служить напоминанием о том, как Св. Петр отрекся от своего Господа. Ты понимал это как предостережение против того, чтобы не повторить этого преступления сегодня. Но ты не осознавал, что это внешне тривиальное решение было зафиксировано нами и воспринято совершенно серьезно.

Я должен сказать тебе, что постройка новой церкви — это событие, служащее здесь причиной нашей активной деятельности. Должны быть выбраны должностные лица, чтобы следить за службами и попечительствовать над строительством, и весь сонм духов-служителей распределен по разным сферам обязанностей. Твои ясновидящие друзья уже видели некоторых из них, но сравнительно немногих. Учитывается каждая деталь, не только в отношении характера священника, и паствы, и хора и так далее; и лучшие среди нас — что значит, самые подходящие — избираются, чтобы помочь в соответствии с ситуацией, которые мы усмотрели; даже мелкие строительные детали учитываются ежеминутно, особенно те, куда входит

символика, поскольку она имеет значение, не осознаваемое среди вас так, как здесь. Вот и случилось, что флюгер был так же учтен, и я напомнил тебе об этом, чтобы показать, что ничто не бывает упущено.

Было решение, что, поскольку петух был предпочтен другим символам, мы должны ответить на этот выбор, в соответствии с нашим обычаем, дав церкви какое-нибудь подходящее подношение в ответ. И этим подношением стал церковный колокол, на который мальчик из хора собрал деньги. У вас не было колокола, когда ваша церковь впервые была освящена. Птица стояла наверху, но не могла произнести вслух свое предупреждение, как ее прототип произнес его Св. Петру. И вот мы дали ей голос, и ваш колокол сегодня подает голос — как и вчера на вечерней молитве. И мы рады видеть, что тот, кто выбрал одно, заставляет другое говорить день за днем. Так тому и надлежит быть.

Ты полагаешь, у нас здесь свои причуды? Да, вероятно, так оно и есть; и все-таки вы были благодарны этому колоколу, разве нет, друг мой?

Да, действительно. И я благодарю вас за ваше доброе послание. Можно ли мне спросить, как ваше имя?

Астриэль, который покидает тебя со своим благословением.¹

Вторник, 9 октября 1913 г.

Мы рады новой возможности побеседовать с тобой. Никогда не воображай себе, будто мы затрудняемся приходом в земную сферу, потому что привилегия уравнивает это, и даже более того.

Возможно, если мы попытаемся просветить тебя относительно химии небесных тел, это может быть одновременно интересно и полезно для тебя. Мы подразумеваем не физический аспект науки, как его понимают современные ученые-астрономы, но более глубокое знание об их строении.

Каждая звезда, как ты знаешь, есть сама центр системы, которая включает в себя не только планеты, вращающиеся вокруг нее, но также и частицы материи, которые заполняют эту систему. Они слишком возвышенны, чтобы быть опознанными какой бы то ни было естественной наукой, доступной тем, кто обитает в физических телах и в своих исследованиях принужден пользоваться и материальными инструментами, и материальными мозгами.

Эти частицы — нечто среднее между чисто материальным и духовным, и могут быть использованы как в физических, так и в духовных структурах. Это как два уровня одной прогрессирующей структуры, и действуют, и откликаются на действие друг друга, подобно солнцу и его планете.

Гравитация приложима к этим частицам также с обеих сторон, и именно посредством этой силы — как мы назовем ее, поскольку это название вам знакомо, хотя все-таки плохо понято, — мы сцепляем эти частицы воедино и бываем способны время от времени так облучать наши духовные тела, чтобы сделаться видимыми для фотографической пластинки, а иногда и для человеческого глаза. Но мы делаем и нечто большее, чем это, и в более широких размерах. Не будь этих частиц, всё пространство было бы темным, никакой свет не мог бы передаваться от планеты, солнца или звезды к Земле; ведь именно из-за отражения и преломления в них лучи становятся видимы. Не могли бы они и передаваться, поскольку их передача и прохождение зависит от других элементов, о которых мы не скажем ничего больше, кроме следующего: это лучи света и не так называемые световые волны, которые видимы для человеческого глаза, но действие их на эти мельчайшие частицы, которые, при столкновении с ними этих лучей, становятся видимыми как волны.

Вашим ученым надо еще много узнать об этом предмете, но не наше дело — внушать то, что люди сами способны узнать с помощью сил, которыми располагают. Если бы поступали так, то польза, извлекаемая из вашего земного обучения, стала бы материально уменьшаться, вот почему мы тщательно следим за тем, чтобы дать вам столько, сколько надо, чтобы про-

¹ Астриэль всегда завершал свои сообщения знаком Креста.

двинуть вас вперед, не нейтрализуя благой эффект индивидуальных и коллективных устремлений. Держи это в уме, и, возможно, окажется, что это имеет отношение ко всему, что мы хотели бы объяснить тебе в таких посланиях, как это.

Звезды распространяют свой свет. Но для того чтобы распространить его, они прежде должны сами обладать им. И поскольку они не есть самосотворенные персоны, то свет этот должен быть им дан. Кто делает это, и как это делается?

На это, конечно, легко ответить: «Бог, потому что он есть Источник всего». Это вполне правильно, но, как ты знаешь, Он располагает Своими служителями, и им нет числа, и с каждым связано возложенное на него задание.

Звезды получают силу передавать свет от присутствия около них мириадов духовных существ, распределенных и упорядоченных в своих сферах, действующих в гармонии. Они имеют звезды в своем распоряжении, и именно от них проистекает энергия, которая дает звездам способность выполнять предназначенную им работу.

Мы бы хотели, чтобы ты понял, что не существует слепой или бессознательной силы во всем Господнем Царстве Творения. Ни луч света, ни тепловое излучение, ни электрические волны не исходят от вашего солнца, или какой-нибудь звезды, а следствие причины, и сознательной причины — Воли неких, обладающих сознанием существ, проявляющаяся энергетически в определенном и положительном направлении. Эти существа бывают множества рангов и видов. Но их работа контролируется теми, кто над ними, а те в свою очередь контролируются силами еще более высокого уровня и еще более возвышенными.

И так эти великие шары материи, будь то газообразной, или жидкой, или твердой, будь то звезды, или кометы, или планеты — все удерживаются вместе, и их силы проявляются в энергии и вызывают последствия не действием какого-то закона механики, а сознанием, живым существом, стоящим *за* и действующим *через* подобные законы. Мы используем словосочетание „обладающий сознанием”, предпочитая его слову «разумный», потому что последний термин не смог бы точно описать всех служителей Творца. Действительно, это слово в твоём понимании описывало бы только очень ограниченное их число. И тебе может показаться удивительным узнать, что те, к которым ты бы применил этот термин, это стоящие между низшими и высшими. Тогда как низшие труженики не есть действительные разумные существа, высшие более возвышены, чем этот термин мог подразумевать.

Между этими двумя есть сферы существ, которых можно было бы описать как разумных. Заметь хорошенько, что я не использую сейчас те термины, которые мы бы применяли здесь и которые ты узнаешь, когда перейдешь сюда и сколько-нибудь ознакомишься с обстоятельствами. Я пользуюсь земным языком и стремлюсь рассматривать вопрос с твоей точки зрения.

Теперь ты сумеешь из того, что мы уже передали тебе, понять, как тесны отношения между духом и материей, и когда накануне мы говорили о здании вашей церкви и об избрании попечителей и тружеников для заботы о материальном сооружении, мы говорили тебе о том же самом принципе, но в мельчайшем масштабе. Несмотря ни на что, это тот же принцип. Схема, которая обеспечивает содержание в исправности солнц и их планет, записана также в организации определенных скоплений атомов — иных в форме камня, других — дерева или кирпича, которая имеет результатом это новое единство, называемое тобой «церковью». Все они удерживаются вместе истекающей силой воли. Не то чтобы их положили туда и оставили в одиночестве. Будь оно так, здание бы распалось и рассыпалось на куски.

И, наконец, в свете того, что мы написали, подумай о том, что люди называют „различием чувств” при входе в церковь, или в театр, или в жилой дом, или в общественное здание. У каждого помещения свои, соответствующие только ему, эманации, и они являются следствиями действия того же самого принципа, который мы постарались описать. Это дух, говорящий с духом, — духи бестелесных тружеников, говорящие, посредством материальных частиц и их расположения и назначения, с духами тех, кто входит в это место.

Астриэль

Четверг, 16 октября 1913 г.

Случись нам сказать что-то, что может показаться тебе странным и нереальным, об этой нашей жизни в духовных сферах, помни, что здесь есть силы и условия, которые на Земле сокрыты от внешнего знания людей. Эти силы не вовсе отсутствуют в вашем окружении, но, по большей части, слишком глубоки, чтобы физический мозг мог в них проникнуть. Их могут, до определенной степени, ощутить или почувствовать духовно более развитые люди — но не более того. Ведь те, кто духовно возвышается над общим уровнем, касаются границ тех сфер, которые в настоящее время превышают норму среднего человека. И никакой объем умственных способностей или знаний не может достичь этого возвышения духа, поскольку эти вещи распознаются духовно, и только так.

Мы, присутствующие рядом с тобой этим вечером, еще раз пришли по приглашению твоей матери, чтобы поговорить о твоей работе и жизни, какими они представляются нам и какими мы имели честь узнать их. Разумеется, настолько, насколько нам это по силам. В конце концов, мы уже говорили тебе об ограничениях, которые испытываем при передаче подобного знания, которое, по этой причине, с неизбежностью должно быть неполным.

Первое, брат мой, мы даем тебе приветствие любви и мира в нашем общем Спасителе и Господе. Он здесь для нас то же, что Он есть там для вас. Но теперь мы понимаем многое из того, что не было ясно для нас, когда мы шли в гущу тени земной. И вот что мы скажем со всей торжественностью: пусть те, кто ныне среди вас, доискиваются смысла Его Божественности и ее соотношения с Его Человечностью и делают это бесстрашно и благоговейно. Ведь они получают руководство из этих областей. И пусть те, кто исполнен, всегда помнят, что нет никакой непочтительности к Нему, Кто Сам есть Истина, в том, чтобы допытываться Истины, какой Он ее открывает.

Как бы то ни было, друг, мы говорим тебе, с тем же бесстрашием и великим благоговением, что всё то, что говорится от имени «правoverия» среди христиан в земной Церкви, во многих смыслах не есть точное и подлинное представление Истины, какой мы смогли узнать ее здесь. Также мы видим в вас слишком мало готовности идти вперед и отсутствие отваги и веры в провидение Господа, Который, если люди последуют за Ним, поведет их всё больше и больше в сияющий свет, окутывающий тех, кто храбр, чтобы показать им верный и святой путь к Трону Его. Пусть люди помнят, что этот Трон будет разделён лишь храбрецами, которые сильны в преодолении, кто не боится действовать, и отваживаться, и платить за тех своих ближних, кто менее бесстрашен и менее просвещен.

Теперь мы продолжим наши наставления, и ты воспримешь их настолько, насколько можешь. То, что ты почувствуешь невозможным воспринять, оставь, и, возможно, по мере твоего продвижения обнаружишь, что оно понемногу встает на свое место, пока ты не поймешь его совершенно.

Мы говорили тебе раньше о небесных телах и их взаимодействии друг с другом. Теперь мы расскажем кое-что об их создании и о значении, которое они для нас несут с точки зрения их духовного содержания. Ведь ты поймешь, что каждая звезда и планета и каждая материальная вещь имеют свою духовную составляющую. Мы знаем — ты это понимаешь.

Небесные тела есть выражение в материи идей, порожденных в среде высоких Небесных Сфер Созидательной Энергией. Они, вкуче и по отдельности, есть следствие мыслей и побуждений, проистекающих из тех сфер. Когда мир находится в процессе творения, Высшие Существа непрерывно проявляют в виде энергии и проецируют в формирующуюся материю свое духовное влияние и, так сказать, характер. Так, хотя планеты вашей Системы все удовлетворяют одной великой схеме единства, они различаются своими индивидуальными характеристиками. Эти характеристики отвечают характеру Великих Правителей, в попечении Которых они, соответственно, состоят. Астрономы правы, когда говорят, что определенные элементы, которые составили Землю, можно найти, скажем, на Марсе и Юпитере и на самом Солнце. Но они бы ошиблись, если бы сказали, что их можно найти в той же пропорции или в сходной комбинации. Каждая планета отличается в этом от других, но все удовлетворяют одной, более широкой схеме, которая правит ими как Системой. То, что было здесь сказано

об элементах, которые вошли в Солнечную систему, может быть применено к более широкому спектру вещей. Если считать Солнечную систему элементом, она ни компоновкой элементов, ни планетарным составом не будет подобна другим Системам.

Мы уже объясняли причину этого. Она исходит из индивидуального ума Главного Правителя определенной Системы. Ему подчинены другие великие Правители, которые действуют в унисон с его руководящей идеей. Они обладают полной свободой во всем, что находится под их попечением, вплоть до мельчайших предметов творения — цветов, деревьев, животных и устройства облика планеты. Именно по причине этой свободы творения вы имеете такие различия в деталях; а по причине пределов проявления этой свободной индивидуальности вы имеете единство, которое, как вы обнаруживаете, проникает в каждый отдел и подраздел творения.

В подчинении этих руководителей состоят также мириады меньших служителей различных уровней сверху донизу вплоть до того, что некоторые из них едва ли могут быть названы личностями, поскольку принадлежат примитивным видам жизни, которые вы могли бы назвать чувственными в отличие от тех, которые, подобно нам, обладают не только разумом, но и той независимостью проявлений, которую мы знаем как свободную волю.

Вы подразумеваете эльфов, фей и элементалей, о которых пишут некоторые писатели?

Да, все они реальны и, по большей части, благожелательны; но они стоят много ниже человеческой сферы и потому менее известны, чем высокие уровни служения, такие, как души людей, и те, кто достиг ангельской степени.

Еще немного о самой Земле. Геологи рассказывают, почему одни из гор — аллювиального, а другие — вулканического происхождения. Если вы внимательно изучите этот предмет, вы обнаружите, что горы разного происхождения испускают определенные эманации, или, как можно было бы сказать, оказывают магнетическое воздействие. Это следствие изначальных энергий, вложенных в них теми, кто их создал. И эти свойства заслуживают более глубокого изучения, чем те, что проводились до настоящего времени. Химический состав был более или менее верно установлен. Но более тонкие влияния, проистекающие от вечно вибрирующих частиц, были забыты. Если иметь в виду, что никакая часть горы или скалы не остается в неподвижности, а все ее частицы состоят в движении, упорядоченном и постоянном, остается сделать один шаг, дабы осознать, что для того, чтобы это движение могло поддерживаться, должна наличествовать некая великая сила и, стоящая за этой силой личность, выражением которой она является.

Так оно и есть. Гибельное влияние, оказываемое некоторыми драгоценными камнями на людей, чье отношение к камням неправильно, подтверждает это. С другой стороны, тебе приходилось слышать и о камнях, приносящих удачу. Исключи всякое представление о случайности и замени это упорядоченной системой причин и следствий, не забудь о значении невежества в отрицании всякого природного закона, и ты увидишь — есть истина в том, что мы пытались объяснить.

Мы ограничили наши соображения царством минералов, но та же истина может быть приложена к царствам растений и животных. Об этом мы не будем говорить сегодня. То, о чем мы говорили, преследовало цель показать простор для тех, кто имеет научный склад ума и не боится пойти дальше, чем ученые до сей поры позволяли себе заходить.

Итак, весь материальный мир творения есть ничто в себе и сам по себе. Он есть лишь проявление, на более низком плане, личностей с высших планов, следствие, которому их воля служит причиной. Как человек день за днем оставляет отпечаток своего характера на своей работе, так и эти великие Повелители-Творцы и их служители оставили отпечаток своих личностей на этих материальных феноменах.

Ничто не остается неподвижным, всё беспрестанно движется. Это движение контролируется и упорядочено, и это есть основание постоянного энергетического проявления личностей. Как более низшие уровни служения обязаны своим существованием высшим Повелителям, так и они — тем, кто более тонкого уровня, а те — Единой Высшей Энергии, еди-

ному Само-Сущему, Чья Воля есть наша жизнь и Чья Мудрость более чудесна, чем мы можем выразить это в словах или в мыслях. Которого должно почитать всем тем, кто в Нем, и нам, которые, в Христе нашем Господе и Спасителе, пребывают в Нем, а Он в нас. Аминь.

Пятница, 24 октября 1913 г.

Мы обдумали, что могло бы более всего заинтересовать тебя, и заключили, что если мы расскажем тебе о силах, которые надзирают за миром, то, возможно, проведем тебя и тех, кто желает следовать за тобой, немного вперед к великому знанию, которое предстанет перед вами, когда вы откинете прочь все помехи земной жизни и освободитесь для восхождения к более высоким областям духа.

Спасибо за любезность, которую вы оказываете мне, приходя сюда вниз, в эту туманную область, каковой она должна вам казаться.

Ты сказал — «приходя сюда вниз», и это довольно хорошо выражает положение вещей, с твоей точки зрения. И всё же не исчерпывающе, не совершенно. Ведь если планета, на которой ты живешь свою нынешнюю жизнь, зависит от пространства, тогда «верх» и «низ» — это термины, которые должны быть очень ограничены в своем значении. Ты уже отмечал это в своих записях, или, вернее, тебе было внушено отметить это.

Когда мы говорим «силы, которые надзирают за миром», мы, разумеется, не предполагаем локализовать эти силы по одну сторону от этой планеты, но подразумеваем всеохватывающий надзор, который небесные силы ведут за сферой, что зовется «Землей». Эти силы пребывают в зонах, для которых сама Земля является центром, и они располагаются concentрическими кругами вокруг нее. Внутренние зоны — это те, что близки к поверхности планеты и сила, и слава духовных существ нарастают по мере того как расстояние увеличивается. Однако следует расширить значение пространства применительно к этим сферам; ведь расстояние для нас не имеет того смысла — препятствия, которое оно имеет для вас.

Например, если я в Десятой из этих зон, моя компетенция ограничена, более или менее, этой Десятой зоной, то есть ее внешней границей. Я могу, по случаю и по приглашению, посещать Одиннадцатую зону или даже идти выше; но постоянное пребывание в тех высших зонах мне не разрешено. С другой стороны, внутренние, по отношению к Десятой, зоне не являются для меня недоступными; ведь зона, в которой я обитаю, будучи сферой, включает внутри себя, даже при геометрическом рассмотрении, все девять внутренних сфер. Так что можно сказать так: Земля есть центр, вокруг которого находится много сфер, и она включена во все эти сферы. И те, кто обитает в земной жизни, соприкасаются со всеми этими сферами потенциально, а также в действительности, пропорционально высоте своего духовного состояния — именно духовного, потому что эти сферы духовны, а не материальны.

Даже материальная сфера Земли является таковой лишь феноменально, потому что она есть проявление в материи всех тех зон духовной силы, которые ее окружают; а также и других, другого уровня, которые наполняют ее изнутри.

Теперь у тебя некоторое представление о том, что есть устремление, молитва и поклонение. Это средства сообщения с Создателем и Теми Его Высокими и Святыми, Которые (если облечь это в форму, которую ты поймешь) обитают в самой высшей, или внешней, из этих сфер и заключают в Себе все зоны внутри высшей зоны, или сферы.

И так же Земля окутывается, и включается, и испытывает воздействие духовных сил различного уровня, возложенных Создателем — Богом — на служителей всех сфер, которые ее окружают.

Но по мере своего продвижения вовне ты приходишь к пониманию более многосоставного положения дел. Не только одна Земля, но каждая планета Солнечной системы имеет свой комплект духовных зон, или сфер. Так что по мере движения всё дальше и дальше от Земли попадаешь в область, где сферы Земли и ближайшей планеты взаимно пересекаются друг с другом. Сложность многократно умножается, и начинаешь видеть, что изучение этих сфер не так просто, как полагают иные люди, требующие от нас подробных сведений об этом.

Нарисуй схему Солнечной системы с Солнцем в ее центре и планетами на их предполагаемых местах вокруг него. Затем окружи Землю, скажем, сотней кругов. Прodelай то же с Юпитером, Марсом, Венерой и прочими планетами и оформи подобным же образом Солнце. Теперь ты получишь смутное представление о нашей работе и ее захватывающе интересной, но бездонной глубине смысла, который включает в наши изыскания также и исследование Сфер Бога.

Но на этом наша проблема не исчерпывается до конца. Ведь то, что применимо к Солнечной системе, должно быть применимо и к Системе каждой другой звезды и ее планет. Тогда после того как каждая Система была рассмотрена в отдельности, все они должны быть изучены в их отношении друг с другом. Поразмысли над этим, и ты признаешь, я думаю, что не будет пределов применению твоих умственных сил, когда ты перейдешь сюда.

Далее, нас иногда спрашивают, сколько существует сфер. Что ж, после приведенных выше объяснений я не жду, что этот вопрос будет задан тобой. Задай ты его, и мы будем вынуждены ответить: «Мы не знаем», и сильно сомневаемся, что наш ответ изменился бы, если бы этот вопрос задали через миллион миллионов эр.

А теперь, товарищ и дружественный дух, мы хотим просить тебя учесть еще один аспект этого предмета. Мы сказали, что сферы есть сферы духовной силы, что два мира влияют друг на друга посредством того, что ваши ученые называют «гравитацией», что две сферы духовной силы, приходя во взаимодействие, не могут не влиять и не отвечать на влияние друг друга. Обратясь к мысленной схеме Солнечной системы, ты увидишь, что на Землю с неизбежностью влияет большое число сфер и что великое множество их — это сферы Солнца и других планет.

Да, друг, есть нечто в астрологических идеях, и, возможно, ваши ученые правильно делают, что избегают их, поскольку не в состоянии их понять. Такие прогнозы чреватy опасностью для тех, кто не понимает, что духовная сила — это духовная сила, что она огромна и реальна и каждая сфера подкрепляется или видоизменяется другими. Изучение этих предметов должно производиться с величайшим почтением и молитвой, поскольку это области, которые легко посещают Ангелы высшего уровня, а мы, меньшего уровня, наблюдаем и изумляемся Возвышенности того Сущего, Который объединяет это всё в Себе и Который не имеет Имени, которое могло быть передано нам, кто способен преодолеть лишь малую часть расстояния до Него, кто способен увидеть лишь малую часть пути, а потом свет становится тьмою по причине своей яркости.

Мы клятвенно заверяем тебя, друг, и тех, кто будет с благоговением думать о предметах, которые не можешь понять, что, если чудо вновь и вновь приводит нас в замешательство, всё же мы никогда не теряем этого чувства Присутствия, Чье дыхание — дыхание любви, и Чье руководство так же нежно, как руководство матери маленьким своим ребенком. Поэтому мы, как и ты, берем Его руку и не ведаем страха; и музыка сфер повсюду вокруг нас, когда мы переходим от славы к дальнейшей славе. Иди по этой дороге всегда, наш брат в Нем. Никогда не бойся и не утомляйся путем, поскольку туманы рассеиваются по мере твоего продвижения, и свет усиливается, становясь более отдаленным светом, что изливается в неведомое, которое никогда не страшит. Так мы и ступаем — осторожно и смиренно, как маленькие дети, среди славы планет и небес, относящихся к солнцам и сферам, и среди славы Любви Господней!

Друг и брат, мы благодарим тебя за возможность осуществить нашу службу. Пусть она принесет пользу, малую или большую, немногим или многим, ищущим истины. Будь уверен в нашей помощи и в благословении.

Суббота, 25 октября 1913 г.

Мы, если тебе угодно, продолжим наше вчерашнее послание относительно тех сфер силы, которые воздействуют на Землю.

Относительно Солнечной системы ты увидишь, что мы пока не упоминали обо всех сложностях, возникающих при изучении этих сфер. Ведь не только концентрические круги

зон вокруг планет и Солнца смешиваются друг с другом, но и взаимная комбинация их постоянно меняется с изменением положения — взаимного их приближения или удаления. Правильно сказать, что нет одной-двух секунд, когда бы воздействие их на поверхность Земли было бы одинаковым.

Также и сочетание их влияний не бывает одинаково по своему воздействию или интенсивности по всей Земле в одно и то же время, но различается в различных местностях. В дальнейшем должен быть принят в расчет и поток излучения, идущий в эту Солнечную систему из Систем других звезд. Всё это должно быть учтено, ведь имей в виду, что мы говорим о зонах и сферах духовных существ, чьи силы проявляются в виде энергии непрерывно и чье бдение никогда не прекращается.

Итак, это грубый очерк условий, существующих среди планетных систем, внешнее проявление которых видимо для глаза и телескопа астронома. Но то, что таким образом можно обозреть, есть лишь малая малость в сравнении с целым. Это как фонтанчик водяной пыли, который обрызгивает мореплавателя, когда тот стоит на носу корабля. Он видит крохотные капли воды, когда они мелькают, рассыпая вокруг отраженный свет, и говорит, что они бесчисленны. Но что же тогда сказать о самом океане, из которого они появились и в который должны вернуться?

Так же можно сказать и о звездном небе. Как маленькое облачко водяной пыли соотносится с океаном, так и усыпанные звездами небеса, видимые с поверхности Земли, соотносятся с Космосом.

Теперь шагнем в своих раздумьях немного дальше. Сам космос есть лишь термин, используемый, чтобы описать неопишное. Он поэтому лишен определенного значения. Один из ваших стихотворцев начал поэму о космосе и в отчаянии бросил ее. Благоразумно, поскольку, если бы он упорствовал в стремлении дать адекватное суждение по этой теме, он был бы вынужден писать поэму вечно.

Ведь что такое «космос», и где границы его? Или он безграничен? Если так, то он не имеет центра. Где же тогда Бог, Местопребывание Его? О нем говорят как о Центре всего Творения. Но что такое «Творение»? Творение, которое соотносится с космосом, или творение, которое незримо?

Сейчас бессмысленно, с точки зрения практических нужд, строить предположения о том, чего мы не понимаем. Полезно иногда прочувствовать эти вещи, чтобы понять свою ограниченность. Оставим это, поговорим теперь о том, что мы, в определенной степени, способны понять.

Все зоны, о которых мы говорили, населены существами в соответствии с их уровнем, и они перемещаются от одной сферы к другой, более высокой — по мере накопления знаний. Из того, что мы уже написали, ты увидишь, что когда мы поднимаемся от низшей к высшим сферам, настает черед областей сфер, являющихся межпланетными, поскольку они заключают в пределах своей окружности более чем одну планету. Продолжая восхождение, мы доходим до уровня, где сферы имеют такой диаметр, что становятся межзвездными, то есть они заключают в пределах своей окружности несколько планет, звезд или солнц. Все они заполнены существами, в соответствии с их уровнем, или тонкостью, святостью и силой, и влияние их распространяется на всё духовное и материальное внутри той сферы, к которой они принадлежат. Мы поднялись, как ты понял, только от планеты к звезде и от звезды к звезде в их группировке. Далее сферы, еще более потрясающие воображение и еще более безбрежные. Но о них мы в нашей Десятой Сфере знаем лишь немного.

Ты лишь при большом усилии своего воображения сможешь осознать смысл, который мы имели в виду, когда писали прошлым вечером о Нем, Чье Имя для нас неведомо и непознаваемо. Итак, когда ты поклоняешься Творцу, у тебя нет, я полагаю, никакого определенного представления о Ранге подразумеваемого тобой Творца. Легко сказать, что ты имеешь в виду Творца всего сущего. Но что ты подразумеваешь подо «всем»?

Ты прав, когда молишься Творцу и Отцу всего, что бы ты ни подразумевал. Твоя молитва приходит сначала в низшие сферы, а через них в высшие, и какая-то молитва идет дальше,

чем другие молитвы, в более высокие сферы в соответствии с ее достоинствами и присущей ей силой. А какая-то идет бесконечно далеко. Много выше нас есть Сфер Христа, несравненной яркости света и внушающей благоговения красоты. Твоя молитва следует тогда к Отцу через Него, то есть через Того, Кто пришел на Землю и явился как Христос.

Далее, все то, что мы сказали, истинно, хотя это истина, выраженная до некоторой степени неадекватна из-за ограниченности как нас, говорящих с тобой, так и твоего собственного земного состояния. Ты должен понимать, что, когда мы говорим о прохождении через сферы, мы используем выражения ограниченного характера, говоря об этом как о путешествии от одной точки через другую к третьей.

Мы чувствуем, что разобрали этот вопрос вдоль и поперек и должны отказаться от дальнейших усилий вместить в узкий стакан земного знания весь урожай бескрайних небесных виноградников. Одно достаточно знать и тебе и нам: **Землепашец и Виноградарь** — оба уверены в своей силе и мудрости, чтобы общаться с нами. К ним направлено наше странствие, и наша обязанность — делать дело, делать его тщательно и завершать совершенно, а затем протягивать руку за новым заданием, следующим по порядку. Когда и оно хорошо исполнено, нас будет ожидать другое. Мы никогда не обнаружим, что сделали всё. Ведь когда некто развивается, он всё больше и больше чувствует присутствие истины, скрытой за словами «навек», «мир без конца». Чувствуешь ли ты это, друг?

А теперь благословляем тебя и оставляем с надеждой, что сможешь прийти снова, поскольку есть в этом сладость, в том, чтобы наклоняться с шепотом к желающим слушать. Будь уверен, друг — и скажи другим, что жизнь, которая ожидает вас, не бестелесный сон в сумеречных краях где-то за границей реального и действительного. Нет, она деятельна и насыщена, эта наша жизнь. Она заполнена служением и усилиями, увенчивающимися успехом; терпеливым преодолением препятствий и упорством воле, настраивающихся в созвучие друг с другом в товарищеской службе Господу Любви, Чью Жизнь мы чувствуем и вдыхаем, но Которого мы не видим, и Чей Дом слишком возвышен для нас, чтобы узнать его.

Вперед прорываемся мы и часто берем за руку одного из тех, кто немного позади нас, а другой рукой хватаемся за край одежды того, кто немного впереди. И так мы идем, брат мой; так же делаешь и ты и те, другие, которые трудятся вместе с тобой. И если мы находимся немного впереди, что ж, есть много таких, кто остается сзади. Возьми их руку в свою, но мягко, памятуя о своей относительной хрупкости, и, если задача будет слишком тяжелой для тебя, не выпускай той руки, которую ты держишь, но протяни другую вперед — и вот моя рука и многих из тех, кто с нами. Ты не потерпишь неудачи, так что сохраняй и свое зрение, и свою жизнь яркими и чистыми. Нет, пусть лучше это зрение становится всё более славным, ведь разве не написано, друг, что те, кто чист сердцем, узрят **Бога**?

Пятница, 31 октября 1913 г.

Те, кто говорит, что мы приходим на Землю, чтобы помочь, правы. Но те, кто надеются, что мы будем помогать до такой степени, что их собственные усилия станут не нужны, ошибаются. Нам не дозволено настолько всё для вас облегчить, чтобы уменьшить ценность земного учения. И хотя это кажется настолько разумным, что почти является трюизмом, всё же есть много таких, кто ждет от нас, чтобы мы сделали за них то, что только они сами могут сделать.

Кто это пишет? Я почувствовал, что формулировки не вполне такие, как у моей матери и ее спутниц.

Астриэль и мои товарищи по труду в Десятой Сфере развития.

Часто, разумеется, формулировки не похожи, потому что у нас разные характеры, разные сферы, а также разный пол, который и здесь не лишен специфических особенностей. И также потому, что мы принадлежим к другому земному периоду по сравнению с твоей матерью и ее подругами — я жил на Земле значительно раньше, в Англии, когда Георг Пятый был королем. А некоторые из нас, еще раньше.

А теперь поговорим о том, о чем предполагали. Нам дозволено помогать, но с благоразумием. Когда люди предполагают, что мы должны помочь им, к примеру, в научных исследованиях, они бесспорно забывают, что Бог дал им собственные умы, чтобы пользоваться ими в Его службе. И до определенного момента им предоставлено идти своим естественным путем, а когда они сделают всё, что смогут, мы снова и снова указываем им путь вперед и помогаем в дальнейшем развитии.

Можешь ли ты привести пример?

Я помню, что однажды воздействовал на человека, который исследовал законы психологии на предмете видений и снов. Он хотел выяснить, что было причиной определенных снов, являющихся пророческими — связь между сном как таковым и событием, которое он предсказывал. Он обратился ко мне, и я сказал ему, что он должен продолжать свои исследования и пользоваться своим собственным умом, и, если будет правильно, ему дадут понять.

В тот вечер я встретил его, когда он уснул, и проводил в одну из наших лабораторий, где мы экспериментировали над изображением в видимой форме событий, находящихся вблизи настоящего момента; а именно событий, которые произошли недавно, и тех, что произойдут в скором будущем. Мы не могли продвинуться на более ранние или более далекие события именно в этой лаборатории. Это делается теми, кто в высших сферах.

На экранах аппаратов мы вызвали изображение окрестностей, в которых он жил, и велели ему смотреть внимательно. Особенным моментом был въезд в город одной важной персоны с большой свитой. Когда показ завершился, он поблагодарил нас и мы вновь проводили его обратно к земному телу.

Он пробудился утром с чувством, что побывал в обществе людей, которые ставили опыты в некоей области науки, но не мог припомнить, чего она касалась. Но когда утром он шел на работу, лицо человека, которого он увидел в толпе, живо напомнило ему некоторые эпизоды опыта во сне.

Несколько дней спустя открыв газету, он увидел сообщение, что в город предполагается визит той самой персоны, которую он видел во сне. Тогда он начал размышлять над всем этим.

Он не помнил ни обсерватории, ни картин на экране, которые мы показывали ему. Но он четко вспомнил лицо человека и сам визит. Когда наши тела спят, — размышлял он, мы сами, по крайней мере иногда, идем в сферу четырех измерений. Это четвертое измерение таково, что дает возможность тем, кто пребывает там, заглядывать в будущее. Но, возвращаясь обратно, в область трех измерений, мы не способны принести с собой всё, что испытали, хотя нам удастся ухватить моменты, которые естественны для низшей сферы, такие, как лицо земного обитателя и прибытие процессии.

Таким образом, связь между провидческим сном и самими событиями есть отношение состояния четырех измерений к состоянию трех. Первое же, обладая большей вместимостью, чем последнее, покрывает в каждый момент времени более значительную область зрения, касательно времени и последовательности событий, чем может последнее.

Размышляя таким образом, мужчина максимально использовал свои собственные мыслительные способности и достиг такого продвижения вперед в знании, какое я только мог ему указать. Сделав это, [он продвинулся в умственной тренировке и силе](#). Ведь хотя его заключение было не вполне верным, но в общем правильным и пригодным для всех практических нужд в умственном отношении. Я не мог бы вместить в него больше того, что он выяснил сам.

Итак, это метод нашей работы, и, когда люди жалуются на нас и нетерпеливо требуют, чтобы этот метод был изменен в соответствии с их представлениями о подходящем пути, — что ж, нам приходится предоставить их самим себе. [А когда их умы станут более смиренными и восприимчивы, мы вернемся и продолжим](#).

А теперь, друг, мы расскажем тебе о непосредственном отношении всего этого к твоему случаю. Ты иногда удивляешься, почему мы не делаем эти послания более яркими, когда ты записываешь их, чтобы у тебя не было сомнений в том, что они исходят от нас. Что же, по-

думай обо всем в свете сказанного, и ты увидишь что время от времени тебе давалось как раз столько, чтобы помочь тебе оказать помощь самому себе.

Твое обучение всё еще продолжается. Но если ты будешь продолжать его с верой, ты обнаружишь, что всё становится более ясным. Принимай то, что внутренне тебе не противоречит. Не ищи в этих посланиях доказательств или опровержений, а скорее — логичность. Мы не даем тебе слишком много, но даем тебе всё, что должно тебе помочь. Будь критичен, но не теряй душевного равновесия. В твоей жизни гораздо больше истинного, чем ложного. Ищи истину, и ты найдешь ее. Остерегайся ложного, но без суеверного страха. Когда ты держишь путь по склону горы, твой ум предупреждает об опасности в двух направлениях — ищет правильной и надежной опоры для ноги и избегает опасных мест. И всё же ты уделяешь больше внимания позитивному, чем негативному; и это правильно, иначе твое путешествие будет слишком медленным. Иди так, чтобы не оскальзываться; но идти вперед бесстрашно, потому что именно те, кто боятся, теряют равновесие и чаще всего оказываются в бедственном положении.

Господь с тобой, друг. Его Присутствие здесь исполнено славы и сияет через туманы, которые окутывают Землю; и это сияние могут увидеть все — кроме слепца, который не может видеть.

Часть вторая: НЕБЕСНЫЕ НАГОРЬЯ.

ГЛАВА I: Вступление.

Понедельник, 3 ноября 1913 г.

Здесь Забдиэль, твой наставник, и хочет говорить с тобой.

Буду очень рад, если он окажет мне эту любезность.

Сейчас я впервые имею возможность, друг мой, присоединиться к посланиям, которые твоя мать и ее подруги посылают через тебя твоим братьям. Настало время, когда я могу продолжить давать тебе, с твоей помощью, наставления, если ты желаешь продолжения.

Премного обязан тебе, господин. Пожалуйста, скажи, чего ты хотел бы сейчас.

Чтобы ты сел и записывал мои послания, как делал это последние две недели со своей матерью и ее подругами.

Значит, моя мать уступает место тебе?

Да, таково ее желание. Время от времени, однако, ты будешь узнавать кое-что о ней, да и от нее самой и других твоих друзей.

Чему ты предполагаешь посвятить свой цикл наставлений?

Он о развитии добра и зла, о нынешних и будущих намерениях Бога относительно Церкви Христовой и, через нее, человечества в целом. От тебя, мой друг и подопечный, зависит, решишь ли ты продолжать или остановишься на этом. Я предупреждаю тебя, что, хотя я буду соблюдать считающееся здесь благоразумным правило скорее помогать движению вперед, нежели открывать потрясающие сознание истины, все-таки многое из того, о чем мне придется сказать, будет, в силу своей природы, тревожить тебя, пока ты не воспримешь этого и не придешь к пониманию логической последовательности учения, которое я должен тебе внушить.

Что с теми посланиями, которые я получил от матери и ее подруг? Они будут прерваны? Они не закончены — у них нет должного завершения.

Они вполне хороши и в том виде, в каком были даны тебе. Помни, никогда и не предполагалось придать им вид законченного повествования или романа. Может, они обрывочны, но бесполезны для тех, кто читает их с нужным настроением.

Могу, кстати, сказать, что запись, которую ты сделал в последний раз, как и все предыдущие записи, полученные от нас, — лишь подготовка к дальнейшему продвижению вперед, которое я тебе сейчас предлагаю.

Начнем сейчас; а ты будешь продолжать, по мере возможностей, день за днем, как делал до этого. Я знаю о твоей работе и обязательствах и свои распределю соответственно этому, поскольку моя работа связана с твоей.

Я сделаю всё от меня зависящее. Но, признаюсь со всей искренностью, задача меня страшит. Я не чувствую себя достаточно развитым для весьма нелегкой умственной работы, которую ты предлагаешь.

Нас, как и прежде, поддержит сила Господа нашего Христа.

Ну что же, тогда, может быть, ты для начала расскажешь мне немного о себе?

Не на себе собираюсь я сосредоточивать твое внимание, друг, но на посланиях, переходящих от меня к тебе и через тебя к нашим братьям-христианам, прокладывающим путь через туманы споров, сомнений и напрасных усилий. Я хочу помочь им и тебе, мой питомец; и таковым будет дано, и они передадут его другим. Выбор за тобой.

Я уже выбрал. Никаких сомнений. Если ты будешь снисходителен, Забдиэль, и согласишься воспользоваться столь плохим инструментом, как я. Я буду стараться изо всех сил. Это я могу обещать. Так что ты скажешь о себе?

Моя миссия гораздо важнее моей персоны, которую легче всего обрисовать в передаваемых тебе посланиях. Люди подозрительны к тому, кто претендует на большее, чем они могут понять. Они верят, когда читают: «Я Габриэль, который стоит в Присутствии Господнем», потому что это было сказано в далеком прошлом. Но если бы я сказал тебе: «Я Забдиэль, который пришел к тебе из Высших Мест с посланием от тех, что почитаются в Небесных Обителях как Святые и Князья Любви и Света», — ты же знаешь, мой друг и питомец, какое выражение приняли бы их лица. Поэтому позволь мне говорить и суди меня по этой миссии, возложенной на меня, — будет ли она истинная и высокая или нет — и этого будет достаточно. Однажды, дорогой друг, ты посмотришь на меня моими глазами и в этот день узнаешь меня лучше и будешь рад.

Хорошо, господин. Я, надо полагать, не обладаю ни даром ясновидения, ни яснослышания, ни какими-либо способностями медиума. Но признаю: всё, уже написанное, убедило меня в том, что оно пришло ко мне извне. Так что, если ты пожелаешь, то и я тоже. Большего я не могу сказать и знаю, что обещаю тебе немного.

Этого достаточно, а то, чего тебе не хватает, я должен буду восполнить своей силой.

Что же, сегодня я ничего больше не скажу, потому что знаю, ты должен идти; тебя ждет работа.

Бог да пребудет с тобой, мой питомец, в Господе Христе. Аминь (Забдиэль всегда завершал свои послания знаком креста.).

Вторник, 4 ноябрь 1913 г.

Да пребудет с тобой прощение и мир, друг, и спокойствие ума.

Чтобы всё то, что мне надо сказать, не было неправильно понято, я хотел бы начать вот с чего: здесь, в этих областях, мы не слишком заботимся о вещах второстепенных, но ищем то, что непосредственно касается нашего нынешнего пути вперед, овладеваем этим и так продвигаемся шаг за шагом по твердой и надежной земле. Истинно, вопросы бесконечности не чужды нашим умам — природа и присутствие Абсолюта и Единого и обстоятельства, связанные с Ним, — всё это не отбрасывается совершенно. Но мы удовлетворяемся тем, что оставляем это непонятым, хотя знаем, судя по собственному опыту в нижних областях, что те, кто над нами, предназначают для нас благословение даже большее, чем наше нынешнее. И потому мы идем вперед в совершенных вере и доверии, счастливые своим продвижением и в то же время без нетерпения по отношению к будущему. Поэтому, когда я стану говорить те-

бе о добре и зле, я буду касаться, по большей части, тех вещей, которые мы можем прояснить для тебя, и это будет всего лишь как одна капля по сравнению с радугой, и даже менее того.

Есть индивидуумы, утверждающие, что зла не существует. Они заблуждаются. Если зло — это отрицательная величина по отношению к положительному добру, оно так же реально, как и добро. Ведь тогда можно было бы сказать, что нет такого состояния, как ночь, и что она лишь отрицательный аспект света и дня. Добро и зло — условия отношений между отдельными существами и Единым Сущим и, поскольку такое отношение есть определяющее условие соответствующего результата, то и само возмущение есть второстепенная причина тягот и бедствий бунта.

Самá огромная сила Господней Любви становится ужасной, сталкиваясь с препятствиями. Чем стремительнее поток, тем мощнее бьет прибой о встречные скалы. Чем жарче огонь, тем полнее сгорает топливо, которое подбрасывают в него и которым он питается. И хотя кому-то может показаться кощунственным даже произнести такие слова, всё-таки сама сила Любви, которая струится через мир, сотворенный Отцом, вызывает самую сильную боль, сталкиваясь с противодействием и нарушающей гармонию преградой.

Даже в земной жизни ты можешь испытать и подтвердить эту истину. Ведь нет горше раскаяния и угрызений совести, чем те, что проистекают из осознания любви к нам тех, кого мы обидели.

Это есть пламя адово и ничто другое. И что, если не это, делает ад реальностью? Мы, которые видели, знаем, что только от раскаяния и осознания, что все деяния Бога есть деяния любви, муки адовы разверзаются перед грешником, и лишь после этого достигает он наибольшей силы.

Но если это так, если зло реально, то реальны и злые существа. Слепота — это неспособность видеть. Это отрицательное состояние, или изъян. Это состояние того, кто имеет четыре чувства вместо пяти. Однако, когда тот, кто был рожден слепым, узнает о таком чувстве, как зрение, он начинает ощущать его нехватку, и чем больше он понимает его нехватку, тем чувствительнее становится для него отсутствие зрения. Так и с грехом. Здесь обычно практика называет тех, кто во тьме, «неразвитыми». Это не отрицательный термин — им был бы «регрессировавшие». И про обоих я скажу — не «потеря», а «отсутствие». Рожденный слепым не потерял способность видеть, а лишен ее. Грешник тоже скорее не имеет, чем утрачивает способность ценить добро. Он слепец от рождения, а не потерявший зрение в результате несчастья.

Отсюда объяснение слов Св. Иоанна, что те, кто познал истину, не могут грешить — не в теоретическом, а в практическом рассмотрении. Ведь трудно представить, как могут те, кто познал радость света и всю даруемую им красоту, вырвать свои глаза и так ослепнуть.

Поэтому те, кто грешит, делают это по причине отсутствия знания и неспособности оценить добро и красоту и, как слепые, причиняют себе страдания, если их не ведут способные видеть — поводыри, во плоти или бесплотные. Так обстоит дело и с теми, кто духовно слеп.

Ты мог бы сказать, что люди на самом деле отступаются и теряют милость Божью. Те, кто так поступает, подобны тем, кто имеет несовершенное зрение или не различает один или несколько цветов. Они никогда не видят в совершенстве, и этот недостаток неведом им до тех пор, пока не проявится и их несовершенство станет явным. Ведь цветовая слепота — это когда зрение, в большей или меньшей степени, неразвито. Только лишь пользуясь своим зрением, он сохраняет его таким же, а отказываясь от него, он регрессирует. Так и с грешником.

Ты будешь ошеломлен, узнав, что многие из тех, кто живет внешне доброй и праведной жизнью на Земле, оказываются здесь среди самых неразвитых. Однако это правда. Они прошли через жизнь, так и не развив многие из своих духовных способностей, и, когда вступили в мир, где всё духовно, их недостаток стал виден. Лишь постепенно приходят они к пониманию отсутствия в них того, что они не подозревали так долго — совсем как невосприимчи-

вые к цвету люди живут и умирают, так и не узнав о несовершенстве своего зрения; часто оно бывает скрыто и от их близких.

Не мог бы ты привести мне пример?

Учившие лишь части истины должны учиться здесь, как учить истине целиком. Большинство людей принимают факт вдохновения, но отрицают, что это обычная и постоянная милость Господня к человеку. Когда они переходят сюда, то бывают вдохновлены, если это можно так определить, и здесь узнают, сколь многим были обязаны в земном своем учении тем, кто использовал этот метод тайно для них. Сначала они должны восполнить этот недостаток в знании, и лишь потом смогут двигаться вперед.

Итак, зло есть противоположность добра, но оба могут присутствовать, как тебе известно, в одном человеке. Только свободная воля делает человека ответственным как за добро, так и за зло в его сердце. Об этой свободной воле, о природе и применении ее я буду говорить в другой раз.

Пусть Бог будет с тобой, друг, и хранит тебя в своей Милости. Аминь.

Среда, 8 ноября 1913 г.

Если ты на время предашься мне умом, я постараюсь продолжить свой рассказ относительно проблемы зла и его отношения к тому, что есть добро. Это, в действительности, относительные понятия, и ни одно из них не абсолютно, как предполагается с точки зрения человека на Земле. Ведь невозможно, чтобы тот, в ком уживаются оба эти чувства, мог бы ясно определить и обозначить каждое из них — но только влияние каждого, какими они видятся в их проявлениях.

Не будем также забывать, что нечто, кажущееся добром или злом одному человеку, не обязательно представляется таковым в глазах другого, особенно для людей разной веры, образа мышления и стиля жизни в обществе. Поэтому в различении этих двух начал есть лишь одна возможность: надо ясно усвоить фундаментальные принципы, лежащие в основе каждого, а более тонкие нюансы этих качеств препоручить будущему, когда они постепенно будут становиться всё более понятными.

Итак, зло есть бунт против законов Бога, проявленных в Его деятельности. Мудрый человек стремится идти в том же направлении, что и ход этих законов. Тот, кто злонамеренно или вследствие невежества противодействует этому течению, немедленно обнаруживает перед собой препятствие, и, если он упорствует в своем противодействии, случается беда.

Ведь Жизнь Высшая, которая действует в творении и питает его энергией, есть сила, противодействие которой разрушительно. И если бы человек заключал в себе достаточно сил, чтобы его противодействие, стоящее на пути этой громадной силы, могло хотя бы на миг остановить ее течение, гибель стала бы его жребием, когда эта сдерживаемая энергия вновь обрушилась бы на него. Но никто из людей не способен противодействовать Богу в такой степени, и в силу этого сама наша слабость служит нам гарантией против такого уничтожения.

Порой в продолжение бóльшего или меньшего времени, и часто даже тысячи лет, если исчислять временем Земли, человек может коснеть в своем упрямстве. Но еще не создан такой человек, который мог бы длить это до бесконечности. И это милосердный предел, положенный нашим Отцом-Создателем вокруг и внутри нас, чтобы Он не терял нас или любого из своих детей, без возврата на веки вечные.

Давай поэтому, взглянув на стадию отклонения от естественного для человека движения с Богом, посмотрим на другой путь — в том направлении, куда стремятся все вещи. Ведь истинно, зло преходяще, и независимо от того, уйдет ли оно вовсе из Его мироздания или нет, из каждого индивида оно уйдет почти наверняка, когда рассеется сила его противодействия и он получит свободу следовать в триумфальной процессии тех, кто становится ярче, переходя от славы к еще большей и сияющей славе.

По этой причине Царство Христово однажды совершенно очистится от зла, потому что люди соберут эту Церковь, и, когда последний вольется в нее, будет она завершена в своей

сияющей славе — возможно, чтобы служить, как многие здесь верят, другим мирам, нуждающимся в помощи и поддержке в тяготах, как и ваш теперешний мир.

Когда мы находимся на земном плане, где я стою сейчас, мы часто видим одновременно множество людей, а иногда лишь немногих. Эти люди различаются яркостью, в соответствии со степенью их святости на Земле; в соответствии со степенью, в которой каждый человек сам по себе способен отражать божественный свет духа, что струится через нас к вам. Некоторые же кажутся очень тусклыми, и они, когда переходят сюда, отправятся в тусклые края, соответственно своей тусклости. Так что то, кем некто кажется другим, а другие ему, соответствует определенному окружению и атмосфере, в которых протекает их жизнь. Это «собственное их место». Позволь мне привести пример, чтобы сделать это более ясным для тебя. Если электрическая искра вспыхнет в полной тьме, контраст будет слишком сильным, чтобы показаться гармоничным. Мы скажем, что эта искра была не в должном своем элементе и вызвала нарушение среди тьмы, из-за которого на миг всё замерло. Люди, пробирающиеся по узкой тропе во тьме, останавливаются и трут глаза, пока не смогут видеть настолько, чтобы продолжить путь. Ночные животные тоже замирают на миг и не двигаются.

Но если эта вспыхнет в атмосфере сияющего дня, нарушение не так сильно, а если бы она вспыхнула на солнце, там она уже не была бы контрастна и смешалась с яркостью светила.

Так что те, чья яркость велика, идут в такие сферы, яркость которых согласуется с их собственной. Но те, чьи тела — я имею в виду духовные тела — имеют грубую ткань и излучают мало света, являются тусклыми, идут в те тусклые сферы, в которых они чувствуют себя настолько удобно, что могут добиваться своего спасения. В действительности им не может быть «удобно» ни в каком смысле этого слова; но всё-таки в ярких сферах им было бы еще более невыносимо, чем в тех тусклых краях. Пока их собственная яркость не усилится.

Во всех, кто переходит сюда с Земли, есть некоторая темнота, которая окутывает их, как густая пелена тумана. Но многие уже стремятся пробиться через этот туман к более ясным областям.

А теперь посмотрим вверх: там пролегает Царский Путь, Столбовая Дорога к Его Святому Городу и Обиталищу Его присущего Величия. По этому пути идем мы шаг за шагом; и с каждым пройденным шагом видим, что свет всё усиливается, и наши товарищи, и мы сами пронизываемся яркостью, как и красотой, тем больше, чем дальше мы идем. И мы радуемся, что нам разрешается, на разное время в зависимости от потребностей тех, кто на Земле, возвращаться по своим следам и помогать вам на пути, который раскрылся нам столь сияющим и исполненным Красоты Его Присутствия.

И к этому, мой друг и подопечный, мы будем стремиться, если твое мнение не переменилось до настоящего времени. Думаю, ты будешь упорным. Но знай, что многие пускались в путь, но затем, разуверившись в яркости, потому что она раздражала их непривыкшие глаза, сворачивали в тусклые закоулки, где их зрение было меньше угнетено. Мы смотрим, как они там бредут, и вздыхаем, и принимаемся искать других, кто, быть может, окажется достаточно сильным, чтобы вынести нашу яркость.

Бог следит за тем, чтобы твои ноги не скользили, а глаза не были затуманены, и, хотя земными словами ты не сумеешь описать то, что узнаешь, мы всё-таки постараемся помочь тебе записать так много, чтобы и другие повлеклись так просить, чтобы дано им было, так искать, чтобы нашли, и осмелиться на то, чтобы стучать, и так стучать, чтобы открылись Врата и обнаружилось яркость и слава, скрывающиеся за ними.

Понедельник, 10 ноября 1913 г.

Когда я стою на земном плане, вне его и далеко вверху лежат сферы, в некоторые из которых я проникал, а жителем Десятой сам являюсь. Эти сферы — не столько нечто, соответствующее местностям на Земле, сколько состояния жизни и силы, соответственно развитию индивида. Ты уже получил некоторые наставления относительно множественности этих

сфер силы, потому я не буду продолжать об этом. Я предпочел бы увлечь твой ум ввысь в области света и деятельности по другому руслу.

Добро достигает всего, что бы ему хотелось, двумя способами. Посредством силы внутренней добрый человек, будь он во плоти или бесплотен, может одновременно возвысить то, что ниже его, и низвести то, что выше его — так он и делает; не только одной лишь молитвой, но также, по праву, силой.

Это происходит благодаря тому, что человек настраивается в лад с Божественной Волей; ведь в какой мере он способен согласоваться с Божественным окружением, в такой мере он способен действовать посредством этого окружения, а именно, сообщать энергию и осуществлять различные деяния. Деяния, которые он может таким образом совершить, многообразны даже для того, кто смог подняться лишь до малого числа сфер, и эти деяния, отражаясь через Завесу в вашу жизнь, считаются чудесами.

Например. Здесь есть те, кому поручен надзор над элементами, обуславливающими Землю и всё, что растет на Земле. Они делятся на разряды и подразряды и все подчинены одному Могуущественному Правителю. Те, кто более низкого сословия, выполняют свою работу по определенным, не допускающим нарушения закона, принятым в более высоких сферах. Их ты знаешь как духов-элементалов, и их великое множество числом и видом.

Законы, о которых я говорю, очень сложны и усложняются по мере удаления от родной для них сферы; но если бы мы могли добраться до их источника и проследить их снизу доверху, то обнаружили бы, что они немногочисленны и просты, а в своем истоке слиты воедино. Обо всём этом я, прошедший лишь малый путь, могу только размышлять на основании того, что наблюдал при восхождении; рискну предположить, что единый закон или принцип, из которого излучаются все меньшие законы и принципы, точнее всего можно было бы охарактеризовать словом «любовь». Ведь в нашем понимании Любовь и Единство не сильно разнятся, если не вовсе совпадают. По крайней мере, мы открыли вот что: всё, что является раздельным во всех областях и владениях на нашем уровне и в сферах ниже нашей, вплоть до земной сферы, является, в той или иной степени отрицанием Любви в ее наиболее сильном и подлинном значении.

Но эта проблема — самая трудная для обсуждения здесь и сейчас; ведь было бы очень трудно объяснить тебе, как всякого рода многообразие, которое ты видишь вокруг, происходит — как это видится нам отсюда — из того же разъединяющего действия и всё же наделено такой чудесной мудростью и так прекрасно. Если ты заменишь слово «отрицание» понятием «Единства» в два раза меньшего, а потом в три раза меньшего и так далее, то, может быть, получишь слабый отблеск той философии, которая принята среди нас относительно Единства, излучающегося во множественность действительности.

Хотя вся деятельность духов-элементалов управляется законом, им дана свобода. И в этом состоит огромная прелесть, потому что, как ты согласишься, много красоты заключено в разнообразии и в изобретательности тех, кто питает энергией растительную жизнь.

Некоторые из законов, которые управляют элементалами и теми, кто выше их, я пока не могу понять. Какие-то понимаю, но не способен передать тебе. Но о некоторых я могу тебе рассказать.

Итак, может показаться, что в своей работе они должны соблюдать только одно правило: когда спланирована какая-либо схема развития семейства растений, ее надо стремиться привести, в основной ее сущности, к естественному завершению. Вся армия подчиненных удерживается в рамках этого неизменного закона эволюции. Если замышляется семейство дубов, то семейство дубов должно таковым остаться. Оно может развернуться в ряд подразрядов, но это должны быть подразряды дубов. Недопустимо, чтобы оно переходило в семейство папоротников или морских водорослей.

Другой закон. Ни одно из отделений духовных тружеников не должно отрицать действия другого. Они не обязательно должны работать согласованно; но их действия должны протекать в направлении модификации, а не полного отрицания, которое означало бы уничтожение.

Так мы выясняем, что, если скрестить два растения одного семейства, в результате получится растение-гибрид, или разновидность. Но если растение одного семейства скрещивать с растениями другого семейства, результата не будет. И ни в одном из этих случаев не произойдет взаимоуничтожения.

Паразит может проникнуть в дерево. За этим следует борьба. В конце концов, дерево обычно проигрывает и платит за это жизнью. Но оно сдаётся не сразу. Борьба длится, и иногда дереву удается победить. Но здесь у нас понимают, что те, кто разработал и провел в жизнь идею паразитов, в основном выиграл битву сил.

Так продолжается война, и, посмотрев на нее с этой точки зрения, ты увидишь, насколько всё это интересно.

А теперь я должен рассказать тебе нечто, на что уже намекал и что тебе будет трудно принять. Все главные принципы, даже когда они различны в действии, планируются в сферах более высоких, чем моя, высокими и могущественными Князьями, полномочия которых даруются им еще более высокими, получающими свои полномочия от тех, кто выше их.

Я употребил слово «различные» вместо «противодействующие», потому что среди тех Высших Сущностей противодействие не имеет места, а есть лишь различия в характере мудрости, которые и являются причиной удивительного разнообразия в природе. Если противодействие и появляется, так только в тех сферах, где излучаемая мудрость ослабевает из-за своего движения вовне во всех направлениях через сферы бесчисленных мириадов наделенных свободной волей существ, и истощается, и преломляется в пути.

И всё-таки, если ты подумаешь о звездах разной величины и состава и о водах моря, по природе своей неподвижных, но из-за движения Земли и притяжения отдаленных тел двигающихся без отдыха, а затем о более разряженной атмосфере, которая также откликается на притяжение и отталкивание вил, воздействующих на Землю, и вовлекает в движение более тяжелую жидкость; и обо всём разнообразии форм и цвета царств трав и растений, и деревьев, и цветов, и насекомых, и жизни более развитой — птиц и животных; и о непрерывном движении среди них всех; и о том, каким образом им разрешается охотиться друг на друга и всё-таки не доходить до полного взаимоуничтожения, чтобы не исчезнуть; тогда разве станешь ты, мой подопечный и друг, сомневаться, что, воистину, самое чудесное в Боге — то, как он действует, и что чудесность служит наилучшим оправданием тех средств, которые Он позволил применять и использовать высшим из своих слуг, а также и способа их применения?

Его Святым Именем я благословляю тебя, друг, — и ступай с миром.

ГЛАВА II: Люди и ангелы.

Среда, 12 ноября 1913 г.

Если бы возможно было, друг, достичь такого единства, чтобы мы могли взглянуть на вещи с одной точки зрения, насколько проще было бы мне объяснить те предметы, о которых мы говорим. Но ты смотришь по одну сторону Завесы, которая протянулась между вещами и их причинами, а я по другую. Так что наши взгляды сами по себе противоположны, и добиваясь того, чтобы все эти вопросы показались тебе простыми, я должен, волей-неволей, оборачиваться и смотреть в обратном направлении и, насколько это в моих силах, скорее твоими, чем своими глазами.

Я это делаю, насколько в моих силах, поэтому призываю тебя всмотреться вместе со мной в более высокие достижения творения обратно их естественному направлению и спускаясь от Высших Сущностей вовне к сферам, где заявляют о себе те, кого относят к материальным существам.

Двигаясь так, мы обнаружим, что вещи, известные нам как принадлежащие к нашему окружению, в низших сферах начинают захватывать иные аспекты: они преобразуются для зрения и меняют субстанцию для органов чувств, но по-прежнему имеют отношение к тем

вещам, которые существуют в сфере материи, или к тем, что выше — как Солнце имеет отношение к вращению Земли.

Рассмотрим сначала вопрос света. Свет известен на Земле по причине его контраста с темнотой, которая, единственно, есть состояние отсутствия света и по внутренней сути лишена содержания или ценности. Так что, когда мы говорим о темноте, мы имеем в виду отсутствие определенных вибраций, которые заставляют сетчатку глаза распознавать присутствие внешних вещей.

В областях духовной тьмы по эту сторону Завесы также соблюдается подобное положение. Ведь те, кто пребывает во тьме, лишены вибраций извне, позволяющих другим видеть внешние вещи. Их состояние — это состояние неспособности получать такие вибрации. Когда их духовные способности подвергнутся изменениям, они смогут видеть более или менее ясно. Кроме того, эти вибрации имеют в ваших краях более грубое качество, чем в краях духовного здоровья. Так что даже для тех добрых духов, которые к вам проникают и чье чувство зрения более совершенно, тьма всё-таки абсолютно очевидна, а свет, благодаря которому они видят, тускл. Так что, как ты понимаешь, существует взаимодействие между духом и окружением духа, и оно настолько выверено, беспрестанно и непрерывно и являет постоянное состояние жизни.

В более высоких сферах взаимодействие между духами и их окружением также сохраняется и, по мере нашего продвижения, «внешний свет» становится всё более и более совершенным и насыщенным. Так что те, кто обитает в нашей Четвертой Сфере, не могут проникнуть в Пятую и остаться там, пока не станут настолько развитыми, чтобы с легкостью выдерживать степень насыщенности света в этой сфере. Однако, если они достигают Пятой Сферы, постепенно продвигаясь, они скоро привыкают к ее свету. И если они вернутся в Четвертую, она покажется им более тусклой. Спустились они во Вторую или Первую Сферы, они с трудом могли бы пользоваться тамошними грубыми вибрациями света и были бы вынуждены с трудом приноравливаться к обстоятельствам, которые когда-то были для них естественными.

Когда мы спускаемся в твою земную сферу, мы видим людей посредством духовного света, который люди содержат в себе. И тех, кто имеет более высокий духовный уровень, мы видим гораздо яснее.

Не имей мы способностей, кроме способности зрения, мы бы, я полагаю, испытывали трудности в том, чтобы найти путь назад и к тем, к кому хотим прийти.

Теперь ты понимаешь, как можно буквально воспринимать слова: «Кто обитает в свете, которого не может достичь никакой человек». Редко кто в земной жизни способен подняться на много сфер вверх; и свет, который изливается свыше, ослепляет даже тех, кто сильно развит.

Подумай, какую красоту заключает в себе этот навеки совершенный свет! У вас на Земле есть цвета, очаровательные для глаза. Какой же тогда должна быть красота по эту сторону Завесы! Даже то, что видел я сам, прошедший совсем короткую дорогу, почти не поддается описанию на языке, которым я говорю с тобой сейчас.

Те, кто любит красоту, найдут неиссякаемый источник радости, и так как [свет и святость идут рука об руку](#), то и они, продвинувшись в одном, получают большую усладу от другого. Есть Красота Святости, и она превосходит всё, что могут представить себе смертные. О ней стоит размышлять, и если ты будешь всегда помнить о ней, то всё, что прекрасно на Земле, скажет тебе более открыто о высших красотах Небесных Краев, где радость жизни такая, какую только можно пожелать.

Суббота, 15 ноября 1913 г.

А теперь, мой друг и подопечный, я хотел помочь тебе взглянуть еще на один предмет с моей точки зрения, а предмет этот — действительное отношение духовной силы и энергии к феномену развития небесных тел, какими они предстали перед учеными мужами, сформулировавшими законы, в соответствии с которыми всё происходит.

Понятие «небесные тела» имеет двойное значение и может толковаться в зависимости от меры и качеств индивидуального ума. Для одних — небесные светила созданы из небесной материи, для других — они есть не что иное, как проявления и результаты возбуждения энергии духовной жизнью. Способ действия этой духовной жизни также понимается неодинаково. Сказать, что Бог создал всё — значит говорить о многом немногими словами. Но значительность воплощенной в них истины громадна; и те, кто способен подняться в более ясный свет, чем тот, что находится в тусклых местностях земного плана, сочли бы более справедливым сказать, что истина в этих словах не столько воплощена, сколько погребена. Из простейших истин происходят великие вещи; и из самых элементарных геометрических фигур рождаются самые удивительные сочетания бесконечного движения. Ведь только чистейшие и простейшие вещи годятся на то, чтобы пользоваться ими с наибольшей свободой и без путаницы. И это дает основание для вечности, будь то на Земле или в отдаленных глубинах космоса, через которые движутся эти миры и системы — бесконечно, поскольку их курс упорядочен с совершенством.

Не будет преувеличением сказать, что назначенные пути движения этих тел и небесных систем определяются двумя принципами: принципом прямой линии и принципом линии кривой. Будет даже более правильно и точно сказать, что их орбиты можно определить как зависящие от одного только принципа, а именно от принципа прямой линии. Всё, движущееся вперед, приводится в движение правильным и прямым курсом, но одновременно перемещается и по кривой. Астрономы поймут это, но я в порядке пояснения приведу один пример.

Предположим, Земля отправляется в путь. Она движется по прямой линии из некоторой точки. Это ее потенциальное движение. Но едва она покинула эту точку, как начинает падать к Солнцу, и немного погодя мы обнаруживаем, что она движется по эллипсу. Здесь нет прямой линии, но есть серии кривых, соединяющихся в одну фигуру, в орбиту Земли.

Но всё-таки притяжение Солнца действовало по прямой линии. Именно сочетание этих двух прямых линий энергии — импульса Земли и притяжения Солнца, действуя непрерывно, превратило путь Земли из прямой линии в эллиптическую, такую, в которую влились и придали ей целостность многие элементы кривой. Я пренебрегаю другими влияниями, которые вновь изменяют ее, чтобы сосредоточить твой ум на этом великом принципе. Я сформулирую его так: «Две прямые линии энергии, воздействуя друг на друга, продолжают замкнутую кривую».

Обе, как ты мог заметить, действуют совершенно упорядоченно; и обе являются прекрасными и удивительными силами. Ведь уже то, что всякое материальное тело вообще может двигаться, кажется удивительным, и это действительно так. Хотя каждая из сил изменяет другую и большая преобладает над меньшей, не лишая ее присущей ей силы и свободы движения, они, в результате объединенного действия — воздействующего и направленного строго противоположно — порождают фигуру более прекрасную, чем две прямые линии, которые по отношению к ней есть то же, что родители по отношению к ребенку.

Однако, размышляя над другими творениями Бога, но мало понимая их, вы, люди, слишком охотно готовы сомневаться в Нем и Его способах действия. Вы видите противодействие сил в человеческой жизни и говорите, что в этом Его план несовершенен. Вы считаете, Ему надо было сделать всё иначе; и многие сомневаются в Его мудрости и Его любви, потому что, видя лишь малую часть кривой огромной орбиты существования, вы не можете сделать иного вывода кроме того, что всё падает, идет к уничтожению; или, по крайней мере, что прямая и правильная линия была бы лучшим курсом, чем эти сочетания, которые отклоняют импульс человеческой жизни от его прямого и прогрессивного пути эволюции: без страданий и без боли.

Мой дорогой друг и подопечный, всё могло бы быть совершенно наоборот, но никогда, ни на йоту оно не было бы таким восхитительным, каким будет на пути, который Он, Создавший всё и Видящий итог всего, для этого предназначил. Силы, которые в противодействии порождают напряжение, и мучения, и боль, подобны тем, которые формируют орбиту

Земли; и Тот, Кто видит совершенную форму, увидел, что силы эти должны действовать именно так, и терпеливо ожидает завершения этой Своей совершенной схемы.

Мы здесь видим не всю и не большую часть дороги, что перед нами; и всё же мы видим больше вас и ровно столько, чтобы можно было довольствоваться этим и продвигаться вперед, помогая другим, удовлетворяясь и веря, что всё будет хорошо впереди, как бы далеко мы ни зашли. Ведь сейчас нам не приходится с огромным трудом всматриваться в путь, которым мы идем. Мы видим путь в ясной солнечной атмосфере этих небесных краев, и скажу тебе, что орбита человеческой жизни в своем движении к завершению тоже прекрасна: так прекрасна и вдобавок так восхитительна, что мы часто застываем в благоговейном удивлении перед Величием соединенной с Мудростью Любви Того, перед Кем мы склоняемся в глубоком поклонении, выразить которое неспособны никакие мои слова, но единственно — чаяние моего сердца.

Аминь, и благословляю тебя, друг. Смотри вверх и будь бесстрашен, потому что, поверь мне, всё справедливо впереди и всё хорошо.

Понедельник, 17 ноября 1913 г.

«Что ты видишь, впиши в книгу». Эти слова Ангел сказал Иоанну на Патмосе, и тот выполнил приказание в меру своих сил. Он описал всё увиденное и вручил своим братьям; и с тех пор поныне люди стараются доискаться до смысла написанного. Они применяют один метод за другим и признают, что всякий раз заходят в тупик.

Однако тупик этот они создают для себя сами, потому что умеют они читать, как читают малые дети, они сумели бы открыть дверь подходящим ключом и войти в Царство, чтобы увидеть, какие красоты ожидают тех, кто способен просто воспринимать простые слова простого человека и — верить.

Но люди всегда любили сложность и в ней искали глубин мудрости. И безуспешно, ведь, глядя на поверхность стекла, они были ослеплены и обмануты игрой отраженного света, тогда как следовало бы смотреть сквозь и за него на скрытые там чудеса.

Так люди прибавляют сложность к сложности и называют это «знанием». Но знание — это никоим образом не сложность, но ее отсутствие. Так что я пытаюсь объяснить что-либо тебе, а через тебя остальным, не смотри так много на поверхность вещей и не сомневайся в словах и фразах, таких родных для себя, потому что это мой материал, из которого я складываю свой дом; и лишь то, что нахожу я в твоём уме, я могу использовать.

Более того, все прошлые годы тебя готовили, в частности, к твоей теперешней миссии, и там, где мы бессильны, ты сам будешь приходить к нам на помощь. Мы можем показать тебе нечто — ты должен записывать. Итак, что ты видишь, записывай в книгу и распространяй, чтобы люди могли встретиться с этим, каждый в меру своих возможностей и того, насколько способности каждого разбужены к восприятию духовного. Итак, довольно об этом. Ступай с нами, и мы расскажем тебе столько, сколько сможем.

Ты говоришь «мы». Кто же это, кроме тебя?

Мы работаем все вместе, друг. Одни телесно присутствуют здесь рядом со мной, другие — в своих сферах, но способны посылать помощь, не покидая их. К тому же определенная помощь только так и может быть оказана. Как водолаз на дне моря должен всегда получать воздух от тех, кто постоянно находится наверху, столь же полезно, чтобы и нам служили в то время, как мы сами служим. Благодаря этому мы способны более ясно говорить с твоим умом о высших истинах, когда находимся на этом тусклом и грубом нижнем плане — будто на дне океана, где нам недостает нашего обычного воздуха и наш свет неясно просматривается вдали. Подумай об этом и о нас подобным образом, и ты сможешь понять часть нашей задачи.

Находятся такие, кто спрашивает, почему сегодня Ангелы не являются во множестве, как в старые времена. В этих немногих словах заключено множество ошибок, и две из них выделяются особо. Ведь, во-первых, Ангелы высоких уровней никогда не приходили на земной план во множестве, но раз-другой за целые века; и тогда это отмечалось в анналах вели-

ких событий. Ангелы не приходят на Землю в прямом смысле и зримом облике, кроме разве очень редких и особых случаев. Это было бы усложнением нашей и без того сложной задачи: сначала водолаз должен погрузиться в темные и очень глубокие воды, а затем привести себя в такое состояние, чтобы стать видимым для тех почти совершенно слепых созданий, обитающих на поверхности которых является океанское дно.

Нет, мы трудимся для людей и присутствуем рядом с ними, соответственно правилам и методам, которых требует каждое задание. И здесь вскрывается вторая ошибка: ведь мы действительно приходим на Землю постоянно. Но в слове «приходим» скрыто больше лжи, чем я могу выразить. Ведь даже те, кто живет по эту сторону, в сферах между нами и вами, всё-таки не понимают наших сил и способов их проявления, но поймут это по мере своего развития. И давай остановимся на этом.

А теперь я объясню тебе другое — лицемерие Иаковом Ангела у Иакова, когда он боролся с Ним и побеждал. [Быт., XXXII, 22-29.] Что бы значила, думаешь ты, эта борьба; и в чем причина сокрытия Ангелом своего имени?

Я думаю, эта борьба была телесной борьбой; и что Иакову позволено было победить, чтобы он увидел, что его борьба с подобным себе во время пребывания в Падам Аране не будет бесплодной — что он победит. Думаю, Ангел скрыл свое имя, потому что было бы незаконно назвать его человеку, всё еще пребывающему во плоти.

Что же, первый ответ лучше второго, который говорит не слишком многое. Поскольку, видишь ли, если он не назвался потому, что это было бы незаконно, спросим, почему это было незаконно?

Борьба была реальной и настоящей, но всё-таки не такой, как обычная борьба людей. Смертный не может прикоснуться к Ангелу безнаказанно. Ведь сила Ангела была такова, что одно прикосновение к бедру Иакова вызвало вывих. И разве Иаков мог удержать его голыми руками? Но Ангела удерживала воля Иакова; не потому, что воля у Иакова была сильнее, чем у Ангела, но благодаря снисходительности Ангела. Ты удивляешься этой огромной терпимости? Вспомни о Господе нашем Христе и его унижении людьми, и ты перестанешь удивляться. Любезность — одно из внешних проявлений любви и не может быть оставлена без внимания в том долгом курсе обучения, благодаря которому мы становимся такими как есть.

Так что Ангела можно было удержать, потому что он это позволил. Но не в этом была победа Иакова. Только что осознанная им самим сила воли и характера превзошла на время его более тонкие чувства и потребовала благословения. Его он получил, но — не имя Ангела.

Было бы не слишком точно сказать, что назвать имя было бы незаконно. Иногда они называют. Но в этом случае иначе, и вот по какой причине: много силы содержится в произнесении имени. Знай об этом и помни всегда; ведь множество несчастий постоянно случается из-за неправильного использования имени, несчастий, которым удивляются и часто считают незаслуженными. Иаков ради его же блага был лишен знания имени Ангела. Нельзя было позволить ему требовать слишком многого. Он вошел в очень близкий контакт с великой силой, и надо было положить предел его приближению, или битва, которую он всё еще должен был вести, уже не была бы его битвой.

В твоём уме вопрос относительно неблагоразумности требовать чего-либо у нас. Тебе может показаться странным, но у этих сфер часто требуют помощи, и она бывает оказана, и всё-таки было бы лучше использовать собственные ресурсы и обретать большую силу, чем посредством помощи.

Если имя с сильным чувством произносится теми, кто на Земле, обладатель этого имени не может не узнать об этом. Он прибывает и делает всё, что можно и нужно.

Не сомневаюсь, что Иаков лучше справился со своим соперничеством с Исавом, и со своими сыновьями, и с голодом, и со многими испытаниями, через которые ему пришлось пройти, противопоставляя им силу своей личности, чем если бы он всегда звал на помощь своего Ангела-Хранителя. В такой помощи ему часто было бы отказано, а он, не в силах понять, мог бы ослабеть в своей вере и начать сомневаться. Иногда помощь была бы ему дана,

и таким очевидным способом, который почти не потребовал бы вдохновения и потому мало что давал для развития.

Но я не буду больше распространяться об этом. Ссылаясь на эпизод с Иаковым, я последовал цель показать тебе, что ты не отдален от нас, а мы от тебя, хотя ты и не видишь нас и не слышишь наших голосов. Мы говорим, и ты слышишь, но, скорее, глубоко в себе, чем внешним слухом. И видишь, но зрением, скорее, внутренним. И этим ты должен довольствоваться; ведь мы довольствуемся этим и будем и дальше приходить к тебе, так что продолжай свое дело в спокойствии духа и в молитве Наивысшему через посредничество Его Сына, Которому мы служим и Именем Которого мы приходим.

Вторник, 18 ноября 1913 г.

Когда все зримые вещи были созданы, одно было оставлено не вполне оконченным, потому что было последним и величайшим из всего, и это был человек. Он был оставлен развиваться. Дав ему во владение великую силу, ему показали путь вперед, который он должен пройти. Но не в одиночку. Ведь вся Иерархия небесных сфер была поставлена смотреть, как поступит он с дарами, что были ему даны.

Я не говорю сейчас об эволюции, как ее понимают ученые, и не о падениях и новых подъемах, как учат те, кто избрал для себя теологическое знание, но, скорее, о стремлениях человека. Нам позволено взвешивать его будущее и немного заглядывать в те отдаленные пределы и обширнейшие края, что простираются перед всеми нами.

Мы не можем стеснять себя пределами доктринальной теологии, как ее понимают у вас. Ведь, воистину, они так тесны и так узки, что тому, кто долго жил в более просторном помещении, будет страшно втискиваться туда, где его плечи упираются в противоположные стены узкого коридора, а каждый шаг вперед во сто крат ухудшает его долю.

Нет, мой друг, хотя это и будет сокрушительным потрясением для тех, для кого ортодоксальность стала и дыханием и жизнью, еще более печально для нас видеть их боящимися применять свободу воли и разума, что была у них, пока они не сбились с пути, спутав костное повиновение законам и скрижалям с преданностью Тому, Чья Правда свободна.

Поразмысли немного. Каким Господином-Другом является Он для них, трепещущих перед Его неудовольствием? Ждет ли Он и следит ли со зловещей улыбкой, чтобы схватить в свою сеть тех, кто осмеливается самостоятельно думать и будет искренне заблуждаться? Или Он говорит: «Поскольку Вы равнодушны, я отвергну Вас»? Живите, и дерзайте, и применяйте силы, что даны вам, с молитвой и благоговением, и тогда, если Вам случится ошибиться, виной тому будет не упрямство и умысел, но доброе намерение. Стреляйте крепкой стрелой и стоя твердо, и даже если Вы промахнетесь раз или два, всё-таки оставайтесь стоять так же прочно. И хотя ваш выстрел не удостоится похвалы, всё же это Ему на добрую службу. И вы его сделали, насколько то было в ваших силах. Не бойтесь. Не тех, кто борется, и стреляет, и иногда промахивается, отвергает Он, но малодушных, которые вообще боятся сражаться за Него. Это я говорю смело, потому что знаю, повидав результаты обоих способов жизни, что это правда.

А теперь, мой подопечный и товарищ по служению в Воинстве Господа, выслушай меня внимательно, потому что я должен сказать тебе то, что может быть не слишком близко твоему образу мыслей, и я желал бы, чтобы ты записал всё правильно.

Здесь среди перешедших много тех, кто не находит в себе возможности принять Христа как Бога. На эту тему много говорилось по обе стороны Завесы. Ведь не только среди вас на Земле, но и здесь мы должны искать, чтобы знать, и милости откровения не сыплются на нас; и наша свобода мыслей не сковывается никакой высшей силой, кроме нашей собственной. Нас тоже опекают, как и вас, но не принуждают. Так что и здесь много тех, кто говорит, что Христос — это не Бог, и, говоря так, думают, что на том и делу конец.

Моя теперешняя цель состоит не в том, чтобы доказать тебе обратную истину. Скорее я хотел бы попытаться показать тебе и им сущность этого вопроса и то, что употребление по-

нятий, которые предварительно не были опровергнуты, не приводит к его пониманию даже в малой степени.

Итак, первое, — что понимается под «Богом»? Имеют ли в виду находящуюся в определенном месте личность, когда думают об Отце — такую же личность, как человек? Если так, то Христос — не Он, потому что это создало бы двойную личность или две личности в одной, и различить каждую из них было бы невозможно. Не так должно пониматься Единство, о котором Он говорил. Две равноправные личности, соединенные вместе, это труднопредставимое условие, и человек сразу же отвергает это.

Или имеется в виду, что Он есть Отец, проявившийся в облике Человека? Значит, тогда таковы и ты, и я, Его слуги. Ведь Отец — во всех нас.

Или в Нем была вся полнота Отца, неразделимая? Тогда в тебе и во мне тоже пребывает Отец, ведь Его невозможно делить.

Однако, если сказать, что Весь Отец обитает в Нем, но не в нас, это будет не логично; ведь если Отец Весь пребывает в Христе, то или Христос есть Отец и никто больше, или Весь Отец, пребывающий в Христе, не может уже больше пребывать в Себе. В этом тоже нет смысла.

Так что необходимо, во-первых, чтобы мы поняли, что Отец есть Имя, которое мы даем наивысшему аспекту Бога, которого только способны помыслить. Хотя общепризнанно, что Он выше нашего понимания.

Я не могу определить Его для тебя, потому что я не видел Его, Который для всех тех, кто ниже Его Самого, не виден всецело. То, что я видел, было Его Самопроявлением в Форме Присутствия, и это высшее, чего я до сих пор достиг.

Тогда и Христос в Своем Единстве с Отцом должен быть так же выше нашего понимания, как Он выше нас Сам по Себе. Он говорит нам столько, сколько мы способны воспринять, но не слишком можем понять. Он явил Отца и такие качества Святой Высшей Сущности, которые возможно было явить нам в теле. Лишь немного больше знаем мы, но растем в знании, как растем и в смирении и благоговейной любви.

Как Он есть Одно с Отцом, так и мы есть Одно с Ним. И мы пребываем в Отце, пребывая в Нем, Который есть воплощение того, что мы зовем «Человеческим и Божественным». Отец более велик, чем Он, как Сам Он однажды сказал. Насколько более велик, этого Он не сказал, и мы не смогли бы понять, даже если бы Он сказал.

Цель мою, друг, я утвердил вначале. Сейчас она не в том, чтобы возводить здание, но скорее в том, чтобы указать, что прежде всего надо построить надежный фундамент; и что всякая конструкция, возведенная на фундаменте ненадежном, должна, раньше или позже, рухнуть, и большой труд пропадет даром. И так, воистину, люди поступают чаще, чем предполагают; и вот почему столь многое скрыто в тумане, хотя должно видеться ясно. Не всё, конечно, но достаточно, чтобы сделать дорогу более светлой, чем она есть сейчас.

Я говорю не столько для того, чтобы проинструктировать, но чтобы дать людям передышку. Ведь силлогистика может пленять умы определенного рода, однако ничего не значит для воина. Она ласкает своей совершенной логикой и уравновешенной системой доказательств, но ненадежна, если надо выдержать давление и движение обширных элементов сфер. Мудрее будет сказать: «Я не знаю этого — пока», чем спорить. Гордыня часто закрывает глаза на красоту простого и смиренного ума; и неправда, что тот, кто экспромтом отвечает на глубокие вопросы, — мудрее мудрого; ведь уверенность иногда сродни самонадеянности, а самонадеянность никоим образом не может быть правильной или привлекательной.

Ты и я, мой друг и подопечный, есть Одно в Нем, Чья Любовь служит нам гарантией жизни вечной. В Нем мы встретимся и благословим друг друга, как я благословляю тебя сейчас и благодарю за твои добрые обо мне мысли.

Среда, 19 ноября 1913 г.

Итак, мой друг и подопечный, слова мои к тебе — это слова, которых многие не услышат; но знай, многие придут с востока и запада и сядут на пиру Христовом, которые, не зная

Его в том, что касается Присущей Ему Божественности, всё же любят Его за Его человеческую доброту и любовь; ведь это, по крайней мере, все они могут понять. И никто не может постичь другой Его аспект во всей полноте его смысла. А потому давай раздумывать над другими вещами и в первую очередь над отношением, которое люди во плоти должны испытывать к Нему, если они станут развиваться в том направлении, которое Он им показал.

Прежде всего должны они любить. Это первая заповедь из всех, и величайшая. И трудно оказывается людям соблюсти ее. Все они соглашаются, что любить друг друга хорошо; но когда дело доходит до того, чтобы превратить чувство в действие, какая прискорбная неудача их постигает! И всё же без любви ничто не устоит во всей Вселенной, но ввергнется в распад и разложение. Именно любовь Божья наполняет энергией всё, что есть; и мы сможем видеть эту любовь, если будем искать ее повсюду. Лучший способ понять многие вещи — сравнить их с противоположными. Противоположность любви — разложение; потому что оно происходит из удерживания от проявления любви. Ненависть тоже относится к противоположности, но не к сущности; потому что ненависть — это зачастую неверно проявленная любовь.

И что сказано о людях, также справедливо в отношении учений и целей. Многие стремятся к одной цели, ненавидя и очерняя другую. Это глупо и неправильно, но вовсе не ото зла. Когда человек ненавидит другого человека, он, весьма вероятно, начнет любить всё меньше и меньше, пока ему не потребуется усилие, чтобы вообще что-нибудь полюбить. Это одна из тех позиций, что создает трудности в жизни сфер. Ведь только когда человек научится любить, ни к чему не питая ненависти, он сможет развиваться в этой стране, где любовь означает свет, а те, кто не любит, отправляются в тусклые края, где сбиваются с пути и часто становятся так скудны умом и сердцем, что их восприятие истины оказывается так же смутно, как и восприятие внешних вещей.

Есть здесь, с другой стороны, дворцы, которые излучают сияние на огромное расстояние вокруг себя из-за высокой чистоты любви тех, кто обитает в них.

Ты не опишешь резиденцию, подобную этой, и тех, кто живет в ней? Я думаю, это поможет больше, чем общее описание.

Это не так-то просто. Я уступлю твоей просьбе, но ты должен помнить, что результат не совсем соответствует действительности, ввиду того, что неадекватен ей. О какой резиденции ты особенно хочешь услышать?

Расскажи, пожалуйста, о своей.

В Десятой Сфере есть условия, которые не соблюдаются в сферах более низших, вплоть до твоей сферы Земли.

Если бы возможно было сейчас взять тебя в эту сферу, ты совершенно ничего не увидел бы, потому что твое состояние пока ей не соответствует. Ты бы увидел только дымку света, более или менее яркого, в зависимости от того, в какой части сферы ты бы находился. В нижних сферах ты увидел бы больше, но тоже не всё, и того, что ты смог бы увидеть, ты не понял бы целиком и полностью.

Представь, что ты вытянул рыбу из воды, поместил ее в сосуд и пронес через город — как много, по-твоему, смогла бы она, во-первых, увидеть и, во-вторых, понять? Я думаю, она видела бы всего на несколько дюймов от сферы своего обитания — воды, которая является ее природным окружением. Приблизь свое лицо, чтобы она могла тебя увидеть, а потом руку вместо лица. Что она может узнать о них?

Так было бы и с тобой в наших сферах; и только посредством тренировки сможешь ты сообщить энергию и использовать свои способности с легкостью и пользой. Далее, как смог бы ты на языке рыб описать им Вестминстерское аббатство или хотя бы свою деревенскую церковь? Помехой тебе стали бы ее ограничения; или если бы она сказала, что не верит в существование таких мест, как церковь или аббатство, как смог бы ты убедить ее, что это она — причина абсурда, а вовсе не ты?

Всё же, если хочешь, я расскажу тебе, что смогу, о моем жилище и доме; и ты, возможно, подумаешь, что я мог бы рассказать получше, когда я закончу, и что о самом лучшем я всё равно умолчал.

Местность, в которой мы построили свой дом, соприкасается со многими сферами, в том числе с такими, природа которых сияет множеством цветов соответственно их достоинствам и которые ближе всего отвечают достоинствам людей, с которыми я обитаю. Эти цвета по большей части не те, что ты знаешь, но и все, какие ты знаешь, там есть, в почти бесконечных сочетаниях и оттенках. В соответствии с занятием, в которое мы ментально вовлечены, смесь цветов меняется, и атмосфера принимает иной оттенок.

Дом также вибрирует и откликается на мысли и устремления, на посылаемые к нам молитвы или помощь, которую мы отправляем на земной план.

Музыка тоже исходит от нас, и чаще всего прямо из сердца; и находит отклик в сооружениях вокруг нас, воспринимающих сообщенную нам энергию; а также деревья и цветы и вся растительная жизнь затрагивается и откликается. Эти цвета и музыка не остаются неодоушевленными, но наполняются нашей жизнью и вибрируют по нашей воле.

У дома четыре угла, но стен всё-таки не четыре, и стоят они не под углом одна к другой. Они тоже смешиваются, и наружная и внутренняя атмосфера проникают сквозь них. Эти стены нужны нам не для защиты, но для других целей, и, в частности, чтобы концентрировать наши вибрации, собирать их воедино при передаче в отдаленные края, где наша помощь необходима и желанна. Так мы достигаем и Земли, и чувствуем ваши дела здесь, и посылаем вам слова наставлений, или помогаем в иной форме в ответ на молитвы, которые приходят к нам. Сюда также сходят те, кто живет в высших сферах и посредством этих домов и других приготовленных влияний становятся материальными для нас, чтобы мы могли общаться с ними по вопросам, вызывающим у нас затруднения.

Из этих домов мы посылаем силу тем, кто назначается к нам из нижних сфер, чтобы дать им возможность, на время их пребывания среди нас, переносить условия этой сферы без больших неудобств; а также, чтобы беседовать с нами и видеть и слышать нас.

Что же до внутреннего облика дома, я опишу его тебе со слов гостя из более низкой сферы, которая ближе к твоей. Он сказал мне, что когда увидел его, то вспомнил слова: «Город, расположенный на холме, свет которого нельзя скрыть». Он был на большом расстоянии, но остановился и опустился на землю отдохнуть (потому что прилетел по воздуху). Он заслониł глаза от света и постепенно обрел способность снова смотреть на дворец на холме.

Он сказал, что видел огромные башни; но они так ярко сияли голубым светом, что он не мог точно определить, где они завершались; потому что свет вздымался ввысь в небеса и, казалось, продолжался в них бесконечно. Затем купола — одни были красные, а другие — золотые, и свет от них тоже был слишком ослепителен, чтобы можно было увидеть, где они кончались или какой были формы. Ворота и стены пылали ослепительным светом, заливавшим холм под дворцом и листву деревьев; и он размышлял, как сможет войти, чтобы сияние не поглотило его.

Но мы увидели его и послали гонцов справиться с этим его затруднением; и после всего, когда он повернулся благословить нас и отбыть, закончив свою миссию, то сказал нам: «Одна мысль не давала мне покоя во время пребывания здесь. Мои собратья по труду спросят меня, что это было за место, в котором я побывал; как я расскажу им об этой славе, когда вновь буду в моей сфере и вновь соприкоснусь с ее ограниченными силами?»

И мы ответили: «Сын, ты никогда уже не будешь таким, каким был прежде. Ведь в тебе останется нечто от света и мудрости этой сферы. Но то, что ты сможешь вспомнить своим сердцем, будет больше того, что тебе удастся им передать; и чтобы рассказать им, ты поневоле должен будешь прибегнуть к языку, которым мы общались. Поэтому скажи им, чтобы они устремили свою волю к дальнейшему развитию, и однажды они придут и сами увидят то, что ты видел, но был не в силах передать».

И так он отбыл, окрыленный великой радостью. Она станет и твоей, друг, и слова, что мы сказали ему, теперь я говорю тебе.

ГЛАВА III: Земное и небесное.

Пятница, 21 ноябрь 1913 г.

Не каждый, кто торопится, правильно распознает окружающее. Ведь тот, кто бежит, иногда слишком нетерпелив к вещам, важность которых неочевидна, только явная очевидность кажется им важной. И потому случается, что многое из того, что написано весьма просто — ничто для них, и важное послание остается непрочитанным.

Так обстоит с различными знаками, начертанными природой, а это означает поверхностное проявление духовной силы, распространяющей энергию в материю и сквозь нее. Так бывает и с движениями людей и народов, когда они вершат свою судьбу в соответствии с существующими им национальными характерами.

Такая же ситуация и с открытиями в науке, в ее общедоступном понимании. Давай немного остановимся на этом и посмотрим, не таит ли она каких-нибудь посланий для тех, кто хотел бы изучать более глубоко, чем большинство, у которых есть время только бежать, но не читать.

Наука, как и история, повторяет сама себя, но ничто не дублирует с точностью. Общие принципы управления поиском знания и сменяются в свой черед другими, которые, сослужив службу, также отходят на второе место, чтобы другие принципы могли получить более сконцентрированное и единодушное внимание людей. Но с течением веков эти принципы возвращаются снова — в иной, правда, последовательности, чтобы завоевать внимание новой расы. Так движется ход человеческого прогресса.

Открытия также бывают утрачены и делаются заново, часто с некими добавленными чертами.

Уточню сказанное примером.

Было время, когда наука для людей означала не то, что сейчас: изучалась душа, а внешние проявления в материи имели второстепенный интерес. Так было с алхимией, астрологией и даже инженерным искусством. В те времена знали, что миром управляют из многих сфер и ему служат бесчисленные сонмы слуг, действующих по собственной воле, но в строго определенных пределах, положенных теми, чья власть более велика и полномочия более высоки. И люди тогда учились определять различные уровни и степени этих духовных труженников и способов их служения в различных отделах природы и человеческой жизни, а также количество силы, каким наделен каждый класс. Они сделали большое количество открытий и классифицировали их. Но поскольку эти законы, и предписания, и условия были не земной сферы, но духовной, и выражать их приходилось на языке, отличном от общеупотребительного.

Когда выросло новое поколение, энергия которого была направлена в иную сторону, оно, не понимая до конца, какого рода знание заключено было в открытиях предков, назвало этот язык аллегорическим, или символическим, и придало самим фактам такую туманность, что в них не осталось почти ничего реального.

Так произошло с изучением духовных сил различных рас и вылилось, в конце концов, в волшебные сказки Европы и магические истории Востока. А это, в действительности-то прямые и законные наследники науки прошлого, искаженной множеством способов. И всё же, если ты примешься изучать эти сказки в свете того, что я сейчас сказал, то увидишь, что там обнаружатся глубоко запрятанные, подобно погребенным под толщами песка городам Египта, основополагающие научные факты науки и знания в их духовном рассмотрении.

Не приведешь ли ты конкретный пример для пояснения?

Вот сказка про Джека и бобовый стебель. Во-первых, посмотри на имя. Джек — простонародная форма имени Иоанн, а изначально Иоанн — это тот, кто написал Книгу Откровений. Бобовый стебель — это переосмысление Лестницы Иакова, по которой можно достичь высших, или духовных, сфер. Эти сферы, если достичь их, оказываются реальными землями с природным пейзажем, домами и сокровищами. Но их оберегают стражи, не всегда друже-

ственные к человеческой расе, которых, однако, смелостью и смекалкой можно одолеть, похитить сокровища и вернуться на Землю. Можно также воспрепятствовать тем стражам вновь завладеть сокровищами мудрости и лишит человечество права, завоеванного дерзкой победой.

Итак, этот живописный «наряд» надевается, чтобы придать рассказу причудливый и даже смешной облик, потому что он из века в век передавался теми, кто не понимал его глубинной сути. Пойми они, и не было бы заменено первоначальное имя прозвищем вроде «Джека». Но, как показывает тебе его привычный наряд, это произошло во времена, когда к вещам святым и духовным питалось мало уважения, потому что люди не могли осознать реального присутствия среди них духовных существ. И они переодели демона и наделили его заостренными ушами и хвостом — ведь его реальность была для них мифом.

Сказка, которую я назвал — одна из многих. Панч и Джуди — в другой — могут символизировать сделки, из которых особенной подлостью выделяется сделка Пилата и Искарота. И из того, как трактуются эти важные и ужасные события, ясным становится легкомысленное отношение к таким материям.

Что ж, это всегда было так. Но сегодня духовное возвращается к людям, чтобы потребовать себе места, если не соответствующего своей важности, то хотя бы более существенного, чем за последние века.

Общий принцип, правивший египетскими астрономами и мудростью Моисея, возвращается сегодня под другим обличьем, чтобы поднять людей немного выше и вдохнуть смысл в мертвый материализм прошлого. Он имел дело с вещами, рожденными от энергии, наполняющей жизнь, — раковинами, костями и окаменелостями — и лишил Автора самой Жизни Его места на большой жизненной арене. Он говорил об упорядоченном действии законов природы — и отделил Единый Источник от всякого порядка и действия. Он говорил о красоте — и забывал, что нет красоты, пока дух человечества не воспримет ее, и что сам дух существует потому, что Он, Который есть Дух, вечен.

Мы смотрим и опекаем, насколько можем и насколько дана нам возможность. Если люди откликнутся на наше побуждение, значит, близится век, более наполненный светом и красотой любви и жизни, чем век уходящий. И я думаю, они откликнутся, ведь новое лучше старого. А за собою, когда смотрим в сторону Земли, мы чувствуем влияние тех, кто выше нас мудростью и силой. И делаем то, что внушается нам ими как их намерение и желание.

Нам не дано смотреть очень далеко вперед. Это требует особого учения и не относится к обязанностям той группы тружеников, к которой я принадлежу. Но мы рады видеть, что старания наши во многих сердцах с легкостью находят отклик, и надеемся, со временем, получить еще бóльшую возможность показать людям, как близки мы к ним и как потенциально велики они сами, если только будут смиренны духом и спокойны и станут бороться за святость и чистоту в мыслях и желаниях, ища Его, Образец человека в наивысшем его величии, и стремясь повторить в себе Его красоту и святость, чтобы могли читать даже на бегу; ведь взгляд на Одну Его Жизнь приведет в восторг того, кто должен увидеть, что есть красота. Потому что Он есть любовь, и Ему мы поклоняемся, Чей мир будет с тобой во всех делах, во все твои дни, дорогой друг. Аминь.

Понедельник, 24 ноябрь 1913 г.

Более того, друг, хорошо и полезно — помнить о нашем постоянном присутствии; потому что мы всегда находимся рядом, используя способы самые разнообразные. Если мы приближаемся лично, то можем внушать тебе полезные мысли и обострить интуицию, упорядочив события таким образом, чтобы работа твоя облегчилась, а путь стал более ясным, чем это было бы в ином случае.

Если лично мы в своей сфере, всё равно у нас есть средства, с помощью которых мы узнаём не только о том, что происходит в тебе и вокруг тебя, но и о том, что вот-вот случится, если сочетание событий следует своим чередом.

Так, не теряя контакта с тобой, мы осуществляем нашу опеку, постоянную, и непрерывную, и сохраняем бдительность, которая всегда на страже твоих интересов. Сквозь сферы, что между нашей и вашей, действуют приспособления, по которым передаются сведения от одной сферы к тем, что над ней, и, если того требует необходимость, мы велим другим выполнить какую-то миссию для вас или сами приходим на Землю, как я в этот раз.

Каждый из нас способен непосредственно вступать в контакт со своим подопечным и влиять на события из своей собственной сферы. Итак, ты понимаешь, что всё мироздание Создателя, со всеми многочисленными сферами света, объединено в действии и согласовано. Так что на любую его часть воздействуют все другие части, и то, что ты делаешь на Земле, не только воспринимается небесами, но и влияет на наши умы и мысли, а также и на наши жизни.

Будь поэтому очень осторожен умом и волей; потому что твои деяния в мыслях, и твои деяния в слове, и твои деяния в поступке, — всё огромной важности не только для тех, кого ты видишь и осязаешь вокруг, но также и для тех вокруг тебя, кто невидим и неосязаем для тебя, но кто видит и осязает тебя постоянно. И не они одни, но и те, кто занимается своими делами в собственных своих сферах, испытывают такое влияние. Так обстоит в моей сфере, я знаю. Твои дела умножаются, проходя через сферы света семизды семьдесят раз; и не видно конца их пути. Я почти не сомневаюсь вообще, что они достигают, в конце концов, самого Сердца Господа.

Так будь же совершенен, потому что совершенен Отец твой, Который на Небесах Небес; и никто несовершенный не может быть принят и допущен войти туда, Где Он пребывает в Своей величественной Красоте.

А что же те сферы, где обитают отвергшие, кто не любит добро и красоту? Что ж, мы соприкасаемся и с ними, и помощь, посылаемая туда, посылается с той же готовностью, что и на Землю; ведь области тьмы лишь сильнее удалены, но не оторваны от нас. Те, кто находится там, учат свой урок, как и ты в земной сфере, но их мир более тускл, чем твой, — и не более того. Ведь всё равно они сыновья и дочери Одного Всеобщего Отца и потому тоже наши братья и сестры. И им мы помогаем, когда они зовут, как помогаем тебе по твоей молитве. Тебе уже было дано узнать кое-что об условиях жизни, существующих там. Но то, что написала твоя мать, я могу несколько дополнить.

Свет и тьма — это состояния духа, как ты знаешь. Когда те, кто обитают во тьме, молят о свете, это значит, что они утратили связь со своим окружением. Потому мы посылаем им помощь, какая требуется; и обычно это направление, в котором они находят свой путь — не в края света, где их ждали бы мучения и совершенная слепота, но в края меньшей тьмы с такой примесью света, какую они могут вынести, пока не перерастут это состояние и страстно не запросят больше.

Когда дух переходит из темного края в менее темный, он испытывает немедленное чувство облегчения и удобства в сравнении с прежним состоянием. Ведь теперь его окружение гармонирует с его внутренним развитием. Но по мере дальнейшего развития в стремлении к добру он постепенно утрачивает гармонию с тем, что вокруг него, и тогда, пропорционально его прогрессу, растет и его неудобство, пока не становится мучительным. Тогда в беспомощности, и близкий к отчаянию, подойдя к рубежу, которого не может преодолеть собственными стараниями, он взывает о помощи к тем, кто способен дать ее во Имя Господа, и они продвигают его еще на одну ступень ближе к области, где царит скорее тусклость, нежели тьма. И так в конце концов он приходит в место, где видно, что свет — это свет; и его путь вперед с этой поры пролегает не через боль и мучения, но от радости к еще большей радости и, следовательно, к славе и славе еще большей.

Но сколько долгих и долгих веков требуется иным, чтобы дойти до этого света, веков страданий и горечи; и всё время они знают, что могут не дойти до своих друзей, которые ждут их, пока они справляются со своим несовершенством; и что эти громадные пространства тьмы и отсутствия любви должны быть всё-таки пройдены.

Но не пойми неправильно значение моих слов. Нет в этом мести злого Бога, мой подопечный и друг. **Бог — наш Отец; и Он есть Любовь.** Все эти горести необходимы и управляются теми же законами, которые правят посевом и сбором того, что было посеяно. Даже здесь, в моей сфере, где научились мы многому чудесному и восхитительному, мы всё-таки до сих пор не измерили всей этой тайны до самых ее сокровенных глубин. Мы понимаем, что не могли понимать в земной жизни, что любовью, и ничем иным, управляется мир. Я говорю, что мы можем понимать теперь то, о чем прежде могли сказать лишь, что доверяем и верим. Хотя и мы немного больше знаем об этой величественной тайне; и согласны ждать, пока она не сделается для нас более понятной. Ведь мы знаем достаточно, чтобы верить, что всё мудро и хорошо; о чём и те, кто сейчас в темных краях ада, узнают однажды. Для нас утешительно думать, что их непременно вытянут вперед и вверх в эту великую и прекрасную Вселенную света, и тогда они признают не только то, что всё справедливо, но и то, что оно от любви и мудрости. И будут довольны.

Я знал таких, и сейчас знаю, и вместе с ними служу Отцу. И мне кажется, их молитвы и благословения к Нему ничуть не уступают в любви нашим, кто никогда не скитался по тем ужасным безднам. И это еще не всё, друг, потому что я признаюсь тебе вот в чем: иногда, когда мы объединяли свои молитвы, склоняясь перед Светом Трона Небесного, я чувствовал, что есть в их молитвах нечто, недостающее мне; и почти желал, чтобы и во мне это было.

Впрочем, это было бы неправильно; и без сомнения Отец, в Своей Любви, берет от нас то, что есть в нас для Него. И всё-таки как они сладки, слова Господа, и какая искренность звучит в них, в той любви, что видна в красоте их открытости: «Потому что ей прощено многое, она любит больше».

Пусть Господь хранит тебя в Своей Любви, мой друг и подопечный; и ничто больше не играет роли, пока ты отвечаешь на Его сладостные ласки и покоишься в Нем. Аминь.

Вторник, 25 ноября 1913 г.

Если бы имел человек хотя бы немного веры, он был бы способен понять то, что я написал посредством твоего ума и руки. Но немногим дано видеть истину вещей, а также истинно знать их. Так было всегда, друг, и так будет еще долго. Настолько далеко дано нам видеть, но мы смотрим еще дальше и выше — и впереди, кажется нам, мы видим людей, движущихся и действующих в бóльшем свете, чем тот, что у них есть сейчас; и в тот день они увидят и поймут, как близки мы к ним, и не только по книгам, но и в повседневной их жизни. Между тем мы делаем свое дело, всегда бдительные, всегда надеющиеся, и, хотя к нашей радости иногда примешивается сожаление, что мы с вами не идем рука об руку, как мы бы того хотели, всё-таки мы знаем, что мы подходим ближе друг к другу, и это хорошо.

А теперь о нашей сегодняшней задаче, мой подопечный; потому что пока еще день, я хотел бы, чтобы мы потрудились вместе; ведь когда пройдет ночь, настанет другой День, но не тот, что сейчас; и другие возможности службы, не такие, как эти. Поэтому давай сделаем всё, что можем, пока в нашем распоряжении есть эти теперешние условия, а лучшую работу мы сделаем, когда более широкие сферы откроются для нас — и для тебя, и для меня.

Наука не совсем то, что ты знаешь, потому что мы заглядываем глубже в те фундаментальные начала, которые имеют источником дух; и мирская наука только начинает рассматривать эту истину. Так мы уже подходим ближе друг к другу; т.е. те среди вас, кто доискивается смысла феноменов вашей сферы, подходят к нам ближе, тогда как мы поднимаем их к более высокому и глубокому изучению.

За это мы благодарны, и это поощряет нас продолжать в том же духе; и это мы делаем в твердой вере, что люди по-прежнему будут следовать за нами; и мы стараемся вести их мудро и правильно.

Сейчас я расскажу тебе немного о внутреннем смысле того, что люди зовут «источником видов в животной жизни». Сразу скажу, что термин слишком широк; ведь источник различных созданий животной жизни не обнаруживается в области материи, но происходит из наших краев. Мы узнали, что, пока Вселенная приобретала свою нынешнюю форму и устрой-

ство, те, кому было поручено наблюдать и работать, совещались с теми, кто был выше рангом, и сообразно советам строили свою собственную мудрость.

В то время было замечено, что в небесных сферах бесконечное многообразие форм телесно проявленной жизни и форм деятельности ума. И было решено, что Вселенной надлежит отражать личности и типы тех, кто был назначен выполнять работу по ее развитию. К этому решению были они направлены Божественной Волей, когда их план был готов, им было дано узнать, что Божественное утверждение лежит на нем, хотя в нем и нет абсолютного совершенства. Несмотря ни на что, он получил одобрение Всеобщего Отца, Который удостоил их свободы осуществлять Его волю в соответствии с их возможностями и силами.

Так возникли различные классы и виды животной, растительной и минеральной жизни, а также человеческие расы и типы. И когда всё это было сделано, снова Божественный Ум высказал Свое общее утверждение, или, как это сказано в Библии, Он нашел, что это «хорошо весьма».

Но как бы ни были высоки те, кто возглавлял процесс творения, всё же они были ниже, чем Единственный и Всемогущий, и, поскольку работа по упорядочиванию Вселенной была велика и протяженна, несовершенство их работы увеличивалось в процессе работы; так что для отдельного ума, причем низкого ранга, эти несовершенства кажутся преувеличенными и огромными. Ведь не по силам тому, кто так мал и неразвит, видеть добро и зло одинаково, но зло легче увидеть ему, а добро слишком высоко и удивительно для него, чтобы уловить его значение и силу.

Но если люди всегда будут помнить, что Вселенная была создана не только для человека, как и море — не только для морских животных, или небо — для птиц, им станет легче понять это несовершенство, перемежающееся с гораздо более удивительным и мудрым. Человек вторгается и в море и в небо и называет их частями своего царства, которое покоряет и использует. И он прав. Это владения более великого существа, и это существо — человек. Он господин по разрешению и правит Землей, на которую и над которой его Создатель его поместил.

Но есть те, кто более велик, чем он, и как он правит меньшими и пользуется ими для развития своих способностей и личности, так они правят им и пользуются им так же.

И это справедливо и мудро, потому что эти Ангелы, и Архангелы, и Князья, и Силы Божьи — тоже Его слуги, и их развитие и обучение необходимы так же, как и человека. Но насколько они выше, чем он, соответственно настолько средства и материал их обучения более высокой природы, чем те, которые даны человеку. Окружение каждого существа, человека или Ангела, соизмеряется и составляется соответственно внутренней его силе.

Пусть люди помнят об этом и имеют это в виду, и тогда они станут лучше применять дар свободной воли, данный им и который никто не может у них отнять.

Боюсь, некоторые из тех, кто будет читать написанное мною, скажут, что человек становится всего лишь инструментом для тех, кто выше рангом, и с ним могут делать всё, что пожелают для своего собственного блага. Это не так; и по причине, которую я только что назвал, — человек есть, и всегда должен оставаться, существом свободной воли.

И более того, великая сила, которая ожидает тех, кто служит здесь Отцу, — это Любовь. Здесь нет деспотов и угнетателей. Соотнесение силы и принуждения имеет земное происхождение. У нас сила означает распространение любви, и чем больше сила, тем больше любви она распространяет вокруг.

И вот еще что. Пусть те, чья битва со злом свирепа и ужасна, помнят и понимают привилегию и высшую судьбу, которую должны осуществить. Потому что это гарантия и верный знак, что человек был допущен в Совет, и к работе тех, кто очень высок рангом и объединился с ними в этой великой задаче — добиться спасения Вселенной на путях, заложенных так давно. И эта задача, за которую отважный человек возьмется с охотой, потому что он — тот, кто поймет: всё, что делают Ангелы и Князья высокого ранга, то и он делает вместе с ними в своей сфере и своем ранге, и, зная это, он возрадуется и будет сильным.

Также, видя, что его работа едина с нашей, а наша — с его, и что одна цель стоит перед ним и перед нами, а именно улучшение всей жизни и всех вещей, он поймет, что может просить нашей помощи, и попросит ее мудро и с должным смирением и простой верой. Ведь для нас такое наслаждение помогать людям, нашим союзникам в этой битве и нашим товарищам в труде на одном великом поле Вселенной Господа.

Мы более, чем вы, видим ужасные мучения тех, кто по заблуждению отошел от этой службы, но всё-таки не отчаиваемся, потому что более ясно видим значение и цель всего этого и знаем, что люди однажды возрадутся, как и мы, когда тоже достигнут, каждый в свое время, более высоких сфер служения и с высоты этого преимущества продолжат свое развитие. В этот день человек воспользуется для своего учения материалом, которым пользуемся мы, которого он есть часть и доля. Тогда другие займут его место, а он — место других, которые сейчас поднимают его наверх.

«Тому, кто превозможет, — сказал Христос, — позволю я сидеть со Мной на Моем Троне, как и я превозмог, и сел с Моим Отцом на Его Троне». Царство для сильного, мой друг и подопечный, и для того, кому будет дано.

Сказано уже много, и на сей раз я должен прерваться. Но предмет гораздо более велик, чем я сумел рассказать в этом коротком послании. Если Бог позволит, скоро я расскажу тебе больше.

Делай добро, и будешь получать добро: и если ты будешь сильным, то из силы родится сладость. Ведь так оно обстоит в этих краях, что самые приятные и привлекательные те, чья сила большая. Помни это, и разрешатся многие проблемы, так затрудняющие людей. Да будет свет Бога с тобой и вокруг тебя всегда, и ты не оступишься.

ГЛАВА IV: Земля — преддверие небес.

Среда, 26 ноября 1913 г.

Многое, о чем я хочу рассказать тебе, касается вопросов организации и использования силы, как ее влияние и воздействие видятся нам, когда она проходит через наши сферы к сфере Земли. Я ограничусь более простыми принципами и способами работы; и один из них — это способ действия связи, существующей между нами и вами в форме вдохновения.

Это слово очень выразительно, если понимать его правильно; и очень обманчиво, если понимать его превратно. Ведь то, что мы вдыхаем в сердца людей знание истины Господа, это правда. Но это лишь очень малая часть правды. Ведь сверх того мы даем им силу развиваться и осуществлять Божью волю, любовь к осуществлению этой воли и мудрость (которая есть знание, соединенное с любовью), чтобы осуществлять Божью волю правильно. И если о каком-то человеке говорят, что он вдохновлен, то это не единственный и не исключительный случай. Потому что все, кто старается жить правильно, нами вдохновлены и от нас получают помощь.

Но акт вдыхания — это не самый точный способ описать метод нашей работы. Более субъективно этот метод описал бы один из так называемых «вдохновенных». Он вдыхает волны вибрирующей энергии, которые мы направляем к нему. Так человек вдыхает и наполняет легкие свежим воздухом на склоне горы. Точно так же он дышит в освежающих волнах энергии, которые мы доносим до него.

Мать, ухаживающая за больным ребенком, машинист паровоза в пути, штурман, прокладывающий курс корабля, — все они делают свою работу с помощью индивидуальных сил, заключенных в них, но если требует случай и обстоятельства, измененных и дополненных нашими. Это так, даже если получатель нашей помощи не ведает о нашем присутствии; а так бывает чаще всего. Мы с радостью помогаем, если имеем возможность; а мы имеем такую возможность до тех пор, пока тот, кому мы желали бы помочь, не возводит преграды, препятствующей нам.

Эта преграда может возводиться разными способами. Если он упрям умом, мы не можем навязать ему свой совет: ведь он свободен хотеть и делать. А иногда, когда мы видим огром-

ную потребность в том, чтобы наша помощь была оказана, нам препятствует преграда греха, и мы не можем ее преодолеть. Тогда те, кто советует, неправильно делают свою работу, и прискорбно положение тех, кому они служат.

Каждый выбирает себе товарищей сознательно или неосознанно. Если он презирает саму идею нашего присутствия в земной сфере и то что влияние на него может идти от того, что для него невидимо и неизвестно, это значит, что он не руководствуется добрыми намерениями и правильным побуждением. Он противопоставляет нам несуществующую преграду абсолютного отрицания. Мы с радостью помогаем ему, потому что он честен и однажды признает свою ошибку — однажды, скоро. Одно только — он пока мало чувствителен, чтобы улавливать смысл наших слов; и он часто не понимает, что бы мы хотели запечатлеть в его уме.

Если ось водяного колеса хорошо смазана, вода легко поворачивает его; но, если она заржавлена, требуется увеличить силу, и износ как колеса, так и его оси, становится больше, и движется оно тяжелее. Так и моряки должны с точностью выполнять приказы капитана, даже если бы он был совершенно незнаком им. Но если бы они хорошо его знали, то могли бы в темную штормовую ночь лучше уловить смысл отдаваемых им приказов, потому что знали бы движение его мысли и не нуждались во многих словах, чтобы понять его. Так что те, кто знает нас более непосредственно и более близко, находятся в лучшем, чем другие, положении при восприятии наших слов.

Вдохновение поэтому имеет пространно значение и широко в применении. Пророки прошлого — а также и нынешние — получали наши наставления в соответствии с живостью своих способностей. Некоторые были способны слышать наши слова, некоторые видеть нас — в наших духовных телах, на других мы воздействовали ментально. Все эти способы мы применяем с одной целью: передать братьям наставления относительно пути, которым нужно идти и направлять свои жизни, чтобы порадовать Господа, насколько мы можем понять Его волю на этом более высоком плане. Наш совет не является совершенным или непогрешимым. Но он никогда не уводит в сторону тех, кто ищет достойно, и со многими молитвами, и с большой любовью. Они принадлежат Богу и являются большой радостью для нас, их товарищей в служении. Нам не приходится уходить вдаль, чтобы найти их, ведь на Земле больше добра, чем зла, и, поскольку в каждом добро и зло уравновешены, мы можем помогать, и тем же наши возможности ограничиваются.

Так что исполняйте, каждый, следующие два совета — следите, чтобы ваш огонь горел, как это делают те, кто ждет своего Господина, потому что это Его волю мы таким образом исполняем и это Его силу мы приносим. Молитвы назначаются нам для ответа, и Его ответ приносим мы, Его слуги. Так что бдительно и бессонно ждите нашего прихода — мы из числа тех, кто приходил к Нему в Пустыне и в Гефсиманском саду (хотя, я думаю, они были гораздо выше рангом, чем я).

И вот еще что имейте в виду. Следите, чтобы ваши побуждения были высоки и благородны, и не ищите эгоистично, но для блага других. Мы лучше всего служим прогрессу тем, кто ищет нашей помощи более ради пользы своих ближних, чем своей. Давая, мы сами получаем, и то же относится к вам. Но главным в побуждении должно быть желание давать, как Он сказал, и на этом пути лежит величайшее благословение, и оно назначено всем.

Помните Его слова: «У меня есть власть пожертвовать своей жизнью, но я жертвую ею за Моих овец». Он это сделал без всякого лицемерия. В любом случае, пожертвовав этой жизнью, он снова принял жизнь, но более славную, и это потому, что Его дар был совершенно свободен от эгоизма и полон любви. Так делай и ты, и тоже найдешь сладость как в даянии, так и в получении. Эта задача — самая трудная в совершенном осуществлении. Но это верный и хороший путь, и непременно должен быть пройден. И Он показал нам, как.

Цветок отдает аромат к радости человека, но лишь для того, чтобы вновь наполниться еще большим ароматом и таким образом достигать всё большей зрелости день ото дня. Слово добра возвращается, и два человека становятся счастливы от начального действия одного из них. Добрые слова позднее порождают добрые дела. И так умножается любовь, а с любо-

вью — радость и мир. И те, кто любит давать и дают только ради любви, стреляют золотыми стрелами, которые падают на улицы Небесного Града и там собираются и бережно сохраняются, пока те, кто разослал их, не придут и не получат свои сокровища назад — сторицей.

Четверг, 27 ноября 1913 г.

В продолжение того, что я уже передал тебе, могу добавить, что лишь очень немногие понимают в сколько-нибудь значительной степени мощь тех сил, которые окружают людей, пока те занимаются своими обыденными делами. Эти силы, однако, реальны и очень близки. Более того, они слиты с вашими собственными усилиями, хотите вы того или нет. И не все эти силы добрые, но некоторые злобные, а некоторые — нечто среднее между ними.

Когда я говорю «власти» и «силы», подразумевается, что за ними стоят личности. Знай же — и не формально соглашаясь с этим, а принимая «от души» (чистосердечно), что ты не один и не можешь быть или действовать один, но должен действовать, и желать, и справляться с делами в партнерстве. А партнеров своих ты выбираешь сам — хочешь ты того или нет.

Все должны тщательно подходить к их выбору, а это достигается молитвой и праведной жизнью. Думай о Боге с почтением и благоговением, а о ближних своих — с почтением и любовью; и всегда действуй, исходя из того, что мы следим за тобой и записываем всё, что у тебя на уме, с совершенной точностью, и что каков ты сейчас, таким будешь и когда пробудишься здесь; и вещи, которые для тебя сейчас материальны и несомненны и кажутся очень реальными, станут тогда другой сферы, а твои глаза откроются для других сцен, и о Земле ты станешь говорить как о другой сфере, и о земной жизни — как о путешествии совершённом и законченном, и деньги, и обстановка, и деревья в твоём саду, и всё то, что сейчас ты считаешь своей личной собственностью, уже не будут больше твоими.

Тогда тебе будет показано, какое место, какие сокровища и каких друзей ты приобрел в школе усилий, только что законченной и оставленной навсегда. И ты будешь или полон печали и сожалений, или охвачен радостью несказанной, и светом, и красотой, и любовью, и те твои друзья, которые перешли сюда раньше, теперь рады будут показать тебе что-нибудь из красот их теперешнего дома.

А теперь подумай, что станет делать человек, чья жизнь на Земле была тесной камеркой без единого окна, чтобы заглянуть в эти духовные области? Он будет делать то, что многие, как я видел, делают. Он будет действовать в соответствии с тем, как устроено его сердце. Большинство таких не готово признать свои ошибки, ведь они обычно убеждены, что мнения, созданные в протяжении жизни, которые служили им так хорошо, не могут быть прискорбным заблуждением. Таким через многое приходится пройти, прежде чем свет не начнет служить их отмершему духовному зрению.

Но те, кто научил себя сохранять свободу от того, что считается на Земле богатством и удовольствием, обнаружат, что их подол недостаточно широк для сокровищ, принесенных любящими руками, а глаза недостаточно быстры, чтобы уловить все улыбки приветствия, что, в конце концов, настоящая реальность только начинается и что новое много лучше старого.

Пятница, 28 ноября 1913 г.

Мы сейчас попытаемся поразмыслить о том эпизоде, где Христос Бога и Спаситель человека говорит Апостолам, что они избраны из мира. Не только избраны из мира, но и забраны из него. Если действительно из мира, то в каком жилище они обитают?

Прежде всего необходимо понять, в каком смысле наш Спаситель говорит о мире. Мир в этом случае — это край, где материя имеет преобладающее значение перед умом, и те, кто так считает, обитают, в смысле своего духовного состояния и духовных тел, в другой сфере, нежели те, кто придерживается универсальной идеи, а именно, что материя есть только способ проявления, приспособленный и использованный духовными существами и подчиненный тем, кто использует его, как рабочий использует глину или железо.

Те, кто поставлен пребывать в мире, таким образом, духовно находятся в сфере, близкой к Земле: и таких иногда называют «земные духи». Неважно, одеты ли они в материальные тела или остались бестелесными; они привязаны и прикованы к миру и не могут подняться в сферы света, но должны обращаться среди тех, кто движется в туманных краях около поверхности планеты. Они удерживаются Землей и находятся в пределах окружности земной сферы.

Но Он поднял Своих избранных из этой сферы в сферы света, и, хотя они оставались во плоти, духовно были в тех более высоких сферах. И это объясняет их способ жизни и образ действий впоследствии. Именно из этих сфер они черпали свою неукротимую отвагу, и великую радость, и бесстрашие, которые позволяли им считать мир чем-то вроде поля, на котором они должны вести свою битву, а затем вернуться домой к своим друзьям, которые их ждут. Что истинно в отношении их, истинно и сейчас.

Это из сфер мрака страх и сомнения приходят ко многим, и это удел тех, кто обитает там бесплотно и не настолько разбужен, чтобы быть в состоянии осознать свое духовное окружение; однако они движутся и распространяют энергию и получают в себе самих те качества, к которым они себя приспособили способом мысли и жизни.

Так что научно правильно будет сказать, что человек может быть в мире в смысле своего материального тела, но не в мире в смысле духовного тела.

Когда эти два типа людей переходят сюда, они идут каждый в должную сферу и, по отсутствию ясности размышления и суждения, многие очень удивляются, будучи направлены в место, о котором они слышали своим внешним слухом, но не интересовались, реально ли оно.

Я расскажу тебе о случае из моего собственного знания и опыта.

Меня однажды послали встретить человека, обращаться с которым надо было очень осторожно, потому что у него было много уже устоявшихся мнений об этих краях и ум его был переполнен идеями, *что* приветствуется в жизни, продолжающейся здесь. Сопровождающие духи доставили его из земного края и привели в рошу, где я его ожидал. Он шел между ними и казался ошеломленным, как будто искал что-то и никак не мог найти. Сначала он не мог видеть меня ясно; но *я сосредоточил на нем свою волю*, и наконец он посмотрел на меня вопросительно.

Тогда я сказал ему: «Господин, ты ищешь что-то и не можешь найти, а я могу помочь тебе. Сначала скажи мне, как долго ты пробыл в этой нашей стране?»

«Я затрудняюсь ответить. Со мной договорились отправиться за границу, и я думал, что еду в Африку. Но это место оказалось совершенно не таким, как я ожидал», — отозвался он.

«Потому что это не Африка; и ты очень далеко от этой страны».

«Как же называется эта страна? И какого рода-племени здешние люди? Они белые и очень красивые, но я никогда не видел никого, похожего на них, даже по описанию в книгах».

«Что ж, это утверждение недостаточно точное для такого ученого, как ты. Ты читал об этих людях, не осознавая, что они есть нечто большее, чем безжизненные куклы. Это те, о ком ты читал как о святых и Ангелах. И я из их числа».

Он не верил мне и боялся оскорбить, не зная, какие последствия это может вызвать; ведь он был в чужой стране, среди чужого народа и без сопровождающих.

«Сейчас, — сказал я, — перед тобой стоит самое сложное задание из всех, которые ты когда-либо решал. Во всех своих странствиях ты никогда не подходил к преграде столь высокой и большой, как эта. Я буду совершенно откровенен с тобой и скажу правду. Ты ей не поверишь. Но пока ты не поверишь и не поймешь, твой ум не будет знать покоя и ты совсем не сможешь развиваться. Вот что тебе сейчас предстоит сделать: отбрось все устоявшиеся мнения и больше не считай себя грамотеем и великим ученым, но сущим младенцем в знании; и убеди себя, что почти все твои мысли относительно этой страны либо недостойны мыслящего существа, либо абсолютно неверны. Это жестокие слова; но они необходимы.

Посмотри на меня хорошенько и скажи, если можешь заглянуть в меня, был ли я честен и дружелюбен или нет».

Он смотрел на меня долго и очень серьезно и сказал наконец: «Хотя я в полной растерянности и не очень понимаю, что ты имеешь в виду, а слова твои похожи на речи заблуждающихся энтузиастов от науки, твое лицо достаточно честно, и, я думаю, ты желаешь мне добра. Так во что я должен поверить?»

«Ты слышал о смерти?»

«Я видел ее много раз!»

«Тогда самое главное: ты тот, кого назвал бы мертвым». Он расхохотался: «Кто ты такой, и что пытаешься мне доказать? Если ты хочешь сделать из меня дурака, так и скажи, и покончим на этом, и я пойду своей дорогой. Нет ли здесь поблизости деревни, где я мог бы найти кров и пищу и поразмыслить над своей дальнейшей дорогой?»

«Тебе не нужна пища, потому что ты не голоден. Не нужен тебе и ночлег, потому что ты не устал. И никаких признаков ночи ты не видишь».

Он огляделся вокруг, и потом заметил: «Ты совершенно прав, я не голоден. Странно, но это так и есть; я не голоден. И этот день, конечно, самый длинный из всех, что я помню. Я совершенно этого не понимаю».

И он снова впал в задумчивость. Тогда я сказал: «Ты тот, кого назвал бы мертвым, а это страна духов. Ты покинул Землю, и это жизнь за гробом, которой ты должен теперь жить и которую *надо понять*. Пока ты не воспримешь этой начальной истины, дальнейшей помощи я не могу тебе оказать. Я оставляю тебя обдумывать это; и когда ты пожелаешь, если ты пожелаешь, я приду к тебе. Эти два господина, которые привели тебя сюда, — сопровождающие духи. Ты можешь спрашивать их обо всем, и они ответят. Только помни вот что. Ты не должен позволять себе осмеивать их слова и смеяться над ними, как только что смеялся над моими словами. В тебе много достойного, но есть также, как и во многих, кого я встречал, много суетности и поверхностного ума. Это я не позволю тебе проявлять в присутствии моих друзей. Так что будь мудр, когда надо, и помни об этом. Потому что ты сейчас на границе между сферами света и тени, и от тебя зависит, проводят ли тебя в первую или ты пойдешь, по собственной свободной воле, во вторую. Пусть поможет тебе Бог, и Он сделает это, если ты того пожелаешь».

Затем я позвал сопровождающих духов, и они подошли и сели перед ним; и я оставил их там, сидящих вместе.

Что случилось дальше? Он пошел вверх или вниз?

Он больше не позвал меня, и я не видел его долгое время. Он был очень любознателен, и его спутники помогали ему всеми возможными способами. Но он постепенно стал находить свет и атмосферу того места неудобными и был принуждён отойти в край более тусклый. Там он сделал огромное усилие, и добро наконец возобладало в нем. Но это была неистовая и затяжная борьба — полная огромной злобы и горького унижения. Всё-таки он имел отважную душу и победил. Тогда его позвали те, кому он был поручен, и отвели его в более яркую страну.

Я пришел проведать его, опять в ту же рощу. Он стал гораздо более разумным, более мягким и менее насмешливым. Я смотрел на него молча, и он смотрел на меня и узнал меня, и склонил голову со стыдом и раскаянием. Он очень сожалел, что посмеялся над моими словами в тот первый день.

Понедельник, 1 декабрь 1913 г.

Немногим дано видеть свет среди тьмы и знать, что такое тьма. Но это зависит только от них самих; ведь каждому, кто хочет узнать истину, посылаются из этих сфер такие помощь и содействие, какие нужны его природе и возможностям.

Так было всегда, и так оно есть сейчас. Ведь Бог Един, не только касательно Своей Природы, но также Своих проявлений во внешних сферах Своего Царства.

Когда Он создал нынешнюю Вселенную, Он наделил Своих слуг качествами, которые сделали их достаточно знающими, чтобы следовать Его цели, дал им свободу в определенных пределах. И один из законов, правивших ими, был о том, что среди второстепенных и временных вариаций и кажущегося несходства в действии сил, которые были им даны, единство должно быть руководящим принципом всего, и к этому итогу всё должно склониться в конце концов.

Этот принцип единства и согласованности всегда стоял перед теми высокими Князьями и Властителями, и никогда от него не было отступлений. Не пренебрегают им и сейчас. Некоторые удивляются, с чего бы нам здесь настолько интересоваться вами, нашими менее развитыми братьями, и говорить с вами, и руководить вами.

Удивительно, что находятся люди, которые сомневаются или боятся говорить с нами, потому что это, по их мнению, плохо и неприятно Ему — Тому, Кто Сам пришел в мир по этой самой причине. Он хотел показать, насколько духовное и материальное есть две стороны одного великого Царства, и единство того и другого.

Во всём Его учении проводится одна великая тема, и из-за нее Его враги обрекли Его. Если бы Его Царство было только от материального мира, он не развенчал бы ни их преходящие устремления, ни их способ жизни с ее праздношью и роскошью. Но Он показал, что Царство было от более высоких сфер и что Церковь Земная есть не что иное, как преддверие Часовни Присутствия. Поскольку это так, то достоинства, по которым должна оцениваться земная знать, — это те, которые правят высшими в наших более ярких краях, а не условия вашего Царства, как их толкует мир.

За это они Его убили; и сегодня еще слишком много этого чувства, как в Церкви, так и в мире. И пока люди не осознают нашего присутствия и не признают нас братьями по общему Царству Отца, они не добьются успеха в различении света и тьмы.

Слепота управляет слишком многими здесь, друг; и они вызывают наше сильное недовольство презрительным фырканьем по поводу нашей работы и поручений. «Если бы они знали, они не убили бы Его — Царя Славы». Нет, конечно; но они всё-таки убили Его. Если бы нынешние знали, что мы, приходящие на Землю по своей инициативе, продиктованной любовью, Ангелы, они не поносили бы нашу объединяющую работу и тех, кто поднимается над общим мнением. А они действительно поносят нас и наших друзей и ближних. И они ответят за свою слепоту так же, как и те, кто убил Господа Христа.

Забдиэль, всё это, без сомнения, совершенно справедливо. Но мне кажется, ты говоришь с некоторым раздражением. К тому же ведь это Св. Петр ответил за иудеев, а не сами иудеи?

Верно, друг, я и впрямь раздражен. Но это другой жар, более благородный, жар любви. Неправильно думать, что мы всегда безмятежны и спокойны. Мы иногда испытываем гнев; и наш гнев всегда справедлив, или же он сразу будет исправлен теми, кто над нами и смотрит глазами более ясными, чем наши. Но мы никогда не мстим — помни это, и помни хорошо. Однако, по справедливости и из любви к нашим друзьям и товарищам по труду на земном плане, мы назначаем наказание, заслуженное теми, кто недобро поступил с ними. Но я вижу, ты не одобряешь меня за это. Поэтому уступлю твоему настроению и оставляю этот разговор. Но сказанное мною — совершеннейшая правда и заслуживает того, чтобы ее хорошенько обдумали те, к кому это относится.

Что касается расплаты Св. Петра. Да, он это сделал. Но помни еще вот что. Я говорю по эту сторону Завесы, а ты слушаешь меня сквозь нее — на земной стороне. У нас тут есть, как и у вас, исторические хроники — истории этих краев, которые ведутся очень тщательно. И из них мы знаем, что суд над Его обвинителями кончился, и с очень малой для них пользой. Свет был как тьма для них, а тьма — как свет, потому что сами они были от тьмы. Они не узнали Свет, когда Он пришел к ним, по этой же причине. Ладно, они были слепы и не знали. А слепота здесь, в этих сферах, происходит из более глубокой причины. Она внутренняя, от сущности человеческой природы. Поскольку они были слепы, постольку они и были посланы в края мрака и страданий.

Этот век — время великой деятельности в наших краях света. Много энергии направляется на Землю во все ее части. Это свет, направленный во тьму, и это предмет очень большой ответственности для тех, кто еще пребывает в обучении в земной сфере. Пусть же у них достанет любознательности и храбрости видеть и владеть этим светом. Это мое предупреждение, и я делаю его со всей ответственностью. Ведь я говорю, суммируя весь опыт, полученный в этой школе, где мы узнаём больше и быстрее. Пусть люди ищут смиренно и добьются истины об этом предмете.

Что до остальных, мы не умоляем, стоя на коленях, и не предлагаем даров, как рабы князьям. Но мы приходим и стоим рядом с вами с дарами, которых нельзя купить на всё золото мира; и тем, кто смиренен, и добр, и чист умом, мы даем эти дары — способности понимать Истину, какова она во Христе.

Друг, я покидаю тебя сейчас и прошу простить меня, если сказал что-то, что ты записал менее охотно, чем раньше. Я непреднамеренно подействовал на тебя так.

Пусть мир и радость будут в твоём сердце, мой подопечный. Аминь.

ГЛАВА V: Небесная наука.

Вторник, 2 декабрь 1913 г.

Дорогой друг и подопечный, этим вечером я буду говорить об определенных предметах, связанных с превращением энергии. Энергия, в том смысле, в каком я сейчас употребляю это слово, должна пониматься как посредник, связывающий движение воли с результатом, каким он является человеческому уму. Мы можем движением воли передавать, через вибрацию, свои мысли сквозь промежуточные сферы, или состояния, на земной план. Именно это движение в вибрации я и называю «энергией».

Ты должен понимать, что, используя земную терминологию, я не могу выразить, даже частично, науку этих сфер и краев. Необходимо поэтому определить термины, и когда я пользуюсь словом «вибрация», я говорю не только о колебаниях волн, но и о движениях эллиптических, иногда спиральных, а иногда представляющих комбинацию нескольких качеств. С этой точки зрения, атомическая система вибраций, которая лишь недавно открылась ученым, есть для нас одно с движением планет нашей солнечной сферы и далеких космических систем. Движение планет вокруг солнца и движение частиц атома — это вибрации. Неважно, как вы измеряете их или каков диаметр их орбит, они одного рода и различаются лишь размерами.

Но превращение привносит в любую систему изменение движения и изменение характера движения и как следствие — изменение результат. Действуя всегда в совершенном подчинении законам, положенным теми, кто выше и мудрее нас, мы сосредотачиваем свою волю на движении определенных вибраций, которые видоизменяются в вибрации другого характера. Обычно мы делаем это медленно и постепенно, чтобы сохранить точное количество отклонений от начального характера вибраций — не больше и не меньше.

Именно этим методом мы обращаемся с действиями людей и с естественным миропорядком во всех его частях. Многочисленные классы и группы заботятся о разных отделах творения — минеральном, растительном, животном, человеческом, земном, солнечном и звездном. Также и звезды собирают в группы, но с ними работают Иерархи, способные выполнить эту великую задачу.

Этим методом, а именно методом превращения энергии, системы постепенно превращаются в миры, которые наполняются формой и потом становятся способными производить растительную и животную жизнь. И поскольку это так, ты можешь заметить, что вся жизнь и всё развитие есть логическое следствие действия духовной энергии, подчиняющейся приказам воли духовных существ. Если усвоить это, слепая сила исчезает, на ее место встает намерение разумных и сильных духовных тружеников различных степеней, действующих в соответствии с фиксированными законами, свободными и могущественными. Более того, сама материя есть результат превращения духовных вибраций в более грубые и теперь ис-

следованные учеными, которые познали, что материя в действительности есть результат вибраций и что ни одна часть материи не бывает неподвижна, но находится в бесконечном движении. Это правильный, но неокончательный вывод, так как он не исследует предмет до конца. Было бы правильнее сказать, не что материя вибрирует, но что она сама есть вибрация, результат вибрации более утонченного рода, которая обнаруживается не в феноменах материальных вещей, но в тех сферах, что соответствуют ее характеру.

Ты должен осознать, насколько это малозначительно, что тебе, в свое время, придется сбросить тело Земли и оказаться бестелесным. Твое земное тело — тело вибраций, и ничто другое. Но ты будешь иметь тело более реальное и надежное, поскольку оно более высокого характера и ближе к распространяющей энергию Воле, давшей ему существование и поддерживающий его. Это тело будет служить тебе во время твоего пребывания в нижних сферах, а когда ты разовьешься, оно будет превращено в еще более постоянное, и более тонкого характера. Это процесс, повторяющийся по ходу веков и твоего движения от славы к еще большей славе в бесконечных пределах развития, раскрывающихся перед тобой...

Из этого следует также, что жители нижних сфер этого духовного края обычно невидимы на земной сфере, также и жители более высоких сфер обычно невидимы на этих нижних сферах, и так далее.

Так оно и есть, друг и подопечный, и когда однажды ты поднимешься выше, то лучше сможешь это понять. Ведь хотя ты сегодня и используешь метод, о котором я говорил, в своей каждодневной жизни, как и каждый человек, ты всё же не вполне понимаешь способ его действия. Было бы хорошо, чтобы все люди были заодно с нами, теми, кто старается использовать свои силы во славу и почитание Бога; ведь оружие, которое можно использовать во благо и во зло и которое человек получил бы, превосходит в силе всё его нынешнее знание; как это знание превосходит умственные способности мухи или муравья.

Хорошо, что мы способны согласовывать прогресс в знании и в духовности, и они идут рядом. Ведь это так и есть — не в совершенстве, а в пределах определенных границ, широких, но верных. Будь это не так, мир не был бы таким, каков он есть сегодня. Это, однако, только одна сторона нашей заботы о человеческой расе; и что таит в себе будущее, я не могу сказать. Я не могу заглянуть так далеко вперед, чтобы осознать, насколько люди продвинутся в этом новом понимании, через порог которого они только что переступили... Но всем будут хорошо управлять те, кто смотрит с ревностной заботой и великой мудростью; и пока это так, всё будет хорошо.

Среда, 3 декабря 1913 г.

Было бы хорошо еще немного продолжить разговор, чтобы я мог более полно высказать то, что имею в виду. Знай же, мой друг и подопечный, что сказанное мною о превращении энергии — это скорее определение, чем объяснение в деталях этого термина.

Если ты оглянешься вокруг и посмотришь на видимые формы Господней жизни, проявленной в элементах твоей сферы, ты заметишь несколько интересных моментов.

Во-первых, ты не смог бы использовать чувство зрения, чтобы понять Его действие, если бы тот свет, который является внешним для тебя, не пролился на твою планету. Но свет — это тоже вибрация, и он также не одинаков по характеру. Ведь ты наблюдаешь солнце и понимаешь, что оно источник вибраций. Но за пределами Солнечной системы эти вибрации видоизменяются, по причине разных сред, в которые они входят. Так потоки света проходят через края тьмы и продолжают свой путь, пока не попадают в другую атмосферную зону, такую, как та, что около Земли, и снова эта энергия превращается, изменяя характер, и опять становится тем, что человек зовет «светом». И всё-таки, по сути своей это один и тот же поток от Солнца к Земле, поток света, изливающийся из источника, проходящий через безбрежную тьму и снова возвращающийся к своему источнику, когда планета встречается у него на пути.

Ты, наверное, помнишь слова: «Свет во тьме светит, и тьме его не объять». Это не просто аналогия. Это способ действия, который Бог применяет в Своей Вселенной, материальной и духовной. И Он Един; и Царство Его едино.

Очевидно поэтому, что должны быть соблюдены определенные условия, чтобы свет мог действовать, являя вещи человеку. Эти условия — окружение, на которое воздействует свет и которое отвечает ему ответным действием.

Это в отношении духовного окружения. Мы, духовные служители, можем обрести действительность только тогда, когда обнаруживается доброе окружение. Вот почему одним мы можем открывать обстоятельства жизни в большей степени и с большей легкостью, чем другим, чье окружение не так благоприятно. Всё, что являет вещи, есть свет, будь то вещи материальные или духовные.

Я расскажу тебе и еще об одном — как через промежуточные области тьмы свет направляется от солнца к отдаленной планете, так и от высших сфер свет посылается через промежуточные сферы и принимается земным планом так же прямо, как Земля получает свет Солнца.

Посмотри на другой предмет. Далеко за самой отдаленной звездой, которую ты видишь с Земли, есть зона удивительной красоты, где солнца включены в систему, гораздо более завершенную. Там становится видно, что свет измеряется пропорционально тому, как убывает тепло; а это указывает на тот факт, что тепло, с течением веков, превратилось в вибрации, которые составляют свет. Луна холоднее Земли и отражает больше света относительно своего размера. Чем старше становится Система, тем она делается более холодной и вместе с тем более сверкающей. И могу тебе сказать, что до настоящего времени не был еще отмечен ни один факт, противоречащий нашему заключению.

Красота служит не только к удовольствию для зрения. Это скорее характеристика этих краев. Ведь красота и полезность идут здесь рука об руку. И чем более полезным становится человек, тем более красив его облик. Красота святости буквальна и реальна, мой друг, и было бы хорошо, если бы все люди могли принять эту истину.

Четверг, 4 декабрь 1913 г.

Объяснив в самых общих чертах некоторые из принципов, действие которых обнаруживается в сфере Земли, я продолжу разговор о вещах несколько иного рода. Человек должен смотреть вверх, пока он в пути; и чем больше он сумеет понять о той земле, к которой он послан идти, тем более уверенным будет его продвижение вперед и тем менее чужой покажется эта страна, когда он туда прибудет.

Первое, чему мы должны здесь научиться, — поле того, как пройдем через Завесу плоти в более чистые области духовной жизни и познакомимся с условиями, обнаруживающимися здесь, — это как передать тем, кто придет после нас, это наше знание.

Одна из причин, вызывающих большое потрясение и недоверие во многих душах, — реальность всего того, что они здесь видят. Тебе это уже показывали; но это настолько противоположно всякому рациональному предположению, что я мало что могу добавить. Ведь дело первейшей важности для каждого — *осознать*, что всё, что он видит — это не сон, как сказал бы человек, что это в действительности развитие более полной жизни, такой, для которой жизнь земная есть только подготовка и начало. Почему-то люди полагают, что молодое деревце более сильно, чем могучий дуб, или что ручей более реален, чем река. Молодое деревце и ручей — это о вашей нынешней земной жизни; дуб и река — это здесь.

Тело, которое вы сейчас носите, и деревья, и реки, и другие материальные субстанции, которые вы называете реальными, не так долговременны и не так реальны, как их двойники в наших сферах. Ведь здесь обнаруживается энергия, которая приходит в ваши системы и относится к ним по силе и интенсивности, так же, как динамо-машина к одной лампочке.

Поэтому, когда люди думают о нас как о неких клубах дыма, а о нашем окружении как о каких-то плавающих тенях, пусть остановятся и вникнут, есть ли какое-нибудь здравое объяснение, подтверждающее их взгляд. Нет, ему нет какого бы то ни было обоснования, но,

напротив, это глупость и недостойное размышление в отношении существ духовного состояния...

И в самой гуще скучной серой мглы Земли и земной жизни вы сами потенциально не от Земли, но от этих небесных сфер. Не будьте поэтому так жалки и убоги, утыкаясь носом в землю и вынюхивая золото. Пользуйтесь тем, что у вас есть, и радуйтесь, что ваш мир так мудро упорядочен и так удивителен, но не мерьте Землю мерками, которые вы считаете эталоном в вашей нижней сфере.

Смотри вперед, мой друг и подопечный, потому что это твое; и все красоты и улады мы с доверием храним для тебя. Протяни руку с верой, и я положу в нее лишь один маленький камешек из всех небесных сокровищ. Открой для нас свое сердце, и мы вдохнем в твое существо нечто от музыки и любви твоего будущего дома.

Итак, довольствуйся этим какое-то время и делай то дело, что стоит перед тобой. Мы храним твое наследство надежно и безопасно в ожидании твоего прихода, и, если будешь делать свою работу с такой верой и так хорошо, как только можешь, ты и такие, как ты, придут к нам как Цари и Принцы Крови — той Крови, которая есть Его Жизнь для всех, кто любит святость, как Он ее любит, и, поскольку Он любит ее красоту, не уклоняйся от выполнения Воли Его Отца — Отца Того, над Кем люди насмеялись и за что они распяли Его.

Следуй по Его пути, потому что этот путь привел Его на Трон, и тебя приведет туда же, тебя и всех, кто исполняет свое дело благородно и с любовью. Над такими Он Царь их.

Забдиэль, для меня будет затруднительно приходить в ближайшие дни. Ты предпочел бы, чтобы я приходил каждый день или всякий раз как смогу?

Как хочешь, друг. Но только помни, что сила сейчас здесь и она может уйти. Я буду поддерживать тебя так долго, как только смогу, а когда этому настанет предел по причине твоей занятости — я стану бессилён. Однако я сделаю свой дневник более законченным, пока ты находишься в низкой стадии восприимчивости. Поступай, как сочтешь лучшим. Если ты решишь продолжать ежедневно, не занимай свой ум другим писанием более, чем это необходимо для послушного исполнения твоих обязательств. Занимайся и восстанавливай силы на свежем воздухе, раз чувствуешь, что это помогает. А я дам тебе, сколько смогу, своей силы и поддержки. Но моя способность давать превышает твою способность брать. Так что, если будет возможно, приходи ежедневно. До сих пор мы ни разу не потерпели неудачи, и, может быть, так будет и впредь.

ГЛАВА VI: Цветущая земля Господа.

Вторник, 9 декабря 1913 г.

Итак, ты пришел ко мне, мой подопечный, как я того желал. Думаю, что смогу нынче вечером сказать нечто такое, что будет полезно тебе и другим. Ведь есть силы, которые помогут тебе, а ты и не будешь этого знать, и я использую их, чтобы упорядочить свои мысли перед беседой с тобой. Так что не будь нерешителен из-за сомнений в своей способности произвести их. Если ты перестанешь получать необходимую поддержку, я сообщу тебе об этом, и мы закроем свою книгу на некоторое время и займем свои умы другими предметами.

Теперь доверь мне свой ум, чтобы я мог продолжить, потому что я хочу, чтобы сегодня тебе было дано узнать еще немного о наших делах здесь, в этой Десятой Сфере.

Храм-алтарь, к которому я пришел, используется не только для молитвы, но и чтобы получать наставления тех, кто правомочен давать их. Это Высшая Школа сферы, и только те, кто прошел через более низкие ступени, могут прийти сюда для окончания обучения. В других местах этого края есть другие школы, или колледжи, где обучают особой разновидности мудрости, а некоторые служат для взаимодействия и объединения этих ветвей.

В самом Городе три таких колледжа, куда те, кто прошел через, я бы сказал, «провинциальные школы», приходят изучать относительную ценность различных знаний, которые они там приобрели, и объединить их вместе. Во многих сферах соблюдается такая же последова-

тельность. Но каждая сфера служит продолжением и одновременно более высокой стадией сферы, внутренней по отношению к ней. Так что от низших до высших сфер развивается система поступательного прогресса, и каждый шаг вверх дает дополнительные возможности — не только в силе, но и в радости от ее применения.

Преподают преимущественно те, кто поднялся настолько, чтобы перейти в следующую сферу, но был избран остаться, чтобы учить тех, кто, в свою очередь, наследует им, когда, со временем, они перейдут в должное для себя место пребывания. Иногда эти наставники совершают путешествия в более высокую сферу, но затем возвращаются, чтобы выполнить свою задачу.

И так же приходят жители более высоких сфер в более низкую — для дружеского общения и бесед со своими друзьями, которые учат здесь; и тогда они почти всегда должны приспособлять себя к среде этой более низкой сферы, чтобы получить возможность передать ученикам слова любви и ободрения.

Если дух из одной из этих сфер спускается на вашу Землю, то ему необходимо, чтобы он мог вступать в контакт с вами, приспособить себя подобным же образом, и это в большей или меньшей степени. Так и здесь, между более высокими и более низкими условиями, существующими в сферах разного рода и разного развития.

Но бывает, что с одними из вас нам легче говорить, чем с другими, и это зависит от степени вашего духовного развития. И точно так же здесь, в нашей духовной стране. В Третьей Сфере есть те, кто знает о присутствии в ней посетителей из Четвертой и даже более высоких сфер. И это благодаря своему духовному развитию, более высокому, чем у их товарищей. Если посетители захотят стать видимыми и слышимыми, они должны будут более полно приспособить себя к среде Третьей Сферы. Так они и делают.

Это самое общее описание, и согласись, что нечто, как будто усложняющее жизнь здесь, в действительности служит для ее упорядочения.

Главные принципы, которые правят обществом святых на Земле, переходят выше и повторяются дальше в упорядоченной последовательности.

Спасибо. Но мог бы ты более детально описать страну Десятой Сферы?

Да. Но сначала относительно названия «Десятая Сфера».

Мы называем ее так для краткости. Но в каждой сфере обнаруживается, что другие сферы соприкасаются с ней. То, что мы зовем «Десятой», это основной признак; но гармония сфер едина и смешана. Человек может стремиться к тому, что выше его, и поднимается вверх благодаря контакту с этой более высокой зоной, взаимно проникающей в его зону.

И также, достигнув, скажем, Седьмой Сферы, он посвящается во все более низкие сферы, через которые он прошел. Как другие пускаются к нему, так и он может спускаться к другим, приспособляя себя всегда к той сфере, в которую идет. Из своей сферы он может протянуть свою власть в самые низкие сферы. Это мы делаем постоянно, посылая свои познавательные способности и дополнительную силу из своей сферы в земную тем, с кем установили контакт. Мы не всегда покидаем свой Дом, когда помогаем вам; но иногда, если требует необходимость, делаем и это.

Где ты сейчас — в своей сфере или здесь, в земной?

Я сейчас взываю к тебе, находясь совсем рядом. Хотя кирпичи и известка не препятствия для меня, всё же с учетом твоего телесного состояния и твоей неспособности подняться высоко над самим собой я вынужден встречаться с тобой на полпути между нами. Я прихожу к тебе и стою в пределах достижения твоего призыва, иначе ты воспроизводил бы мои мысли не в том порядке и интонации, как я того хочу.

Четверг, 11 декабрь 1913 г.

Вы на земном плане имеете слабое представление о нашей близости к вам, мы кажемся вам такими далекими. Но даже воробей не пролетит без того, чтобы ваш Небесный Отец не заметил этого. Так что всё, что вы делаете, открыто для нас и изучается с интересом и боль-

шим тщанием на предмет того, не можем ли мы время от времени вкладывать в ваши молитвы некий отблеск небесной росы, который слегка осветил бы их и вас мыслями о небесах.

И потому здесь живут искусные служители, которые стремятся год за годом влиять на ваши Праздники на Земле. Благодаря этому их дар добавляется к дару тех, кто следит за вашими молитвами <То есть духи-служители.>, чтобы сделать их более полезными для вас, а именно развивающими сознание, чтобы направить ваши мысли и устремления к величайшему празднику вашего жизненного цикла.

Я знаю, что те идеи, которые для вас связаны с Рождеством, Крещением, Троицей и другими Праздниками, усиливаются из таких поселений, как это.

Более того, я слышал и верю в это, что великие Праздники тех, кто почитает Бога-Отца по иным, чем христиане, законам, точно так же находятся под заботой особых опекающих и наблюдающих Ангелов.

Вот поэтому-то ты иногда замечаешь, как прибавляется пыл в молениях пред их Алтарями славы. И во многом это, как я полагаю, есть следствие потоков духовной энергии, направленных из здешних школ и идущих в сердца паствы на Земле, объединившейся в молитве и поклонении Господу.

Я рассказал тебе лишь очень немного об этой сфере, но достаточно, чтобы вызвать в тебе вкус и аппетит устремиться вперед в своем походе.

Теперь я вернусь на поляну и попрошу тебя со всем вниманием смотреть вперед. Нет, твои ноги ни обо что не споткнутся, хотя твои глаза и не прикованы к тропе. Ведь те, кто смотрит вверх, смотрят на путь, по которому идут; а мы смотрим вниз, чтобы сделать безопасными их шаги.

Так что всё хорошо, мой подопечный; да, всё хорошо для такого человека, поскольку он доверяет нам, которые служат нашему Господу, с Ним остается его сердце; и ничто не заставит его споткнуться.

Пусть так оно и будет. Мир скучен и утомителен сплошь и рядом, хотя есть и в нем красота, и любовь, и святое стремление. Держись этого и радуйся этому. Свободно делись этим с другими, и мрак покажется менее непроглядным, и свет за ним проблеснет более явственно и ярко, и сыны утренней зари поведут тебя в свою страну — прекрасную страну Вечного Лета.

Пятница, 12 декабря 1913 г.

Стоя на высоком пике, излучающем свет, я общаюсь с теми, кто живет в обеих сферах, и через них со сферами более дальними. Благословение таких мгновений слишком велико, чтобы выразить его словами, и открывает духовное видение, позволяющее понять славные и необозримые бесконечности и всеобъемлющую любовь.

Однажды я стоял так, лицом к своему будущему дому, и закрыл глаза, потому что насыщенность света передо мной была слишком велика, чтобы я мог выносить ее непрерывно. И мне впервые было позволено видеть моего опекуна и наставника и говорить с ним.

Он стоял на вершине — прямо напротив моей, а между нами была долина. Открыв глаза, я увидел его там, как будто он внезапно принял зримую для меня форму, чтобы мне легче было увидеть его. И действительно, так оно и было, и он улыбнулся мне, понимая мое смущение.

Он был одет в блестящую тунику до колен, и на талии у него был серебряный пояс. Руки и ноги открыты и, казалось, сверкали и лучились светом его святости и чистоты сердца; но ярче всего было его лицо. Синий головной убор покрывал его волосы, которые были словно серебро, отливающее золотом. На нем сияла драгоценность его ранга, никогда прежде мною не виденная. Это был коричневый камень, и лучился он коричневым светом, очень красивым и пылающим жизнью, которая была повсюду вокруг нас.

«Иди ко мне», — сказал он. Я был испуган, но то был не ужас, а скорее замешательство от благоговейного почтения.

«Я знаю, что ты мой опекун, господин, потому что мое сердце говорит мне это. — сказал я. — И мне радостно и очень приятно смотреть на тебя. Ты часто был рядом со мной на моем небесном пути, но всегда немного впереди, так что я не мог догнать тебя. И теперь, когда мне дано зримо видеть тебя, я счастлив поблагодарить тебя за всю твою любовь и заботу. Но, мой господин, я не решаюсь подойти к тебе. Ведь когда я начну спускаться в долину, яркость твоей сферы ослепит меня и шаг мой станет неверным. А когда я достигну тебя, то, наверное, потеряю сознание из-за бóльшей славы, окружающей тебя. Даже здесь, на расстоянии, мне трудно ее переносить...»

«Что ж, на этот раз я буду твоей силой, как бывало много раз прежде, и часто без твоего ведома. Мы так долго были вместе, что теперь я могу дать тебе больше, чем до сих пор. Но только собери всю свою отвагу, ведь никакой вред не коснется тебя. Именно для этого внушил я тебе прийти сюда, на это место».

Я еще некоторое время видел его, стоящего совершенно неподвижно, а затем его облик стал иным. Через тонкую ткань его легчайшего одеяния я мог вдеть, что его тело точно сосредотачивало все свои силы. Его руки были вытянуты вдоль туловища и слегка развернуты в стороны, а глаза закрыты. Затем случилось нечто необычное.

Из-под его ног появилось облако, цвет которого был смешением голубого и розового, и оно двигалось ко мне, пока не возник мост между нашими вершинами. Он был немного выше, чем мосты, построенные человеком, и немного больше в ширину. Постепенно мост достиг меня и тогда я услышал: «Теперь иди ко мне, друг мой. Шагай уверенно, тебе не будет вреда».

И я двинулся к нему через этот облачный светонесущий стебель, окружавший меня со всех сторон, и, хотя он прогибался под моими ногами, подобно толстому бархату, я всё-таки продолжил путь вверх — в великой радости. Ведь пока я шел, он смотрел на меня и улыбался.

Но хотя он казался таким близким, всё же я не достигал его, хотя он и стоял неподвижно.

Но, наконец, он протянул руку, и, сделав еще несколько шагов, я взялся за нее, и он втащил меня на более надежную твердь.

Тогда стебель света рассеялся и я увидел, что нахожусь в дальнем конце долины и вижу оттуда свою сферу. Ведь я пересек ее по этому мосту небесного света и силы.

Затем мы сели и стали беседовать. Он напомнил мне о последних моих стараниях и указал, как я могу лучше исполнять свою задачу; и за что-то он хвалил меня, а за что-то не хвалил, но никогда не ругал, только советовал и наставлял с любовью и добротой.

И так он говорил, а я испытывал замечательное состояние силы и бóльшей отваги идти по своему пути. Это он поделился со мной своей силой и высокой святостью, и я больше, чем прежде, понял потенциальное величие человека в смиренном служении своему Господу Христу и через Него — Богу.

Он проводил меня через долину, обняв меня за плечи, чтобы укрепить своей силой; и мы говорили всю дорогу вниз и через долину; а затем, когда началось восхождение на склон с другой ее стороны, постепенно смолкли. Теперь мы общались мыслями, а, пройдя небольшую часть подъема, я посмотрел на него и заметил, что не вижу его совершенно ясно, и начал сожалеть об этом. Но он улыбнулся и сказал: «Всё хорошо, брат мой. Всегда всё хорошо между мной и тобой. Помни об этом».

Он становился всё более и более неясным для моего взора, а потом мягко подтолкнул меня вперед и окончательно исчез. Больше я его не видел. Но я теперь знал его так, как не знал прежде. Я чувствовал, что он рядом со мной всё то время, пока восходил на вершину. Я обернулся и взгляделся в яркость его сферы на той стороне долины, но не увидел его там.

Перед тем как пуститься в обратный путь, я посмотрел снова и увидел фигуру, стремительно движущуюся над горными вершинами, не плотную фигуру, каким он был, а почти прозрачную. Подобно лучу солнечного света, он удалялся от меня зримый или частично зримый; а затем и эта фигура тоже постепенно исчезла. Но всё же я чувствовал его присутст-

вие со мной, чувствовал, что он знает обо мне, знает, о чем я думаю, знает что я делаю. И я начал спуск с горы, чтобы с большей радостью и большей силой исполнять свою работу.

Если из той более яркой сферы такое благословение было даровано мне, разве не должен в ответ и я передать немного тем, кто нуждается в нем так же сильно? И это мы делаем, мой подопечный, через те небеса, что лежат ниже нашего неба; и даже к вам на Землю мы приходим и служим с огромной радостью. Ведь это очень сладостно — делать для других наших ближних то, что с такой щедростью делается для нас.

Я не могу возвести для тебя мост, как это сделал он. Но есть Путь, по которому можно перейти в должное время, как Он сказал. И Его власть намного превышает власть того, кто проложил для меня дорогу через Долину Вершин. Ему я слуга очень низкого ранга. Но то, чего мне не хватает для высокой святости и мудрости, я стараюсь возместить любовью. И если мы оба будем служить Ему так, как только можем, Он будет хранить нас в мире, и вместе с Ним перейдем мы через бездны от славы к еще большей славе, которая грядет за ней.

Понедельник, 15 декабрь 1913 г.

Я покинул это место, чувствуя готовность исполнять работу, которую должен был делать до того времени, когда меня призовут туда, где он сейчас. О, красота и высший мир этого места и его, моего наставника! Если жители той дальней зоны хотя бы в половину так прекрасны, как он, тогда эта раса, которой я со временем достигну, воистину благословенна.

Но вот что, брат мой, — на меня возложено помогать тебе на твоём пути. И я буду делать это и добавлять тебе и другим нечто такое, что поможет вам на пути, который когда-то сам прошел. Так протяни мне руку, и я, в свою очередь, сделаю всё, что смогу.

Я покинул это место, как уже сказал, с духовным подъемом, и с того времени мое окружение стало более понятным для меня, поскольку я посмотрел на него издалека и смог увидеть неясности в их правильном соотношении. Время от времени я делаю это и теперь, когда какая-нибудь проблема затрудняет меня. Я смотрю на нее как бы с высоты, более близкой к следующей сфере, и непонятные вещи разрешаются последовательно и становятся яснее.

Делай то же, мой подопечный, и жизнь покажется тебе не такой запутанной; ведущие принципы займут подобающее место, и Любовь нашего Отца можно будет видеть более ясно.

Итак, я продолжу описание той сферы, в которой протекает моя нынешняя работа.

Спустившись с горы, я повернул направо от реки и по дороге, которая огибала лес на некотором расстоянии от него, шел в одиночестве, погруженный в созерцание.

Наконец я повстречал людей, чье жилище было далеко впереди. Некоторые были пешие, а некоторые — верхом на конях, кто-то в повозках или экипажах. Одевания самых разных цветов, но преобладали оттенки от розовато-лилового до пурпурного. Там было около трехсот человек, и я обменялся с ними приветствиями и спросил у одного из них, куда они направляются.

Мне ответили, что до их города дошел слух, будто некоторые из обитателей Девятой Сферы вот-вот получают посвящение в эту, Десятую, если докажут во время собеседования свою готовность к этому. Услышав об этом, я попросил собеседника сказать их главе, что хотел бы сопровождать группу, чтобы увидеть всё это. Он улыбнулся и предложил мне идти с ним, сказав, что я уже принят. «Потому что, — добавил он, — тот, кого ты назвал «главой», идет бок о бок с тобой».

Тогда я повернулся и посмотрел на него, сильно удивленный; ведь на нем действительно была пурпурная туника, но без орнамента, а обруч на голове был тоже пурпурный с одной-единственной красной драгоценностью и без всякой эмблемы. Другие были одеты гораздо богаче и выглядели куда более роскошно. Я промолчал, но он был более развит, чем я, и прочитал мои мысли, которые не были высказаны вслух.

Он снова улыбнулся и сказал: «Пусть эти новички увидят меня таким. Некоторые из них едва ли созрели для восприятия большего сияния, которым были бы ослеплены. Разве не бы-

ло у тебя только что неожиданной встречи, брат мой, которая показала тебе, что слишком большая слава может скорее воспрепятствовать, чем помочь?»

Я признал, что это правда, и тогда он добавил: «Я из сферы, к которой принадлежит твой наставник, и остаюсь здесь для того, чтобы завершить работу, которую сам избрал для себя. Я приспособил себя таким образом, чтобы те наши братья и сестры, которые приходят сюда, почувствовали уют и гостеприимство дома, прежде чем созреют для славы Дворца».

Наконец мы увидели два гигантских природных камня, через которые должна была пройти дорога.

Мы прошли через эти Ворота, которые жители долины зовут «Воротами Моря», и перед нами раскинулся океан, в который река водопадом падала с огромной высоты. Мы спустились по тропе и встали на берегу; затем от излучины реки прибыла группа наших дам, которые, как я узнал, постоянно живут в этой местности, чтобы принимать тех, кто прибывает сюда из отдаленных земель.

Велика была радость всех нас поприветствовать их, и их радость принимать и дарить приветствия в ответ.

Затем высоко над округлой вершиной мы увидели нашу Мать. Она с головы до ног была облачена в тончайшую серебряную ткань и сияла сквозь нее, как красивый мерцающий бриллиант, наделенный жизнью. Она пристально всмотрелась в море, а затем начала покачивать руками.

Через какое-то время мы увидели, что большой букет цветов проявился между ее руками, затем она изменила движение, и он поплыл вперед и растянулся в цепочку цветов, которая полетела в воздухе, высоко над волнами, и, наконец, повисла над людьми, которые были на судне.

Затем она завернулась вовнутрь и начала принимать форму плоской спирали, а потом мягко опустилась на них и взорвалась дождем роз, лилий и других разнообразных цветов, которые падали на них и вокруг них. Я смотрел и видел, как выражение лиц менялось — от пытливого ожидания до радостных улыбок счастья: ведь они поняли знак, который получили, и узнали, какая любовь ждет их в этой новой сфере, в которую они прибыли издалека.

Теперь я мог рассмотреть их корабль. В действительности это был вовсе и не корабль, а плот. Как бы мне описать его попроще? Это был плот, но нигде в нем не было видно голой техники, потому что везде стояли кушетки и кресла из мягкого пуха и музыкальные инструменты. Но главным был орган, на котором три человека начали играть одновременно. С одной стороны я заметил нечто, похожее на жертвенник, но не могу описать его подробнее, потому что не знаю точно его назначение.

Когда орган начал звучать, люди на плоту разразились гимном восхваления Всеобщего Отца, перед Которым все преклоняют колени, потому что от Него одного происходит Жизнь и через Него всё становится возможным. Солнце излучает Его жизнь на Землю, и Небеса — как часовни внутри Солнца, часовни света и тепла жизни. Перед Ним и всеми теми Богами, Которые обязаны Ему рождением и должной преданностью, долг свой оплатим мы чистым сердцем и искренней преданностью.

Среда, 17 декабрь 1913 г.

Итак, продолжим рассказ о тех, кто прибыл через море из далеких земель. Ведь их путешествие было долгим и служило подготовкой к тому, чтобы поселиться в этом их будущем доме.

Они высадились на берег и собрались все под высоким мысом, вздымающимся подобно некой гигантской сторожевой башне. Тогда главный среди них стал искать нашего Главу и наконец заметил его и узнал — ведь они встречались прежде. Он подошел к нему, и они оба приветствовали друг друга с теплой любовью и благословением.

Они беседовали какое-то время, а затем наш Глава выступил вперед и обратился к прибывшим с приглашением войти в новый дом. «Вы пришли издалека, ища его, и он не разочарует вас, когда вы познаете его красоты, — сказал он. — Я всего лишь скромный слуга здесь,

но, поскольку именно в поселении, которое я возглавляю, вы начнете свою жизнь здесь, я послан приветствовать вас.

Как вы хорошо знаете, вера, которой вы когда-то обладали, лишь один луч сияния великой Господней Любви и Благословения. Я вижу на вашем судне Алтарь. Но ввиду того, что эмблема исчезла с его пьедестала и что дым фимиама не поднимается над ним с тех пор, как вы приблизились к берегу, я думаю, что для вас Алтарь перестал быть символом и потерял свое значение. Вам самим выбирать, возьмете ли вы его с собой или оставите на борту, чтобы вернуть на Землю, с которой вы прибыли. Решите это для себя и сообщите мне».

Они совещались не слишком долго; и их представитель сказал: «Господин мой, всё так, как ты сказал. Теперь для нас осталось мало значения в том, что когда-то было средством узнать и поклониться Богу, нашему Отцу. Ведь благодаря обучению и нашим собственным размышлениям, мы смогли узнать, что все Господни дети — одного рода и расы, как дети Одного Единого Отца. Сейчас настало время, когда нам уже нет пользы в том, чтобы вспоминать нечто такое, что разделяет, даже если это разделение исполнено любви и полной терпимости. Мы отправим Алтарь назад; ведь там есть те, кто лучше помнит детали той религии, через которую мы теперь перешагнули.

А теперь, господин, мы следуем за тобой, чтобы узнать, по доброте твоей и тех наших ближних, кто служит под твоим руководством, всё, что только сможем, о Братстве всего человечества, как его понимают в этой более яркой стране и тех краях, что лежат за ней».

«Ты очень хорошо выразил это, — ответил Глава, — и так оно и будет. А теперь я поведу вас в край, что лежат за этими Воротами, в ваш Дом».

Сказав это, он смешался с толпой и поцеловал каждого в лоб; и я заметил, что, когда он это делал, их внешний облик становился более светоносным, а их одежды начинали излучать больше света. И Мать спустилась со своего места вниз и тоже всех поцеловала. И мы были так рады встрече, что никто не спешил уходить. Когда мы прошли через Ворота, Мать и ее девушки спели гимн Славы Высочайшему и нам всем — одновременно приветствуя и желая доброго пути...

Тебя интересует этот Алтарь и смысл слов нашего Главы.

Извини, что прерываю тебя, Забдиэль, но почему ты избегаешь называть его имя?

Я скажу тебе имя, чтобы ты мог поместить его в эти письма, но не могу воспроизвести для тебя сущность этого имени. Более того, мне это не дозволено. Я назову его Харолен. В этом имени три слога, как и в его; и оно вполне сгодится. Продолжим.

Он был поглощен общением с толпой, пока мы шли, а когда я заметил, что он освобожден, то подошел и спросил, кто были эти люди, что они почитали и о чем он говорил на берегу. Харолен ответил, что в земной жизни они были почитателями Бога, Чье Имя было поглощено Огнем и Солнцем и Которому поклонялись древние персы.

Ты должен знать, что, когда люди переходят из земной жизни на первую стадию своей бесконечной жизни на этой стороне, они такие, какими покинули Землю. Они сохраняют обряды, способ жизни и поведение в соответствии со своей религией, с ее основными принципами. Но по мере их прогресса здесь вся солома и мякина отсеиваются, одна пригоршня за другой. Но тогда как некоторые стремительно движутся вперед, основная масса медлит и продвигается неторопливо; и те, кто оставил ее за спиной, возвращаются время от времени, чтобы дать наставления.

Так они идут из века в век, и из края в край, и от сферы к сфере; и подходят ближе и ближе к Универсальной идее Всеобщего Отца. Они по-прежнему остаются братьями друг другу; но они учатся приветствовать, а потом и любить, братьев других родов религиозной мысли и веры. Так происходит постоянное и всё возрастающее общение между людьми разной веры.

Но еще далеко до того, когда большинство сольется в абсолютное единство. Эти старые персы сохранили свой взгляд на вещи, и так будет еще долго. И не следует желать, чтобы было по-другому. Ведь у каждого свой собственный характер, и каждый вносит свой вклад в содружество всех.

Но эта группа сделала шаг вперед во время плавания по морю. Нет, я бы сказал, что во время этого плавания им было дано понять, что они уже преодолели эту стадию своего развития. И когда им было предложено испытание, они решили оставить Алтарь позади себя, а сами идти вперед в более широкое Братство Небесной Семьи Господа.

Ты обеспокоен, мой подопечный; ведь я одновременно вижу и чувствую, что твои ум и сердце в размолвке. Пусть это пройдет, брат мой. Знай и будь совершенно уверен, что всё, что есть реального и хорошего, истинного, будет длиться вечно. Остальное исчезнет. И Он, Которому ты служишь, действительно есть Истина, но не открывает тебе всей истины. Но Он сказал, что вы будете приведены в истину во всей ее полноте; и видно, как это происходит в сферах за пределами Земли. Сейчас я рассказывал именно об этом.

Одно я знаю — я, который, как и ты, возносит дань почитания и повиновения Христу Бога из Назарета, — Он по-прежнему впереди на долгом, долгом пути. Свет, который ослепил бы меня, для Него в Его Святости есть то же, что для меня сумерки. Он прекрасен, я знаю, потому что я видел Его, насколько был способен, но не в полноте Его славы и величия. Он прекрасен, о да, и красив так, что у меня нет слов сказать. И Ему я служу и оказываю почтение с радостным поклонением и великим счастьем.

Так что не волнуйся за свою собственную преданность. Ты не отнимешь у Него, с почтением отнесясь к нашим братьям других вер, отличных от нашей. Ведь все они Его овцы, даже если и не из этой паствы. Который есть и был Сын Человеческий и Брат всех нас. Аминь.

ГЛАВА VII: Небесные нагорья.

Пятница, 19 декабрь 1913 г.

«Воздастся тебе по вере твоей». Эти слова остаются обещанием власти сегодня так же, как и в тот день, когда Он впервые сказал их; и их можно произносить с полной убежденностью в том, что они сбудутся. Только бы вера была, и тогда осуществление будет проявлено разнообразными способами, но без какой бы то ни было неопределенности причин и следствия.

И это касается не только вас, но и нас в этих сферах, развитых и развивающихся. Именно веру мы учимся достигать в нашем учении и, достигнув, обретаем силу помогать другим и радовать самих себя. Ведь это радость и удовольствие — давать больше, чем получать, как Он сказал.

Но не ошибайся в природе веры. В земной жизни она для большинства имеет неопределенный смысл — нечто среднее между доверчивостью и верным пониманием того, что есть истина. Но здесь, где мы изучаем сущность всего сущего, мы знаем, что вера — это нечто большее. Это сила, владеющая научным анализом, в определенной степени соответствует прогрессу, достигнутому человеком.

Чтобы лучше показать тебе, что я имею в виду, я расскажу тебе об одном происшествии.

Я посещал некоторые дома нижних сфер по просьбе моего Наставника, чтобы посмотреть, кто живет в них, и помочь, сколь возможно, своим советом, и отчитаться по возвращении. Я переходил из одного дома в другой и пришел наконец в коттедж в лесистой местности, где жили только дет с их опекунами, супругами. Они заботились о детях, мальчиках и девочках, мертворожденных или умерших во время родов или вскоре после того. Таких, как правило, не забирают в Дома нижних сфер, но сразу помещают выше, для их развития, так как в их природе мало земного и они нуждаются в большей заботе, чем те, которые жили хотя бы недолго.

Опекуны приветствовали меня, а потом по их зову пришли дети оказать мне гостеприимство. Но они очень стеснялись меня и сначала неохотно откликались на мои попытки заговорить с ними. Все эти дети очень нежны в своей красоте. Я всё-таки расположил их к себе, и вскоре они стали вести себя свободнее.

Один маленький мальчик приблизился ко мне и стал играть моим поясом, потому что ему понравился его блеск и было любопытство, из какого металла он сделан. Тогда я сел на маленький зеленый газон, посадил его себе на колени и спросил, что бы он хотел получить в подарок от этого пояса. Малыш сомневался в моей способности выполнить желание, но ответил: «Пожалуйста, пусть это будет голубок, господин». Это было очень вежливо с его стороны, и я сказал ему об этом и о том, что когда маленькие мальчики просят что-либо подобным образом, с верой и доверием, то их желания всегда исполняются, если, конечно, они мудры и приятны нашему Отцу.

Потом я поставил его на ноги перед собой и направил всю свою волю на исполнение его желания. И вскоре фигурка голубя возникла на металлической пластинке, которой застегивался мой пояс, и она становилась всё различимее, пока через какое-то время не вышла за пределы пластины, и тогда на моей ладони оказался живой голубь. Он ворковал и смотрел на меня, затем на мальчика, словно удивляясь, кто был его родителем. Я отдал мальчику птицу, и он положил ее за пазуху и побежал рассказать всем остальным, что произошло.

И скоро по одному, по двое прибежали все дети, и вот уже нетерпеливые лица вглядывались в меня, не осмеливаясь заговорить, но страстно желая быть достаточно храбрыми. Я ждал и не говорил ничего, но только улыбался в ответ на их улыбки. Ведь я давал им урок в силе веры, и восприятие этого урока требовало некоторой инициативы с их стороны.

Одна маленькая девочка первая осмелилась высказать желание, свое и ее товарищей. Она шагнула вперед и ухватила своей маленькой, с ямочками, ручкой за край моей туники и, посмотрев на меня, робко сказала: «Если Вам будет угодно, господин, мы хотели бы иметь ягненка».

Я сказал ей, что пожелания высказываются весьма вежливо и быстро растут в размерах. Ягненок гораздо больше, чем голубь. Верит ли она, что я могу дать ей ягненка?

Ее ответ был прост и наивен. Она сказала: «Если Вам будет угодно, господин, все остальные верят».

Я рассмеялся от всего сердца и попросил детей подойти ближе, и все сказали, что если я сумел сотворить голубя с перьями, то смогу сделать и ягненка с шерстью (они называли ее мехом).

Я спросил их, любят ли они нашего Отца, и они сказали: да, очень сильно, ведь это Он сделал всю эту прекрасную страну и показал людям, как любить друг друга. Я сказал им, что те, кто любят Отца — Его истинные дети и что если они попросят Его о чем-нибудь мудром и хорошем, веря, что Он присутствует в жизни, то желаемое придет к ним. Так что нет необходимости, чтобы я делал каких-нибудь животных для них, если они могут сделать это сами. Но, поскольку это весьма трудный случай для начинающих, я помогу им.

Затем по моей просьбе они все сосредоточенно подумали о ягненке, которого хотели иметь, а затем пожелали, чтобы он пришел к ним. Но ничего явного из этого не вышло; а я по необходимости сдерживал свою волю до определенного предела. После нескольких неудачных попыток я остановил их и объяснил, что они еще недостаточно сильны, но когда подрастут, то смогут делать даже это, если будут и дальше развивать свою веру, в молитве и любви, и продолжил: «Ведь у вас есть эта власть, просто она пока еще недостаточно велика и способна лишь на малое. Но какая-то часть этой силы у вас есть и сейчас, ее хватит на то, чтобы повелеть какому-нибудь, уже живущему, прийти к вам. Есть ли в этой местности ягнята?»

Они сказали, что здесь нет, но есть несколько в другой местности далеко отсюда, где они были в гостях не так давно.

«И вы своей верой и властью привели одного из этих ягнят сюда». — сказал я.

Обернувшись, дети увидели маленького ягненка, который пасся на тропинке между деревьями.

Сначала они были слишком изумлены и только смотрели на животное. Потом некоторые из старших, придя в себя, с криками радости побежали к ягненку, а он, увидев их, побежал,

резвясь и подпрыгивая, им навстречу и выглядел таким же радостным, как они, найдя себе товарищей для игр.

Чудесный маленький урок, заключенный здесь, был примером того, как воля завершается, возможно, через много веков, созданием некоего космоса, в котором ваша планета может быть лишь крохотной точкой. Именно с этого Княжества и Власти начинают подготовку ко всему более величественному. То, что я совершил на их глазах, было актом Творения. То, что сами они совершили, с небольшой моей помощью, было началом того развития, которое приведет их от власти к еще большей власти, по мере того, как будет понемногу прибавляться их вера, которую мы используем в служении Ему, Дающему ее нам на радость.

Это вера, и именно твоя вера, освященная молитвой и высоким побуждением, является причиной всякого осуществления. Используй ее, но бережно и осмотрительно, и со всем благоговением, потому что это одно из самых больших доверий, которые Он оказал вам, — и нам в большей мере — и, вне всякого сомнения, свидетельство Его великой любви. Чье Имя да будет благословенно за безграничную Щедрость Его даяния. Навеки аминь.

Понедельник, 22 декабрь 1913 г.

Итак, вот и всё о Доме и учении детей. А теперь о других обстоятельствах этого путешествия.

Я посетил деревню, в которой было немного домов, но каждый на своем собственном владении. Занятия маленьких сообществ людей различались лишь в деталях, но принадлежали одному направлению. Человек, руководящий этим поселением, вышел встретить меня на мосту через ручей, который почти окружал деревню и бежал дальше, впадая в реку, о которой я уже говорил. Обменявшись приветствиями, мы пошли вместе. По дороге я заметил аккуратность садов и жилищ и высказал спутнику свое восхищение.

Ты не мог бы сказать мне его имя?

Ты можешь записать его — Бэпель. Давай продолжим.

Мы дошли до одного из домов, отличающихся своим видом, — он выглядел скромнее других. Я спросил, в чем причина; поскольку не имел представления о том, что могло бы остановить прогресс чего бы то ни было в этой сфере.

Бэпель улыбнулся и ответил: «Ты знаешь человека, который живет здесь, его самого и его сестру. Они вместе пришли из Восьмой и Девятой Сфер уже очень давно. Здесь они развивались и время от времени возвращались в Четвертую Сферу, где у них были любимые, в частности их родители. Они делали это, чтобы помочь им идти вперед. Со временем они обнаружили, что им не так уютно в их собственном окружении из-за той любви, которую они питали к тем, кто был позади. Похоже было, что это замедляет их развитие, и произошло это задолго до того, как они достигли этого места.

Потому сейчас эти двое ждут прихода кого-нибудь, кто властен разрешить им отбыть к тем, кому они желают помочь, и поселиться там, чтобы обеспечить дальнейшее развитие своих близких».

«Я хочу увидеть их», — сказал я, и мы вошли в сад.

Тебе может быть интересно узнать, как разрешают здесь подобные ситуации, и поэтому я продолжу описывать всё произошедшее.

Я нашел брата в маленькой рощице сбоку от дома и спросил его, где сестра. Она была в доме, и мы пошли к ней. Мы нашли ее в глубоком сосредоточении, погруженной в общение с родителями, находившимися далеко отсюда в другой сфере. Скорее следовало бы сказать, что она посылала свою помощь и направляла им силу, ведь «общение» подразумевает обоюдное действие, а те, другие, мало были способны (если были способны вообще) послать ей свои мысли в ответ.

Так что я поговорил с ними немного и высказал им свое заключение примерно так: «Похоже, что сила, необходимая вам, чтобы обеспечить свое продвижение в этой сфере, отнимается у вас теми, кто живет в сфере на несколько уровней ниже. Вас тянет назад любовь оставшихся там и замедляет ваше движение.

Если вы пойдете в Четвертую Сферу и поселитесь там, то сможете помочь ей, но не слишком сильно. Ведь если вы рядом, зачем им стремиться вперед, далее их нынешнего уровня? Поэтому нехорошо, чтобы вы пошли к ним подобным образом. Всё же любовь — сильное чувство, и поскольку она есть как в вас, так и в них, она почти наверняка восторжествует, когда препятствия, мешающие теперь, будут удалены. Я бы посоветовал, чтобы вы не отказывались от вашего положения в этой сфере, но пошли вместе со мной к вашему Главе, и я попрошу его, чтобы он дал вам другую работу, которая обеспечила бы прогресс и ваш, и тех, кого вы любите».

Когда я отбыл, они отправились со мной, и после обсуждения с нашим Главным Правителем я был рад обнаружить, что он в основном одобрил то, что я имел в виду. Он позвал брата и сестру, выразил им благодарность за их великую любовь и добавил, что отныне они, если пожелают, могут стать одними из тех, чьей миссией было время от времени отправляться в нижние сферы и, появляясь там (приспособив себя к окружению сферы, в которой они появятся), передавать от него сообщения по тому или иному делу. Тогда он будет просить, чтобы их родителям позволяли видеться и говорить с ними. Благодаря этому у родителей появится стимул идти вперед и вверх, чтобы объединиться со своими детьми в более высоких краях.

Он также пожелал им великого терпения, ведь в этом случае ни в коей мере нельзя форсировать события, но необходимо способствовать естественному развитию. На это они согласились с большой радостью и сердечной признательностью. Главный Правитель благословил их во Имя Господа, и они отбыли в свой новый дом очень довольные.

Из этого ты можешь видеть, мой друг и подопечный, что и в высших сферах прогресса возникают проблемы, которые характерны для сфер, наиболее близких к земному плану. Ведь многих тянет назад любовь к тем на Земле, кто не настолько развит, чтобы вступать в общение со своими духовными любимыми и помощниками. И это мешает им подняться на много степеней вверх над состоянием этих медлительных земных близких.

Но есть и другие, также во плоти, которые по причине своих достижений лишь немного или вовсе не тормозят своих духовных наставников, стремясь следом за ними с напряжением всех сил, со смиренным сердцем и святыми намерениями. Они часто помогают и никогда не мешают.

Храни и это в уме вместе со многим другим, что ты узнал. Возможно, нет, неизбежно, что и ты, воплощенный на Земле, действительно или помогаешь, или препятствуешь своим добрым друзьям по эту сторону.

В этом же свете воспринимай Ангелов Семи Церквей, к которым Христос послал слово через Иоанна. Каждый из них, благодаря добродетелям церкви, которой он покровительствовал, оценивался лично, поскольку церковь подотчетна Тому, Кто оценивает каждую, и посылает награду или наказание Ангелу-покровителю каждой Церкви в соответствии с ее заслугами. Как Христос, Сын Человеческий, олицетворял в Себе характер детей человеческих и принял на Себя ответственность за спасение Своих ближних по плоти перед Отцом, так и каждый Ангел-покровитель олицетворяет одного человека или некое сообщество, над которым он поставлен на служение. Он веселится с ними и страдает с ними; он радуется им и скорбит над их недостатками. Помни, что Он сказал, ведь я это видел, и не один, не два, не три раза, но много: «Радость между Ангелами в Присутствии Бога в Небесах, когда раскаивается грешник».

А я добавлю, брат мой: светлые Ангелы не всегда смеются — хотя они действительно смеются, и такое случается постоянно. Но Ангелы могут и проливать слезы — плакать и страдать из-за скорбей и грехов тех, кто борется в битве внизу.

Это не обязательно окажется в ладу с мыслями о нас во многих умах. Не обращай внимания, пиши. Ведь с чего бы нам радоваться, если бы мы не умели скорбеть?

Суббота, 27 декабря 1913 г.

Да, это просто замечательно, что мне было дозволено увидеть чудеса сфер, лежащих впереди моего владения. Я размышлял над этим впоследствии и обнаружил, что могу понять в какой-то мере основной принцип и мотив того, что видел; но есть и многое другое, что я никак не могу постигнуть без посторонней помощи. Вот один из примеров.

Вся ширь небес между двумя концами световых лучей, каждый из которых образовывал стену с одной из сторон открывавшегося мне вида, была залита малиновым светом. Глубокий, очень глубокий и насыщенный малиновый свет — таким было пространство, в которое я вглядывался. Это было похоже на гигантский вулканический выброс, потому что облака этой светящейся субстанции вздымались, и накатывались друг на друга, и выталкивали друг друга высоко вверх, и увлекались то в одну, то в другую сторону, и опадали, и сталкивались с другими грядами облаков. Всё бурлило какой-то клокочущей и разрушительной катастрофической яростью. Таким ужасным показался моей душе этот красный вихрь, что я затрепетал от страха.

«Отврати мой взор от этого. Из своей любви, господин, направь его на менее ужасающие сцены. Ведь таинство этого зрелища слишком громадно, чтобы я мог выстоять перед его всеподавляющим величием».

Так я умолял своего друга, который ответил: «Подожди немного, брат мой, и увидишь, что оно уже не ужасно. Ты сейчас смотришь на сферы, лежащие впереди, из которых первая — Одиннадцатая Сфера. В какой сфере сияет этот свет, я не могу тебе сказать до тех пор, пока не прочитаю впоследствии запись об этом, а это делается не в этом Колледже, но на некотором расстоянии отсюда. Ведь то, что ты созерцаешь, далеко выходит за рамки наших обязанностей. Может быть, на Тринадцатую Сферу или даже на Пятнадцатую смотришь ты сейчас в таком испуге. Я не знаю.

Но вот что я знаю — Христос проследовал туда, и Малиновая Слава, которую ты видишь, это аура Его исполненного любви общения там с теми, кого Он любит. Стойко смотри на этот свет, ведь лишь изредка его можно видеть так хорошо, а я постараюсь помочь тебе проникнуть в некоторые детали происходящего».

Я почувствовал, как он усиливает питание меня энергией и пытается возвысить меня до уровня своих стараний. Всё было безуспешно, это было выше моих сил. Сверх того, о чем я рассказал тебе, я увидел только какие-то неопределенные, но прекрасные формы, двигавшиеся в центре малинового света; пылающая слава; ничего больше. И я взмолился снова, чтобы он позволил мне отвернуться. Он разрешил. Но после этого я больше не смог смотреть. У меня не было мужества ни на что больше. Всё казалось мертвенно-бледным в сравнении с тем, что я только что созерцал. Сердце мое сжималось от тоски, от бессилия пойти туда и быть таким, как те, кто выдерживает этакую красоту и в то же время сохраняет радость жизни. Мало-помалу я приходил в себя, и, когда он снова вернулся из Святилища, уже в обычном своем облике и одеянии, я лишь поблагодарил его за огромную щедрость, которую он дал мне.

Что еще я могу рассказать тебе о делах на той головокружительной высоте? Ты должен иметь в виду, что лишь немного о нашей жизни и деятельности здесь ты сможешь понять, и то лишь частично. Мне приходится очень тщательно выбирать, что я смогу, хотя бы в какой-то степени, воспроизвести в твоём уме и на земном языке. Думаю, еще одно я могу изложить.

Когда эти грандиозные видения кончились, мы постояли немного на крыше, оглядывая сверху страну вокруг нас. Я заметил на некотором отдалении от нас в направлении Девятой Сферы большое озеро, окруженное лесом, и там и тут острова, с домами, уютно расположившимися среди деревьев или проглядывающими сквозь них. Ближе к берегу виднелись башенки.

Я спросил провожатого, что это за поселение, на что он ответил, что давным-давно возникли трудности с прибывающими в эту сферу из других краев, которые еще не развились во всех направлениях так же, как в некоторых ветвях небесной науки. Меня это не удовлетворяет; попробую изложить яснее.

Некоторые развиваются равномерно во всех дисциплинах, относящихся к ним; но другие не развивают все свои способности одинаково во время своего пути развития. Такие есть и среди высоко развитых духов, приходящих в Десятую Сферу по праву. И если бы они развили недостающие им силы в той же степени, что и другие, то попали бы сюда много раньше.

Более того, прибыв сюда, они оказываются на такой высоте, где всё то, что служило им в низких сферах, больше служить не будет. Они должны с этого времени стать более гармонично развитыми и привести свои способности к большему равновесию.

Эта проблема и стала причиной учреждения этого поселения, где одновременно выполняется работа помощи другим и идет развитие. Ты спросишь, в чем тут проблема? Если тебя это действительно удивляет, то причина тому гораздо более сложная гармонизация условий, преобладающих здесь, чем у вас.

Эти люди действительно принадлежат к Десятой Сфере, или даже к Одиннадцатой или Двенадцатой, но только по некоторым качествам своего характера. И трудность вот в чем: в определенной степени их власть и личность слишком велики для их нынешнего окружения, и всё же они не могут проследовать в следующую сферу, где тут же проявятся их слабые стороны, и произойдет катастрофа, которая, возможно, отбросит их на много сфер назад, где им будет так же скверно, как и везде.

Итак, прояснил ли я этот случай? Если ты вытащишь рыбу из плотной воды в более разреженный воздух, это ее погубит. Если ты возьмешь животное из леса и погрузишь его в воду, оно также умрет из-за более плотного элемента. Амфибия способна выжить, только обитая и в воде, и на суше. Но помести ее только на сухую землю, и она заболит. Помести ее в одну только воду, и она точно так же заболит.

Те, о ком я тебе рассказываю, не вполне объяснимы этими примерами, но аналогия поможет тебе понять их случай. Для них быть здесь — всё равно что птице в клетке. Проникнуть дальше было бы для них всё равно что мотыльку влететь в огонь.

И как поступают в таких случаях?

Они разрешают их сами, но пока они еще только на пути к наилучшему решению проблемы. Когда им удастся это, они окажут услугу этой сфере, и ситуация будет тщательно зафиксирована для использования в будущем.

Такое постоянно случается в разных ветвях учения. Думаю, они к настоящему времени научились классифицировать себя в соответствии с основными чертами характера. Каждый класс старается воспитать в других ту добродетель и власть, которая у него есть, а у других отсутствует. Так делает каждый, и получается очень сложная система коллективного обучения, слишком запутанная, чтобы ее смогли проанализировать даже те, кто обитает в Нагорье. Но чем-то это в конце концов разрешится, когда окончательно созреет для обнародования, усилит власть и влияние в этом краю — и, думаю, в очень большой степени.

Вот так осуществляется обоюдная помощь; и царственное наслаждение прогресса состоит в том, чтобы на пути помогать и другим идти вперед. Разве не так, мой друг и подопечный?

И на этом прими мое благословение, и спокойной ночи.

ГЛАВА VIII: Придите, благословенные и наследуйте.

Понедельник, 29 декабря 1913 г.

О других вещах, которые я видел там, я не стану говорить. Проще описать на вашем земном языке сцены, и людей, и дела их, которые относятся к сферам, более близким к Земле. Чем выше идешь, тем больше появляется трудностей, и эта сфера — нечто очень возвышенное в сравнении с другими; а то, о чем я лишь немного написал, относится к Нагорьям этой сферы. И, как я уже говорил тебе прежде, я могу дать только сокращенную и неадекватную картину этой страны и ее славы. Так что позволь мне перейти к предметам, более важным для тебя и не менее полезным.

Я перехожу к тому времени, когда Главный Ангел-Правитель этой Десятой Сферы поручил мне предпринять путешествие в Пятую Сферу по особому случаю, который я теперь объясню.

Мне следовало отправиться в Столицу этого края и, представившись Главе, спросить о причине, по которой я должен был прибыть туда. Он объяснил бы мне это, уже получив известие о моем приезде. Я должен был ехать не один — со мной было трое братьев, чтобы сопровождать меня.

Когда мы добрались до пункта назначения, я очень легко нашел Город, так как уже знал его с тех времен, когда проживал в этой сфере. Но насколько иным он показался мне теперь, после столь долгого отсутствия и приобретения большого опыта.

Подумай, друг. Я впервые пришел туда после моего продвижения из этого владения в Шестую Сферу, а через нее и в другие, я прокладывал себе путь наверх, пока не была достигнута Десятая. Затем, после всех этих стадий — и на каждой была своя трудовая жизнь и множество событий, изменявших и развивавших меня, — я теперь вернулся в эту сферу, в которой к тому же я пробыл не так долго, как в остальных. Всё было чужим, но очень знакомым, вплоть до деталей. Помню, когда я впервые пришел сюда из Четвертой Сферы, слава Пятой показалась слишком велика для моего восприятия. Она ослепила меня. Но теперь моим глазам понадобилось усилие, чтобы приспособиться к ее тусклости и недостатку света.

Проходя через промежуточные сферы, мы приспособлявали себя к каждой из них, но двигались быстро.

Когда мы достигли пределов Пятой, мы снизились и медленно пошли пешком с возвышенности в более низкие места, чтобы можно было мало-помалу адаптироваться к ее условиям. Ведь нам, возможно, придется задержаться в ней, и будет лучше, если мы сможем выносить ее и выполнять порученную нам работу без дополнительного напряжения.

Это было интересно, в порядке опыта, — этот спуск из гонимой страны в долины. По мере того как мы шли вниз, тусклость постоянно возрастала, и в то же время мы постепенно привыкали свои глаза и тела к этим условиям. Ощущение было странным, хотя не столь неприятным; и для меня оно было совершенно новым в тот раз. Оно выявило для меня удивительную мудрость во всем и в каждой детали этих краев — это взаимное регулирование между светом и меньшим светом на всем нашем пути.

Если ты понимаешь что-либо из моего повествования, то попытайся представить, что это значит для нас, когда мы проходим через те менее просветленные края в ваши, чтобы говорить так, как я говорю с тобой. Тогда ты не будешь удивляться, думаю я, что временами нам приходится потрудиться, чтобы войти с вами в контакт, и часто всё равно безрезультатно. Если бы ты мог смотреть на вещи с этой стороны Завесы, то не изумлялся бы этому — изумления заслуживает совсем другое.

Теперь кое-что о Городе.

Он стоял на равнине, вблизи самой середины этого края, которым управлял Ангел-Правитель. В отличие от большинства подобных городов, у него не было стен, но была обычная черед Дозорных Башен, некоторые из которых были снаружи на равнине, а некоторые — в пределах Города. Дом Главы стоял на краю Города и имел большие ворота.

Мы прошли внутрь и обнаружили за воротами много вместительных часовен, в которых сидели регистраторы, читавшие послания и влияния, приходившие через Ворота, разделяя их должным образом по группам и посылая туда, куда они должны были пойти. Они ждали нашего прибытия, и двое юношей стояли на дороге за Воротами, чтобы проводить нас к Ангелу-Правителю.

Затем Глава подошел к нам, и поклонился, и взял меня за руку, и приветствовал меня очень тепло. Он был из Седьмой Сферы и приспособил себя к Пятой, как то было необходимо, чтобы управлять ею.

Он был очень добр и сделал всё, что мог, из любви к нам, чтобы помочь нам во всем; и затем мы пошли в Приемный Зал, где был трон Владения, куда он усадил меня, и возле меня были мои спутники, а сам он — поблизости.

Группа женщин вошла в Зал и учтиво приветствовала нас. А затем Глава изложил мне и моим спутникам сущность моего визита, тогда как женщины стояли перед нами в своих нарядных белых и синих мантиях, но свои драгоценности они по этому случаю не надели. Всё же они были очень хороши в простых своих уборах, которые естественно сочетались с их скромной манерой поведения, которой они придерживались в обществе нас, на несколько сфер удаленных от них.

Это меня тронуло, и я спросил, не позволит ли он мне задержать его ненадолго. И тогда, сойдя с трона, я подошел и благословил каждую из женщин, касаясь рукой их голов и прибавляя несколько добрых слов. Стеснительность покинула их, они подняли глаза, и улыбнулись нам, и совершенно освоились.

Я благословил их словами и прикосновением; и они благословили меня своими счастливыми улыбками. Так что мы все получили благословение друг от друга. Так у нас принято. Пусть так будет и у вас, внизу. Так лучше, чем иначе.

И так же, с благословением, я покидаю тебя сейчас, мой подопечный, и не прошу твоей благодарности за это. Ведь когда мы благословляем, это наш Отец благословляет через нас, и Его благословение, проходя через нас, оставляет что-то от своей благости в нас. Помни и это, и будешь знать, что благословляющий своих собратьев благословляет и самого себя.

Вторник, 30 декабрь 1913 г.

Продолжим.

Они стояли передо мной, и я пытался понять цель своего прибытия, но не мог. Тогда я обратился к Ангелу-Правителю за наставлениями, и он ответил мне:

«Эти наши сестры были взяты сюда вместе, они работали в одной группе в предыдущих трех сферах. Ни одна из них не пошла бы вперед, оставив остальных позади; но, если одна могла развиваться быстрее, она оставалась помочь другим, которые немного медлили; и так они шли вместе, пока не попали сюда. Сейчас их развитие таково, что они готовы к дальнейшему восхождению, если ты сочтешь это подходящим для них. Они ждали твоей мудрости на этот счет, потому что им удалось узнать, что, если они в скором времени не перейдут в следующие небеса, их прогресс замедлится».

Я понял, что мне тоже предстоит испытание. Мой Правитель утаил от меня это задание с тем, чтобы без всякой предварительной подготовки я оказался лицом к лицу с проблемой и пошел на риск, разрешая ее. Это прибавило мне радости, ведь так уж повелось у нас в этих краях, что чем труднее задание, тем больше удовольствия от сознания доверия к нам Главы.

Я поразмыслил немного. Всего было пятнадцать женщин. Я разделил их на три группы и послал каждую пятерку в Город своим путем. Каждую из групп я попросил привести ко мне маленького ребенка, который должен был рассказать мне, какой урок они преподали ему, руководствуясь тем, что это должно было быть самое важное, что ребенку следовало узнать.

Постепенно группы возвращались, и вместе с ними было три жизнерадостных малыша: два мальчика и одна девочка.

Возвращались они почти вместе, но не одновременно. Из этого я заключил, что они не встречались друг с другом в пути, иначе бы они объединили свои силы, ведь их взаимная любовь была очень велика. Попросив их поставить детей передо мной, я сказал первому мальчику: «Итак, малыш, скажи мне, чему ты научился у этих добрых дам».

И это он ответил очень мило: «Если тебе будет угодно, светлый господин, я пришел сюда, не зная земли Господа, ведь моя мама отдала мой дух небесной земле до того, как отдала земле мое тело. Эти дамы-сестры поэтому наставили меня по пути, что я должен знать, что земля Господа — это колыбель наших ярких сфер. Там маленьких мальчиков нянчат, сильно раскачивая туда и сюда, и они вовсе не знают мира, как мы знаем его здесь, пока не оставят Землю позади. И всё-таки она из того же Царства Любви Отца, и мы должны молиться за тех, кого качают слишком безжалостно, и за тех, кто так сильно качает их».

И затем он добавил, смущенный тем, что получил это последнее указание: «Но, Господин мой, это мы делаем всегда, потому что это часть наших школьных занятий».

Да, это очень хороший урок, сказал я ему, и такой, что был бы достоин и других уст, кроме уст его учителей; и он хороший мальчик, что так хорошо ответил.

Затем я позвал другого малютку, и он подошел к моим ногам и коснулся их своей мягкой маленькой ручкой и, ласково посмотрев на меня снизу вверх, сказал: «Если я смогу тебя обрадовать, добрый видом господин...» Тут я уже не удержался. Я наклонился и посадил его себе на колени, и поцеловал его, едва сдерживая радостные слезы любви, и он смотрел на меня с чувством смиренного удивления и радости. Затем я попросил его продолжать, и он ответил, что ему будет не по себе, если я не верну его на ступеньки. Так я и сделал, и он продолжил.

Он снова положил ладонь на мою ступню, выглядывавшую из-под края мантии, и сказал очень торжественно, начав с того места, на котором я его прервал: «...ступни Ангела прекрасны для глаз и прикосновения, — для глаз, потому что Ангел хорош, и не только головой и сердцем, но и тем, как он служит Отцу; для прикосновения, потому что они всегда ступают мягко — мягко, когда люди чувствуют их давление в упреке за неверный поступок, и мягко, когда он берет на руки скорбящего, чтобы унести его в эти более яркие земли покоя и радости. Мы будем Англами однажды, уже не маленькими мальчиками, но большими, и сильными, и светлыми, и имеющими много мудрости. И тогда мы должны помнить это, ведь в этот день кто-то высокий чином отправит нас на Землю, чтобы учиться и учить одновременно; ведь там много таких, кто нуждается в нас, как не нуждались мы, пришедшие сюда так быстро. Так дамы-сестры наставили меня, господин Ангел, и я понял, что так и есть, как только увидел вас».

Да, любовь маленьких детей всегда так сладка для меня, что растапливает мое сердце, и я признаюсь тебе, что ненадолго склонил голову, глядя на складки своего подола, тогда как грудь моя вздымалась от восторга, почти причиняющего боль. Затем я позвал всех троих, и они подошли — с очень радостными лицами, но осторожными шагами — и встали на колени по обе стороны от моих ног, а девочка передо мной. И я благословил их горячо и с любовью и поцеловал их прелестные кудрявые головки, а затем усадил мальчиков на ступеньку передо мной и, взяв девочку на колени, опросил ее рассказать мне свою историю.

«Если — вам — будет — угодно, — господин», — начала она и произнесла каждое слово, так тщательно отделяя его от остальных, что я не сдержал смеха; ведь я знал, что она выпустила такие слова, как «добрый», или «добрый видом», или другие подобные прилагательные, опасаясь дальнейших бедствий и желая, в своей девичьей скромности, избежать всего этого.

«Юная леди, — сказал я ей, — вы мудрее своих лет и обещаете стать когда-нибудь очень способной молодой дамой, которая хорошо справится с тем, на что будет назначена».

Она посмотрела на меня с сомнением, а потом обвела взглядом всех остальных, которые так радовались этому собеседованию. Тогда я мягко попросил ее продолжать. Это она сделала так же, как и мальчик, начав с того, на чем ее прервали: «...девочки — это дамы Господни, которые должны выращивать его овец в своем лоне, но не прежде, чем вырастут в любви и мудрости, как их тела вырастают в стати и красоте. Так что мы должны всегда помнить о материнстве, которое в нас, ведь наш Отец заложил его в нас, когда мы спали во чреве нашей матери, прежде чем наш Ангел разбудил нас и унес оттуда в эти благословенные Дома. И наше материнство очень свято по многим причинам, и главная из этих причин вот какая: наш Спаситель, Господь Христос (тут она сложила маленькие, в ямочках, ручки перед грудью и, сплетя пальцы, поклонилась очень почтительно и дальше продолжала так) был рожден женщиной, которую Он любил, и она любила Его. Когда я тану женщиной, мне расскажут о тех, у кого нет матерей, как и у нас здесь, и кто не знает той нежной материнской любви, какую знаем мы. И тогда меня спросят, не хочу ли я стать матерью кому-то из тех, кто не рожден мною, но очень нуждается в ком-то подобном мне. Тогда я должна буду встать, смелая и сильная, и ответить: „Пошлите меня из этих светлых мест в более тусклые; ведь я полна желаний страдать вместе с ними, если могу хотя бы немного помочь и воспи-

тать этих маленьких бедняжек; ведь они овечки нашего доброго Пастыря, Который любит их; и я буду любить их ради Него, а также и ради них”».

Меня сильно тронули все три ответа. Задолго до того, как они были окончены, я отметил несколько штрихов, указавших мне, что эти женщины должны идти дальше и вместе, в более высокие места; ведь они были достойны этого.

И я ответил им: «Сестры мои, вы хорошо справились с заданием; и ваши ученики принесли вам благо. Я постиг, помимо всего прочего, что вы изучили то, что здесь следовало изучить, и что вы пригодитесь в следующей сфере. Но я также узнал, что вам полезно будет идти и дальше вместе, как прежде — ведь хотя вы наставляли этих крошечных философов отдельно друг от друга, общее направление их ответов одно и то же — любовь к тем, кто живет на Земле, и долг перед ними. Так что я вижу, — вы в едином согласии относительно цели и принесете больше пользы вместе, нежели по отдельности».

Затем я благословил их и сказал, что они должны отбыть с нами, когда мы будем готовы возвращаться.

Некоторые подробности я не включил тогда в наставления им, но поберег для нашего совместного путешествия, когда мог бы объяснить их на досуге. Одно из них следующее: до такой степени едины были эти пятнадцать любящих душ, что в своих разных наставлениях детям они сосредоточились на одной и той же стороне служения — долге и служении. Все эти трое детей и, соответственно, все те, кто пришел сюда, будучи мертворожденными, должны быть отправлены назад, чтобы помогать живущим на Земле, оберегая и опекая их. Они совершенно выпустили из виду все прочие разнообразные обязанности, предназначенные для таких, как они; лишь немногие из тех, кто пришел сюда подобным образом, когда-либо посылаются назад для выполнения возложенной на них работы на Земле из-за того, что они очень утомлены и потому лучше подходят для других дел.

Среда, 31 декабрь 1913 г.

Прежде чем двигаться дальше, я опишу тебе Город, в котором всё это произошло, потому что в Пятой Сфере есть места, представляющие особый интерес. В большинстве сфер, хотя и не во всех, только один город является Главным; но в Пятой Сфере их три, и трое Главных Правителей поставлены управлять ими.

Причина этого трехчастного деления коренится в том, что эта сфера находится на такой высоте, что, достигнув ее, необходимо сделать выбор относительно конкретного пути, которым будешь следовать дальше. Это своего рода сортировочная станция, скажем так, но которой обитатели, во время своего пребывания, распределяются по соответствующим группам и следуют дальше по той специализированной ветви службы, к которой лучше всего пригодны.

Эти три Города стоят на границе очень большого континента с равнинным пейзажем и, если соединить их линией, образуют равносторонний треугольник. Поэтому широкие проспекты каждого Города таким же образом расходятся прямыми линиями от самой большой площади, на которой стоит Дом, через Город и дальше через всю страну. Они связываются с другими двумя Главными Городами и поселениями на равнине, а в середине треугольника располагается Храм Поклонения и Молитвы, стоящий на большой круглой поляне в чаще леса. С этим Храмом все дороги соединяются другими дорогами, пересекающими их, и туда в определенные моменты приходят посланцы из Трех Городов и подчиненных им поселений, чтобы объединиться в поклонении Господу.

Тысячи, десятки тысяч приходят одновременно из всех концов сферы — и это совершенно замечательное зрелище. Они собираются на поляне, там смешиваются, и все разнообразные цвета этой сферы, также смешавшись, представляют собой неповторимый вид.

Но еще более чудесно ощущение единства в его разнообразии. Одни начинают развиваться дальше в одном направлении, а другие — в другом; но над этим обширным собранием и повсюду в нем пульсирует вибрирующий тон одной глубокой любви; и все знают, что он никогда не прерывается, и каким бы ни было их будущее предназначение, оно позволит им

достичь друг друга в любой части безбрежного владения Господа, где бы они ни оказались. Так что ничто не предвещает грядущего разделения. Мы не знаем ничего подобного. Ведь где есть любовь, туда не может прийти то, что ты знаешь как разделение и его скорби. Даже на Земле сейчас было бы так же, если бы человек не согрешил, сойдя таким образом с верного пути развития. Людям на Земле будет трудно снова вернуться на праведную стезю; но это возможно, потому что способность остается, хотя и спит, непробужденная, во всех, за очень редкими исключениями.

Теперь мы должны перейти к следующему этапу моего путешествия, когда мне пришлось взять свою разросшуюся компанию в Шестую Сферу и там передать женщин Главе этой страны.

Мы прибыли туда, и нас приветствовала, на некотором расстоянии от Столицы, группа встречающих. Ведь я отправил послание о нашем прибытии с нагорий границы Пятой Сферы. Они пришли, и среди них были некоторые, кто знал этих женщин, и дружба завязалась снова с большой радостью и многими благословениями.

Забдиэль, а что ты делал всё это время?

Неправильно будет, если я стану рассказывать о себе, ведь я лишь исполнял свою работу в очень радостной службе. Главными были те пятнадцать. Трое, вместе со мной, были из моей сферы, и никого из сферы более высокой, чем она. И все люди относились к нам очень дружески и с большой добротой и любовью; и доставили нам этим много счастья. Более того, прежде чем позволить своим друзьям увести их домой, эти пятнадцать женщин воспротивились их заботам, чтобы вернуться к нам, поблагодарить нас и сказать нам очень красивые слова признательности. Мы ответили им тем же и пообещали, что вернемся через какое-то время, чтобы справиться об их прогрессе и, возможно, дать некоторые советы. Это было их собственное желание, в котором они также проявили мудрость в истинном ее значении. Ведь это будет полезно для них, я знаю, а помощь не всегда дается, потому что о ней не всегда просят.

Так что ты видишь, что здесь действует то же правило, что и у вас, по Его словам: «Тем, кто просит, будет дано». Над этими словами, мой брат и добрый друг, я оставляю тебя поразмыслить, с моей любовью и добрым благословением.

Пятница, 2 января 1914 г.

Я хочу, чтобы ты сейчас мысленно вернулся в мою сферу, ведь именно там происходит то, о чем я тебе расскажу. Насколько мы продвинемся в знании Бога и Его путей мудрости, настолько глубоко понимаем, как просты и в то же время как многосоставны в действии Его силы. Это парадокс, и в то же время это правда. Простота обнаруживается в единстве сил и принципа, по которому они используются.

Например, любовь усиливает, а меньшая любовь ослабляет, соответственно своей недостаточности, каждый поток власти, который исходит от Высшего Отца для использования нами в служении Ему. Те, кто дошел до этой сферы, способны через ту мудрость, которую они сумели впитать, видеть общее направление событий. Мы видим, по мере продвижения к Недостижимому Свету, что всё склоняется к одному центральному принципу, и это — Любовь. Мы видим Любовь в Источнике всех вещей.

Затруднения начинаются, когда от этого источника и Центра двигаешься наружу. Любовь по-прежнему струится вперед, но должна, по необходимости, адаптироваться из-за недостаточной мудрости личностей, служащих Господу, и поэтому видится менее ясно. Когда эти вибрации духовной деятельности, отправленные бесчисленными работниками по одной великой Схеме, достигают космоса материи, сложность приспособления и координации очень возрастает. Если даже на Земле Его Любовь могут различить те, кто сами любят, то насколько больше она проявляется нам.

Однако мудрость, которую мы должны обрести, с одной стороны проста, но с другой пропорционально сложна, ибо наш кругозор должен охватить невероятно обширные пространства. По мере того как движешься от одной сферы к другой, встречаешься с теми, чьи

обязанности касаются всё более широких систем планет, и солнц, и созвездий. С ними ты должен советоваться и от них получать всё более широкое знание о строении безбрежных полей Отца, и о детях этих полей, и о том, как Он общается с ними, а они — с Ним.

Так что ты можешь видеть, что мы очень стараемся следить, шагая вперед, за тем, чтобы сохранять *абсолютное понимание*, ведь обязанности, возложенные на нас, становятся всё многообразнее в своем воздействии, и последствия наших решений и действий преисполняются всё большей важности и отвечают за более обширные пределы пространства и его обитателей.

Я, однако, не связан с другими планетами, кроме вашей, такими посланиями, которые даю тебе, потому что еще не пришло время для такого всеобъемлющего знания. Сейчас на нас, на меня и моих товарищей по труду, возложен задача помочь людям на Земле обрести более высокую мудрость относительно их долга любить друг друга и всем вместе — Бога. Наша обязанность — помочь тем из вас, кто из любви и смирения желает работать с нами, теми, кто по эту сторону Завесы. Вы на Земле — наши руки, глаза, уши и слова, которыми наши уста учат людей познавать себя такими, какими Бог создал их — наделенными небесной славой и в период их временного пребывания на Земле, тружениками в мире, в котором свет принужден был стать более тусклым.

Теперь позволь мне продолжить.

На большей равнине Десятой Сферы есть высокая гора, которая вздымается среди просторов, покрытых травой, и возвышается над соседними горами, как королева на своем троне среди своих приближенных. Там и тут на крутом подъеме, если смотреть с равнины, видны здания. Некоторые из них — алтари, видимые со всех сторон; другие — святилища, в которых возносятся молитвы, а на вершине — сам Храм, который стоит надо всем и которому все служат. Из этого Храма время от времени даются Явления Присутствия тем, кто собирается внизу на равнине.

Это тот Храм, о котором ты рассказывал мне прежде?

Нет. То был Храм Столицы. Это — Храм Святой Горы. Он выше рангом и используется иначе: не столько для молений внутри, сколько для того, чтобы возвышать, усиливать и обучать молящихся, которые собираются на равнине. Есть там хранители и официальные лица, которые молятся в Храме, но они очень высоки степенью, и лишь немногие входят внутрь вместе с ними, пока не разовьются на несколько сфер вперед и не вернутся по какому-то делу в эту Десятую Сферу.

Это Поселение Властей, которые по развитию стоят выше этой Десятой Сферы, но время от времени посещают это Высокое место с миссией помощи и суда. В Храме всегда находится кто-либо из них. Храм никогда не остается без своего штата. Но я не был внутри и не буду, пока не достигну более высокой власти и тонкости в дальнейших сферах. Но этой равнине собралось большое количество людей, созванных туда со всех концов этой обширной сферы. На расстоянии примерно в полмили — как ты мог бы сказать — от основания горы они разошлись далеко по территории, группа за группой, и напоминали море цветов в мягком движении, и их драгоценности ранга мерцали, когда они двигались, а их многоцветные одеяния беспрерывно мерцали, меняя сочетания оттенков цветов. Высоко на Священной Горе стоял Храм, и они смотрели на него в ожидании.

Наконец, над крышей поднялась группа мужчин, чьи сверкающие одежды свидетельствовали об их высоком положении. Они встали над портиком Храма, над главными Воротами, и один поднял руки и благословил людей на равнине. Каждое слово, которое он говорил, ясно и отчетливо доносилось до самого последнего ряда. Те, кто стоял далеко, и видели и слышали с такой же легкостью, как и те, кто был ближе. Затем он сказал им о цели их прихода. Было назначено, что перед ними должны были предстать те, кто вскоре отправляются отсюда в Одиннадцатую Сферу, поскольку их прогресс требовал дальнейшего продвижения вперед, что обеспечит их безопасное путешествие по этому пути.

Ни один из нас не знал, кто эти новые посвященные. Этого не было сказано. Поэтому мы ждали, почт в полной тишине, что случится дальше. Стоявшие над портиком тоже хранили молчание.

Затем из Ворот Храма вышел Человек, в простой белой одежде, но сияющий и удивительно прекрасный. На Его голове был золотой обруч, а на ногах — золотые сандалии. На талии был красный пояс, который сиял и распространял вокруг малиновые лучи при каждом Его движении. В правой руке Он нес золотую чашу. Левая рука лежала у Него на груди, над сердцем. Мы сразу узнали Его, Сына Человеческого, ведь никто больше не похож на Него, Который, в какой бы форме Явления не представал, всегда в совершенстве соединял в Себе две силы: Любовь и Царственность. Всегда есть простота в Его величии, и величие в Его простоте. Но ты чувствуешь, что это входит в тебя и смешивается с твоей жизнью, когда бы Он ни явил себя. А когда Явление окончено, полученное благословение не уходит, но остается как часть тебя — навсегда.

Он стоял там — привлекательный и прекрасный, лишь с оттенком жертвенного сострадания на лице, которое только добавляло радостной торжественности Его любви. Это лицо хранило в себе улыбку, хотя Он и не улыбался. И в улыбке были слезы, не сожаления, но радости отдать Себя другим в любви. Весь Его облик и вся Его фигура были исполнены тем сочетанием власти и милосердия, что выделяло Его из тех, кто сопровождал Его там и делал Его над всеми Царем.

Он стоял там, вглядываясь не в нас, но за нас, в просторы, куда наши взгляды не могли последовать. И пока он стоял, погруженный в Себя, прямо из Храма, через ворота, вышла длинная процессия служителей, мужчин и женщин, просвещенность которых была видна в утонченности их лиц и фигур.

Одно я заметил и расскажу тебе, насколько сумею. У каждого из этих благословенных духов был вполне определенный и могущественный характер, запечатленный и во внешнем облике, и в походке, и в действиях каждого. Не было двух, имевших одинаковые добродетели в равных частях и сочетаниях. Каждый был очень высоким Ангелом по степени и власти, но свой характер был у каждого и каждой, и не было двух одинаковых. И Он стоял там, и они по обе стороны, и некоторые на более низком уступе перед ним. И в Нем, в лице и в фигуре, были соединены, в сладостном единстве и общности красоты и качества, и власти их всех. В Нем можно было видеть каждое их качеств отчетливо, и в то же время в соединении со всеми остальными. Да, Он был Один, е Его Одиночество добавляло еще больше величия Его облику.

Итак, подумай об этой сцене, а остальное я расскажу тебе завтра, если у тебя будет возможность пообщаться со мной. Благословение, и слава, и красота — там, где Он, мой дорогой друг и подопечный, как я видел, и не раз или два, а много раз с тех пор, как покинул земную жизнь. Он приносит благословение и оставляет его Своим собратьям. Слава покоится на Нем и связывает Его с тронном на Вершине Небес Господних. Красота лежит на Нем, как мантия света.

И Он с тобой так же, как и с нами. Он приходит — не в переносном смысле, но фактически — в тусклый земной план и приносит туда Свое Благословение, и Славу, и Красоту. Но там они невидимы — разве только частично и лишь немногими — невидимы по причине темного облика греха, окутавшего мир, и недостатка веры для того, чтобы видеть. Однако Он с вами. Откройте свои сердца Ему, и тогда тоже, как и мы, получите то, что он принес отдать вам.

Суббота, 3 января 1914 г.

Некоторое время Он стоял безмолвный, неподвижный и прекрасный. Между тем в толпе ярких существ вокруг Него началось движение. Медленно, и без всякой суеты они поднялись в воздух выстроились так, что овал света образовался вокруг, позади и по обе стороны от Него. Дальние оказались выше Его головы, а ближайšie — ниже Его ступней. Так образовалась рама, и, пока она принимала форму, яркость духов увеличивалась, так что мы едва

различали их фигуры из-за яркости их славы. Они сияли золотом вокруг Него, но Он еще более светоносен, чем все окружающие, стоявшие теперь неподвижно и светившиеся. Только перед Его ногами не было арки света, так что овал был незавершен, разрываясь в нижней части.

Затем Он пошевелился. Он поднял левую руку и протянул вперед по направлению к нам благословляющим жестом. Своей правой рукой Он наклонил к нам сосуд, и из чаши вылилась тонкая струйка многоцветного света, которая упала на скалу перед Ним и потекла по поверхности горы на равнину. И стекая, она разрасталась, пока не начала изливаться на равнину перед нами, по-прежнему расширяясь. Она достигла нас широкой рекой света; и в ней были видны цвета со всеми их оттенками, от глубокого пурпурного до бледно-сиреневого, от густого красного до нежно-розового, от оранжево-коричневого до золотистого. И все они смешивались в потоки зеленого или других составных цветов.

Так она текла до нас и среди нас, тогда как мы стояли, удивляясь как происходящему, так и его красоте. Струйка растекалась, пока не покрыла всю землю, на которой стояло это громадное множество людей. Но они стояли не в жидком озере, ведь оно не поднималось выше их ступней, но образовывало море под ними, и они стояли на нем. Взгляд не мог проникнуть сквозь него и рассмотреть траву, над которой оно стояло, как над морским дном. Казалось, оно лежит под нами очень глубоко, это море жидкого стекла, всех цветов радуги, и на поверхности моря мы стояли, как на твердой земле. И в то же время оно всё было в движении, там и тут покрытое маленькими волнами и речушками красного, синего или других цветов, текущими у нас под ногами. Зрелище это было странным и красивым.

Но вскоре было замечено, что происходящее не всем служит одинаково. Были среди толпы такие, кто заметил изменения в себе; и это погрузило их в молчание и глубокое созерцание. Это изменение очень скоро заметили и их ближайшие соседи, ведь поток света возле тех становился желто-золотым и охватывал сначала щиколотки, а потом, поднимаясь, словно колонна сияющего жидкого стекла, покрывал его колени, поднимаясь еще выше, пока вокруг него не возникала колонна света и он оказывался внутри золотого сияния. Затем над головой, на месте драгоценности, или венца, или другого головного убора, появлялось одиннадцать звезд. Они также были золотыми, но более яркими, чем поток, как будто он сконцентрировался в одиннадцать драгоценных звезд, чтобы увенчать избранного. У каждого из таких людей этот обруч из звезд покоился на голове на уровне лба и охватывал голову. Так он лежал и сиял, делая обладателя более красивым, ведь свет как будто овладевал его обликом и всем телом и возвышал его над собратьями.

Затем Сын Человеческий вернул чашу в прежнее положение, и поток прекратился. И скала снова стала видимой, тогда как прежде она была скрыта рекой падающего света. Вскоре и траву вокруг огромного собрания тоже стало видно, и, наконец, всё море цветов истаяло, и мы опять стояли на равнине, как и прежде.

Но остались те, кто ранее был окутан светом, теперь свет не окутывал их. Но они изменились навеки и уже не могли стать прежними. Их лица приняли более эфирный облик, как и их тела, и оттенок их мантий стал ярче, чем у их братьев, и другого цвета. Одиннадцать звезд по-прежнему венчали их своим светом. Только колонна сияния больше не окружала их.

Тогда другой человек вышел из Храма на Святую Гору и крикнул очень сильным голосом, исполненным сладости, что те, кто увенчан звездами, должны выйти из толпы и встать перед Горой Благословения. Они вышли, и я среди них — потому что я был один из призванных подобным образом — и мы встали перед основанием Горы и перед Ним, Который стоял высоко над нами перед Храмом.

Когда мы стояли там, Он сказал нам примерно следующее: «Вы хорошо справились, мои возлюбленные дети, с тем заданием, которое было на вас возложено. Не с совершенством служили вы Отцу и Мне, но так, как могли, так вы и делали свою работу. Я не прошу от вас большего в той более широкой сфере служения, в которую призываю вас сейчас. Так подойдите же ко Мне, Мои возлюбленные, и Я покажу вам путь в это более высокое место, где вас

уже ждут ваши дома. Множество друзей, готовых приветствовать вас, найдете вы там. Подойдите ко Мне».

Мы увидели, что перед нами возникла широкая лестница, опирающаяся основанием на равнину прямо перед нами, а другим концом доходившая до Его ступней, очень высоко, над вершиной Горы. И мы все пошли вверх по этому длинному пролету ступенек, а было нас числом много тысяч. Однако, когда мы уже порядочно поднялись над равниной и я обернулся, чтобы помахать рукой с прощальным приветствием группе своих товарищей, которые стояли, глядя нам вслед, мне показалось, что число оставшихся не уменьшилось по сравнению с тем, сколько пришло на сход. Так велико было это собрание.

Когда мы все поднялись на платформу перед Храмом, Он сказал добрые слова одобрения и благословения тем, кто остался на равнине. Если кто и сожалел, что тоже не был призван вместе с нами, не показывал вида. В Присутствии своего Господа- Спасителя никто не мог скорбеть, но лишь радовался Его великой любви и благословенности Его присутствия.

Затем по лестнице несколько Ангелов спустились оттуда, где мы теперь были, и встали на ступенях, от верхней до середины пути или что-то около того. Они запели гимн Благодарения, славя Бога в Высших Небесах Его Славы. На равнине многие отвечали, чередуясь с теми, кто был на лестнице. Так они пели и допели до конца.

Певцы поднялись снова и встали с нами наверху. Лестница теперь исчезла — как, я не знаю. Более ее не было видно. Он поднял руки и благословил их, а они хранили молчание, склонив головы. Затем Он повернулся и пошел в Храм, и мы последовали за Ним.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПРИВЕТ ЗАБДИЭЛЯ.

Мой друг и брат и подопечный! Я не говорю слов прощания перед разлукой, ведь я всегда с тобой, чтобы помогать, слушать и отвечать. Считай, что я всегда рядом, и, хотя истинный мой дом далеко отсюда в том смысле, в котором люди воспринимают понятия близко и далеко, всё же тем способом, которым мы умеем пользоваться, я всегда рядом с тобой, в соприкосновении с тобой в том, что ты думаешь, и чего хочешь, и что делаешь. Ведь этим вещам я должен время от времени вести счет тебе во благо. Поэтому, если я был тебе хоть сколько-нибудь другом и помощником, помни, что в своих расчетах я могу радоваться тебе, как ты, если будешь полон веры, сможешь радоваться себе. Помни об Ангелах Семи Церквей и будь добр ко мне, мой подопечный. Помни, более того, что однажды ты сам, как я знаю, получишь жребий хранить другого, и вести, и следить, и помогать, и отвечать за его жизнь и то, как он пользуется ею.

А теперь мое благословение. Может статься, я найду средства и позволение говорить с тобой снова, как я делал в этих посланиях. Это может быть сделано таким же способом или даже еще более простыми способами, чем этот. Я ничего не обещаю. Многое здесь зависит от тебя. Но что бы ни случилось, будь сильным и терпеливым и храни святую простоту, со смирением и в молитве.

Благослови тебя Бог, мой дорогой подопечный. Мне не хватает силы воли проститься с тобой. Но так нужно.

Помни, я всегда рядом с тобой во Имя и Служение Господа. Аминь.

Забдиэль

Часть третья: НЕБЕСНЫЕ ВЛАСТИ.

ГЛАВА I: Ангельские пастыри Земли.

Воскресенье, 8 сентября 1917 г.

Я вещаю через ваш разум, а потому оставьте ненадолго все свои мысли, чтобы я смогла диктовать вам; у вас еще будет время прочесть и обдумать написанное. Надеюсь, впоследствии

вии я научусь диктовать вам беспрепятственно — так, чтобы мои мысли совершенно не соприкасались с вашими. А пока скажу вам, что многие пытались заняться подобного рода письмом, но не многие преуспели в этом деле, поскольку их собственные мысли препятствовали нашим, и в результате получалась совершенная неразбериха. А потому я предлагаю начать пока с самого простого — и вы и я будем совершенствовать свое умение на практике.

Задумывались ли вы когда-нибудь над мудростью этих слов: «Тем, кто любит Бога, идут во благо все вещи»? Лишь немногие в полной мер осознают эту истину, поскольку взгляды большинства людей ограничены. «Все вещи» это не только то, что приходит к нам на Земле, но и то, что существует в царстве духа. Начала «всех вещей» остаются невидимыми для нас, ибо восходят в царства еще более возвышенные, чем даже наше нынешнее, сходясь к Великому Престолу Самого Бога. Действие этих начал, хотя и едва заметно, но в то же время несомненно. Здесь имеются в виду и Ангелы, которые путешествуют из конца в конец, исполняя свои обязанности, как здесь — у нас, так и на земном уровне. И хотя исполнение ими воли Высочайших, надзирающих за Божьим хозяйством, зачастую кажется противоречащим человеческим представлениям о справедливости, милосердии и добродетели, те, кто стоят выше, у самой вершины, и обладают более широким кругозором, взирают на происходящее, освещаемое для них солнечным светом Божьей любви, спокойно и пониманием, ибо ангельские деяния представляются им разумными и прекрасными, так же как и нам (хотя и в гораздо меньшей степени).

В настоящее время сердца человеческие охвачены страхом, поскольку многим кажется, что дела обстоят и события развиваются не совсем так, как было задумано Богом. Но там внизу, в долине, туманы могут быть столь густыми, что человек не в состоянии ничего толком разглядеть, ибо солнечные лучи туда почти не проникают.

Для вечности эта Великая Война останется всего лишь глубоким вдохом спящего великана. Сон его тревожен, потому что его оцепеневший разум смутно ощущает беспокоящее воздействие солнечного света, который он не может видеть (потому что спит), и доносящейся до него музыки, которую он не может толком расслышать. Вот и вырывается из его груди беспокойный вздох, пока он спит в своей долине — в Долине Решения, если так вам будет угодно. Но постепенно он проснется и туман рассеется; и тогда он будет с удивлением вспоминать кровавые кошмары прошедшей ночи, переживаемые им во сне, и с не меньшим удивлением созерцать красоту мира, залитого светом, нисходящим с вершины горы, осознав наконец, что в основе всех деяний Божьих действительно лежит любовь, и что наш Бог — действительно наш Отец, и что Его Именем всегда была и остается вечная Любовь, даже когда Его Лик сокрыт туманами, и холодными ветрами, и смрадом, подобно непроглядной завесе окутывающим дно долины. Эта завеса скрывает всё, что обречено умереть, но из смерти рождается жизнь, и жизнь эта прекрасна, потому что Родником и Источником всей жизни является Тот, Кто прекрасен во всём.

Помните, что пути Господни не всегда таковы, каковыми их хочет сделать человек, и что его мысли не ограничены окружающими долину горами, но простираются в Царства Света и Блаженства, куда нам и предстоит отправиться. Но на сегодня уже достаточно.

Пусть это послание будет маленьким лучиком света, рассеивающим мрак на пути многих блуждающих душ. Пусть Бог хранит спящего великана, чтобы в положенный срок дать ему сердце ребенка, ибо таковым принадлежит Царство Господа нашего. Этот спящий, слепой, глухой и беспокойный великан есть Человечество, которое Он хочет спасти.

Катлин

Вторник, 6 ноября 1917 г.

«Посажены у воды». Ели вдуматься, то эта фраза имеет двойное значение. Разумеется, более простое и очевидное объяснение заключается в том, что дерево или иное растение черпает живительную влагу из реки или канала, на берегу которого оно произрастает. Но здесь, в нашем царстве, мы все понимаем, что каждая земная истина имеет еще и другое, более возвышенное значение — настолько же очевидное и естественное здесь, в небесных сфе-

рах, насколько внешние, земные истины очевидны для вас на Земле. Не уверена, знал ли автор этих слов об иных, небесных, реалиях, к которым они так же в полной мере применимы. Но, во всяком случае, можно предположить, что его Путеводный Ангел, внушив ему эти слова, стремился передать ими нечто большее, нежели их очевидное, внешнее значение, предназначая их для всех, имеющих уши, чтобы слышать. Попытаюсь и я расширить их значение — по мере своих скромных познаний, полагаясь на помощь тех, кто намного более меня сведущ в вопросах небесной науки.

Упомянутая мною «вода», впрочем, вовсе не река, но очень широкое озеро, которое на земном уровне было бы названо «внутренним морем». Оно настолько велико, что, подобно границе, делит пространство Шестой Сферы на две большие части. Берег озера не везде одинаков: иногда скалистый, даже обрывистый; иногда пологий, где к самой воде спускаются зеленые лужайки и сады. Опять же, дерево, о котором я говорила, это, на самом деле целый лес деревьев, окаймляющих синие и золотые волны внутреннего моря и порывающих зеленой листвой прибрежные холмы, равнины и скалы. Так вот, на берегу этого озера есть роща, а в роще — большой дом. Этот дом — приют для странников, пришедших из-за озера в эту тихую пристань, ибо многие из них утомлены долгим путешествием через земли и воды. Некоторые и вовсе не бывали прежде в Шестой Сфере, и им нужно время для того, чтобы привыкнуть к новым условиям жизни в стране, ставшей их новым домом, прежде чем они смогут заняться исследованием ее внутренних районов. Прочие являются постоянными жителями этой сферы, ездившими за море с какой-либо целью и посещавшими нижестоящие миры. Иногда им приходится, так же как мне сейчас, спускаться даже до уровня Земли. Возвращающиеся часто (но не всегда) останавливаются здесь, чтобы отдохнуть и восстановить силы перед тем, как отправиться дальше — к Господу Ангелов или одному из Его поверенных, которому им предстоит дать отчет об исполнении своей миссии. Некоторые просто останавливаются здесь для отдыха, но не идут во внутренние районы страны; осознавая важность своей работы, они снова бросаются в воды озера и исчезают за затянутым темной пеленою горизонтом, погружаясь в сферы, где их ждет начатое, но не до конца сделанное дело. Временами (и не так уж редко) сюда заглядывают гости из более высоких сфер, следующие к вам на Землю, либо в какую-то промежуточную сферу, или же обратно. Они тоже проводят некоторое время в Роще Отдохновения, радуя постояльцев исходящим от них сиянием. Да, мой дорогой друг, мы здесь знаем, что такое настоящее Отдохновение: это одно из сладчайших удовольствий после напряженных трудов и забот о нуждающихся в нашей помощи. Так что роща посажена как раз там, где она и должна быть, у воды. А укрытый в ней Дом служит местом, где собираются плоды посеянного в разных отдаленных, менее ярких сферах: собираются, обсуждаются и приводятся в порядок для представления Господу Ангелов. И многочисленные жертвы, добытые для Господа Любви ценою жестоких и безжалостных ударов — полученных и нанесенных, попадают сюда, где их ждет покой и забота. Это живые трофеи, ради которых мужественно сражался Сам Христос, — сражался и победил.

Четверг, 8 ноября 1917 г.

А теперь, дорогой мой друг и попутчик, давайте совершим путешествие от Дома Отдохновения в глубь страны и посмотрим, что ожидает странника на этом пути. Ибо мы оба — вы и я — странники, идущие по одной дороге к одному и тому же свету, который сияет всё еще далеко впереди, за высокими горами, отделяющими эту сферу от следующей.

Позади остаются роща и Дом, и мы движемся вдоль высокой аллеи деревьев, ведущей нас на просторную равнину. Вскоре мы замечаем, что дорога ведет нас не прямо вперед, но вдоль узкой долины, образованной текущей к морю рекой. И прежде чем продолжить свой рассказ, я хотела бы описать некоторые свойства воды этой реки.

Вы, должно быть, слышали о Живой Воде. Эта фраза на самом деле включает в себе истину, поскольку воды наших сфер обладают свойствами, которых нет у вод на Земле; причем у разных вод — разные свойства. Высшие духи часто «заряжают» воду рек, озер и источников, наделяя ее способностью дарить силу и просветление. И когда люди купаются в этой

воде, они приобретают телесную силу через жизненные вибрации, оставленные в ней какой-нибудь группой Ангелов-служителей. У нас есть фонтан, расположенный на вершине высокой башни, — его действие сопровождается звуками музыки, исполненной глубокой гармонией. Эта музыка заменяет колокольный звон, когда жителей окрестных земель необходимо собрать вместе для какой-нибудь предстоящей церемонии. Кроме того, его струи рассыпаются по всей округе, они падают вниз — на разбросанные в долине дома и сады — подобно хлопьям света различных цветов. Эти хлопья имеют свойство сообщать тем, на кого или рядом с кем они упадут, на какого рода собрание их приглашают. Это как жар, который охватывает всё ваше существо, внушая чувство товарищества и взаимной любви и убеждая вас в том, что ваше присутствие на предстоящем собрании действительно важно. Те же хлопья света сообщают вам, где именно и когда состоится собрание, а зачастую и имя того Ангела, который явится туда, чтобы обратиться к присутствующим или выполнить какое-нибудь поручение Господа своей сферы.

Свойством воды из той реки, по берегу которой мы идем с вами вверх по течению, является — мир. Эта река вселяет ощущение мира в каждого, кто гуляет вдоль ее берегов, причем делает это так, как вы — на Земле — не можете себе этого представить. Все ее цвета и оттенки, журчание ее потока, растения, которым ее воды даруют жизнь, вид и форма окаймляющих ее скал и берегов — всё это вызывает ощущение необычайного покоя нуждающейся в нем душе. А в мире и покое нуждаются многие из тех, кто возвращается из-за великого озера, из нижестоящих сфер. Да, мой друг, иногда наша жизнь бывает очень напряженной, не похожей на монотонное и скучное существование, каким его воображают многие, живущие на Земле. Поэтому и нам иногда приходится слагать с себя на время свою ношу, чтобы вернуть силу и спокойствие духа, необходимые для успешного продолжения порученной нам работы.

Постарайтесь также понять, что всё здесь обладает особым характером. Каждый лес, каждая роща, дерево, озеро, ручей, луг, цветок, дом имеют свою, неповторимую индивидуальность. Сам по себе каждый объект, конечно, не является личностью, но его существование и все его свойства складываются под воздействием живых существ, и его индивидуальность — это то, что чувствуют все, кто входит с ним в контакт, причем степень воздействия зависит от их чувствительности к характеристикам того или иного объекта. Одни более чувствительны к существам, чья жизнедеятельность связана с деревьями; другие — к существам, связанным с рекой. Но, похоже, что все ощущают влияние дома, особенно когда находятся внутри него, потому что дома возводятся главным образом духами, более близкими к нам по своим качествам и свойствам, в то время как образ существования и функции тех, кого мы можем назвать «природными духами», — не так нам близки.

То, что мы видим в этих сферах, есть и у вас, в сфере Земли, но у вас это не так очевидно, потому что обычный человек на нынешнем этапе эволюции глубоко погружен в материю. Но менее очевидно не значит менее истинно.

Вот уже несколько минут в вашей голове зреет вопрос. Задайте же его, и я постараюсь на него ответить.

Я подумал, что все эти мысли не совсем обычны для женщины. Но вы говорили, Катлин, что это ваше собственное желание — писать моей рукой. Неужели всё это пишете вы?

Да, мой любопытный друг, это пишу я. Но я и не надеялась на то, что вас сможет заинтересовать моя пустая болтовня. Поэтому я заранее приняла меры к тому, чтобы предотвратить это несчастье, и пригласила нескольких друзей, которые теперь пользуются моими услугами почти так же, как я пользуюсь вашими. Не все они мужчины, среди них есть и женщины, но сейчас они действуют сообща, как одно целое — один голос и одно послание. Так что слова, которые я пишу, — результат совместной умственной деятельности. И если нам удастся контролировать ваш разум немного лучше, чем прежде, значит, наш союз удался. Пойдите нам навстречу, и мы, со своей стороны, тоже сделаем всё возможное.

Суббота, 10 ноября 1917 г.

«Откликнулись на зов небес». Мы с вами, друг мой, как раз из тех, кто откликнулся на этот зов, ибо если я призвала вас, то и я сама призвана теми, кто стоит выше меня; и те в свою очередь откликаются на зов вышестоящих; и так далее — до самых истоков, у которых стоит Тот, Кто Сам был призван Богом-Отцом и послан для исполнения Своей Миссии в вашу мрачную сферу в древние времена. Именно этот «зов», исходящий от тех, кто превосходит нас в силе и в способности передавать эту силу менее сильным, вселяет в нас непоколебимую уверенность.

Уверяю вас, это совсем не просто — откликнуться на призыв: «Сойди вниз». Ведь чем дальше мы спускаемся к Земле, тем темнее становится мир вокруг нас, и сами мы утрачиваем свое сияние; и, когда мы достигаем Земли, мы уже не видим почти ничего вокруг.

Но это только поначалу; постепенно наши глаза привыкают к воздействию на них более грубых вибраций, и мы начинаем видеть. Так что это — дело привычки. Но мы радуемся этой способности лишь постольку, поскольку она позволяет нам действовать среди вас; сама же по себе она не очень-то нас привлекает. Поскольку картины, которые мы здесь наблюдаем, в большинстве своем нас совсем не радуют; скорее наоборот — из-за них мы возвращаемся в наши светлые дома с тяжелым сердцем. Потому-то места, вроде того, расположенного у воды, которое я вам недавно описала, не только желательны и удобны, но совершенно необходимы при нашей работе. К тому же у них есть еще одно важное предназначение. Из таких вот Домов Отдохновения исходят потоки жизненной силы. Эта сила создается в вышестоящих сферах, накапливается в этих Домах и затем направляется по назначению. Когда мы останавливаемся в них по пути к Земле, мыкупаемся в источнике силы и жизненной энергии, а потом уже отправляемся дальше. Пока мы приближаемся к Земле, эффект от этого купания нам не слишком заметен. Но он тем не менее с нами: окутывает нас, просачивается в нас и пропитывает всё наше существо, помогая нам, как воздушный шланг помогает дышать ныряльщику, который хочет достичь океанского дна, куда почти не проникает свет, разлившийся наверху, в более свободной и чистой атмосфере, и где движения затруднены из-за непривычной плотности окружающей среды. Примерно так же и я себя сейчас чувствую; а потому, если наш голос окажется слишком слабым, чтобы быть услышанным, либо мы невольно искажем какие-нибудь слова или даже самый смысл послания, будьте терпеливы и не думайте, что имеете дело с обманщиками. Только вдумайтесь, друг мой, как должно быть нелегко одному ныряльщику докричаться до другого, когда они оба в шлемах и их разделяет вода, и тогда вы, возможно, поймете, какое от нас требуется напряжение и сколько нам нужно терпения для нашей работы. Поймите это, и тогда вы, возможно, будете более терпеливым слушателем.

Но когда мы, окончив свои труды, вновь обращаем взоры к высшим пределам Божьих небес, мы снова начинаем ощущать живительный поток, исходящий из далекого Дома Отдохновения и Восстановления жизненных сил.

Мы снова ощущаем себя в этом потоке: он снимает усталость с наших век; наши бриллианты, временно потускневшие, возвращают себе прежний блеск по мере нашего приближения к небесам. Наши одеяния снова становятся светлыми, волосы — блестящими, а глаза — ясными и отдохнувшими. Но самое лучшее для нас то, что мы снова начинаем слышать — с каждым мгновением всё более явственно — мелодию знакомого нам Зова, радующегося нашему возвращению с полей, где мы собирали урожай, что бы мы ни несли с собою в снопах в Закрома Господа.

Итак, друг мой, я не стану больше задерживать вас, потому что знаю — вам предстоит одно дело, не терпящее отлагательств.

Еще только одно, пожалуй: снова между вами и нами, призывающими вас, встали ваши старые сомнения. Нет, это послание не плод вашего собственного воображения.

Как я могу в этом убедиться?

Только терпением: терпение подарит мастерство, а мастерство — уверенность.

Понедельник, 12 ноября 1917 г.

Катлин, органист как раз собирался репетировать. Как вы думаете, это нам не помешает?

Вовсе нет, совсем наоборот. Кстати, этим вечером я могла бы рассказать вам кое-что о музыке сфер. Да, у нас здесь тоже есть музыка, очень похожая на вашу, земную.

Но (и это очень большое **но**) ваша музыка это только брызги бьющей через край музыки Небес. И на вас падает отблеск царящей у нас небесной гармонии. Но у вас ее свет приглушен плотным занавесом, сквозь который ему приходится пробиваться; и даже величайшие земные шедевры по необходимости несут на себе печать этого затемнения.

Я попытаюсь объяснить, как звучащая у нас музыка достигает вашей сферы; а вы пока только слушайте меня. Потом у вас будет время и возможность дать волю своему воображению: вы сможете предоставить своей фантазии полную свободу, не боясь при этом «перестараться».

Земное око еще не видело, а ухо еще не слышало (да и не могло услышать) небесную гармонию со всеми ее вибрациями, взлетами и падениями. Неведома им и могучая гармония великой славы, лежащая у ее истоков.

Пока тело материально и функции восприятия и анализа исполняет материальный мозг, гармония сфер не может утвердиться в сердце человека и тем более создать в нем убедительный образ своей истинной красоты.

Что за музыка создала сами сферы, мы здесь, на нижних ступенях, не можем себе представить; так же как вы, на Земле, не можете представить себе нашу музыку.

Мы знаем (или считаем, что знаем) только одно: источником музыкальной гармонии является Сердце Бога; то есть — не столько разум Бога, сколько Его Сердце. От Него исходят наполненные любовью звуки Его мелодии. И те сферы, которые находятся ближе всех к ее истокам, обретают через нее Божественную гармонию, благодаря которой, а также иным влиянием, начинают звучать в унисон с биением сердца Того, Кто является Источником всего Прекрасного и Достойного Любви. И пока вечности неспешно тянутся одна за другой, те, кто населяет эти высшие сферы, постепенно накапливают в себе возвышенные и прекрасные качества, всё более приближаясь к уровню Божества.

Всё это, впрочем, слишком высокие материи даже для нас, чтобы мы могли рассуждать о них с полным знанием дела. Моя задача в настоящее время — передать вам, насколько это возможно, коротко и ясно некоторые наши наблюдения, которые мы можем делать благодаря всё тому же потоку, нисходящему на нас и уходящему далее вниз. Этот поток всё более расширяется, потому что каждая частичка звука толкает на своем пути другие частички, заставляя их спускаться ниже; так что, когда поток достигает границ вашей сферы, он уже становится гораздо более грубым и расплывчатым. Но именно таким он и должен быть в вашей сфере, где господствуют грубые, почти осязаемые вибрации.

Здесь для нисходящего сверху света имеется особое хранилище, причем не одно. Эти хранилища — что-то вроде резервуара, где музыка рассыпается на множество песен и мелодий, после чего направляется дальше к Земле — небольшими, но мощными потоками. При этом она сразу же начинает рассеиваться (я уже сказала, как это происходит); поэтому к вам приходит уже не сама мелодия, как она была раньше, но только ослабленный отзвук первоначального творения. Это похоже на лучик света, проникающий сквозь шелку в темную комнату. Струйка солнечного света, попадая в комнату, достигает противоположной стены уже будучи ослабленной и заметно вибрирующей. Эти «танцующие оттенки» еще больше «смазывают» изображение, и оно становится еще менее четким, чем даже в тот момент, когда оно только проецировалось сквозь шелку.

Но даже несмотря на это, ваша музыка остается захватывающе прекрасной. Так представьте же себе, друг мой, какой тогда должна быть музыка наших сфер. Она наполняет каждого из нас возвышенной радостью и болью и созидательной энергией, которую «он» (или «она») затем передают дальше — тем, кто еще не достиг такого же уровня прогресса; при этом каждый из нас несколько изменяет и «аранжирует» мелодию по своему образу и подобию. Таким образом, сила и изящество музыки, исходящей от Главного Учителя Музыки на-

верху, передаются вам в несколько смягченном виде, благодаря посредничеству тех из нас, кто наделен соответствующими способностями. Только так ее можно сделать слышной хотя бы для самых возвышенных душ, живущих на Земле, способных воспринимать ее и даже отчасти удерживать в памяти.

Мне хотелось бы продолжить свой рассказ, но я чувствую, что вам становится всё труднее меня слушать. Поэтому скажу кратко, что за этим рассказом, как и за всеми другими, кроется великая и всеобъемлющая истина, передаваемая по упорядоченной нисходящей цепочке от Отца до наименьшего из людей: «Как Отец имеет в Себе жизнь, так и Сыну Он дал ее, чтобы имел жизнь в Себе», — не просто жизнь, а жизнь во всех ее проявлениях, одним из которых является музыка.

И как Сын дарит эту жизнь, черпая ее из источника Своего собственного существа (тем самым отдавая жизнь как бы из Себя), так поступают и Его слуги, делая то же самое, хотя и в меньшей степени (сообразно своим способностям), ибо они тоже делятся с другими своей жизнью — не просто физической жизнью (как родители с детьми), но любовью, красотой, высокими помыслами и небесной музыкой.

Вторник, 13 ноября 1917 г.

Сегодня я хотела бы сказать вам несколько слов о взаимодействии сил, направленных на достижение конкретной поставленной цели теми, чья обязанность заключается в доведении до ваших низших сфер приказов, отданных в сферах вышестоящих. И вы тоже — вы, живущие в одной из самых низших сфер, знаете, что подобного рода обязанности предписаны и вам и что их цель и характер определяются для вас теми, кто живет в царстве наверху. Программа служения передается сверху вниз до тех пор, пока не достигнет вашей сферы, где она доводится до вас тем или иным способом — иногда прямо и недвусмысленно, а иногда (для менее наблюдательных) и не столь очевидно. И всё-таки каждый, кто вовлечен в круговорот земной жизни, может, если очень захочет, прочесть то, что записано на скрижалях, — то есть добиться, чтобы на его будущую судьбу пролился свет, открыв пред ним цель, которую ему предназначено достичь.

Но лишь немногим дано знать или заглядывать в будущее вперед. «Довольно для каждого дня своей заботы», — гласит однажды изреченное Им правило, и это действительно так, а потому будьте стойкими в вере и во всякое время спокойны. Не потому, что будущее всё равно туманно и непредсказуемо, но потому, что оно открыто только тем, кто стоит выше и знает больше, в том числе и о великой цели и направлении движения жизни. наших способностей хватает только для кратковременных прогнозов, а обычный земной человек и вовсе не может видеть впереди себя. Планы на будущее передаются сверху вниз через множество сфер, и потому неудивительно, что каждая сфера, через которую они проходят, окрашивает их в присущие ей цвета и оттенки. Так что, когда они достигают вас, то уже становятся такими запутанными, что разглядеть их изначальную форму и источник зачастую не под силу даже нам, имеющим в этом деле некоторый практический опыт. В этом одно из предназначений веры — знать и выполнять свои обязанности, не беспокоясь ни о чем другом, уверенно и бесстрашно делать свое дело, не сомневаясь в том, что результат заранее виден и одобрен теми, кто вам это дело поручил. И если те, кому было поручено осуществление высших замыслов, будут прилежны и стойки, авторы этих замыслов получают возможность воплотить их в жизнь. И никак иначе, потому что все люди обладают свободой выбора и никому не позволено влиять на их собственное решение. Если человек будет неуклонно продвигаться вперед, не теряя уверенности, цель будет достигнута. Но если он пожелает отклониться от предложенного ему пути, ему никто не станет мешать и никто не станет принуждать его. Ему только ненавязчиво укажут на его оплошность. И если это предостережение будет отвергнуто, то пусть он идет дальше один — впрочем, не совсем один, потому что блуждающих, подобно ему, не так уж и мало.

Попробую пояснить свою мысль. Например, нужно передать миру книгу, польза которой очевидна. Мы можем сказать, что в сфере, где доминирующей нотой является наука, смысл

книги, конечно же, будет понят. Но потом она будет передана в другую сферу, где доминирует любовь. Там содержание книги будет смягчено и романтизировано, после чего она попадет в сферу, где правит красота и где она будет снабжена иллюстрациями, придающими основной теме живописные цвета и гармонию. А потом книга попадает к тем, кто изучает отличительные черты различных человеческих рас. Там ее еще раз надлежащим образом исследуют и решат, какая раса наиболее пригодна для распространения содержания книги в мире людей. За этим последует такое же тщательное изучение сферы, в которую книга будет далее передана. Вполне возможно, что для этого потребуется какой-нибудь исторический прецедент, или поэтический фон, или романтический сюжет. И то, что первоначально было преподано как строгий исторический факт, может достичь земного уровня либо как научный трактат, либо исторический обзор, либо роман, гимн или даже стихотворение.

Прочтите несколько таких гимнов, известных вам лучше всего, обдумайте их содержание в свете вышесказанного, и вы поймете, хотя бы отчасти, что мы имеем в виду. «Бог избирает тайные пути» — эта фраза могла бы стать научным объяснением космической философии или даже науки. То же самое можно сказать и об изречении: «Есть книга, которую может прочесть идущий». А слова «Господь — наша защита в прежние времена» могли бы лечь в основу поучительнейшего сочинения о Божественном Провидении в плане истории; и возможно, что первоначально они были задуманы именно в таком ключе в какой-нибудь вышестоящей сфере, где господствуют соответствующие настроения. Ибо вы сами можете без труда убедиться в том, что все эти планы и замыслы рождаются не в одной и той же сфере, но во многих, и переходят из одной сферы в другую не одним и тем же путем, но разными. Следовательно, то, что изначально было задумано как книга, может, до того как достигнет вас, превратиться в постановление парламента, или пьесу, или даже коммерческое предприятие. Методам и способам несть числа. Все группы и сообщества, способные воспринимать и передавать проекты, предписанные Богом и предназначенные для человека, поставлены на службу. Таким образом, люди продолжают делать дело, начатое теми, кто наблюдает за ними и направляет их свыше. Только представьте себе, какая огромная армия помощников стоит за вами; это придаст вам силы двигаться вперед, не ведая сомнений и не сбиваясь с пути, ибо вы не одни.

К этим мыслям, которые я, Катлин, только что пересказала вам, мой дорогой друг, мне хотелось бы добавить теперь несколько собственных, пусть даже не столь глубоких.

То, что вам передали те, кто знает больше меня, касается прежде всего людей, занятых какой-либо общественной работой. Но на собственном опыте я знаю, что эти слова применимы и к вам, потому что никакая работа не остается без внимания со стороны вышестоящих царств. Примите от меня на прощание эти добрые слова, мой дорогой друг. Пусть это и не очень богатый дар, но он лично от меня —

Катлин

ГЛАВА II: Сапожник.

Четверг, 15 ноября 1917 г.

В те времена, когда мы жили среди людей на Земле, было принято говорить, что человек, избравший себе лучший путь, вскоре раскается в этом, но в конце концов придет к победе. Некоторые из нас с успехом доказали это правило, и теперь им открыта мудрость. Ибо те, кто сделал выбор, смотрят не на время, которое скоротечно, но на вечность, которая никогда не пройдет. Теперь мы оглядываемся назад из наших нынешних сфер и видим весь свой прошлый путь как бы в плоском изображении, как нарисованную на холсте картину. Это позволяет нам лучше разглядеть самые важные детали, извлечь необходимые уроки из нашего прошлого и на их основе предугадать ход будущих событий.

В чистом Небесном свете эта картина выглядит совершенно по-другому — совсем не так, как он представлялась нам, когда мы находились в самой ее гуще, самолично собирая материал для ее сложной композиции. И потому вы, делающие ныне то, что некогда делали

мы, не должны заблуждаться на счет настоящей ценности тех или иных элементов человеческой жизни и бытия. Теперь мы видим, что те великие события, в которых мы принимали участие, казались нам такими великими главным образом потому, что мы смотрели на них снизу вверх. Наше личное участие в них было незначительным; однако для нас главное — мотивы, а не само участие. Будучи разделенным на всех, кто так или иначе причастен к нему, даже самое великое событие оказывается раздробленным на множество маленьких частей, так, что каждому его участнику в отдельности достается совсем немного. Следовательно, главное — это не сами наши действия, но постоянно действующий мотив. Результат достается всей расе, а каждый ее представитель получает лишь свою часть — очень небольшую, но если его мотивы были благородны, то неважно, большую или малую награду он получит от мира за свои деяния. Здесь же человеку предоставляется делать то, чему его лучше всего научила борьба, которую он вел в земной жизни.

Всё это немного сложно. Не могли бы вы привести, для большей ясности, какой-нибудь пример?

Сколько угодно, друг. Вот один из них.

Жил однажды сапожник, которому едва хватало заработков на уплату налогов. И вот наконец, оплатив напоследок собственные похороны, он пришел к нам. По вашему исчислению, это случилось много лет назад. Здесь ему устроили скромную встречу его немногочисленные друзья, которые были столь добры, что указали ему путь от Земли в одну из расположенных выше сфер, чему наш сапожник был несказанно рад. Эта сфера расположена совсем близко к Земле, ее никак не назовешь самой возвышенной; но сапожник, как я уже сказала, был вполне доволен. Здесь он обрел покой после стольких трудов и бесконечной борьбы с нищетой и много свободного времени, чтобы ознакомиться с красотами этой сферы. Для него это был настоящий Рай; все относились к нему с участием, и он был счастлив в кругу новых знакомых.

В один прекрасный день, если говорить поземному, Господь вышестоящей сферы спустился на улицу, где стоял дом сапожника, и вошел к нему. Сапожник в это время читал книгу, которая была в его доме с того самого дня, когда его привели туда и сказали, что это его дом. Ангел-Господь позвал сапожника его земным именем (я, к сожалению, не помню, как его звали). Тот поднялся, и Ангел спросил его:

«Что ты читаешь, друг мой?»

«Вообще-то это не так интересно, сэр, — ответил сапожник. — Хотя я всё понимаю в этой книге, мне кажется, что она была написана для людей из более высокой сферы».

«О чем она?» — спросил Ангел, и сапожник ответил:

«В ней говорится о возвышенной жизни, сэр, и о том, как многих людей — мужчин и женщин — призывают на служение Единому Отцу. Эти люди, как я понял, принадлежали некогда к различным народам и религиям, — об этом можно судить по их речам. Но автор книги не проводит между ними никаких различий, поскольку, благодаря долгой практике и обучению, они стали друг другу почти как братья и сестры; все существовавшие между ними различия исчезли, и теперь уже ничто не мешает им уважать и понимать друг друга. Их объединяют общая цель, общие устремления и служение. Потому-то я и решил, что в книге описана жизнь не в нашей, но в какой-то гораздо более высокой сфере. Кроме того, эта книга — скорее сборник наставлений, написанных к тому же не для всех людей, но для старших между ними, поскольку речь в ней идет об искусстве управления, о высшей власти и о мудрости, необходимой руководителю. Поэтому, сэр, читать эту книгу сейчас мне не очень интересно, но в очень далеком будущем она может мне пригодиться».

Тогда Ангел-Господь взял книгу, закрыл ее и немного погодя снова вернул сапожнику, не сказав ни слова. Сапожник же, приняв книгу из рук Ангела, покраснел от смущения, потому что на обложке ослепительно сияющими белыми и алыми самоцветами было вытеснено его собственное имя.

«Но, сэр, этого не было здесь раньше, — сказал он. — До сих пор я не видел здесь этого имени».

«Но теперь оно есть, — возразил Ангел. — Теперь это — книга наставлений, предназначенных как раз для тебя. Узнай же, друг мой, что эта сфера — лишь место твоего отдыха. Но теперь ты отдохнул и пора тебе снова приступить к работе. И работать тебе придется не здесь, но в той самой высшей сфере, о которой говорится в этой книге и где она была написана».

Услышав это, сапожник испугался: он отшатнулся, склонил голову перед Ангелом и произнес срывающимся голосом:

«Я — сапожник, сэр, а не пастырь человеческий. Мне хватит и нынешнего скромного места в этом светлом доме, ведь для таких, как я, это настоящий Рай».

Но Ангел сказал:

«Только за эти слова ты уже достоин возвышения. Знай, что подлинное смирение — лучшая защита и спасение для тех, кто занимает высокое положение и облечен властью. Но у тебя есть и лучшее оружие, нежели щит смирения, потому что щитом можно только обороняться. За время своей земной жизни ты уже выковал и отточил оружие для активных действий. Когда ты шил обувь, ты думал о том, как бы сделать ее прочнее, чтобы избавить своих не очень богатых покупателей от лишних расходов. При этом ты совсем не думал о собственной выгоде. Это стало для тебя правилом, вошедшим в твою плоть и кровь, ставшим частью твоего характера. Знай же, что здесь эта добродетель ценится очень высоко.

И хотя тебе порою тяжело было даже платить положенные налоги, ты не жалел времени в разгар дня для того, чтобы помочь кому-то из своих друзей собрать урожай или засеять свое поле, покрыть крышу, или заготовить сено, или, скажем, навестить больного. А потом тебе приходилось наверстывать потраченное время по ночам, при свете свечи, ибо ты был беден. Мы всё это видели и знали, потому что душа твоя с каждым днем становилась всё ярче. Нам с высоты виден весь мир и все живущие в нем люди, потому что свет высших сфер, проходя мимо нас, озаряет всю земную жизнь. Но он отражается только от человеческих добродетелей, не находя отклика в человеческих пороках. Поэтому души тех, кто живет праведно, светлы, а души грешников окутаны мраком.

Я мог бы еще многое рассказать тебе о том, что ты когда-то делал и что это на самом деле значило для тебя. Но пока тебе хватит и этого, чтобы понять, почему я пришел за тобой. В той сфере, о которой сказано в этой книге, тебя ждут люди. Они уже достаточно подготовлены и осведомлены. Их цель — спустаться в близкую к Земле сферу, чтобы встречать там недавно вознесшиеся и приведенные в эту сферу души. Они должны внимательно изучить новоприбывшие души, чтобы затем подыскать для каждого из них надлежащее место и отправить их туда в сопровождении специально подготовленных для этой цели помощников. Они готовы приступить хоть сейчас, но ждут человека, который бы их возглавил. Иди же за мной, мой друг, и я приведу тебя к людям, которые ждут тебя».

Тогда сапожник опустился на колени и, коснувшись челом земли у ног Ангела, заплакал и сказал:

«Если бы я был достоин, сэр, возложить на себя эту великую обязанность. Но, увы, я не достоин. К тому же я не знаю этих людей; не знаю, пойдут ли они за мной».

И Ангел-Господь ответил ему:

«Так пожелал Тот, Кто не может ошибиться в выборе человека. Не бойся, там ты не встретишь незнакомцев. Вспомни, как часто, когда твое усталое тело погружалось в сон, ты возвращался в ту самую сферу; ведь это случалось уже в твоей земной жизни. Так ты готовился к будущему служению; так ты учился сперва повиноваться, а затем — повелевать. Ты хорошо знаешь тех, кто тебя ждет, и они тоже знают тебя. Он придаст тебе силы; ты не должен сомневаться».

И Ангел, выведя сапожника из дома, повел его по улице и далее — вверх по горной дороге. И пока они шли, облачение сапожника становилось все легче и ярче, осанка — всё более величавой, а тело — всё светлее. Чем выше они поднимались, тем меньше в нем оставалось от сапожника и тем больше он походил на Князя и Наставника.

После долгого, но приятного путешествия, которое было таким долгим как раз для того, чтобы превращение оказалось как можно более плавным, они пришли наконец к тем, кто их ждал. Наш герой сразу узнал их, и они, узнав его, встали перед ним; и он понял, что сможет повести их за собой, ибо он увидел в их глазах свет любви.

ГЛАВА III: О нашем общении.

Пятница, 16 ноября 1917 г.

Друг мой, я знаю, что многое из сказанного нами не может не казаться вам странным. И немудрено, ведь ваши уши не слышали, а ваши глаза не видели всего того, что имели удовольствие видеть и слышать мы. Но даже если вас что-то смущает, вам надлежит всегда помнить об одном: те облака тумана, в которых ныне блуждаете вы, были когда-то и нашим уделом. Поэтому нам понятны ваши сложности и сомнения, и ваша частая нерешительность нас не удивляет. И всё ж таки попробуйте записать всё то, что приходит вам на ум, а потом внимательно прочтите написанное, и, возможно, результат покажется вам стоящим затраченных трудов, невзирая на неизбежное несовершенство формы и содержания. Помните только, что содержание важнее формы, как тело важнее одежды, но душа важнее и того, и другого. Возьмитесь снова за перо, ибо всё полезное, что мы хотели бы сообщить вам, возможно передать только таким способом.

Вы говорите несколько устаревшим языком. Видимо, вам он лучше знаком, нежели современный английский. Я угадал? Часто бывало так, что, когда я собирался записать привычным мне языком какую-нибудь фразу, ее как будто вытесняла из моего сознания совершенно несвойственная мне причудливая речь.

Вы почти угадали, друг мой. Нам и в самом деле проще пользоваться теми словами, фразами и словооборотами, к которым мы успели привыкнуть в прошлом. Но, если вы хотите, мы постараемся использовать новомодный английский язык, запечатленный в вашем разуме. Только захотите, и мы попытаемся.

Ни в коем случае. Я просто заметил, что ваша речь чуть-чуть необычна. Но, к примеру, когда я проповедую, мой друг, который помогает мне при этом, никогда не заставляет меня использовать архаичную лексику.

Нет, ведь методика нашей с вами работы отличается от приведенной вами в пример множеством деталей. Несомненно, вашему другу было бы проще, хотя бы время от времени, использовать привычный ему язык, усвоенный за время жизни на вашем уровне. Но, благодаря практике, он научился пользоваться вашими собственными словами, дабы его необычная речь не возбудила в ваших слушателях подозрения в том, что вы говорите с чужих слов, и не заставила бы их думать, что архаичный слог звучит фальшиво в устах человека, проповедующего простоту и кротость. С другой стороны, мы, намереваясь продиктовать вам очередное послание, часто ловим себя на мысли, что многие слова и выражения покажутся вам странными. Это будет выводить вас из пассивного состояния, нам придется оказывать давление на ваш разум, а в результате и вы и мы собьемся с мысли и все наши старания окажутся тщетными.

Как же вы выходите их этого положения?

Пожалуй, нам вряд ли удастся во всех подробностях объяснить вам, как мы поступаем в данном случае. Но всё, что мы можем, мы сделаем. Начнем с того, что сегодня вечером мы собрались всемером; иногда нас бывает больше, иногда — меньше. Мы уже наметили, в общих чертах, о чем сегодня расскажем вам, но какими именно словами изложим свои мысли, будем решать только тогда, когда увидим вас и поймем, в каком вы сейчас расположении духа и какие мысли накопились в вашей голове за сегодняшний день. Сделав это, мы удаляемся на небольшое расстояние, чтобы наше воздействие, исходящее от нескольких человек сразу, не обрушилось на вас в виде отдельных фрагментов и не связанных друг с другом

мысленных потоков, которые только смутили бы вас, вместо того чтобы просветить. «Поток» должен быть единым; поэтому мы и становимся чуть поодаль — в этом случае наши мысли как бы сливаются, фокусируются в единое целое, и к тому времени, когда они достигают вас, вы уже воспринимаете их как один диктующий голос, а не как хор голосов. И если вы вдруг сбиваетесь с мысли, начинаете задумываться над каким-то словом или фразой, то происходит это потому, что наши мысли в этом месте еще не успели окончательно соединиться в единую речь. Тогда вы останавливаетесь, наши мысли за это время, наконец, оформляются в конкретное слово или фразу, вам снова становится понятным, что мы хотим вам сказать, и работа продолжается. Вы ведь тоже замечали это, не так ли?

Замечал, но не знал, почему это происходит.

Разумеется. Но продолжим. Мы передаем вам свои мысли, и часто бывает так, что они содержат слова чересчур старомодные, как вы верно подметили, и потому требующие от вас напряжения при их восприятии. Этот недостаток мы устраняем, преобразуя свои мысли на современный лад. Об этом мы сейчас и поговорим.

Средством для такого преобразования нам служит ваш маленький друг Катлин, которая любезно согласилась стать посредником между нами и вами, чтобы делать наши мысли понятными для вас. Мы выбрали ее по нескольким причинам. Во-первых, потому что она ближе к вам, чем мы, поскольку мы находимся здесь дольше и уже успели отвыкнуть от земных условий и правил. Катлин же попала к нам сравнительно недавно и удалась от Земли еще не настолько далеко, чтобы вы не могли ее слышать. Есть и еще одна причина — ее речь и словарный запас. Она всё еще мыслит на своем прежнем земном языке — гораздо более современном, нежели наш, хотя наш язык нам нравится больше, потому что он проще и гораздо точнее. Но не следует искать изъяны в том, что тоже прекрасно. Не думайте, что мы окончательно освободились от всех своих предрассудков и былой обособленности. Они оставались при нас всегда, но, когда мы спускаемся вниз, сюда к вам, мы снова вспоминаем все те свои особенности, от которых постепенно освобождались по мере продвижения вверх. Они приходят к нам вновь, когда мы возвращаемся сюда; и должны признать, что это вовсе не досаждают нам, но, напротив, доставляет своеобразное удовольствие. И всё же маленькая леди Катлин остается ближе к вам во всех отношениях, и поэтому мы направляем поток своих мыслей через нее. К тому же мы стоим несколько поодаль от вас, потому что наше близкое соседство подействовало бы на вас ошеломляюще. Нам не очень нравится слово «аура», но в данном случае нам, видимо, придется им воспользоваться. Так вот, совместное воздействие наших аур может оказаться таким, что вы реально ощутите наше присутствие. Пожалуй, это ощущение показалось бы вам приятным и даже могло бы привести вас в состояние благоговейного экстаза. Но в этом случае вы не смогли бы записывать то, что мы вам диктуем; а мы пришли к вам как раз для того, чтобы передать вам кое-что на словах, которые могли бы затем прочесть и вы, и все остальные — прочесть осмысленно и, возможно, с пользой для себя.

Суббота, 17 ноября 1917 г.

Из-за многих неизбежных сложностей и сопутствующих обстоятельств иногда случается так, что, когда мы перечитываем нами же продиктованные послания, оказывается, что что-то, о чем мы пытались сообщить вам, остается незаписанным, и, напротив, временами появляются слова и фразы, к которым мы не имеем никакого отношения. Всё это — естественные следствия воздействия плотной завесы, отделяющей сферу, из которой мы вам диктуем, от той, в которой живете и работаете вы. Атмосферы этих двух царств настолько различны по своим свойствам, что переход из одного в другое всегда сопровождается значительным уменьшением скорости. Эта перемена происходит так быстро и так резко, что для потока наших мыслей она является настоящим потрясением; поэтому в пограничной области в нем неизбежно возникают искажения. Всё это похоже на реку, которая переливается через край плотины на более низкий уровень, из-за чего ее поверхность внизу пенится и бурлит. Мы стараемся провести свои мысли под поверхностью, где вода не так беспокойна. В данном

случае, у нашего послания есть шанс добраться до вас. Но это лишь одно из многих препятствий.

А вот еще одно. Человеческий мозг — очень совершенный инструмент, но он материален; и даже если поток наших мыслей достигнет вашего мозга, из-за плотности последнего проникновение оказывается затрудненным, а то и вовсе невозможным, поскольку исходящие от нас вибрации очень тонки и интенсивны, что препятствует их нормальному взаимодействию с человеческим мозгом — гораздо более грубым в сравнении с ними.

Опять же, здесь нам знакомо нечто, о чем невозможно рассказать словами ни одного земного языка. Здесь есть цвета, которые не различает человеческий глаз, хотя они и присутствуют в вашем спектре. Здесь есть также ноты и звуки, которые тоже слишком тонки для того, чтобы проявляться в земной атмосфере. Есть здесь и неведомые вам силы, о которых я тоже не могу вам рассказать, потому что вы никогда не чувствовали их воздействия. Эти силы, как у вас иногда говорят, составляют «четвертое измерение». Разумеется, это не совсем точное определение, но это всё же лучше, чем вообще обойти вниманием данный факт; хотя повторим, что к этому объяснению следует подходить осторожно. Всё это пронизывает нашу жизнь и составляет наше окружение. И когда мы говорим о нашей здешней жизни — то есть о действующих причинах, которые приходят к вам уже только в виде следствий, это не может не вызывать затруднений: нам постоянно приходится думать о том, как рассказать вам обо всем этом, чтобы вам было понятно, и в то же время чтобы не слишком отдалить от истины.

Как видите, диктовать из нашей сферы в вашу — уже сама по себе нелегкая задача. И всё же овчинка стоит выделки; со своей стороны, постараемся сделать всё, что в наших силах, сохраняя при этом первоначальный смысл.

Всё было бы много проще, если бы у людей было больше веры в наше присутствие и дружбу, нежели сейчас. Если бы их вера была более смелой и живой, а их сердца — более простыми и открытыми, духовная атмосфера Земли могла бы стать намного чище и совершеннее, что упростило бы нашу задачу и сделало бы наши усилия помочь вам намного приятнее.

Общаться с индусами проще, чем с вами, потому что они с большой готовностью впускают в себя духовные послания. Здесь у вас, на Западе, на первое место вышла наука об органических и неорганических вещах (как вы их называете, хотя это и неправильно) — то есть о материи, и наука о внешней организации — увлечение ваших государственных деятелей и политиков. С этой работой вы справляетесь прекрасно, и эта работа тоже необходима. Но в этом веке ваша задача уже практически выполнена, и мы ждем, когда ваш разум обратится наконец к духовной жизни и изберет путь к возвышению. И когда это произойдет, многие желающие говорить с людьми получают такую возможность и, будьте уверены, не упустят ее. Это время уже почти наступило, и потому каждый может искать помощи с надеждой на успех. Ибо мы видим, что самой тяжелой и самой важной для нас является битва с западным материализмом; но мы, как и вы, радуемся предстоящему сражению, только устаем мы не так быстро.

Четверг, 22 ноября 1917 г.

Дорогой друг, мы попытаемся продолжить свой рассказ о методах нашей работы и способах служения человечеству, чтобы вы смогли понять, что страна наша велика, и обитатели ее бесчисленны, и в разных местах они действуют по-разному, в зависимости от уровня развития. На сей раз мы будем говорить только о своей собственной работе, не касаясь других. Хотя и о других мы тоже могли бы рассказать, потому что каждому сообществу рекомендуется изучать чужой опыт — ради пополнения своих знаний и для организации совместных действий. Но сейчас мы ограничимся тем, что расскажем о себе.

Есть много всего, что мы должны сделать в помощь человечеству — это задание было дано нам в той сфере, из которой мы пришли. Наши обязанности разделены между отдельными группами исполнителей. Мы сами — всемером — составляем, как бы вы сказали,

«подразделение» одной такой группы. Наша нынешняя задача — передать несколько посланий через вашего маленького друга Катлин и через вас, соответственно. Группа, к которой мы принадлежим, не имеет постоянного состава, потому что в нее время от времени принимают новых посвященных, а те, кто уже приобрел достаточный опыт, призываются в следующую, более высокую сферу. В настоящее время нас в группе тридцать шесть, мы действуем подразделениями, обычно по шесть человек, у каждого подразделения — свой наставник, но временами подразделения могут быть и больше, и меньше, в зависимости от того, какая работа им предстоит. Мы работаем группами не только для того, чтобы стать сильнее, но и для того еще, чтобы создать смешанный, сложный поток мыслей, действующий как единое целое. Мы уже объясняли вам, как это бывает. Для того чтобы нормально работать, этот смешанный поток должен гармонизировать с характером и настроением человека, с которым нам предстоит сотрудничать; в противном случае нельзя ручаться за качество результата — возможны ошибки, более или менее значительные. Есть и другие виды деятельности, для которых это правило необязательно; но мы пока не будем о них говорить, ограничимся описанием своей нынешней работы.

Сейчас у нас только двое сотрудников — Катлин и вы. Мы говорим — двое, потому что наш переводчик (вы бы, наверное, назвали ее именно так) — одна из нас. За вами мы наблюдали много месяцев. Но сперва мы нашли вас. Мы узнали вас тогда, когда вы писали под диктовку знакомой нам дамы — вашей матушки — и ее друзей, а впоследствии — милорда Забдиэля.

Итак, мы наблюдали за вами, мы изучали и анализировали ваш разум — то, что вы собрали в нем за годы своей земной жизни. Мы изучали также вашу душу — ваше «духовное тело», как мы будем называть его в этих посланиях, — его здоровье и то, насколько оно нуждалось в дополнительном оздоровлении. А еще мы исследовали, по мере наших возможностей, сам дух — особенности и характер его проявления в вашей природе. Все эти составляющие мы подвергли особому спектральному анализу — не очень похожему на тот, о котором говорят ваши ученые, но применяемому нами по отношению к людям и их эманациям так же, как ваши ученые применяют его к солнечному лучу. Так вы, сами того не замечая, стали объектом наблюдения и изучения — пристального и скрупулезного. Мы составили самое подробное заключение о вас, которое затем сравнили с теми оценками, что были даны вам в то время, когда вам диктовал милорд Забдиэль, и с теми приблизительными, но всесторонними выводами, которые были сделаны, когда ваша матушка и ее друзья сделали первую попытку передать вам свои мысли.

Сравнение результатов этих трех исследований свидетельствует о вашем прогрессе в некоторых отношениях. Но пожелаете ли вы слушать наш рассказ о вас самом?

Да, конечно.

В чем-то вы продвинулись вперед, в чем-то, наоборот, немного сдали позиции, главным образом из-за того, что нынешняя война и вызванные ею новые заботы отнимают у вас много времени и внимания. В целом, как нам кажется, вы стали даже чуть менее совершенным орудием в сравнении с тем, каким вы были несколько лет назад. Но мы все считаем, что можем использовать ваш разум практически в такой же степени, что и наши предшественники. У вас притупились некоторые внутренние способности — те, которые рождают ощущение духовного полета и восторга, позволяя нам воздействовать на человеческое воображение, которое может быть названо также «внутренним ясновидением», и на ваш внутренний слух. Но всё же вы для нас — вполне подходящий работник, который к тому же может стать лучше благодаря практике. Поэтому мы весьма довольны тем, что работаем с вами.

Пятница, 23 ноября 1917 г.

Итак, друг, продолжим.

Цепь, соединяющая общий поток наших мыслей с карандашом и бумагой, при помощи которых вы передаете этот поток другим людям, уже практически готова. Изучая ваш разум и особенности вашего характера, мы старались найти то, что объединяет нас с вами — что

способно воспринимать наши собранные воедино размышления, преломлять и в какой-то мере преобразовывать их. И всё же те элементы спектра, которые не воспринимаются человеческим глазом и не воздействуют на его сетчатку, отсеиваются, и вам передается оставшееся. Следовательно, вы получаете от нас только часть того, что мы вам изначально посылаем. Здесь можно провести аналогию со световым спектром, который вы тоже не видите полностью, но только ту его часть, которая доступна человеческому глазу; тогда как световые вибрации, выходящие за рамки этого диапазона, как с одной, так и с другой стороны, остаются невидимыми. Уже один этот факт объясняет многие сложности в нашем общении, хотя, с вашей стороны цепí, их причины, конечно же, не так очевидны. Наши и ваши законы если и не полностью совпадают, очень похожи друг на друга. Так и в данном случае. Ваш белый свет тоже не является единственным, но смешанным; так и у нас. Белый свет складывается из нескольких цветов, которые, сливаясь, создают поток одного, к тому же нейтрального цвета. Так и наши умы, соединяясь в своей деятельности, передают вам не разрозненные фрагменты мыслей, но единый, цельный поток, направленный как бы из одного источника. Эта иллюзия подкрепляется и тем, что мы направляем к вам этот поток через нашего замечательного маленького друга и посредника Катлин. Отметим также, что все элементы должны быть смешаны в надлежащей пропорции и в определенном количестве, иначе нужного результата не достичь. Если один цвет будет преобладать над другими, белого света мы не получим.

Итак, собрали всё необходимое, нашли вас, но этого не достаточно. Нужен еще один важный элемент, о котором мы до сих пор говорили очень мало. Мы нашли маленькую леди Катлин, и удалось нам это благодаря ее любви и дружбе с той, которая связана с вами кровным родством.

Вы говорите о Руби?

О ней, разумеется, о ком же еще? Ваша дочь Руби — подруга Катлин и ее наставница. Вот так. Мы испытывали ее примерно так же, как и вас, и в конце концов столкнулись с одной деликатной, но очень серьезной проблемой, от которой во многом зависел успех нашего служения и начатого дела. Мы — все шестеро — мужчины, а Катлин — женщина. Здесь у нас половая принадлежность так же влияет на науку, как и у вас. И нам гораздо проще было бы работать с мужским разумом, пусть даже подобным нашему. Но не будем более злоупотреблять вашим терпением, скажем только, что мы нашли человека, разум которого, с одной стороны, подобен нашему, а с другой — остается разумом женщины. Эта женщина служит нам переводчиком. Она живет в одной с нами сфере и принадлежит к нашей группе; таким образом, мы знаем ее давно и давно работаем с нею. С нами ее связывает принадлежность к одному отряду, а с Катлин — принадлежность к женскому полу. Это она обобщает и соединяет наши мысли и передает их затем вам через Катлин. Вы уже, наверное, заметили, что в наших посланиях преобладает мужской стиль мышления и изложения. Объясняется это тем, что в нашем подразделении господствует мужской элемент. Но иногда начинает проявляться и даже преобладать женский элемент. Так бывает в тех случаях, когда женщина лучше нас «правит повозкою» нашего разговора, тогда как нам, бедным мужчинам, остается только подталкивать ее вперед, чтобы она быстрее катилась. Даже Катлин иногда вмешивается со своими замечаниями. Не сомневаемся, что она очарует вас своим наивным добродушием так же, как очаровала нас.

Вы говорите так, как будто нам предстоит долгая совместная работа. Не хочу показаться невежливым, но в прошлый раз эта работа показалась мне совсем не легкой.

Нет друг. Вам не стоит беспокоиться. Не зря же мы трудились над подготовкой этого предприятия; да и не такое уж оно большое по своим масштабам. К тому же вы вольны прекратить свою работу, когда захотите. Но я не думаю, то вам наскучит работать для нашей компании. Вы ведь уже находите некоторую приятность в том, чтобы приходиться к нам, быть рядом с нами и выслушивать наши послания. Я полагаю, наше сотрудничество продолжится. А ради вашего успокоения скажу, что мы вовсе не планируем передавать вам всё сказанное

милордом Забдиэлем, но только то, что не покажется вам сложным, а, напротив, окажется, по нашему мнению, полезным.

Иногда вы говорите — «я», а иногда — «мы». Полагаю, это из-за того, что ваши послания имеют два аспекта: во-первых, это единый поток; а во-вторых, это различные элементы, данный поток составляющие. Поэтому вы иногда говорите о себе во множественном, а иногда — в единственном числе. Я угадал?

Неплохое предположение, друг, и отчасти верное; но только отчасти. Когда мы говорим — «я», мы говорим от имени Наставника всей нашей группы, состоящей на данный момент из тридцати шести человек. Когда же говорим — «мы», то говорим от имени работающего с вами подразделения из шести человек. Когда вы это простеете, полагаю, вам будет о чем подумать: а именно — о том, как единство и обособленность, индивидуальное и коллективное могут быть столь легко взаимозаменяемыми, что явствует из наших посланий.

Здесь сокрыта глубина, которую вы, друг, не в состоянии измерить, пока живете во плоти, как бы вы не старались; потому что это — внешнее кольцо внутреннего святилища, где хранится великая Тайна Трех в Одним.

ГЛАВА IV: Ангелы-хранители нижних сфер.

Вторник, 27 ноября 1917 г.

Мы готовы диктовать вам, друг, и просим вас предоставить нам свой разум, чтобы мы смогли поведать вам об одном происшествии, недавно приключившемся в сфере, где мы часто останавливаемся и наблюдаем за проявляющимися результатами нашей работы.

Речь пойдет о возведении здания наподобие храма, назначением которого, по завершению строительства, станет накопление и распределение энергий, с тем чтобы живущие на Земле могли с их помощью лучше воспринимать наши мысли, нежели раньше. Здание это возводилось долго и неспешно, но сейчас работа уже близка к завершению. По мере возможности мы постараемся рассказать: сначала — из какого материала возводится этот храм, а затем — какую именно пользу он сможет принести в будущем.

Строительный материал для храма — разных цветов и разной плотности. Он существует не в форме кирпичей или каменных блоков, как у вас на Земле, он как бы растет из первоначального фундамента. Когда проект храма был готов, мы отправились к заранее выбранному месту, где ему надлежало быть воздвигнутым. Это было плоскогорье между возвышенной и равнинной областями Пятой Сферы. Заметим, что в этих посланиях мы пользуемся классификацией сфер, предложенной Забдиэлем. Кто-то, как и мы, пользуется этой же самой классификацией; прочие предпочитают собственные. Но вы уже в какой-то мере знакомы с нашей классификацией, поэтому нам нет необходимости от нее отступать. Более того, эта система удобнее многих других, которые зачастую либо слишком сложны, либо наоборот — примитивны. Милорд Забдиэль называет эту классификацию «золотой серединой», так будем же следовать ей и впредь.

Итак, мы собрались и в молчании настроились на свершение общего дела: мы сконцентрировали свое творческое мышление на возведении храма и постепенно, очень медленно вознесли поток наших волевых усилий от земли вверх — всё выше и выше, пока он не достиг куполообразной крыши. Там он оставался, пока Ангел-Господь — наш наставник — вбирал в себя все наши энергии, после чего стал плавно закруглять их, изменяя их направление в пространстве. Мы же постепенно придавали плотность исходившим от каждого из нас импульсам.

Дальнейшее может показаться вам странным, друг. И вот почему: мы уже давно работаем вместе, и механизм совместных действий у нас отработан; и всё-таки на последнем этапе этого сложного строительства нам необходима помощь гораздо более могущественного существа, которое направляло бы приведенные нами в действие силы; в противном случае здание получилось бы перекошенным или вовсе бы рухнуло и все наши усилия пропали бы.

Есть и другая причина, которую еще сложнее объяснить, поскольку мы не уверены, что вы поймете наши слова. Но, возможно, впоследствии, размышляя об услышанном, вы сможете понять если не саму причину, то хотя бы предпосылки ее возникновения. Подумайте о том, как обрывается пуповина, или как рвется в момент смерти нить, одушевляющая тело; или о том, как перекрывают канал ворота шлюза; словом — о чем-либо подобном в природе; и тогда вы, вероятно, сможете почувствовать то, что мы хотим вам сказать, но не можем из-за недостатка нужных слов.

Итак, первый этап строительства заключается в возведении здания во всей его полноте; после чего мы, отдохнув немного, начинаем, как и прежде, — с фундамента — укреплять каждую колонну, ворота, башню и бельведер, пока снова не дойдем до купола. И так мы делаем много раз, пока сооружение — еще только внешняя, но уже законченная его форма — не будет готово. Единственное, чего ему пока не хватает, это расцветки и изящного орнамента вдоль стен; но когда и это будет готово, мы приступаем к укреплению всей конструкции, пока не убедимся, что ее прочности хватит теперь на века.

Мы возвращались к этому снова и снова, по мере восстановления своих затраченных на работу сил; и поистине, прекрасны и благословенны были плоды трудов красоты. По размерам, пропорциям и формам своим сооружение получилось величественным; и красота его росла по мере того, как каждый из нас вносил свою лепту в его совершенствование. В наших сферах строительство не всегда ведется подобным образом; есть и много других способов возведения сооружений. Но когда здания возводятся так, как описано, они становятся для строителей не столько плодами их трудов, сколько их возлюбленными детьми, потому что впитывают в себя их жизненную энергию и их собственные представления о красоте. К тому же такие строения могут оказывать помощь тем, кто впоследствии будет в них работать, поскольку эти Храмы, в определенном смысле, одушевлены; разумеется, трудно говорить о наличии у них сознательной жизни, но то, что они могут чувствовать, не вызывает сомнений. Мы можем сформулировать это так: пока существует такой дом, его жизнь связана с нами, его создателями, примерно так же, как человеческое тело связано с использующим его духом — как в состоянии бодрствования, так и в состоянии сна. Благодаря чувствительности дома, мы постоянно ощущаем, какого рода работа в нем происходит. И по каким бы сферам ни оказались разбросаны в будущем компаньоны, принимавшие участие в строительстве, этот дом всегда остается для них центром живого и реального общения и разделенной на всех радости, которую вы сможете постичь только тогда, когда сами начнете творить в этих сферах, если только ваше восхождение в Царство Божие пойдет эти путем.

Итак, внешняя часть Храма сооружена и закреплена. Но остается еще кропотливая работа по отделке интерьера: оформление комнат, коридоров и святилищ; расстановка колонн; создание непрерывной цепи фонтанов и других элементов декора. До сих пор мы стояли за пределами здания, концентрируя мысли на укреплении внешних стен и колонн; но, когда эта работа была закончена, мы вошли внутрь, чтобы полюбоваться на творение своих рук — как сказали бы вы, хотя наши руки здесь значили не так уж много, главными строителями были наши умы и сердца.

И вот мы взялись за отделку Храма изнутри; и, как бы вы сказали, изо дня в день ходили по его комнатам, залам и коридорам, понемногу украшая их в соответствии с первоначальным проектом, пока не добились желаемого результата.

А затем — какая это была радость для нас, когда наш Главный Распорядитель снизошел к нам снова из своего высшего Царства, чтобы взглянуть на работу, и одобрил сделанное нами. Множество мелких деталей пришлось исправить. Большинство исправлений произвела его собственная творческая воля, но некоторые он поручил нам, дабы мы могли совершенствоваться в мастерстве.

И вот настал тот день, когда всё было готово, и Главный Распорядитель пришел опять — на сей раз в сопровождении великого Господа, занимающего еще более высокую ступень, нежели он сам. По могуществу своему великий Господь занимает у нас примерно такое же положение, какое в Израиле занимал Аарон и его преемники; у греков — Иерофант; а у хри-

стиан — Протоиерей. Действие, которое он должен был совершить, вы назвали бы «придаванием святости».

Освящением?

Весьма подходящее слово. Именно это действие связывает сооружение, в какой бы сфере оно ни находилось — на Земле или где-то еще, с обитателями высших Царств в целях защиты и превращения Храма в настоящий проводник благословения и энергии для тех, кто впоследствии будет его использовать.

Ваши земные храмы — лишь слабое подобие тех, что существуют в наших царствах. Но по сути своей они имеют такое же предназначение. В Израиле облако означало установление связи между двумя сферами — земной и обителью Иеговы. Такое же облако существовало и в Египте в древние времена. Храмы в греческих колониях были не столь восприимчивы к возвышенному присутствию, но и там существовали вибрации. Ислам, похоже, дальше всех отошел от такой помощи и поддержки со стороны высших Царств. Я посещал ваши сферы распространения ислама и заметил, что установления общения и ниспослания милосердия осуществляется там принципиально иными способами. Примерно так же дело обстоит и в церквях Христовых, но там различные Церкви разительно отличаются друг от друга: к примеру, в некоторых храмах, посвященных Христу, Его Присутствие и присутствие Его Слуг едва ли не проявляется воочию; и думаю, что в недалеком будущем те, кто очень этого пожелает, смогут увидеть Его. Так что у вас на Земле действует тот же самый принцип, причем уже много столетий. Но здесь он действует гораздо более эффективно и зримо, и его проявления прекрасны и несут благословение тем, кто — шаг за шагом и из сферы в сферу — поднимается всё выше к Небесным Вершинам.

Какую же именно пользу приносит этот Храм?

Сейчас его используют как хранилище энергии, необходимой для крещения тех, кто время от времени приходит из различных уголков Пятой Сферы и из более низких сфер. Они погружаются в его разноцветные вибрации, совершают омовение в его внутренних потоках и фонтанах, окутывают себя пеленой его музыки; и, пока их природа откликается на вибрации Храма, они чувствуют прилив сил, если прежде их одолевала усталость, и просветление, если их интеллект был отчасти затуманен. Но не думайте, что наш Храм — просто санаторий; на самом деле это нечто большее. Здесь укрепляются не только тело, но и душа; ибо дух готовится здесь к дальнейшему восхождению; к тому же, помимо телесной силы, Храм дарует ясность разума, приносящую радость осознания того, что это просветление действительно заслужено. И еще — каждый, кто приходит сюда, ощущает поддержку тех, чьи любовь и жизнь сконцентрированы в этом Светлом Храме; тех, кто ждет у себя наверху новых пилигримов.

Значит, каждый, кто восходит вверх, должен пройти через этот Храм?

Нет, друг, вовсе не каждый, но большинство обитателей Пятой Сферы. Это сера, где некоторые (и даже многие) задерживаются подолгу. Это критический этап, где человек должен усовершенствоваться во всех своих проявлениях и где должна быть устранена всякая дисгармония. Для многих прохождение этой сферы сопряжено с немалыми трудностями, поскольку на пути встречается много препятствий. Потому-то мы и воздвигли этот Храм, очень многие в нем нуждались. Он построен совсем недавно, и нам еще предстоит проверить, насколько действительно это наше творение; не приходится сомневаться, что в процессе этого эксперимента в конструкцию будут внесены мелкие поправки.

Но некоторые проходящие сюда, оглядываясь вокруг, не находят для себя ничего, чему бы они могли поучиться и что они могли бы добавить к собственной природе. Эти спокойные и сильные люди просто проходят через Пятую Сферу и сразу же поднимаются выше. Само их появление уже благословенно, и путь их неизменно светел; и те, кто оказываются рядом, завидев их, преисполняются радостью и мужеством. Может, у вас на Земле это происходит несколько иначе. Но тем, кто уже возвысился до Пятой Сферы, чужды низменные помыслы; для них появление духа более прекрасного и более сильного, нежели их собствен-

ный, это прежде всего возможность самому стать светлее в лучах чужого света и еще раз очию убедиться в реальности Всеобщего Братства.

Среда, 28 ноября 1917 г.

Если вы ощущаете чье-то присутствие, но сомневаетесь в том, что это мы, сотворите крестное знамение. Это поможет вам почувствовать нашу защиту и предохранит вас от вторжения тех, кто стремится помешать нашему сближению с вами. Наша защита не телесна; мы оберегаем вас от мысленных влияний, создающих нечто вроде тумана, затемняющего разум. Вы должны помнить, друг, что иногда им удастся подойти к вам даже ближе, чем нам, и вместо нас заполучить контроль над вашим разумом.

Чем же мне поможет крестное знамение?

Той реальностью, которая за ним стоит. Если вы как следует поразмыслите над этим, то, возможно, поймете, как много зависит от символов — не потому, что в них самих заключены какие-то динамические свойства, но благодаря тем личностям или силам, которые за ними стоят.

Например?

Например, буквы, которые вы пишете в настоящий момент, тоже являются символами; и те, кто прочтет их с любовью и симпатией, смогут обеспечить себе здесь, в свое время, более скорый прогресс, нежели те, кому так и не удастся прочесть их на Земле. Имя царя — тоже только символ для большинства его подданных. Но тот, кто упоминает его всуе и кто игнорирует повеления, провозглашенные от этого имени, во всяком нормальном государстве должен быть готов к разного рода неприятностям. Ведь в противном случае нормальное развитие этого государства будет неизбежно прервано последующим хаосом и распадом. Следовательно, имена требуют к себе уважения не только в вашей земной жизни, но и у нас — в Небесных Царствах. Ибо тот, кто называет имя Ангела-Господа, претендует тем самым на освящение его авторитетом своих дел, какими бы они ни были. Так уж заведено: Его Имя — самое высокое из всех имен — должно произноситься с величайшим уважением, как это и предписывает ваш священный закон.

Знак креста — только один из известных нам символов святости, к тому же с давних пор знакомый детям Земли. Но на данной стадии эволюции это самый сильный из всех символов, потому что это знак жизни, данный Вечно Живущим в помощь земному человечеству. Как предыдущие эпохи были периодами проявления Бога через других (пишите, пишете, не сомневайтесь) Христов Его Божественного Величия, так ваша эпоха — время Божьего Христа, Который, будучи последним в этой когорте, является Князем над Всеми, Сыном одновременно Божьим и Человеческим. Таким образом, те, кто пользуется завещанным Им крестным знаменем, обращаются за помощью к запечатленному на крови могущественному символу, который есть Жизнь; и даже те наши братья, которые не знали Его Любви и не наследовали Его Власти, поклоняются Ему, потому что осознают Его силу и трепещут перед нею.

Даже тем, кто попал в ад, известен этот символ, не так ли?

Вы правы, как это ни печально. Позвольте мне рассказать об этом подробнее, поскольку, как нам известно, на Земле есть много людей, которые не испытывают к этому символу должного уважения, ибо они не понимают. Мне часто доводилось бывать в более темных сферах, хотя в последнее время я туда не спускался, слишком много было другой работы. Но когда я бывал там, я пользовался этим символом очень осторожно, зная, какие мучения он причиняет бедным душам, которые на самом деле давно и жестоко мучают сами себя.

Не могли бы вы рассказать мне хотя бы об одном случае практического использования этого символа?

Однажды мне было поручено отыскать человека, который, по странному недоразумению, был перенесен, после того как покинул Землю, во Вторую Сферу. Но он был не готов к жизни в этой сфере, его природа тяготела к нижестоящим мирам. Пожалуй, мне стоит рас-

сказать вам об этом во всех подробностях. Такие случаи, как этот, происходят редко и не остаются незамеченными. Подобные ошибки иногда случаются по вине проводников, не обладающих достаточным знанием. Их рвение порою превосходит их способность читать в душах человеческих, и, когда к нам приходит личность сложная и неоднозначная, не исключены ошибки. И вот я спустился в сумрачные сферы, подождал, пока чувства мои привыкнут к полумраку, и приступил к поискам. Я ходил из города в город, пока наконец не подошел к городским воротам, за которыми ощутил его присутствие. Вы, вероятно, пока еще не очень хорошо понимаете, что я имею в виду. Пусть так, но когда-нибудь вы всё равно поймете. Итак, я вошел в город и сквозь сумрак направился к площади, где обнаружил огромную толпу. Воздух казался красноватым, как в кузнице, дрожащим и мерцающим; его цвет и движение менялись в зависимости от настроения толпы, которая то возбуждалась, принимаясь яростно кричать, то, успокаиваясь, замирала. А на каменном постаменте стоял человек, которого я искал. Резким и не терпящим возражения голосом он что-то говорил собравшимся; и я встал позади всех, чтобы послушать.

Он говорил им об Искуплении и об Искупителе — не называя имени, но только ссылаясь на него. Дважды или трижды я видел, что Имя готово сорваться с его губ, но этого так и не случилось. Всякий раз, когда он собирался сделать это, гримаса боли искажала его лицо; он плотно стискивал ладони и на некоторое время умолкал, после чего, так и не назвав заветного Имени, продолжал свою речь. Но никто из собравшихся на площади не сомневался, что он имеет в виду Его. Довольно долго он убеждал их покаяться; говорил им о том, что с ним сделал недостаток духовного знания; как он был низринут, едва увидев Небо и свет, в печальный сумрак нижних миров, наполненных болью и сожалением. И вот к чему он призывал своих слушателей: он говорил, что, хотя и вынужден был спуститься вниз, глаза его остались открытыми, и что он хорошо запомнил путь, способный привести род человеческий обратно к свету. Однако путь этот долгий и трудный, похожий на непрерывное восхождение в темноте. Поэтому он призывал их добровольно отправиться вместе с ним, чтобы идти вперед единым стадом и помогать друг другу в дороге, ибо только так они могут достичь цели — вечного блаженства. Но никто из них не должен останавливаться в дороге, потому что идти придется через дремучие леса и ущелья, и тот, кто отобьется от стада, заблудится навеки и будет бродить один. Куда именно этот несчастный может забрести, проповедник не говорил, но подчеркивал, что странствовать ему придется в темноте, то и дело подвергаясь нападкам лукавого, притаившегося в этих сферах, чтобы пробуждать ужас и неистовство в тех, кто окажется в его власти. Так что всем последователям нашего проповедника надлежало идти вослед его Знамени, которое он понесет впереди, ибо в этом случае им нечего будет бояться. Его Знамя станет для них символом великой силы, которая не оставит их на протяжении всего пути.

Такова была суть его речи; и я заметил, что многие из собравшихся всерьез задумались над его словами. Некоторое время он стоял перед ними молча, но затем из толпы кто-то выкрикнул: «О каком знамени ты нам говоришь? И что будет на нем начертано? Мы хотим знать, кто нас поведет».

И тогда стоявший на камне посреди площади человек поднял вверх руку и попытался прочертить ею сверху вниз линию, но не смог. Он пробовал снова и снова, но его руку как будто сковывало что-то всякий раз, когда он пытался совершить крестное знамение. Наконец (для меня это было мучительное зрелище, потому что я знал его), он испустил глубокий вдох и заплакал от бессилия, а рука его безжизненно повисла.

Но вот он снова воспрянул духом и выпрямился, всем своим видом демонстрируя решимость. Он заметил, что упавшая рука сама по себе прочертила в воздухе вертикальную линию; и произошло чудо: путь ее движения обозначился перед ним едва заметной полоской тусклого света. И вот он еще раз, с усилием и опасением, поднял руку вверх, отвел ее чуть выше середины светящейся линии немного в сторону и попытался провести поперечную полосу, завершая знак креста, но снова не смог это сделать.

Я мог читать его мысли, и мне было понятно, что он вознамерился сделать. Он хотел начертить перед людьми знак, которым собирался украсить свое путеводное знамя, — Знак Креста. Мне стало жаль его, и я приблизился к нему и встал рядом с ним. Сперва я еще раз медленно прочертил перед ним поперх старой, едва заметной вертикальной полосы света новую, после чего она засияла так, что осветила всю площадь и лица собравшихся. Затем я провел поперечную черту, такую же яркую; и мы оба стали невидимы для толпы, поскольку нас затмил ослепительный свет, исходивший от сияющей фигуры.

Тут я услышал дикие крики и жалобные вопли. Сияние Креста немного ослабело, и я увидел, что все собравшиеся пали ниц и корчатся в пыли огромной площади, стараясь спрятать лица, чтобы не видеть, забыть только что увиденное. И дело здесь было даже не в том, что им был ненавистен Крест, ибо они уже прошли через раскаяние; но сам этот прогресс, заставивший их горько сожалеть о прежних прегрешениях, вынуждал их теперь страдать от боли — раскаяние смешивалось в них со стыдом за ранее содеянное и за собственную неблагодарность, из-за чего их страдания становились еще более тяжкими.

Только стоящий рядом со мной не стал вопить и пресмыкаться; он молча опустил на колени, закрыв лицо руками, и дважды совершил земной поклон, исполненный боли и раскаяния.

Я понял тогда, что поторопился и вместо того чтобы утешить этих людей, заставил их страдать. Мне стоило немалых трудов снова успокоить их, взяв на себя обязанности моего друга и продолжил начатые им увещания. В конце концов мне удалось восстановить спокойствие и благополучно выполнить свое поручение, но впредь я дал себе зарок быть более осмотрительным в использовании этого могущественного символа в сумрачных царствах, дабы не причинить новую боль тем, кто и так уже достаточно настрадался по своей вине.

Вы называли проповедника своим другом?

Да, он был моим другом. Мы изучали философию в одном университете, когда жили на Земле. Он старался жить достойно и иногда был способен на благородные поступки, но скорее привык считаться благочестивым, нежели действительно был таковым. Однако теперь он движется вверх и делает немало добра своим ближним.

Могу сказать вам, что эти люди всё-таки получили свое Знамя. Правда, сделано оно было не слишком искусно — просто пара сучьев, кривых и шишковатых, как все деревья в этом мрачном царстве. Они связали их вместе и нарекли «крестом», хотя перекладина то и дело сбивалась то в одну, то в другую сторону, так что сооружению можно было назвать весьма нелепым, если бы не смысл, который они вкладывали в этот символ, и не серьезность, с которой они к нему относились. Для них он олицетворял реальную силу и Того, от Кого эта сила исходила, и потому был подлинно Священным Символом, за которым они могли следовать в благоговейном молчании и без страха. А полоска алой ткани, которой они связали вместе перекладины креста, развевалась, как настоящая кровь. И они отправлялись за своим крестом в долгий, очень долгий, зачастую тяжелый и тернистый путь — всё время вверх, к Вершинам, где, как они знали, их ждет свет.

Благодарю, но, прежде чем мы закончим, позвольте задать вопрос. Тот Храм, о котором вы говорили прошлым вечером. Сперва вы сказали, что его предназначение — помогать людям в земной сфере. Но затем вы описали совершенно иную цель. Мне не совсем понятно. Не могли бы вы объяснить?

То, что мы вам сказали, друг, полностью верно, просто мы не смогли должным образом изложить свою мысль. Прошлым вечером ваш разум был несколько отягощен. И сегодня вы уже устали. Поэтому мы объясним вам всё в следующий раз, когда вы снова пожелаете работать с нами. А пока примите пожелания спокойной ночи, и да пребудет с вами Божье благословение.

Четверг, 29 ноября 1917 г.

Мы обещали вам разъяснить ваши затруднения с Храмом. На самом деле никаких затруднений здесь нет. Вы помните, что мы сказали вам, что Храм был воздвигнут в помощь обитателям Пятой Сферы и нижних сфер. Разумеется, в это определение входит и сфера Земли, вполне подходящая под ваше определение духовной сферы, исключая разве что внешние свои проявления. Влияния нашего Храма распространяются очень далеко, охватывая многие нижестоящие сферы, в том числе и Землю. В прошлый раз мы высказались не слишком определенно не потому, что спешили, но только из-за ограниченности ваших возможностей. Мы имеем в виду ваше свободное время и вашу восприимчивость, во многом зависящие друг от друга. Ибо тот, кто не имеет достаточно свободного времени, чтобы успокоиться и отрешиться от собственных мыслей, вряд ли сможет воспринять то, что мы ему диктуем, хотя, являясь к вам из царств, столь отличных от вашего, мы доносим до самой границы вашего уровня большую часть той силы, с которой изначально отправляемся в путешествие. В тех сферах, которые мы проходим по дороге сюда, теряется далеко не всё; и то, что остается, мы всегда стараемся передать тем жителям Земли, кто готов воспринять наши мысли и кто нуждается в умиротворении, которое мы несем с собой. Когда же наши запасы сил и света истощаются, мы возвращаемся домой, благодаря тому немногому, что у нас еще осталось, чтобы восстановить силы в чистом и вольном воздухе Божьих Небес — единственного реального источника силы и покоя.

Это касается и вашего вопроса о Храме, поскольку одно из его назначений как раз и заключается в том, чтобы служить вместилищем энергии и милосердия, которые накапливаются в нем, поступая из высших Царств, чтобы затем служить живущим на Земле и в сферах, расположенных между нею и нашим Храмом.

С течением времени у Храма могут появиться и другие задачи, которые будут добавлены к уже существующим.

Когда мы — дети Небес — спускаемся на Землю, нам порою очень трудно вступить в контакт даже с теми, кто ждет нашего появления, прислушиваясь к нашим шагам. И вы сами — не исключение из этого правила. Ибо мы часто замечали, что вы, уже почти услышав нас и уже начав прислушиваться к нашему голосу, вдруг начинали сомневаться и иногда ошибочно принимали дыхание своих духовных друзей, которое вы чувствуете и слышите, за игру собственного воображения. В этих случаях наша неспособность поделиться с вами мыслями и ваша неспособность воспринять их объясняются недостатком решимости поверить. Вы считаете, что достаточно искренне уверовали в наше существование; и в этом вы отчасти правы. Но в вопросах духовного общения вы всё еще очень боитесь ошибиться, что нередко препятствует вашему участию в деле распространения истины. Полагаю, мы ни в чем не погрешили против истины, сформулировав проблему подобным образом. Всякий раз, когда вы начинаете ощущать поблизости наше присутствие, это является следствием какой-либо причины. Причина эта может быть такой, какой вы ее себе представляете, или хотели бы представить; но может быть и совершенно иной. Несомненно одно — причина должна быть обязательно; и, если в этот момент вы успокоитесь и прислушаетесь, ее природа станет вам ясна. Возможно, вам показалось, что у вас приблизился ваш старый друг; хотя на самом деле это может быть и не он. Понять, кто это, вы сможете, только восприняв его мысли. А потому, как только вы ощутите поблизости чье-либо присутствие, отриньте, насколько это возможно, все сомнения и не бойтесь ошибиться. Запишите всё, что вам хотят передать, а уж потом, анализируя записанное, делайте выводы о характере и источнике сообщения.

Пятница, 30 ноября 1917 г.

То, что красиво, всегда истинно — это один из главных законов для наших светлых царств. Справедливо и обратное: то, что внешне некрасиво, безобразно, в конечном счете, неизбежно проявит свое несоответствие истине. Истиной — в нашем понимании этого слова — называется то, что пребывает в гармонии с Разумом Изначального, Которого вы зовете Богом и Отцом. Всё исходящее от Него — правильно и созвучно самым возвышенным и чистым нашим устремлениям, ибо мы — Его порождения. И верный признак этого свойства

— красота, потому что красота радует. Гармония есть одеяние Любви, которая всегда приносит радость тем, кто способен с благодарностью принимать ее. Только те, в ком присутствует противоположность Любви, могут оставаться равнодушными к тому празднику, который Любовь несет с собой. И помните, что Любовь — не только от Бога, но и Сам Бог.

Поэтому мы знаем, что любая красота — будь то красота природы или вод, формы или лица — это Его проявление, потому что всё красивое берет свою красоту от Него. А коль скоро Его мысли могут быть только истиной, то и всё красивое является истинным, как и всё истинное, по необходимости, должно иметь красивые проявления.

Только там, где к направленному самим Богом потоку Его Жизни и силы примешиваются противоборствующие течения, воды становятся бурными и мутными. Это справедливо в отношении как рода человеческого, так и всего прочего. Дисгармония в семье или государстве тоже возникает не сама по себе, но из-за тех противоборствующих сил, которые действуют вопреки воле и цели Всевышнего, потому что отклонились от истинного пути.

Но столь совершенен Господь в Своей творческой энергии, что даже эти силы Он способен заставить в конечном счете служить добру, тем самым сводя на нет негативное влияние неверно используемой собственной Жизненной Силы и возвращая ее на путь совершенствования как человеческой, так и ангельской рас...

Зло по природе своей не может быть позитивным, оно всегда негативно. Зло — это отрицание, отрицание добра. Только добро обладает реальной силой.

Понедельник, 3 декабря 1917 г.

Когда мы спускаемся на Землю, друг, мы говорим друг другу, что нам предстоит путешествие в страну тумана и мрака, где мы могли бы поделиться с обитателями этого нижнего мира своим светом и теплом. А то, что и свет и тепло нужны очень многим, мы чувствуем даже здесь, в отдаленных сферах, из которых приходим. Вы, возможно, спросите, какие именно химические или физические процессы позволяют нам делиться с другими теплом и светом, но вряд ли мы сможем объяснить вам во всех подробностях используемые методы. Но мы можем попытаться вкратце обозначить этот процесс и непременно сделаем это, если только для вас и для будущих читателей записанного вами текста данная тема представляет интерес.

Благодарю вас. Я с удовольствием выслушаю ваши объяснения.

Тогда мы постараемся, насколько возможно, упростить рассказ. Вам не составит труда понять, что дает возможность и делает насущной необходимостью сообщение между мирами — это универсальный принцип, в который, как в воды огромного океана, погружены все мы — и вы и мы. Я имею в виду духовную жизнь и силу и энергию. Для нас духовная жизнь — примерно то же самое, что и для вас, равно как и для тех, кто стоит выше нас (насколько мы можем судить и представлять себе жизнь в вышестоящих Царствах). Потому что эта духовная жизнь является причиной всех тех проявлений жизни, которые вы наблюдаете у себя на Земле. Думаю, что с этим утверждением вы с готовностью согласитесь. По мере продвижения наверх в каждую новую сферу, связь между причиной и следствием становится всё более очевидной. Поэтому у нас есть все основания предполагать, что и в самых высших сферах этот процесс продолжается аналогично, пока не завершится наконец полным единением следствия и причины. Но мы полагаем, что те, кто способен подниматься к этим вершинам, и в этом единстве находят принцип причины и следствия, только в наиболее однородной его форме.

Таким образом, когда мы говорим об океане духовной энергии, для нас это не просто абстракция, но самый очевидный факт — реальность, которую мы можем использовать в общении. И это первое, что вам необходимо знать.

Второе: когда вы восходите от Земли вверх, вы замечаете, что между соседними сферами нет пустоты. Мы, конечно же, знаем о бездне, о которой говорится в вашей Святой Книге. Но это вовсе не пустота. У нее тоже есть дно. К тому же она расположена не точно между

Землю и нашей сферой, но немного в стороне, и потому во время восхождения мы в нее не попадаем.

Каждая сфера по краям как бы смешивается с соседними, образуя нечто вроде пограничных переходных зон. Поэтому, переходя из одной сферы в другую, странники не испытывают сколь-нибудь серьезных потрясений. И всё-таки каждая сфера обладает неповторимыми, ей одной присущими свойствами. Пограничную зону между сферами нельзя назвать просто «нейтральной полосой», поскольку она объединяет в себе свойства обеих соседствующих сфер. Таким образом, никакой пустоты нет, есть лишь постепенный переход из одного состояния в другое на всем протяжении пути. Из этих двух предпосылок вы без труда выведете тот факт, что наше непосредственное общение потенциально возможно всегда. А теперь поговорим о том, как мы пользуемся всеми этими средствами общения.

У этого дома много окон, и ни одно из них не остается без применения. Но только три из них доказывают реальность всех остальных.

Во-первых, существует нечто вроде постоянного почтового сообщения, где находящиеся ближе всех к вам работники передают послания обитателям вышестоящей сферы. Они не прекращают действовать до тех пор, пока послание не доберется до адресата, который знает, что с ним делать. Всё это происходит очень быстро, но всё же, пока послание летит через миры, от него постоянно отсеиваются части, необходимые работникам той сферы, которую оно пересекает в настоящий момент, дабы эти работники смогли подготовить свою часть ответа. Точно так же послания и молитвы с Земли фильтруются и тем самым подготавливаются к передаче в высшие Царства. Если бы не это, тяжесть грубой оболочки оказалась бы непосильной для жителей Земли и раздавила бы всё возвышенное, что в них заключено, не позволяя ему подниматься вверх, в светлые миры. Вот какое описание первого варианта общения. Подробности я опущу, потому что нам нужно рассказать вам и о других методах тоже.

Следующий метод мы могли бы назвать «непосредственным общением». Среди вас есть такие, кто имеет в высших сферах покровителя, помогающего делом и советом. Некоторые из этих покровителей — возвышенные и светлые Ангелы, живущие весьма далеко от сфер, соседствующих с Землей. Поэтому зачастую они даже не спускаются вниз к своим подопечным, ибо, хотя они и могущественны, но не всемогущи, а нисхождение к Земле требует больших затрат энергии, ведь в каждой пересекаемой ими сфере им приходится приспосабливаться к ее условиям, а сфер на пути к Земле приходится пересечь немало, и в каждой — свои условия. Разумеется, спускаться им всё же иногда приходится, и бывает это не так уж редко, но лишь в тех случаях, когда предстоящая им в нижних мирах работа оправдывает это нелегкое путешествие. Мы здесь все очень скупы, когда речь заходит о расходах энергии; наша задача — помогать другим, а не тратить много на себя — даже в тех случаях, когда мы черпаем из неисчерпаемого источника. Так что, когда мы используем метод непосредственного общения, мы добиваемся, как правило, более значительных результатов.

Для установления такого общения необходимо, говоря вашим языком, создать нечто вроде телефона или телеграфа, построить между нами и вами своего рода мост из вибраций и пульсаций, состоящий из смешанной жизненной энергии покровителя и подопечного. Тут мне приходится использовать слова, которые мне не очень нравятся, но в вашем разуме я не могу найти ничего более подходящего, а потому — пусть всё остается, как есть. Приходится пользоваться такими словами, как «построить», «жизненная энергия» и так далее. Но примерно так и создается, и поддерживается симпатическая связь. Это как нервная система, соединяющая тело с мозгом; она всегда готова к действию и, если требуется активное вмешательство, немедленно передает необходимый сигнал. Всякий раз, когда подопечный обращается к своему далекому наставнику с мыслью или желанием, наставник слышит это и дает ответ наилучшим, по его мнению, способом.

Есть еще и третий метод, но он более сложен, нежели два предыдущих. Его можно назвать «универсальным»; и, хотя это определение весьма несовершенно, мы будем пользоваться именно им. В первом описанном нами случае поток мыслей, добираясь от Земли до сфер более или менее отдаленных, преобразуется и частично видоизменяется в каждой сфе-

ре, через которую проходит; это похоже на международную почту, не приходится только останавливаться в пути и менять лошадей. Во втором случае линия, непосредственно связывающая человека на Земле с его покровителем в одной из высших сфер, всегда открыта и всегда под напряжением — как у телефона.

Но третий способ не похож ни на один из них. Он основан на том, что каждый поступок и каждая мысль человека записывается на небесах; и тот, кто умеет читать эти записи, в любой момент может узнать обо всем. Эти записи существуют реально и вечно, но я не смогу объяснить вам, как они выглядят и как образуются. Даже в первых двух описаниях нам не хватало слов, а здесь слова и вовсе бессильны. Скажу только, что всякая мысль каждого человека воздействует на всю Вселенную. Назовите это «эфиром» или как-нибудь еще, но вещество, заполняющее эти сферы, настолько чувствительно, взаимосвязано и прочно, что, вздохни вы на одном конце Вселенной, и ваш вздох отразится на другом ее конце. Опять же, слово «конец» в данном случае не совсем верно, потому что в известном вам значении оно неточно передает мою мысль. Но то, что я с таким трудом пытаюсь передать вам, дабы вы хоть немного представили себе, какими чудесами богат наш мир, уже описал однажды Спаситель Христос, Который, будучи более мудрым, чем я, не стал давать этому явлению никакого названия, но просто изложил принцип его действия в следующих словах: «Ни один волос не может упасть с головы вашей, и ни один птенец не выпадет из гнезда своего, чтобы не узнал об этом Отец наш Небесный».

ГЛАВА V: Таинства причастия, брака и смерти.

Вторник, 4 декабря 1917 г.

Сегодня мы поговорим с вами о таинствах, принятых в христианстве, хорошо известных и очень важных для каждого, кто исповедует Христа своим Учителем. Причащение Его телом и кровью — одно из таких таинств, сопровождающее христианина всю его жизнь. У него много аспектов, касающихся как помощи, которую оно оказывает верующему, так и учения, которое оно в себе заключает; и мы хотели бы начать именно с него.

Сперва о его происхождении. Из имеющихся у вас писаний вы можете заключить, что они несут к вам через века лишь малую часть того учения, которое на самом деле за ними стоит. Самого беглого прочтения достаточно, чтобы понять это. И хотя эти писания в основных своих положениях согласуются друг с другом, но один вопрос — даже второстепенный — не описывается в них с совершенной ясностью. Вы должны знать, что этих писаний на самом деле гораздо больше, нежели известно вам на Земле. Просто многие из них были либо уничтожены, либо утеряны и ждут теперь часа, когда они снова станут известны человечеству. Но мы располагаем всеми текстами писаний и учимся по ним. На их основе мы и построим наш рассказ.

Учитель Иисус готовился к переходу из воплощенного состояния в развоплощенное. Зная это, Он собрал вокруг себя Двенадцать и установил меж ними Ритуал Воспоминания и Сопричастности, благодаря которому и они, и те, кто придет им на смену, могли бы время от времени приближаться к Нему, дабы приобщиться к той Жизни, источником которой Он является. Вспомните один из наших рассказов, в котором мы говорили о трех способах общения, и вы поймете, что пульсация идущего от Него к вам жизненного потока настолько интенсивна и чувствительна, что даже самое незначительное возмущение в системе этих вибраций, охватывающих, без какого-либо изменения своих свойств, огромные пространства, составляющие Его Царство, настолько живо и явственно отражается в Сердце и Источнике всей системы, что не может не вызывать незамедлительный отклик с Его стороны. В земной сфере нет ничего настолько же интенсивного и всеобъемлющего, чтобы мы могли пояснить свою мысль каким-нибудь понятным для вас примером. Всё, что мы можем сделать, это напомнить вам следующее: чем выше скорость потока каких-либо организованных частиц, тем заметнее нарушает их организацию и отклоняет от первоначального направления любое, даже небольшое внешнее воздействие.

Вот что мы хотели рассказать вам о потоке жизненной силы, исходящей от Отца, накапливающейся в Христе, видоизменяющейся в соответствии с его природой и излучаемой затем волнами во всех направлениях, до самых дальних пределов Его Царства. И влиять на это излучение можно осознанным жертвоприношением Хлеба и Вина, сопровождаемых словами молитвы в соответствии с установленным Им ритуалом Приобщения. Слова молитвы направляют на участвующие в ритуале предметы жизненный поток, что наполняет их Его Жизнью и превращает, как Он сам говорил, в Его Тело и Кровь. И та молитва, которой вы ныне пользуетесь, это не просто просьба, но согласие участников ритуала принять в себя Его Жизнь. Ибо без такого согласия люди не могут получить благословения. Согласие может быть молчаливым, ведь источником ответных пульсаций является дух, который устремляется вверх, навстречу льющемуся на Землю потоку Его Жизни, встречает этот поток Христа, подобно тем, кто пришел из Иерусалима, чтобы встретить Его, когда Он подъезжал к городу через гору Елеонскую, смешивается с ним и, подчиняясь его неодолимой силе, поворачивает назад, после чего уже оба потока, слитые воедино, нисходят на собравшихся, от которых исходил первоначальный молитвенный импульс.

Таким образом, благословение имеет тройственный эффект. Во-первых, устанавливается связь духа с Духом — духа молящихся с их Господом и Учителем. Во-вторых, обретает дополнительную силу и здоровье оболочка духа — душа. И, в-третьих, естественным результатом этих действий, направленных как от внешнего к внутреннему, так и от внутреннего к внешнему, является влияние внутренней жизненной силы в самую дальнюю оболочку — материальное тело.

Этот процесс мы могли бы назвать «оживлением», или «стимулированием», Тела Христа благодаря влиянию Его Жизни из Источника, или Центра, через промежуточные сферы, на дальние окраины.

У этого таинства есть и еще один аспект, о котором мы сейчас расскажем, но очень кратко, поскольку нет никакой необходимости рассказывать обо всех его значениях и во всех подробностях. Вы всё равно не поймете наших слов, а ваши слова нам в этом случае вряд ли помогут. Внутренний, сокровенный смысл таинства невозможно передать ни одним земным языком, но только тем, на котором говорят в сферах, далеких от вас — более возвышенных и более приближенных к Христу.

Как Он и говорил, две самых обычных на Земле вещи — Хлеб и Вино — действительно превращаются в Его Тело и Его Кровь и становятся таким образом частью Того, Кому принадлежат эти слова. Некоторые люди спрашивали, как же это могло быть в тот раз, когда они были произнесены впервые Им Самим, ведь тогда он еще жил на Земле в Теле из плоти. Они не знали, что каждый человек тоже оказывает влияние на окружающие его вещи и делают это всю свою жизнь — непрерывно, без конца.

Одежда, которую он носил, но затем снял, продолжает сохранять отпечаток его личности. Любая вещь, к которой он прикоснулся, каждый дом, в котором он жил, — все они сохраняют неизгладимый след присутствия ему качеств, след, который может затем обнаружить каждый, кто умеет распознавать такие следы.

Так же, как Он делился Своей оживляющей силой с больными и увечными в Иудее и Галилее, и как Он передавал Свою Жизнь Апостолам, вдохновляя их силой Своего Духа, так и на Хлеб и Вино Он направил поток Своей жизненной энергии, и они в действительности превратились в Его Тело и Его Кровь.

И так продолжается до сих пор. Ибо Он не стал бы предлагать столь великое на столь малый срок — пока не будет съедена освященная Им пища, а Тело Его — предано распятию. Нет, источником живой воды, воздействующим на Хлеб и Вино, на Апостолов и на множество других людей, является не Его материальное Тело, которым Он пользовался совсем недолго, после чего оставил, снял его с Себя, как снимают по возвращении домой не нужный более плащ. Это также и не духовное Тело, служившее чем-то вроде водопровода, по которому вода поступала из своего источника. Настоящим источником был и остается Сам Дух, Христос; и неважно, заключен ли Он в плотную оболочку или же нет. Для силы и власти ду-

ха наличие либо отсутствие оболочек не имеет практически никакого значения, поскольку отражается только на форме их проявления. Но проявленная вещь остается внутренне неизменной, какой бы вид она ни принимала.

Таким образом, мы можем с полным правом заявить, что Хлеб и Вино на их последней совместной трапезе по Его воле и желанию превратились во вместилище Его жизненной силы, а стало быть, — в Его Тело и Его Кровь. И хотя то, что Он уже давно покинул Свое материальное тело, не позволяет Ему с такой же легкостью повторять это снова, справедливо также и обратное: отсутствие такого дополнительного посредника, как физическая оболочка Христа, открывает возможности для установления непосредственной связи с Ним — Духом. Во всяком случае, отсутствие физического тела уж точно никак не препятствует исходящему от Него живительному потоку наполнять собою Хлеб и Вино, приготовленные для Обряда.

И когда распорядитель обряда — священник, заручившись согласием собравшихся, возлагает перед ними Тело и Кровь и молит о Жертве Того, Кто живет теперь необычайно возвышенной жизнью, он кладет при этом руку на грудь Господа своего и, стараясь разглядеть те Царства, в которых пребывают Ангелы (в том числе, и правящие Ангелы), и, может быть, лик Самого Отца, просит Его Сына о Любви к несчастному человечеству и о помощи ему, дабы люди смогли стать такими же прекрасными, как и Он Сам. И если этот Священник прост разумом и сердцем чист, как ребенок, он почувствует в Грудях под своею рукою тихое, но уверенное биение единого неутомимого Сердца всего нынешнего христианства и поймет: то, что он считал для себя непосильным (ибо слаб человек), теперь станет для него возможным, благодаря той энергии Жизни, которая приходит на помощь изнутри. И его молитва, обращенная к Отцу, обязательно достигнет сияющих сфер, где господствуют чистота, святость и покой, потому что Он непременно исполнит Свое обещание и присовокупит полный сострадания вздох Своего Сердца к мольбам человеческим, и будут они услышаны во имя Его.

Среда, 5 декабря 1917 г.

То, о чем мы вам рассказывали прошлой ночью, друг, касается преимущественно только одного таинства, хотя и самого важного среди всех прочих. Но теперь мы поведаем вам кое-что и о других, более скромных таинствах: о том, какими они представляются нам, и какую роль играют в жизни тех, кто признал Христа своим Наставником и Повелителем. Заметим, что слово «Таинство» мы используем не в узком, урезанном до предела, церковном понимании, но так, как оно звучит в наших Царствах, где мы можем наблюдать сам Первоисточник силы и жизненной энергии, поскольку стоим к нему несравнимо ближе.

Поговорим сперва о браке как о соединении творческих способностей двух человек. Люди привыкли считать разделение по половому признаку абсолютно естественным явлением и не сомневаются в том, что соединением мужчины и женщины достигается гармония между противоположными полами. Но такое разделение вовсе не является обязательным; люди могли быть и гермафродитами. Просто еще задолго до начала нынешней материальной вечности Сыновья Бога создавали идеальную, в своем представлении, форму и, посоветовавшись, решили, что одним из законов, которым они будут руководствоваться в дальнейшей работе, должно стать... даже не столько разделение расы на два пола, как это утверждает ваша философия, сколько введение пола в будущую эволюцию Бытия как одного из новых элементов на том непродолжительном этапе, когда Бытие входит в материю и приобретает форму. Индивидуальность возникла еще до того, как появилась форма. Но форма наделила индивидуальность неповторимыми, ей одной присущими характеристиками; и в результате дальнейшей эволюции конкретных форм появилась личность, нуждающаяся в восстановлении гармонии. Так новый элемент — пол — произвел личностное разделение, но он же и воссоздает единство, образуемое двумя людьми. Вместе мужчина и женщина составляют единый пол, как плоть и кровь составляют одно тело.

Насколько мы можем судить, это разделение, некогда предопределенное Вышестоящими, было продиктовано стремлением помочь человечеству лучше познать самое себя. Это

великая тайна; и даже здесь — в наших сферах — мы не можем похвастаться тем, что полностью владеем ею. Но мы знаем, что сотворение двух элементов — мужского и женского — было предпринято, чтобы человеческой расе легче было осознать то Единство, из которого она некогда вышла и в которое вернется, когда окончательно завершит поворот в сторону восхождения от материи к духу.

Два великих принципа, заключенных в Божественном Единении, были превращены в два различных типа существ, дабы их смогли постичь и изучить те, кто неспособен изучать их в Единстве. Когда мужчина думает о женщине, он тем самым изучает часть самого себя; и в точности то же самое можно сказать о женщине, которая думает о мужчине. В других эволюционных вечностях, предшествовавших нынешней вечности материи и формы, они были Едины и снова станут Едиными — в тех вечностях, которые последуют за нашей. Для того чтобы это сущностное единство, свойственное стоящим за нашими спинами мирам, смогло быть заново воссоздано в будущих мирах, необходимо, чтобы оба элемента сочетались в одном субъекте, составляющем структурную частицу всей расы. Потому-то и возник брак, ставший поворотной точкой в судьбе расы.

С того самого момента, когда в Сердце Изначального родился первый импульс движения, вылившегося в результате в череду эонов эволюции, основным принципом всего процесса развития был переход от однородности ко всё более усложняющемуся многообразию, приведший к возникновению принципов индивидуальности, личности и формы. И последним, крайним проявлением дифференциации стало формирование двух аспектов функции воспроизведения, именуемое вами «разделением по половому признаку». Это и есть высшая точка в развитии многообразия — как в принципе, так и в действии. Отсюда берет свое начало обратный импульс, замедляющий продвижение эволюции в сторону дифференциации; два разнополюх существа, снова слившиеся воедино, являются первым шагом к Единству Бытия, которое есть Бог.

Духовное и физическое соединение двух элементов рождает третий, объединяющий в себе оба элемента в одном лице. Господь Иисус был совершенным Сыном Человечества, и природа Его — в духовном плане — представляет собою смешение мужских и женских достоинств, пребывающих в гармоничном равенстве. Этот закон справедлив не только для души, но и для тела, ибо на груди своей каждый мужчина носит парные знаки былой женственности; а любой физиолог скажет вам, что подобные соответствия, указующие на некогда единую природу человечества, можно найти и в других частях тела. Благодаря этому слиянию двух существ в одно, столетия спустя, в иных, возвышенных мирах, ставший более совершенным человек достигнет абсолютно гармоничного Бытия. Человек поймет, что, подарив себя и свою любовь другому, позабыв о себе, он научится наконец по-настоящему любить себя самого; что отказавшись от удовлетворения собственной личности, он даст себе больше, чем когда бы то ни было раньше. И чем сильнее он будет презирать собственную жизнь, тем больше жизни ему будет дано в светлых и вечных сферах. Вы знаете, Кто учил этому, и знаете, что сказанное Им — отнюдь не курьез и не какое-нибудь непроверенное предположение. И вы и мы беспрестанно усваиваем этот великий урок; и до полного его постижения и вам и нам еще далеко. Но Он его уже постиг.

Четверг, 6 декабря 1917 г.

Всё, что мы до сих пор диктовали вам, друг, представляет собою очень краткое, практически лишенное каких-либо подробностей изложение. У нас нет возможности передать вам в полном объеме даже то, что мы в состоянии передать, ибо, в противном случае, наши рассказы оказались бы перегруженными непривычной для вашего восприятия информацией, а вы сами лишились бы возможности активизировать свое воображение, стараясь самостоятельно проникнуть в подлинный смысл вещей. Мы даем вам достаточно зерна для того, чтобы вы могли испечь себе пирог. И если вам по вкусу наше угощение, то, параллельно с нашим, начинайте выращивать собственное зерно; сами обмолачивайте его, сами мелите, сами месите тесто, ибо человек более всего ценит плоды собственного труда. Так вы сможете принести

больше пользы и самому себе, и тем, кто будет затем читать написанное вами. Точно так же мы намерены поступать и в дальнейшем.

Когда мы говорили о браке как о поворотной точке эволюционного цикла Бытия, мы рассматривали его в общем и целом, не вдаваясь в детали.

Теперь же мы намерены более подробно рассказать вам о главном предназначении брака — воссоединении человеческой единицы, пусть даже с преобладанием мужского или женского элемента.

Эта человеческая единица рождается, как вы сами сможете заметить, из четырех элементов. Это мужской и женский элементы, заключенные в мужчине, и опять же — мужской и женский элементы, заключенные в женщине. Только у отца преобладает мужественность, а у матери — женственность. Объединение всех этих четырех элементов (или скорее — четырех аспектов одного элемента, а еще вернее — двух аспектов и двух под-аспектов одного и того же) в одном потомке влечет за собою, во-первых, их умножение, а во-вторых, их воссоединение, которое может произойти в какой угодно пропорции, чтобы снова явить в вашем мире внутренний принцип пола в форме нового человека — мужчины или женщины.

Такое дитя прошедших вечностей начинает жить собственной жизнью в ожидании будущих вечностей, которые снова всё изменят.

Сэр, скажите, о каком из таинств вы расскажете в следующий раз?

О таинстве смерти, друг, как это ни удивительно для вас. И чем бы была наша жизнь, если бы в ней не было сюрпризов, ибо они, как смена времени года, призваны подчеркнуть тот факт, что инертность не способствует прогрессу. А прогресс является величайшей целью Божественной Вселенной.

Вряд ли бы вы назвали смерть священным таинством. Но для нас и рождение и смерть — настоящие таинства. И если брак называется так по праву, то ведь рождение это естественное следствие брака, а смерть — естественное следствие рождения.

В момент рождения дитя выходит из темноты на солнечный свет. А в момент смерти дитя рождается для еще более яркого света Божьих Небес — не больше и не меньше. При рождении ребенок освобождается в Царстве Божьем; при крещении — допускается в Царство Божьего Сына; смерть же освобождает его от привязанности к тем сферам, в которых он обучился служению, пока жил в земной области этого царства.

В рождении он становится человеком. В крещении — осознает себя человеком, отдавая себя на служение под знаменем своего Царя. А в смерти — переходит к еще более масштабному служению: те, кто служил хорошо, становятся надежными, проверенными солдатами; те, кто служил еще лучше, — офицерами; а те, кто превзошел всех в служении, — Правящими Ангелами.

Смерть, следовательно, ничего не прекращает, но, напротив, развивает ранее начатое; и коль скоро она отделяет земную стадию жизни от жизни в сферах, смерть священна, ибо она освящает зону перехода, в которой предыдущий этап смешивается с последующим. Поэтому смерть для нас — таинство (в нашем понимании этого слова).

Как видите, мы сказали вам кое-что и о крещении, и если мы не останавливаемся на этой теме подробно, то, поверьте, вовсе не потому, что мы не осознаем всей важности этого таинства для дальнейшего служения Христу, но только потому, что нам нужно сообщить вам и о многих других, столь же важных вещах, последовательность изложения которых нам не следует нарушать во избежание путаницы.

Итак, еще несколько слов о таинстве смерти.

Когда для человека приближается решающий час перехода из одной сферы в другую, в нем происходит консолидация определенного рода элементов, созданных и собранных за время жизни на Земле. Это накопленные частицы приобретенного им опыта: его надежды, мотивы, стремления, любовь и прочие переживания, действительно важные для человека. Эти частицы распылены во всем его теле и к тому же окружают его со всех сторон. По мере приближения решающего часа, все эти частицы собираются вместе, формируя человеческую душу; потом эта душа будет осторожно отделена от своей материальной оболочки и обретет

свободу, как тело человека, предназначенное для следующей стадии эволюции в Божьих Небесах.

Но смерть иногда приходит неожиданно и преждевременно, когда душа еще не настолько сформировалась, чтобы быть полностью здоровой и достаточно сильной для того, чтобы двигаться дальше. Тогда ей необходима отсрочка для того, чтобы извлечь все необходимые для нее элементы из материального тела и создать из них полноценное духовное тело. Только после этого душа сможет продолжить свое восхождение. Пока же это не произошло, человек не может окончательно родиться в духе. Это похоже на преждевременные роды на Земле, когда ребенок появляется на свет слабым, но постепенно выздоравливает, по мере накопления тех сил, которые он недополучил, пока был в материнской утробе.

Итак, мы говорим, что смерть это таинство, и святость ее не вызывает у нас сомнений. Но некоторые представители вашей расы — кстати, их гораздо больше, чем вы думаете, — смогли сбросить свои земные тела и без этого постепенного распада, что, впрочем, равносильно смерти в глазах людей, так как в обоих случаях действительно происходят идентичные процессы. А для того чтобы смерть и у других людей вызывала должное уважение, Тот, Кто является Властелином Жизни, сам решил пройти этот путь от земной жизни к жизни вечной, и этой смертью Своей показал, что, невзирая на различие оценок, которые люди дают такому явлению, как смерть, она является неизбежным событием в жизни человечества, закономерным этапом его восхождения к истокам Реки Жизни, изливающейся из Сердца Бога.

ГЛАВА VI: Рожденные для жизни в духе.

Пятница, 7 декабря 1917 г.

Из мрака, окружающего земную сферу, из того самого мрака, сквозь который приходится пробиваться обитателям светлых Царств, когда они хотя бы приблизиться к Земле, непрекращающимся потоком выходят люди, сумевшие проникнуть сквозь Завесу Противоречий в наши озаренные вечным светом солнца долины, где господствует покой, который вряд ли возможно обрести в вашем мире. Разумеется, мы говорим не о тех, кто так и не смог осознать свое высокое предназначение, но о тех, кто, стараясь постичь истинный смысл Бытия и определить свое место в нем, сверял свой земной путь по компасу Его Любви. Эти люди знали и верили, что над туманом и над всеми его миражами сияет солнце Праведности, Справедливости и Любви. Таким образом, они приходят сюда уже немного подготовленными к тому, что казавшееся маловероятным на самом деле — истина, и с верою в тех, кто помогал им, направлял их шаги, не позволял слишком далеко отклониться от избранного пути в их паломничестве к Небесному Городу.

Так обычно и бывает. Однако почти все или даже абсолютно все поначалу смотрят на эту невероятную красоту и непревзойденное спокойствие широко открытыми от удивления глазами, так как воображение земного человека рисует в привычном ему чередовании света и тени лишь жалкое подобие оригинала, неспособное даже приблизительно передать истинное богатство жизни.

Да, я охотно верю всему этому, Наставник... (Катлин сказала мне, что вас называют именно так). Но не могли бы вы привести мне какой-нибудь индивидуальный случай.

Примеров так много, что выбрать сложно. Попробуем рассказать вам об одном недавнем происшествии. Сейчас наша группа не встречает новоприбывших в пограничной полосе и не провожает к подходящим для них местам будущего обитания; на данном этапе это не входит в наши обязанности. Но мы находимся в постоянном контакте с теми, кто выполняет эту работу, и потому их опыт становится также и нашим опытом. Так вот, совсем недавно на нашу сторону перешел молодой человек: он прошел через Стену и лег на траву у обочины дороги.

Не могли бы вы объяснить, что это за Стена, о которой вы говорите?

В вашем материальном мире стены возводятся, скажем, из кирпича или из камня. Но камни, из которых сложена стена, не являются цельными — вещество, их составляющее, не является абсолютно плотным. Каждая частичка составляющего камень вещества пребывает в движении, в чем не так давно убедилась ваша наука. Но частички эти состоят из движения более плотного, нежели эфир (как вы называете среду, в которой они движутся). Движение есть производное воли, а волею может обладать только личность. Воспроизведем эту цепочку в обратном порядке и получим следующее: некая личность или группа личностей концентрирует свою волю на эфире, заставляя его вибрировать; и в результате этой вибрации образуются частицы. Эти частицы, вследствие воздействия воли других групп (или иерархий, если хотите), сгущаются, превращаясь в более или менее плотные образования, например — воду, или дерево, или камень. Следовательно, любая материя это прежде всего внешнее проявление какой-либо личности; а различия в структуре и плотности материи объясняются индивидуальными характеристиками стоящих за нею личностей, действующих по-отдельности или группами. Постоянное напряжение силы воли личностей и групп создает проявления, присущие тому классу, к которому эти личности принадлежат. Эти процессы основаны на том же самом законе, действие которого мы описывали, когда подробно рассказывали о способах сообщения между духовными царствами и вашим материальным миром.

Стена, о которой говорим мы, создается и удерживается силой воли тех, кто живет и действует в сфере Земли. Их волевые потоки сталкиваются с волей обитателей стоящих выше по отношению к Земле сфер и, будучи отброшенными назад в результате этого столкновения, конденсируются, уплотняются и превращаются в Стену, вполне осязаемую и плотную для нас, чья природа более утончена и чувствительна, но для вас — воплощенных в грубых материальных телах — воспринимаемую лишь как непроницаемо плотное ментальное состояние, которое вы характеризуете как «непреодолимое неведение», или «духовную тьму», или как-нибудь еще в этом роде.

Когда мы говорим, что Стена создана волею жителей Земли, это не метафора, но буквальное описание творческих способностей духа. Любой дух — творец, а вы — живущие во плоти — тоже духи, и в каждом из вас, как и в нас самих, сосредоточен Вселенский Дух. Следовательно, это облако тумана, знаменующее Границу между вашим и нашим мирами, тоже имеет духовное происхождение, хоть и противостоит воздействующему на него духовному потоку из высших Царств, удерживаемому его постоянно на одном и том же месте. Природа обоих волевых потоков — одинакова; разница состоит лишь в том, что принадлежат они к разным уровням. Облако обозначает место встречи высшего и низшего; и по мере того как интенсивность одного либо другого потока ослабевает или, наоборот, усиливается, облако может подниматься чуть выше или опускаться чуть ниже, к Земле. Но в целом его местоположение неизменно и никогда не отклоняется слишком далеко от своего среднего уровня.

Своим вопросом, друг, вы задали нам нелегкую задачу. Нам предстоит земными словами рассказать о том, к чему еще не приблизилась ваша наука (в общепринятом для вас ныне смысле этого понятия). Когда-нибудь ваша наука подойдет ближе к нашим рубежам, и тогда, возможно, кто-то из вас сможет изложить то, что мы сейчас с таким трудом пытаемся передать вам более привычным для вас языком и более точными словами.

Кажется, мне понятна ваша мысль. И я заранее благодарю вас за попытку, каков бы ни был результат.

Итак, они нашли его лежащим на траве недалеко от ворот, сквозь которые он вошел, ведомый своими провожатыми. Вскоре он открыл глаза и начал удивленно осматриваться; а когда немного привык к доселе неведомому свету, увидел тех, кто пришел за ним, чтобы сопроводить на втором этапе путешествия к его новому дому.

Его первый вопрос был немного неожиданным. Он спросил: «А где мой ранец? Я его, кажется потерял?»

И тот, кто возглавлял встречающих, ответил: «Да, мой мальчик, боюсь, что это так. Но мы можем дать тебе другой — еще лучше».

Парень собрался было сказать что-то еще, но тут обратил внимание на окружающий ландшафт и воскликнул: «Но как я здесь оказался? Я что-то не помню этого места. Там, где меня ранили, всё было по-другому». Тут его глаза изумленно расширились, и он шепотом спросил: «Скажите, сэр, я что, умер?»

«Так и есть, мой мальчик, — последовал ответ, — умер. Немногим удается понять это так скоро. Мы всё время наблюдали за тобой: видели, как ты рос, как отправился на службу, как был в учебном лагере, как воевал и как был смертельно ранен. И мы знаем, что ты всегда старался делать то, что считал правильным. Конечно, это не всегда удавалось, но в целом ты шел возвышенным путем. А теперь мы покажем тебе твой дом».

Некоторое время он молчал, а потом сказал:

«Могу я задать вопрос, если это не противоречит правилам?»

«Конечно, спрашивай; мы для того и пришли сюда, чтобы ответить на твои вопросы».

«Тогда скажите, сэр, не вы ли пришли ко мне однажды ночью, когда я стоял в карауле, и заговорили со мной о смерти?»

«Нет, это был не я и вообще никто из присутствующих. Того, кто говорил с тобой, ты встретишь немного дальше по дороге. И если у тебя достаточно сил, мы готовы отвести тебя к нему. Встань и проверь, можешь ли ты ходить».

Он быстро поднялся и встал «смирно» по старой привычке, а наставник улыбнулся и сказал:

«Дорогой мой мальчик, это уже в прошлом. Здесь дисциплина это не совсем то, к чему ты успел привыкнуть. Считай нас своими друзьями и следуй за нами. Насчет приказаний не беспокойся, они еще будут, и тебе придется их выполнять, но это — потто. Когда придет время, ты будешь получать приказания от существ гораздо более совершенных, чем мы, и подчиняться им ты будешь не из страха перед взысканием, а из любви».

«Спасибо, сэр», — просто ответил он и пошел за ними. Он шел, не говоря ни слова, погруженный в размышления о том, что услышал, и не переставая удивляться красотам и необычности своего нового мира.

Дорога вела вверх, вокруг скального выступа, по другую сторону которого путники увидел небольшую рощу из высоких и красивых деревьев. По обочинам дороги росли цветы, в зеленых и золотистых кронах пели птицы. А рядом, на вершине холма, сидел еще один молодой человек; увидев путников, он поднялся и направился им навстречу.

Спустившись с холма, он сразу же подошел к молодому солдату, обнял его рукою за плечи, и так они пошли бок о бок, не говоря ни слова. Остальные тоже молчали.

Вдруг молодой солдат остановился и, сняв с плеча руку своего спутника, внимательно посмотрел на него. Улыбка разлилась по его лицу, он крепко сжал обе ладони новоявленного попутчика в своих руках и сказал:

«Чарли, вот уж не ожидал! Значит, ты всё-таки не выкарабкался».

«Нет, Джек, и слава Богу. В ту же ночь я помер, а потом *они* позволили мне вернуться и быть рядом с тобой. Я пробыл с тобой довольно долго, всё старался как-то тебя поддержать. Но однажды *они* сказали мне, что скоро ты тоже окажешься здесь. И я подумал, ты должен узнать. Я помнил, что ты говорил мне тогда, когда затаскивал мен назад, в окопы, после того как меня зацепило в шею. Но мне пришлось ждать, пока ты успокоишься и останешься один. Тогда уж я сделал всё, что мог. И *они* сказали мне потом, что ты должен был меня видеть и даже слышать кое-что из того, что я говорил тебе о переходе в наш мир».

«Ты уже говоришь — „в наш мир“, а не „в мир иной“».

«Это ты точно подметил, старина. Зато теперь я наконец смогу поблагодарить тебя за то, что ты тогда пытался сделать для моего спасения».

И оба пошли вперед, предоставив остальным не спеша плестись следом за ними. Они просто шли и вели обычный, нехитрый разговор, и оба были рады тому, что им снова довелось встретиться и что их дружба продолжится даже после смерти.

Мы решили привести в пример именно этот случай, поскольку он иллюстрирует несколько важных закономерностей, которые можно сформулировать следую-

щим образом: ни одно ваше деяние не остается незамеченным в высших сферах. И если кто-то совершает добрый поступок, здесь его непременно отблагодарят за это те, кому он сделал добро.

Те, кто приходит сюда, долгое время сохраняют свою прежнюю речь и земные привычки. Многих из вас наверняка повергли бы в ужас те крепкие словечки, которые иногда позволяют себе возвышенные и светлые духи, когда впервые встречают своих недавно покинувших Землю друзей. Это касается прежде всего солдат, прошедших войну, и, в частности, тех двоих, о которых мы только что рассказали.

Приобретаемый здесь статус целиком и полностью зависит от подлинных достоинств человека; ни общественное положение на Земле, ни земное образование никоим образом на него не влияют. Из этих двух тот, что пришел сюда первым, был до призыва в армию рабочим, происходил из небогатой семьи. Второй — имел весьма состоятельных, в земном понимании, родителей и несколько лет проработал клерком, готовясь занять ответственный пост на предприятии своего дяди. Но их происхождение мало что значило, когда один вытаскивал другого — раненого — из вражеской траншеи. Здесь же оно вовсе ничего не значит.

Друзья довольно часто встречаются здесь, чтобы продолжить свой путь наверх вместе. Ибо тех, кто добросовестно выполнял свой долг на Земле, здесь ждет неизменно радушный прием. Их ждут прекрасные мирные долины, куда не долетают отзвуки войны, где нет ни боли, ни ран, ни смертей. Ибо здесь — Обитель Мира, где усталый путник может найти убежище, свободное от земных невзгод, но зато наполненное бесчисленными радостями жизни.

Понедельник, 10 декабря 1917 г.

Случаи, подобные тому, о котором мы рассказали вам в прошлый раз, — не редкость в этих царствах, хотя вам, возможно, покажутся странными разговоры и воспоминания о земных баталиях в этой обители мира и покоя. Но именно из таких непримечательных происшествий сплетается нить жизни, а здесь — повсюду жизнь, настоящая жизнь. Эти два друга — не единственные, кто встретился здесь снова и возобновил дружеские отношения, сложившиеся в суете и хлопотах земной жизни.

А сейчас позвольте нам продолжить разговор на ту же самую тему и рассказать еще об одной встрече, дабы содействовать просветлению живущих внизу. Мы попытаемся хоть немного рассеять туман, отделяющий наш мир от вашего и слишком плотный для того, чтобы нынешние обитатели Земли могли видеть сквозь него. Так будет не всегда, но пока люди не обретут более острое зрение, мы должны стараться помочь им если не увидеть, то понять, используя для этого иные способы.

Во второй от Земли сфере есть дом, куда поступают новоприбывшие и где они ждут решения своей участи. Из этого Дома они расходятся потом, каждый со своим проводником, по тем сферам и областям, где им удобнее всего будет постигать основы небесной жизни. Это место интересно посещать, поскольку там можно встретить людей с самыми разнообразными характерами, в том числе и таких, кто, хотя и в целом неплохо справился с испытаниями, которые предложила ему земная жизнь, всё-таки колеблется и сомневается в тех или иных вещах, что затрудняет выбор подходящей для него сферы. Отметим, что происходит это вовсе не потому, что работникам этой сферы недостает опыта или мастерства, но потому лишь, что новоприбывшего нежелательно отправлять в дорогу до тех пор, пока он как следует не поймет самого себя, не осознает в полной мере свои недостатки и достоинства и всесторонне не изучит собственный характер. В этом Доме у него есть возможность отдохнуть в компании близких по духу людей, дабы частично освободиться от напряжения и беспокойств недавно завершённой земной жизни и спокойно подумать, критически и непредвзято оценивая свои и чужие мысли, слова и поступки.

Один из нашей группы побывал недавно в этом Доме и нашел там человека, который уже достиг такого умиротворенного состояния. На Земле он был священнослужителем и знал кое-что о «психических явлениях» (как бы вы это назвали), в том числе — о возможности общения между мирами (подобного нашему). Но он не относился к этому знанию серь-

езно, даже не решался высказывать вслух то, что в сердце своем считал истинным и справедливым. И он поступил так, как поступают многие: не стал забивать себе голову высокими материями; он знал много других способов помочь ближним своим, а духовное знание решил отложить до лучших времен, когда оно станет более распространенным и получит более широкое признание, — тогда он смог бы стать одним из первых его пропагандистов.

Но когда к нему пришли люди и спросили, можно ли им поговорить с усопшими близкими, и если «да», то одобряет ли такое общение Бог, он напомнил им об их вере в Святое Причастие, но всё же призвал их быть терпеливыми и подождать, пока Церковь всесторонне изучит эту проблему и вынесет свой вердикт для истинно верующих.

Но пока он ждал, срок его земной жизни вышел, и он был приведен сюда, в этот Дом, чтобы отдохнуть и поразмыслить о своем отношении к различным аспектам своей земной профессии и о том, как он использовал предоставлявшиеся ему в разное время возможности.

И вот наша коллега — назовем ее Наиной — пришла к тому Дому и увидела, что человек этот гуляет в лесу. Он шел по тропинке, выложенной дерном, среди прекрасной листвы и цветов всевозможных оттенков. Свет и тень рисовали вокруг причудливые узоры, но, погруженный в размышления, он ничего этого не замечал. Похоже было, что он намеренно выбрал для прогулки безлюдное место, чтобы остаться наедине со своими мыслями.

Наина приблизилась и встала перед ним. Увидев ее, он поклонился и собрался было пойти дальше, но она окликнула его.

«Друг мой, — сказала она, — меня прислали к тебе. Нам надо поговорить».

«Кто послал тебя ко мне?» — спросил он.

«Ангел, который отвечает перед нашим Учителем за все поступки, совершенные тобою в земной жизни», — ответила она.

«Но почему ему приходится за меня отвечать? — спросил он снова. — Ведь каждый должен сам отвечать за свои поступки, не так ли?»

И она ответила: «Ты прав. Но, к сожалению, мы здесь хорошо знаем, что не всё так просто, поскольку всё, что ты делаешь или не делаешь, касается не только тебя одного. Тот, кто за тебя в ответе, много раз пытался прийти к тебе на помощь и кое в чем преуспел, но не во всем. И сейчас, когда срок твоей земной жизни истек, ему предстоит подвести итог и отчитаться за свою помощь тебе — рассказать обо всех своих успехах и неудачах».

«Мне это представляется не очень справедливым, — сказал человек, — я не думаю, что кто-то должен страдать из-за чужих ошибок».

«Но ведь ты именно этому учил людей на Земле, — сказала Наина, — вспомни, как ты объяснял им суть подвига на Голгофе. Не всё из того, что ты говорил, было верно, но кое в чем ты был прав. Разве нас не радует чужая радость? Так можем ли мы говорить, что чужие неприятности нас не касаются? Твой Ангел и сейчас продолжает сопереживать тебе: глядя на тебя, он радуется, и печалится».

«Отчего же?»

«Он радуется тому, что ты сделал много хорошего и был милосерден; тому, что сердце твое преисполнено любви к Богу и человеку. А огорчает его то, что ты не всегда поступал так, как учил, когда говорил о Распятии. Потому что не хотел, чтобы над тобой смеялись, боялся людского неодобрения, ставил мирскую похвалу выше похвалы Господа и надеялся, что когда-нибудь, когда тьма начнет рассеиваться, уступая дорогу рассвету, тебе без особого труда удастся стать проповедником света и получить за это положенную награду. Но, не имея перед собою конкретной цели, ты, по слабости своей и недостатку сил противостоять осуждению и отчужденности окружающих, не заметил того, что в тот благоприятный час, которого ты ждал, твоя помощь была бы уже не нужна, ибо битва уже была бы выиграна другими — более решительными людьми. В этой битве ты был простым наблюдателем: ты стоял в стороне, в безопасном месте, и смотрел, как сражаются другие, как они наносят и выносят тяжкие удары, и как они падают на поле боя, не желая отречься от своей цели перед лицом тех, кто им противостоит».

«Но для чего ты рассказываешь мне об этом? — прервал он ее. — Зачем ты вообще сюда пришла?»

«Это он прислал меня, — сказала она, — он сам хотел бы прийти к тебе, но не может этого сделать, пока ты ясно не увидишь перед собой цель и пока не дашь правильную и точную оценку всем тем действительно значимым элементам, которые составляют твою земную жизнь».

«Кажется, я начинаю понимать тебя. Благодарю. До сих пор я был будто в тумане. Я и пришел сюда затем, чтобы остаться одному и во всем разобраться. И твои слова мне очень помогли. Но ты поможешь мне еще больше, если подскажешь, с чего мне начать».

«Для того я сюда и пришла. В этом моя главная цель. Я должна была сначала испытать тебя, заставить тебя заглянуть в свою душу, а потом — передать тебе послание, но только в том случае, если бы ты изъявил желание стать лучше, чем был. Ты только что изъявил такое желание, хотя и не от всего сердца. Слушай же, что велел передать тебе твой Ангел-хранитель, ожидающий, когда ты станешь еще чуть-чуть совершеннее, чтобы повести тебя за собой дальше. Он просит тебя поселиться в одном из домов Первой Сферы; я покажу тебе этот дом. Оттуда ты будешь время от времени спускаться к земному уровню, чтобы помогать тем, кто находится в темных сферах, словами одобрения и утешения, дабы они смогли приблизиться к свету и миру Его Присутствия. Ты также сможешь помочь живущим на Земле людям общаться со своими друзьями, перешедшими в наши святые сферы. Даже среди твоей бывшей паствы есть люди, пытающиеся возложить на себя эту миссию ради утешения скорбящих и ради того удовольствия, которое дарит общение с милыми сердцу людьми, перешедшими в высшие миры. Они и у тебя икали в этом поддержки, но тебе не хватало смелости помочь им. Так пойди же и помоги им сейчас; и, если тебе удастся дать им понять, кто ты, возьми назад свои слова, а взамен скажи им то, что не решился сказать раньше. Конечно, тебе будет немного стыдно, но зато они будут рады и отнесутся к тебе с доверием, ибо они уже ощутили аромат любви, исходящий из Царств, гораздо более высоких и светлых, нежели то, в котором ты остановился на отдых. Однако выбор за тобой. Ты волен пойти или остаться; сделай так, как велит тебе сердце».

Он долго стоял, опустив голову, и молчал. Наина ждала. В это время он вел напряженную борьбу с самим собой, и от исхода этой борьбы зависело многое. Но он так и не смог принять решения, сказав только, что подумает, взвесит все «за» и «против» и тогда решит окончательно. *Его старые недостатки — страх и нерешительность — похоже, накрепко приклеились к нему, не позволяя свободно идти вперед, даже когда он сам хотел этого.* Наина вернулась в свою сферу, но так и не принесла с собою радостного согласия, за которым спускалась вниз.

А что же тот человек; какое решение он принял?

Когда я в последний раз слышал о нем, он всё еще раздумывал. Ведь эта история произошла совсем недавно и до сих пор не окончена. Закончится она лишь тогда, когда он по собственной воле сделает то, что должен сделать. Среди тех, кто собирается у вас, есть немало таких же, как он, или очень похожих на него.

Говоря о наших собраниях, вы имеете в виду Таинство Святого Причастия у нас в церкви или мои сеансы?

А что если мы скажем, что между ними нет принципиальной разницы? Разумеется, по вашим земным меркам разница огромна. Но мы здесь мыслим не земными понятиями. И те, кто приходят к Причастию, и те, кто посещает ваши сеансы, стремятся к одному и тому же — общению с нами и с нашим Учителем Христом. А это как раз то, что нам нужно.

Но вернемся к нашему священнику. Вам не дает покоя мысль, почему с такой ответственной миссией, как обсуждение и анализ прожитой человеком жизни, и к тому же — к служителю культа, была послана именно женщина. Попробуем ответить на ваш незаданный вопрос.

На самом деле всё очень просто. В молодости у него была младшая сестра; ей было всего несколько лет отроду, когда она умерла; а сам он благополучно вырос и стал взрослым. Та женщина как раз и была его сестрой. Он очень любил малышку; и если бы он прислушался к своей высшей природе, то, несомненно, узнал бы ее, несмотря на то что перед ним была уже красивая, зрелая женщина. Но его глаза оказались слабыми, а взор был затуманен, и его сестра так и осталась неузнанной.

Вообще-то, мы все здесь как одна семья; и все радости, и горести у нас общие. Мы все должны испить свою чашу до дна, как сделал это Тот, Чьей чашей стали грехи мира, и любовь к нему — горе пополам с радостью.

Вторник, 11 декабря 1917 г.

Когда мы спускаемся к вам для очередной беседы, нас связывает со сферой нашего «естественного обитания» своего рода «линия жизни», если это можно так назвать. Нам пришлось немало потрудиться над ее созданием, но она безусловно стóит затраченных на нее трудов. Когда мы спускались сюда в первый раз, нам поневоле приходилось быть очень осторожными. Мы шли неспеша, делая остановку в каждой сфере, поскольку должны были приспособливаться к уровню развития духа, присущему тому миру, через который пролегал наш путь.

Это путешествие — вниз и вверх — нам приходилось проделывать довольно часто; и с каждым разом нам всё легче было перестраивать свои тела, а значит, и с уровня на уровень мы с каждым разом переходили всё быстрее. И вот теперь мы спускаемся к вам почти с такой же легкостью, с какой перемещаемся с места на место в пределах своей собственной сферы. Так что и путешествием мы это уже не считаем, поскольку для перемещения нам теперь достаточно только одного волевого усилия, вместо серии рывков из сферы в сферу, как это бывало раньше. Подобное стало возможным благодаря той самой линии жизни, о которой мы вам говорили. С ее помощью мы в любое время можем спуститься к вам и подняться затем обратно.

Не могли бы вы сказать мне, в какой сфере вы обычно живете?

Согласно известной вам классификации Забдиэля, наша сфера — Десятая. Он уже кое-что рассказывал вам о ней. Немногие, да и не часто, спускаются к Земле из сфер высшего порядка. Хотя у них есть такая возможность; и такие визиты неоднократно имели место, если рассматривать временной период, охватывающий много земных столетий. Но подобное случалось только тогда, когда от них требовалось решение поистине грандиозных задач — слишком грандиозных для того, чтобы в качестве посланников можно было использовать нас — жителей Десятой Сферы, не говоря уже о сферах, расположенных ниже нашей. Одним из таких Великих был Гавриил, стоящий в Присутствии Бога и всегда готовый исполнить любое Его повеление, касающееся Небесных Царств — как ближних, так и дальних. Но и он не так уж часто спускался в околоземные сферы.

Небесная мудрость требует, чтобы мы время от времени приходили к вам; но точно так же и к нам периодически приходят обитатели высших сфер; причем, примерно с той же самой целью: обладатели более яркого света и славы должны делиться ими с обитателями менее светлых миров, приобщая их к своей славе и благословию великого служения и к знанию Изначального, недостижимого пока даже для нас несмотря на то, что все мы движемся к нему, переходя из сферы в сферу, осваивая всё более возвышенные миры.

Таким образом, нам — как и некоторым из вас, кто в состоянии воспринять этот дар — в некоторой степени открыто будущее. И потому те Царства Отца нашего, к которым мы неуклонно восходим, нельзя назвать абсолютно чуждыми для нас. Как это иногда бывает и с вами, нам тоже позволяют время от времени ненадолго подниматься к мирам высшей славы, чтобы по возвращении, рассказывать своим собратьям о том, как живут наши братья в этих более напряженных, возвышающихся над нами сферах.

Таким образом, Царство Божие — едино; и то, что делается у вас, в низших сферах, с равным успехом применяется и в сферах высших. И как те из вас, кто, принимая свет, кото-

рый мы вам несем, с надеждой смотрят в будущую жизнь, так и мы, достигнув того блаженного состояния, в котором ныне пребываем, надеемся достичь еще более высокого уровня, когда Божьей Милостью и собственными настойчивыми усилиями обогатим себя теми качествами, которые необходимы для нового восхождения.

Вот тогда-то нам и пригодятся знания о жизни в высших царствах, обитатели которых настолько близки к Христу, что напоминают и лицом, и фигурой Его Самого.

По этим сферам — божественным и величественным в своей молчаливой силе — Христос передвигается свободно, тогда как в наш мир Он приходит в уже известной вам Форме Присутствия. Но и в этой Форме Он прекрасен, в чем я сам убедился. И коль скоро это так, то какими же, на самом деле должны быть Его солнцеподобные глаза, и какой облик должен скрываться под Его оболочкой, призванной уберечь от слишком яркого света тех, кто не так совершенен, как Он, ведь иначе блеск Его Присутствия мог бы ослепить их.

Значит, вы видели Его, Наставник?

В Форме Присутствия — да; но не в Его первозданной красоте, как я уже говорил.

И как часто?

Неоднократно, в сферах такое возможно. Однако Он может проникать и к самой Земле, и нередко делает это; но так Его могут видеть только дети, или те, кто остался в душе ребенком, или же те, кто пребывает в печали и отчаянно нуждается в Его утешении.

ГЛАВА VII: Нисхождение и вознесение Христа.

Среда, 12 декабря 1917 г.

Вы не должны думать, будто мы находимся где-то далеко от вас. Мы совсем рядом. Вам кажется, что поблизости может находиться только Катлин, потому что она общается непосредственно с вами, а раз мы диктуем вам через нее, то и быть мы должны неизмеримо дальше. Но это не так. Коль скоро мы изыскали возможность нисходить к вам, в земную сферу, перестраивая свой организм, то уж приблизиться к вам нам не составляет никакого труда. В вашей сфере, как и в других, более высоких, тоже встречаются различные состояния сознания. Например, нам было бы очень сложно (или даже вовсе невозможно) приблизиться к человеку, едва возвышающемуся по уровню своего духовного развития над животным. Но тем, кто сам ищет сближения с нами, мы готовы протянуть руку и встретить их в наивысшей точке, которую они в состоянии достичь. Точно так же обстоит дело и с вами. Надеемся, друг, это хоть немного успокоит ваш разум?

Вы правы, я действительно думал так, как вы сказали. Позволено мне будет задать вам несколько вопросов?

Разумеется, друг, но вы, кажется, слишком торопитесь в погоне за знанием. Задайте пока один вопрос, а потом, если будет время, мы попробуем ответить и на остальные.

Благодарю вас. Я хотел спросить о Нисхождении Христа: когда Он спускался вниз из Дома Своего, чтобы родиться во плоти, Ему, видимо, тоже приходилось приспосабливаться к различным сферам по мере их прохождения, пока Он не достиг сферы Земли. А поскольку Его возвышенный мир находится далеко от Земли, то и нисхождение это, по всей вероятности, было очень долгим, не так ли?

Насколько нам известно, друг, Христос присутствовал в земной сфере до того, как она приобрела форму (то есть когда она была еще нематериальна). Когда же появилась материя, Он стал Духом-Наставником, через посредство которого Отец придавал упорядоченный вид материальной Вселенной (в вашем понимании этого термина). Но, хотя Христос никуда не уходил, Сам Он остался бесформенным, то есть принял не материальную форму, но духовную, тогда как Вселенная стремилась ко внешнему проявлению, то есть к материализации. Таким образом, Христос стоял за всеми феноменами, и длившийся веками процесс преобразования материального хаоса в Космос проходил через Него. Подобное было бы невозмож-

ным, если бы не некая динамическая сущность, неподвластная хаосу и воздействующая на него извне — сверху вниз. Ибо порядок не может сам по себе возникнуть из беспорядка; для этого необходимо добавить некий действующий ингредиент. Именно взаимодействие сферы Христа с хаосом позволило хаосу перестроиться в Космос.

Хаос был материей в потенциальном состоянии. А Космос — материя реализованная. Но реализованная материя представляет собою результат действия динамической энергии, которая, столкнувшись с инертностью, породила движение. Воля, переходя из потенциального состояния в активное, становится движением, свойства которого зависят от качеств этой воли, породившей его. Именно так Творец всего, действуя через Христа, в результате непрестанных многовековых усилий создал Космос.

Если вам стало хотя бы немного понятна наша мысль, вы сами сможете догадаться, что Христос присутствовал в материальной Вселенной с самого начала; и коль скоро это так, то и в земной сфере Он был уже тогда, когда она постепенно приобретала материальность и форму, пока сама не стала в конце концов проводником воли и продолжателем многовековых трудов, создавших ее самое. Это выразилось в том, что Земля приобщилась к процессу творения и нашла для него собственные формы проявления. На Земле сперва возникли минеральная, а затем растительная и животная форма жизни. Догадываетесь, друг, какой из всего этого следует вывод? Это значит, что Земля и весь материальный Космос — не что иное, как Тело Христа.

Того самого Христа, который снизошел на Землю?

Христос Един со Своим Отцом; и коль скоро это так, то Он является Личностью Отца. Иисус из Назарета был проявлением мысли Отца, воплощенной в виде Христа ради спасения Земли. Поразмыслите над этим немного, потому что я вижу, что разум ваш никак не может успокоиться. На других планетах вашей системы живут существа, непохожие на людей. На планетах других систем тоже живут существа, непохожие на людей. Но и в других созвездиях есть те, кто осознанно связан с Богом и Его Христом и может общаться со своим Творцом, как это делают люди. Форма этих существ отлична от человеческой, и способ передачи мыслей (у вас он называется речью) у них тоже иной. Но Творец и Его Христос означают для них то же самое, что и для вас. Им также необходимо, чтобы их Христос являлся к ним время от времени. Только приходит Он к ним уже в той форме, которую они сами для себя создали; ведь если бы Он явился к ним как Иисус из Назарета, в человеческом облике, этот визит оказался бы для них скорее пугающим, нежели полезным. К ним он нисходит в той форме, которая для них привычна, используя их методы общения и особенности мышления.

Этот факт очевиден для всех, за исключением тех, кто, искренне полагая, что уже избавился от геоцентрического мировосприятия (в материалистической его трактовке), на деле просто обернул его, как мумию, несколькими слоями духовности. Такие люди вряд ли способны заглянуть за пределы своего маленького мира и понять, что, помимо нашей маленькой Земли, есть и другие миры, не менее важные для Творца.

Таким образом, мы можем сказать вам, что Христос, пришедший в Галилею, был только Земным выражением Вселенского Христа и в то же время — настоящим Христом.

А теперь нам пора закругляться, хотя мы не рассказали вам и десятой части того, что вам следовало бы знать о гармоничной и ритмичной жизни эонов: их рождении, вступлении в брак и сотворении множества солнц, по сей день ласкающих теплом и светом своих не столь великих по размерам детей.

Христос, таким образом, снизошел — или, если хотите, консолидировался — вместе с материей, сформировавшейся под воздействием духовной динамики. Он воплотился в минеральной жизни, так как вся материя произошла из Него. Он материализовался в каждой розе и лилии, поскольку вся растительная жизнь тоже была Его жизнью, и вся ее красота Им же была извлечена из материи, эволюционировавшей в направлении разума. Но даже в наивысших своих формах растительная жизнь едва прикоснулась к самым отдаленным рубежам разумной деятельности. Тогда Он проявился на Земле в виде животной жизни, ибо животные, как и человек, — тоже Его творения. Но высочайшим проявлением Его воли стало челове-

ство. И когда пришло время, Он Сам перешел из невидимого мира в видимый. Тот, Кто сотворил человека, Сам стал человеком. Тот, Чьими усилиями появился и умножился человеческий род, еще раз направил энергию своей мысли в материальный мир, и мысль Его отразилась в нем в виде Иисуса из Назарета. Так Тот, Кто был помазанником и Помощником Творца в сотворении человека, Сам стал Сыном Человеческим, порождением Своего порождения.

Вот и всё, друг. Пусть остальные ваши вопросы подождут до следующего раза. Бог и Его Христос, объединившиеся ради создания человека, сейчас радуются за вас, потому что вы осознали и поможете осознать другим величие и предназначение осуществленной ими миссии усыновления Христа.

Пятница, 14 декабря 1917 г.

Мы рассказали вам, друг, о нисхождении Христа в материю, как вы и просили. Но нисхождении Христа в материю, как вы и просили. Но теперь позвольте нам вернуться к своей собственной программе и возобновить наш прежний неоконченный рассказ. На сей раз мы отправимся не вниз, в недра материального Космоса, а вверх, в возвышенные Царства Духа, увенчанные духовным совершенством, — в те сферы, которые вы называете Домом Отца. Это предел познаний о Вселенной, доступных воображению человека. Далее в то, что вы называете гипотезами о структуре Бытия, ваш взгляд проникнуть не в состоянии.

Но здесь мы узнали, что Дух, каким бы он ни был возвышенным по своей природе, не является всей совокупностью Бытия. Как над царством материи простирается дух, так и высоко над духом, на недостижимых вершинах ярчайшего света и святости, в царстве абсолютной чистоты, к которой мы стремимся в своих мыслях, есть Бытие, где присутствует не только Дух, но и невообразимо светлая квинтэссенция Духа, создающая Вселенную неизмеримо более совершенную, чем наша.

Как свет планеты представляет собой всего лишь отблеск излучения центрального солнца, отраженный ею и слегка окрашенный в соответствии со своими собственными характеристиками, так и материя не светится сама, но освещается духом, так же придавая его сиянию новые оттенки, тем самым, обогащая и внося разнообразие в световой спектр духовной Вселенной. И как Солнце входит в систему гораздо более крупную, нежели оно само (в данном случае это — созвездие, состоящее из множества таких же солнц), так и Дух является лишь частью Бытия, величие и масштабы которого превосходят наше понимание. Но даже созвездие, в свою очередь, входит в состав еще более крупного образования...

Впрочем, достаточно с нас аналогий, иначе мы просто заблудимся в этом беспредельном океане фантазии; ограничимся лучше тем, что мы в состоянии себе представить и понять.

Последуем же за Христом по Его Небесному пути; ибо мы знаем, что Он, будучи Сам вознесенным к вершинам духа, призывает всех людей следовать за Ним по небесной дороге — сквозь множество сияющих в славе сфер и миров — к Дому, из которого некогда вышел Он Сам и где он хотел бы видеть всех нас рядом с Собою.

По мере того как столетия сменяют друг друга, слава Христова становится всё ярче, ибо каждый новобранец, вступающий в Его воинство, приносит с собою еще одну искру в Его сияющее Царство, свет которого, как нам сказали, могут наблюдать обитатели недостижимых высот, самого загадочного и возвышенного Царства, так же как вы, обитатели мира материи, видите на ночном небосводе свет далекой звезды. В океане духа все Сферы Христовы собраны в одну большую Звезду, которой могут любоваться со стороны только те, кто живет еще выше. Нам это трудно понять, но некоторые пояснения, возможно, смогут нам помочь.

С Земли вы не можете видеть Солнечную систему как единое целое, поскольку находитесь внутри нее и являетесь ее частью. Но наблюдателю, находящемуся, скажем, на Арктуре, она будет видна вся как небольшое пятнышко света, в котором, при желании, можно разглядеть ваше Солнце, его планеты и их луны. Точно таким же вам, землянам, представляется Арктур и миллионы других звезд, видимых с Земли. И такими же Царство и Сферы Христовы представляются обитателям дальнего царства. Век от века эта система становится всё яр-

че, так как расы, ее составляющие, всё дальше эволюционируют от материального к духовному. Здесь мы говорим обо всем Царстве Духа как о единой звезде; и Те, Кто может наблюдать эту звезду со стороны, по необходимости должны находиться на тех высочайших ступенях Бытия, которые намного превосходят наше Царство Духа, — в великой Пустоте Неведомого и Непостижимого.

Те, о Ком мы говорим, находятся так далеко, что даже мы, достигшие Десятой Сферы Духа, едва ли ближе к Ним, чем вы, жители Земли. Если составить пропорцию расстояний между нами и вами и между нами и Ними, то первое, в сравнении со вторым, окажется настолько малым, что им вполне можно будет пренебречь.

Но ведь и вся совокупность созвездий упорядоченно движется к своей, пусть отдаленной, но несомненной цели; и все Сферы Духа медленно, но неуклонно восходят к своей вершине, что позволяет нам с уверенностью предсказать их будущую судьбу: настанет день, когда Дух приведет всю свою Вселенную к полному совершенству и начнет активную жизнь в новом, еще более сложном мире.

Ради этого Христос, отдалившись от Груды Своего Отца, снизошел на Землю и кончиком пальца слегка прикоснулся к человечеству. Это прикосновение приобщило человека к Жизни Божественной, по сию пору пульсирующей в его душе и побуждающей его стремиться выше, дабы не отстать от обитателей других планет, но вместе с ними двигаться вперед — в свите Самовластного Князя, подобно единой Армии Отца, под предводительством Его Сына.

Мне непонятна одна мысль. Господь наш сказал о детях: «Их есть Царство Небесное». Но из ваших рассказов можно заключить, что по мере взросления мы всё больше отдаляемся от Царства, поскольку утрачиваем свою детскость. Да и опыт наш свидетельствует о том же. А это значит, что мы прогрессируем в обратную сторону: не развиваемся, но, напротив, деградируем. И опять же, если наша земная эволюция это только первая часть пути и наше развитие продолжится в сферах, то значит ли это, что нам предстоит снова впасть в детство? Это было бы нелогично. Не можете ли вы мне разрешить эту дилемму?

Ребенок рождается на свет, наделенный определенными качествами и способностями. Но во младенчестве они еще неразвиты и инертны. Все они присутствуют в нем, но пока спят. По мере того как разум расширяет свои возможности, эти качества, одно за другим, пробуждаются и превращаются в исполнителей его воли. Благодаря этому, человек непрестанно расширяет диапазон собственных действий и в то же время вступает в контакт с новыми, ранее неизвестными ему силами, которые оказываются в сфере его деятельности, ибо эта сфера, как мы уже говорили, постепенно расширяется и неизбежно сталкивается со сферами действия новых, неведомых ему прежде сил. Здесь я имею в виду прежде всего творческие силы — консолидирующие, одухотворяющие и ведущие к познанию Бога. И от того, как человек использует эти дополнительные средства, умножающие его силу, зависит его развитие как духовного существа. Ребенок достоин войти в Царство Небесное постольку, поскольку его воля пока ни в чем не противопоставлена воле Отца. Пусть каждый человек, развивая свои способности, помнит, что ему не следует терять детскую простоту своего сердца и что свои растущие силы он должен применять в согласии с великой целью Бога, заключающейся в развитии человеческой расы и других рас, составляющих единую большую семью Творца. Ибо он, умножая число своих лет и способностей, растеряет по дороге характерную для ребенка готовность к доверчивому послушанию, гармонии между его разумом и разумом Творца нарушится, и возникшее вследствие этого трение замедлит бег его колесницы; и он начнет отставать, всё более отдаляясь от других обитателей Небесного Царства, и в конце концов окажется на Его окраинах, а то и у самой границы. Но те, кто не теряет своей детской доверчивости и дополняет ее новыми добродетелями, приобретенными на жизненном пути, не прогрессирует в обратную сторону, но всё больше и больше становятся детьми Царства Небесного. Так было, например, с Иисусом из Назарета. Будучи Сыном Своего Отца, к Отцу Он и стремился. И сердце Его всегда билось в унисон с сердцем Отца, что вам давно и хорошо известно из Книги о Его Жизни. Когда Он был еще мальчиком, Его разум был погружен в

размышления о деяниях Отца. Уже будучи взрослым, Он встал на защиту Дома Своего Отца от мирских страстей эгоцентричных людей. И в Гефсимании Он думал только о том, чтобы сохранить единство цели со Своим Отцом и Его волей. Даже на Кресте Он стремился разглядеть лик Своего Отца, скрытый от Него на мгновение тяжелыми испарениями нижнего мира. Никогда в сердце Своем Он не переставал стремиться к Богу; и когда плоть Его умерла, уже ничто не мешало Ему отправиться в обратный путь, к Своему Отцу. В праздник Пасхи Он Сам возвестил Магдалине о том, куда поведет Его путеводная звезда в предстоящем Ему небесном странствии. И когда Патмосский Пророк встретил Его в Небесном Храме, Он возвестил ему, что доказал единство воли Своей с волей Отца, и за то было Ему дано право действовать как на Земле, так и на Небе, и вся власть была отдана Ему. Но каждый, кто посмотрит на Его краткую земную жизнь или как мы, рассказывающие вам о Нем ныне, встретится с Ним здесь, в высоких сферах, не увидит ли в Нем Ребенка — незапятнанного, но наделенного силой и красотой совершенного Человека, увенчанного Славой Божества?

Да, друг, только тот, кто достиг великих высот в Царстве Отца, способен постичь Царство Ребенка — Его Сына.

ГЛАВА VIII: Путешествие в страну мрака. Явление Христа скорбящего и прославленного. Малый Христос.

Понедельник, 17 декабря 1917 г.

В предыдущих посланиях мы поделились с вами некоторыми своими знаниями о тайнах сотворения и развития материальной Вселенной, но не так уж много рассказали о Царствах Духа. В мире духа есть сферы, недоступные ни вашему, ни нашему воображению, но, совершая свою природу с течением столетий, мы рано или поздно достигнем и этих сфер. Насколько способен наш мысленный взор проникнуть в эту необозримую даль жизни и Бытия, одна сфера сменяет другую в вечном восхождении, и нет им конца, ибо жизнь подобна реке, берущей начало в горах, на вершинах которых стоим мы сами, наблюдая за тем, как она уносит свои воды в бескрайнюю долину и скрывается за горизонтом. Мы видим, что поток медленно, но верно разрастается, вбирая в себя ручьи, текущие с других гор, сложенных из разных минералов и потому придающих водам своих потоков особые, неповторимые оттенки. Так же и жизнь человеческая — тоже вбирает в себя, в свою личность, многие побочные течения различного характера, смешивая их в себе и создавая тем самым новое, неповторимое единство. И как река расширяет свое русло до тех пор, пока не выйдет из берегов и не растворится в безбрежном море, перестав существовать как нечто отдельное и обособленное, так и человек, всё более расширяясь в сравнении со своим первоначальным состоянием, растворяется затем в океане света, где дальнейший его прогресс уже неразличим для тех, кто стоит на вершине горы его рождения. Но мы знаем, и мало кто сомневается в том, что океан никоим образом не изменяет субстанцию впадающей в него реки — ее вода так и остается водою; океан лишь обогащает ее новыми элементами, меняющими ее качества; точно так же и человек, выплескиваясь из берегов своей индивидуальности — с одной стороны, и личности — с другой, присоединяет богатство накопленных им самим свойств и качеств к Тому, что является альфой и омегой, источником и поглотителем сил, действующих во всех без исключения циклах Бытия.

Мы знаем также, что в реках водится рыба и другие водные животные; но более широкие просторы и бездонные глубины океана породили куда более грандиозные по своим размерам и силе формы жизни; а если учесть, что смешанные в океане Духа бесчисленные личности действуют сообща, как одно целое, то реальное величие их славы превзойдет даже самую смелую нашу фантазию.

Но, как бы мы ни были далеки от этих высших сфер, мы всё-таки смотрим вперед, стараясь различить перед собой лики своих более совершенных собратьев, и понимаем, что, в свою очередь, тоже небезразличны им. Именно оттуда, из Царства Изначального, через таких, как они, нисходит жизнь, озаряющая светом любви нижестоящие миры — такие, как наш и ваш. И нам этого достаточно. Мы причащаемся, испив из чаши собственной судьбы, и чувствуем себя бодрыми и окрепшими, готовыми идти дальше и достаточно сильными для того, чтобы справиться с любыми обязанностями, которые будут на нас возложены.

Не могли бы вы описать хотя бы некоторые из этих обязанностей?

Они весьма многообразны и разнообразны. Но мы расскажем вам о работе, которая была совсем недавно поручена нам, и о том, как нам удалось с нею справиться.

В той сфере, из которой мы пришли, на вершине высокой горы стоит Храм.

Не тот ли это Храм, о котором мне рассказывал Забдиэль, — Храм на Святой Горе?

Тот самый: Храм на Святой Горе. Он назван так потому, что в него нисходят Существа, призванные благословлять нашу сферу и нижестоящие миры; а еще потому, что оттуда восходят в следующую сферу те, кто уже стал настолько свят и мудр, что может теперь жить в высшем мире, не испытывая дискомфорта.

Итак, мы отправились в долину, откуда по тропе, проложенной по склону Горы, поднялись к главным воротам Храма.

К нам вышел один из сияющих обитателей этого Святого Места — Смотритель Храма. Он пригласил нас следовать за ним, но мы не решались, поскольку ни один из нашей группы не входил прежде внутрь этого святилища. Тогда Смотритель улыбнулся нам, и эта улыбка вернула нам уверенность. Страх прошел, и мы все вместе вошли в Храм.

Мы свернули вправо, и дошли до конца зала, где наш проводник остановил нас возле возвышения, на котором стоял трон, и обратился к нам с такими словами: «Братья мои, вас призвали сюда, чтобы передать вам поручение; нам, внизу, требуется ваша помощь. Если вы согласны, то дождитесь прихода нашего брата, Провидца, который подробно объяснит вам, что предстоит сделать вашей группе».

Вскоре из-за трона вышел еще один человек. Он был выше нашего проводника, и его со всех сторон окутывал как бы синий с золотом туман, в котором блистали сапфиры. Он приблизился и пожал каждому из нас руку; и каждый (как мы потом рассказывали друг другу), прикоснувшись к его пальцам, вдруг ощутил причастность к сфере, которая представляла собою как бы сконцентрированную сущность всей Десятой Сферы; и, попав в этот внутренний круг, мы будто ощутили всё то, что происходило в тот момент во всех концах нашего огромного царства.

Мы сели на ступенях вокруг Трона, а Провидец встал лицом к нему. Он рассказал нам и многом, чем, к сожалению, мы не можем с вами поделиться, та как это полностью выходит за пределы вашего опыта, и даже мы пока только приближаемся к такому пониманию. Но затем он поведал нам то, что и для вас может оказаться полезным.

Он рассказал, что, когда Иисус из Назарета был распят на Кресте, среди тех, кто стоял внизу и смотрел на Него, был и предатель, отдавший Его в руки палачам.

Значит ли это, что он присутствовал там во плоти?

Именно так, во плоти. У него не было сил ни уйти, ни подойти ближе: он стоял в стороне, но всё же мог видеть лицо умирающего Человека, страждущего Христа. Терновый венец упал с Его головы, но на лбу были заметны капли крови; волосы Его тоже были в крови. Предатель смотрел в лицо Христа, а в это время в душе его звучал насмешливый голос, который говорил ему: «Ты хотел войти вместе с Ним в Его Царство, чтобы занять там высокое положение и получить власть; ступай же теперь в Царство Его врага, там тебе будет дана власть просить и умолять. Он покинул тебя. Беги же теперь туда, где Его не будет рядом, чтобы Он не вознаградил тебя за твою службу».

Так говорил ему голос, которому он хотел поверить. Он хотел посмотреть в глаза Человеку на Кресте, но боялся этих глаз, в которые и раньше-то не мог смотреть без смущения.

Но взор умирающего Христа уже помутился, и Он не замечал в толпе Иуду. А голоса всё продолжали нашептывать ему — то насмехаясь, то обольщая его; и вот, наконец, когда сгустились сумерки, он не выдержал и бросился бежать. И там, где стояло одинокое дерево и не было людей, он покончил с собой: снял с себя пояс и повесился. Так что оба приняли смерть на дереве в один и тот же день; в один и тот же час свет земной померк для них.

Когда они вошли в духовные сферы, оба были в сознании; и вот они встретились снова. Но не сказали друг другу ни слова. Он только посмотрел на Иуду, как когда-то смотрел на Петра, и оставил его до времени, пока тоска и раскаяние не сделают свое дело и не приведут его обратно с повинной. Как поступил Он с Симоном, удалившимся в ночную тьму, чтобы плакать, так ныне поступил и с Иудой, который отвернулся и побрел прочь от Него, закрыв лицо руками, прямо во мрак преисподней.

Иуда и Симон бросили Его одного на произвол судьбы, и Он поступил с Иудой так же, как поступил с Симоном, оставив его в раскаянии, тоске и одиночестве. Но даже Иуда не остался безутешным до скончания дней своих, ибо по прошествии времени Христос нашел его и даровал ему Свое прощение, избавив от нестерпимых душевных терзаний.

Вот что рассказал нам Провидец, и даже более того. А потом попросил нас еще немного задержаться в Храме и в Святилище, чтобы обдумать услышанное и постараться запомнить во всех подробностях историю о Христе, дабы рассказать ее потом (наряду с другими услышанными от него историями) в утешение грешникам, вверженным во тьму отчаяния и потерявшим надежду на прощении своего Учителя, которого они предали, ибо грех есть предательство.

О том, как мы справились с этим поручением, мы расскажем вам в следующий раз, так как вы уже устали, и нам стоило немалых трудов довести вас даже до этого места.

Пусть же Спаситель грешников пребудет со всеми, кто блуждает в темноте, ибо среди живущих, как во плоти, так и в духе много таких, кто отчаянно нуждается в Его утешении. И вы сами да не будете обойдены Его милостью.

Вторник, 18 декабря 1917 г.

Итак, выслушав слова Провидца, мы вышли из Приемного Зала и покинули это Священное место. Разумеется, Провидец сказал нам больше, нежели мы передали вам, и слова Его были исполнены любви, придавшей нам сил для исполнения порученного дела. Нам открылось видение тех сфер, куда нам предстояло отправиться. Светлые и не очень, эти сферы, одна за другой, появлялись перед нами; за ними пошли сферы всё более туманные и мрачные, и вот наконец туман сгустился настолько, что стал совершенно непроницаем даже для нашего ясновидящего взора. За ним скрывались сферы, прилегающие к Земле, а затем и более мрачные, чем Земля; для обитателей этих сфер путь к Земле — не падение, а восхождение, ибо те, кто жил на Земле несправедливо, естественною силою притяжения увлекаются вниз — туда, где окружающая обстановка будет лучше всего способствовать возобновлению их роста. Эти нижние миры вы называете адом. И это название справедливое, сын мой, если под словом «ад» подразумевается тоска, страдание и душераздирающее раскаяние.

И вот, получив все необходимые наставления и поняв суть предстоящей нам работы, мы преклонили колени перед Провидцем, Он благословил нас, и наше путешествие началось.

Сквозь первые пять сфер мы пролетели не останавливаясь и не опускаясь ниже горных вершин, и только в Пятой спустились вниз, чтобы рассказать историю, услышанную в Храме. Для этого мы постарались подобрать слова, понятные обитателям этой сферы, ибо мы стремились помочь им решить те сомнения, которые терзали их души.

Но прежде чем вы продолжите, не могли бы вы подробнее рассказать о результатах вашей миссии в Пятой Сфере?

Это была первая сфера, где нам предстояло работать, и первое созванное нами собрание. Мы остановились в Коллегии Преторов, которым были хорошо известны все затруднения умственного и духовного планов, свойственные жителям этой сферы. Так что они сами ука-

зали нам место, наиболее подходящее для реализации наших планов, и подсказали, какие именно моменты следует акцентировать в нашем учении.

Собрание было созвано в Большом Зале Коллегии. Это был действительно очень большой зал овальной формы, только с одной стороны он был немного уже, чем с другой. Кафедра находилась на одинаковом расстоянии от противоположного конца зала, а также от правой и левой его стен. На кафедре расположились мы. Среди нас был певец, который и открыл собрание торжественной песней, сочиненной им самим специально для этого случая. Негромким голосом он завел песнь о Творении. Рифмованными строками он поведал нам о тех вещах, которые мы вам уже отчасти описали; он пел о том, как Его сила и власть проявились в Изначальном, и первой на свет появилась любовь; любовь была столь доброй и совершенной, что Сыновья Божьи купались в ее лучах, и от их любви произошла красота. Вот почему красота вызывает любовь; и всякая любовь проста и чиста, и, как бы она ни проявлялась, она всегда прекрасна. Но когда воля тех, кому было доверено участвовать в развитии Царства Бытия, отклонилась от основного потока Красоты, порожденного любовью, на свет появился элемент, который хотя и создан воле, действует уже не в гармонии с первоначальной святостью; появились существа, чья красота была несовершенна, и их воля, смешиваясь с вечно движущимся потоком изменчивого хаоса, порождала, в свою очередь, еще менее красивые существа. Но среди этих существ не было ни одного, в котором не оставалась бы хотя бы малая частица красоты, пусть даже скрытая и неприметная для глаз тех, кто продолжал идти вперед по дороге, уводящей вниз, всё дальше и дальше от источника всего сущего.

Так он пел, и люди внимательно слушали его, ибо музыка казалась им приходящей свыше — оттуда, где рождаются любовь и красота, а слова песни убеждали в том, что Всевышний и Изначальный действительно Един и свободен от любых несовершенств и противоречий и что этим противоречиям было позволено появиться лишь для того, чтобы создать новую точку опоры, благодаря которой Бытие будет вознесено опять к Единству и даже еще выше, чем прежде. Этой точкой опоры как раз и должны стать противоречия, вызванные переходом Единства во множественность.

И когда песня отзвучала, в зале воцарилась глубокая тишина. Чувствовалось, что люди немного взволнованы, ни один человек в зале не шелохнулся, настолько все были заворожены песней, донесшей до них издали могучую силу пульсирующей жизненной энергии; и каждый старался связать эту силу с реалиями своего нынешнего существования и с космической наукой.

И тогда я начал свою речь. Певец, как я уже говорил, поначалу запел тихо и сладкозвучно; но, когда дошел до слов о том, как многие эпохи трудились над рождением миров, его голос тоже стал напряженным: могучие порывы силы и энергии творения как будто вошли в его душу и выплеснулись в звенящем от боли и восхищения звуке. А когда хаос начал конденсироваться в формы, постепенно преобразуясь в Космос — многообразное порождение воображения единого Творца, голос певца зазвучал громко и величественно, заполнил собою весь зал и вдруг застыл на высокой ноте, перешел в монотонный речитатив и неоконченной фразой повис в воздухе, как бы свидетельствуя о том, что эволюция вечностей, начавшаяся много веков назад, всё еще очень далека от своего завершения.

Поэтому после исполнения песни мне пришлось выдержать паузу, чтобы дать собравшимся время привести в порядок мысли — извлечь их из зависшего в воздухе светящегося облака и окружить ими себя, как плащом. Для меня это был совершенно очевидный процесс: я мог видеть, какие именно мысли каждый из собравшихся носил подле своего сердца, и отсюда делать выводы о характере человека, его желаниях и о том, как я могу помочь ему наилучшим образом.

И вот я начал речь, обращаясь ко всем присутствующим, как к одному человеку, и, в то же время, к каждому из них в отдельности. Я говорил о воссоединении противоположностей, призванном вновь собрать все рассеянные искорки любви и красоты в одно огромное солнце, которое вместит в себя всю славу и свет Изначального, ибо это Изначальное и есть вся Любовь и вся Красота, существующие в мире. Я говорил им о предателе Симоне и предателе

Иуде и об их покаянии, к которому первый пришел еще в земной жизни, пережив таким образом свой краткий ад прямо на Земле. Его страдания очень скоро принесли благие плоды, сократив до нескольких дней процесс покаяния, который в противном случае мог бы растянуться на тысячи лет. И тогда, и сейчас покаяние дает человеку право на прощение и на возвращение в семью нашего Отца. Я рассказал им и о том, другом, который не мог раскаяться до тех пор, пока Тот, Кого он предал столь поспешно в безумии своего отчаяния, не был предан смерти и пока он сам — поспешно, как обычно, ибо нрав его всегда был буйным и неукротимым — не покинул мир, в котором ничто и никогда не происходило так, как он задумал. Только тогда он раскаялся, когда Проявленный Христос — Иисус из Назарета — Сам отправился вслед за ним и за прочими обитателями черных ущелий и мрачных гор преисподней, как пастырь отправляется на поиски заблудших овец. Там, в непроглядной тьме, нашел Он их и возвестил им о свершившемся Искуплении, предложенном и принятом у Того, Кто Сам был Любовью и Светом, и Кто, через Помазанника, перенес лучи Своей Любви сквозь невообразимую протяженность пространства и даже смог коснуться ими погруженных в непроглядный мрак бездонных глубин ада. И тогда многие обитатели этих глубин впервые за много-много лет увидели перед собою свет. Они уже почти забыли, что это такое — свет и как он выглядит, но Он пришел к ним в виде едва различимого, мягкого и нежного свечения, так как свет более яркий был бы непереносимым для них в их нынешнем состоянии; и вот они, один за другим, начали подползать к Его ногам, и слезы их заблестели, подобно бриллиантам росы в солнечных лучах, только лучи эти исходили от Него.

И, как я уже сказал, среди этих несчастных был предатель Иуда, который получил прощение так же, как в свое время Симон, которому была явлена Его всепрощающая любовь.

Итак, сын мой и друг, они слушали меня и начинали понимать, что я говорю им о возвращении к единству с Богом, к Его Любви и Власти; и об отступлении от Него, ставшем причиной затруднений и несчастий для сынов человеческих.

Я закончил свою речь в той же тишине, в какой начал ее; сопровождаемые этой тишиной, мы вышли из зала и из здания коллегии, чтобы продолжить свое путешествие. Только преторы проводили нас словами благодарности и признательности, мы же в ответ благословили их. На этом наше пребывание в Пятой Сфере закончилось.

Среда, 19 декабря 1917 г.

Дальше нам пришлось продвигаться медленно и осторожно, ибо мы приближались к тем мирам, пребывание в которых стоило определенного труда и требовало адаптации к окружающим условиям. Так мы достигли Пограничной Страны, за которой начиналась Вторая Сфера, если считать от вашей Земли, которая в нашей системе счисления будет Сферой Ноль.

Прежде чем вы продолжите, Наставник, могу я спросить вас кое о чем? Разве не в Пятой Сфере вы задержались дольше обычного из-за того, что у вас возникли там какие-то проблемы?

Вы хотите, чтобы я объяснил вам суть задержавшей меня там проблемы. Что ж, слушайте.

Я и тогда знал, что люди, рано или поздно, убедятся в том, что Бог — их Господь; и знал, что все, кто приходят от Него, говорят о том же живущим вдали от Его Престола и Святылища. Но если это так, то почему же мириады существ по-прежнему остаются позади нас, в темных сферах, где огромные волны печали и страданий, казалось, грозят навсегда похоронить под собой любовь, опровергнув тем самым учение о ее вселенской вездесущности?

Этот вопрос не давал мне покоя: древняя загадка существования зла. Я не мог ни понять, ни примирить эти два противоречащих друг другу, как мне тогда казалось, факта. Если Бог всемогущ, то почему Он допускает существование зла — хотя бы на миг и хотя бы мельчайшую его крупицу?

Долго я размышлял над этой проблемой, причинившей мне немало беспокойств, ибо она рождала в душе моей сомнения и не позволяла двигаться дальше, к ослепительным верши-

нам, ведь если бы я дерзнул продолжить свой путь, по-прежнему полагая, что в Царстве Божиим есть противоречия, я неминуемо потерял бы равновесие и упал бы с высоты в такие глубины, куда никогда прежде не опускался.

В конце концов, я всё же оказался готовым принять помощь, которая всегда приходит в положенный день и час. Всё это время мои мысли, незаметно для меня самого, направлялись в нужное русло, пока я не приблизился, наконец, к порогу просветления, и тогда мне было ниспослано видение, окончательно и бесповоротно развеявшее мои сомнения, с тем, чтобы я более никогда не возвращался к ним.

В один прекрасный день, как сказали бы вы, я сидел под деревьями, кроны которых образовывали нечто вроде беседки, на ковре из мелких алых цветов. В тот момент я не думал о своем самом главном затруднении, так как голова моя была занята иными, более приятными мыслями. Я наслаждался красотой леса — его цветами, листвой, птицами, их пением, как вдруг ко мне подошел и сел рядом человек, вида серьезного и благообразного. На нем был плащ темно-лилового цвета, наброшенный поверх прозрачной туники, сквозь которую свет его тела, отраженный от чистого кристалла сердца, лился, подобно солнечному. Края плаща скрепляла темно-зеленая с фиолетовым отливом фибула на плече. У него были каштановые волосы, а глаза — неведомого вам, на Земле, цвета, который я не в силах описать.

Он сидел, не говоря ни слова, глядя прямо перед собой; я же в это время смотрел на него, любуясь его необычайной красотой. Наконец, он сказал: «Брат мой, здесь так уютно; это место как будто специально создано для отдыха, не правда ли?» — «Да, Господин», — ответил я, ибо ничто другое в тот момент не пришло мне в голову.

«И всё же ты решил присесть не где-нибудь, а именно здесь — среди цветов», — сказал он мне. На это я ничего не мог ответить, и он продолжил: «Но подумай, друг, разве для этого были созданы все эти маленькие прекрасные создания, именуемые цветами и исполненные, подобно малым детям, неповторимой прелести и многообещающей жизни; и разве для этого они были посажены здесь?»

«Я никогда не думал об этом», — только и смог сказать я.

«Вот именно, и так поступает большинство из нас, хотя это очень странно, если учесть, что абсолютно все мы — порождения Того, Кто думает непрестанно и Кто не делает ничего, что не согласовывалось бы с разумом. Мы все плывем по океану Его Жизни — из века в век — и не покидаем его ни на миг; почему же тогда мы — дети такого Отца, как Он, так часто действуем не подумав?»

Он замолчал, а я почувствовал, что заливаюсь краской стыда. Его голос и слова звучали совсем не строго, скорее ласково и доверительно, как будто старая добрая нянька увещевала своего шаловливого воспитанника; и всё-таки его речь заставила меня задуматься: ведь я же бездумно ломаю тяжестью своего тела эти маленькие, наполненные жизнью существа — такие нежные и такие беззащитные в своей кроткой красоте. И я сказал ему: «Я понимаю, на что вы намекаете, сэр, и, поверьте, ваши слова достигли цели. Мы не должны долее оставаться здесь, потому что тяжестью своих тел мы губим эти бедные цветы.»

«Тогда давай встанем и немного пройдемся», — согласился он. Так мы и сделали.

«Ты часто проходишь этой тропой?» — спросил он меня по дороге.

«Мне нравится гулять здесь», — сказал я ему, — я часто прихожу сюда, чтобы подумать о смущающих меня проблемах».

«Да, — сказал он задумчиво, — в этой сфере приходится преодолевать немало затруднений. И когда ты приходишь сюда, ты, конечно, садишься где-нибудь и не спеша решаешь свои проблемы; или тебе кажется, что, чем больше ты думаешь, тем больше запутываешься? Однако об этом — потом. Покажи мне сначала, где ты сидел, когда приходил сюда в предыдущий раз».

Он остановился, ожидая ответа, и я показал ему знакомый бугорок:

«Вот здесь. В последний раз я сидел здесь».

«Это было недавно?» — снова спросил он, и я ответил: «Да».

«И всё же на этой траве и цветах нет никаких следов твоего тела. Они очень быстро восстановили форму после твоего разрушительного воздействия».

Надо сказать, что в этих царствах именно так и бывает. Здесь не как на Земле. Здесь и цветы, и трава, и мох очень быстро распрямляются, возвращая себе прежний вид; так что, поднявшись с земли, даже трудно отметить то место, где ты только что сидел или лежал. Я говорю о Пятой Сфере. Но так бывает не везде, и менее всего это справедливо по отношению к Земле и примыкающим к ней сферам.

«Но разве не так же заботится Творец Всего, — продолжал он, — о поврежденных душах человеческих? Ведь если Он берется за какое-нибудь дело, то делает его так, как может делать только Он сам, и не может никто другой. А теперь иди за мной, брат, и я покажу тебе то, что раньше ты не мог увидеть из-за недостатка веры. Ты уже начал сомневаться в мудрости собственных представлений, а это сомнение и есть основа веры в благодать Того, Чье Царство — Любовь, а Свет этого Царства — Его Мудрость».

И мы свернули на боковую тропинку, ведущую в лес, а затем — в гору, на которую мы взбирались до тех пор, пока не оказались выше макушек лесных деревьев. Отсюда я мог видеть весь окружающий ландшафт. Далеко в долине я увидел Храм этой сферы, из отверстий в крыше которого исходили лучи яркого света, сливавшиеся воедино над центральным куполом. Это были потоки духовной энергии, направляемые собравшимися в Храме.

И вот прямо под куполом возникла фигура Человека; она медленно поднималась до тех пор, пока не замерла на самой его вершине. Это была фигура Христа, облаченного в белые одежды, ниспадавшие с Его плеч до самых стоп, но оставлявшие их открытыми. Тут я заметил, что Его одежда начала постепенно розоветь; она становилась всё темнее, пока не окрасилась в кроваво-красный цвет. Над бровями Иисуса появился венец из таких же красных рубинов; рубинами засверкали и Его сандалии. А когда Он раскинул в стороны руки, я увидел, что и на ладонях Его загорелись огромные ярко-красные камни. Я знал, что означает для меня это видение. Христос был прекрасен, когда появился в своем белом облачении. Но теперь Он был не менее красив, и ослепительное алое сияние Его красоты заставило меня замереть от восторга.

Я не сводил с Него глаз; а тем временем вокруг Него образовалось золотое облако, в котором блистали изумрудные и сапфировые звезды. А за Ним, прямо над Его головой, появилась широкая кроваво-красная вертикальная полоса. Другая полоса — такого же цвета и ширины — пересекла первую как раз на уровне Его груди. И так Он стоял на фоне креста во всем царственном блеске Своего великолепия.

А в долине меж тем собрались люди, чтобы посмотреть на чудо видения. И свет, исходящий от Его тела, отразился на их лицах и одеждах, словно призывая их к жертвенному служению, которое требовало от них прежде всего, веры, поскольку те, кто стремился к подобному служению, должны были обречь себя на страдания, не зная при этом, в чем именно заключено предназначение страдания и его высший смысл. И я увидел, как многие опустились на колени и склонили головы в ответ; и Он воззрил на них и велел встретить Его в Храме, где Он расскажет им об их будущем служении.

После этого Он снова спустился в Храм сквозь центральный купол, и больше я Его не видел.

Я совершенно позабыл о человеке, который привел меня сюда; и даже после того как видение исчезло, я не сразу вспомнил о нем, но когда обернулся и снова увидел его, то заметил, что на лице его тысячей мелких морщин лежит печать страдания. Но это было прошлое, давно минувшее страдание; и застывшая в морщинах память о нем делала его еще прекраснее.

Я стоял молча, не решаясь заговорить первым, поэтому разговор начал он.

«Брат мой, — сказал он мне, — я пришел из мира гораздо более светлого, чем ваш, чтобы привести тебя сюда и показать Христа в Его славе. Те страдания, которые Он перенес, были приняты Им добровольно, ибо без них Он лишился бы части той красоты и величия, которые принадлежат Ему ныне. Своими страданиями Он снискал Себе великую славу, ибо это были именно те страдания, которые, в самой грубой и примитивной форме, наводнили

Землю болью, а преисподнюю — терзаниями. Но они — лишь миг для каждого, кто спускается в нижние сферы, где эти страдания имеют право на существование. Брат мой, мы не в силах понять всего, что творится в огромном Сердце Бога. Но иногда мы можем разглядеть исходящий из него свет разума — так же, как это было сегодня, — и тогда все наши затруднения и сомнения утрачивают свой зловещий характер, а в душе появляется надежда на то, что когда-нибудь мы научимся лучше понимать промысел Божий.

А пока этот день не наступил, я согласен удовлетвориться знанием того, что Он тоже вышел из Сердца Отца — светлый и чистый — и спустился вниз, видя перед собою цель и зная, что Его ждет и что Ему предстоит пройти сквозь густой туман греха и ненависти, окутавший планету Земля. Даже в глубины преисподней снизошел Он, чтобы разыскать страдающих там людей. И Сам Он страдал, глядя на их мучения; и только после этого вернулся к Ступеням Престола Своего Отца, ибо Его миссия была выполнена. Но вернулся Он уже не таким, каким был. Он уходил белым — во всей чистоте Своей святости. А вернулся назад кроваво-красным Князем-Воителем и Победителем. Но не чужую, а Свою собственную кровь пришлось Ему пролить. Странная это была война: никогда еще не было такого в истории мира, чтобы воин, встретив своего врага, на себя обращал свой меч и, пролив собственную кровь, выходил из схватки победителем.

Украсив Свой венец алыми рубинами, а тело Свое — красноватым оттенком жертвенности, Он вернулся еще более прекрасным, нежели был раньше. И вся трагедия Нисхождения в материю осталась в Его памяти лишь кратким эпизодом, подобным тому, когда ты бездумно возлег на землю, примяв под собою траву; ты ушел, и трава вновь распрямилась, вернув себе прежнюю вечнозеленую свежесть.

Пришедший издалека — из возвышенных Царств Света и превосходящей наше воображение Силы, чтобы поведать нам о величии самопожертвования, Он является для меня наилучшим подтверждением благожелательной мудрости Бога.

Что же до трагедии греховности и безумия заключенных в Преисподнюю бунтовщиков, то даже падение в эти мрачные сферы способно обогатить человека полезным опытом. Ибо Его любовь и любовь Его Сына, стремящихся вырвать из плена темноты тех, кто отклонился от праведного пути послушания и нашел для себя нового проводника в собственном лице, иногда проникает в их сердца щемящим чувством умиления, приближающим их к Нему. Да, брат мой, когда-нибудь тебе станет лучше понятна эта мудрость. А пока — будь терпелив. Прозрение придет нескоро; и проникновение в эту глубокую тайну будет не таким легким и быстрым, как для меня, поскольку ты никогда не погружался в те пучины страданий и раскаяния. Но я там был, ибо я пришел оттуда».

Четверг, 20 декабря 1917 г.

Итак, мы добрались до Второй Сферы, где принялись за поиски мест массовых собраний ее обитателей, так как со времени моего пребывания там многое изменилось, и нам поневоле пришлось изучать всё заново. Знай де, друг, что в близких к Земле сферах мелкие изменения происходят гораздо чаще, нежели в сферах возвышенных и развитых. Во Второй Сфере всё еще сильно влияние земного знания и взаимоотношений между земными народами; это влияние передается из поколения в поколение, так как соседние сферы частично пересекаются и потому не могут не воздействовать друг на друга. Таким образом, земные стереотипы мышления и предрассудки продолжают сказываться в этой сфере; их влияние лишь постепенно нейтрализуется, по мере удаления от Земли. Даже в высоких сферах отголоски земного сознания продолжают сохраняться, но там они не столь заметны, чтобы замедлить процесс развития или нарушить Братство детей Божьих. Различия, существующие в земной жизни, здесь приобретают форму многообразия характеров, что лишь придает дополнительное очарование обитателям таких сфер, как Седьмая и выше; они не разделяют более и не умаляют никаких убеждений и принципов. Те, кто продвинулся так далеко к свету, благодаря этому же свету научились читать Книгу Деяний Божиих и извлекать из нее уроки. Эта Книга — едина, ибо она написана для Всех, говорящих одним языком и составляющих здесь

единую великую семью нашего Отца. Но это не просто пассивная и вынужденная взаимная терпимость, как в земной жизни, но взаимопомощь, сотрудничество и дружба, основанные на любви.

Но поговорим теперь о наших делах во Второй Сфере.

Люди здесь объединяются в группы,сообразно собственным желаниям. Некоторые предпочитают общаться с представителями своей расы. Другие группы складываются из тех, кто ставит единство веры выше голоса крови. Даже политические пристрастия продолжают играть заметную роль. При этом участники одной группы могут посещать другие, если с ними в некоторой степени связаны их симпатии. Так, например, мусульманин может нанести дружественный визит группе социалистов-интернационалистов, а империалист — подружиться с тем, кто поклоняется Богу по канону христианской веры. Словом, в одну группу могут входить люди самые разные, и состав этих групп часто меняется. Но в основе своей группы сохраняют и продолжают прежнее разделение: по вероисповеданию, политическим пристрастиям и по крови.

О прибытии посланников из Десятой Сферы вскоре узнала вся округа, поскольку неприятие между отдельными группами здесь было уже не таким заметным, как на Земле; в отношениях между людьми было уже заметно больше доброй воли. Люди усваивали те уроки, которые некогда пришлось изучать здесь нам; и, хотя поначалу они медлили, не желая собираться вместе, мы сказали им, что это необходимо сделать, если они хотят нас выслушать, так как мы не могли говорить с каждой группой или общиной отдельно; им надлежало собраться всем вместе.

И вот они собрались на открытом месте, вокруг усеянного буграми и впадинами горного склона. Это была не очень высокая гора, но окружающие ее холмы были еще ниже. Мы стояли на склоне, на полпути к вершине, где нас могли видеть все собравшиеся; а за нашими спинами возвышалась огромная плоская скала.

Мы вместе возблагодарили Единого Отца, после чего сели на уступ скалы, и один из нас, стоявший ближе всех к обитателям этой сферы, заговорил с ними. Он принадлежал к Седьмой Сфере, но был возвышен до Десятой, чтобы вместе с нами выслушать наставления о предстоящем путешествии и обрести силы для него.

Он лучше всех нас мог находить слова, понятные для этих людей, и его громкий голос зазвучал над всей округой, для всей разношерстной компании — облаченной в разные одежды и с **неодинаковыми представлениями об истине**. Голос его был сильным, но доброжелательным; а говорил он примерно следующее.

«Далеко внизу, на Земле, жила одна семья, в которой не было единства; и, видя вред от этого разделения, многие стремились воссоединить ее. Даже в этой сфере заметно своеволие гордости, говорящей: „Моя раса и моя вера ближе и дороже Отцу, чем все остальные”. Но для дальнейшего роста подобные настроения необходимо преодолеть; потому мы и собрали их всех здесь, как одну семью, чтобы огласить перед ними послание Единого Отца, переданное через единственного Христа».

Мы заметили, что наши слова взволновали их, но никто не произнес ни единого слова против, ибо они видели, что исходящее от нас сияние ярче их собственного, и потому слушали нас; а еще они понимали, что когда-то мы думали так же, как они, но, со временем, стали светлее, чем они, лицом и телом, именно **потому, что отказывались от одних своих суждений и пересмотрели другие**. Вот почему они внимательно слушали нашего оратора.

Он сделал паузу, а потом продолжил:

«Будьте терпеливы и выслушайте меня внимательно, мои спутники на царственном пути к Сияющему Городу нашего Царя. На Голгофе было три Креста, но только один Спаситель. Было три человека, но только Один мог обещать людям Царство Небесное, так как только один из трех был Царем. И хотя потом спустилась тьма, несущая отдохновение, только Один из них смог уснуть — но знаете ли вы, почему? Потому, что никто другой не обладал страданием столь безмерным, любовью столь безграничной и духом столь чистым, чтобы понять, для чего Отец сотворил человека по своему образу и подобию и почему позволил не-

одолимым силам на протяжении многих столетий разрывать на части Царство и Семью Божью. Сознание важности и продолжительности этой борьбы и тяжкий груз ненависти врагов изнурили Его настолько, что Он решил уснуть. Он сошел в материю, чтобы увидеть, насколько далеко зашло это отклонение от Высочайшего. Но теперь Он оставил материальное тело, чтобы снова вознестись к Вершинам. И первым Его пленником стал тот, кто просил Его о милости, будучи распятым рядом с Ним на Дереве; а другим — тот, кто за тридцать монет обрек Господа своего на смерть. Странной представляется сия Троица. Но, как в другой Троице, так и в этой — все Трое, ее составляющие, смогли обрести единство.

Ибо разбойник искал Царства Христова, и Иуда искал Царства Христова, но Господь искал его, и нашел, и вручил его Отцу Своему. Только Он обрел то, за чем пришел; так как разбойник не знал, что Царство Христово может быть не только на Земле, пока сам не заглянул в лицо смерти и не увидел Того, Кто стоит на пороге духа, во всем Своем царственном величии; и предатель не нашел Царства Христова, пока не прошел сквозь врата во тьму внешнюю и не увидел Царя во всей Его неувядаемой славе и Красоте. Но Тот, Кто искал и нашел, рассказал людям о подлинном Царстве, созданном по слову Отца. Оно охватывает и Землю и Небо.

Это Царство уже живет в людях, пока они живут во плоти. И стремиться им надлежит именно туда. Но оно есть и на небе, и на земле, потому что возникло еще до того, как Разум Бога сотворил небо и землю.

И я призываю вас к тому, чтобы вы смотрели друг на друга, как братья. Вспомните, как несхожи были между собою те трое распятых на Дереве на горе Голгофе; в этой Троице Один был Совершенен, а двое других были первыми, чьи грехи Он искупил, когда сменил терновый венец на царский. Но на их примере Бог явил Свою волю: от одного края земли до другого все люди, любого звания, должны обрести единство во Христе и в Том, Кто еще больше, чем Его Христос. И потому я спрашиваю вас: есть ли рядом с вами кто-нибудь, кто отличался бы от вас больше, чем Иисус из Назарета отличался от Искарриота или от распятых по правую и левую руку от Него? Подумайте об этом, братья мои, и вы увидите, что Тот, Чьею дальновидной мудростью люди были разделены, снова соберет их в одну Семью на Небесах Славы Своей, ибо самая большая Его слава есть Любовь, а любовь соединяет всё то, что разделяет ненависть».

Канун Нового Года, 1917 г.

О своем нисхождении сюда мы до сих пор говорили очень мало, но теперь мы переходим в ту область, где света еще меньше. Мало кто из нас, спускаясь к Земле, чтобы рассказать людям о том, что ждет их после пересечения грани, отделяющей земной мир от сфер с преобладанием более интенсивных и приближенных к духу жизненных вибраций, упоминает о ней. Поэтому в последующем своем рассказе мы постараемся охватить как можно больший спектр различных подробностей, дабы обогатить новыми знаниями тех, кто искренне желает научиться отличать свет от тени и поддержать более слабых — тех, кто нуждается в положительных эмоциях и внешней красоте. Они должны научиться самостоятельно преодолевать пропасть, не дожидаясь нашего возвращения из сфер, где свет господствует повсюду, а тень лишь слегка умеряет яркость повсеместно торжествующей жизни.

Итак, пройдя ту сферу, в которую обычно попадают люди, покидая Землю, и о которой мы уже кое-что рассказали, мы проследовали в более темную зону. Тут мы почувствовали возрастающее душевное давление, противостояние которому требовало от нас храбрости сердца и осторожности поступков. Вы должны знать, что нам трудно применять тот метод, который позволяет более совершенным существам поддерживать контакты с обитателями темных сфер, но оставаться для них невидимыми. Нам же приходилось приспособливаться к условиям нижестоящих сфер; а теперь мы спускались еще ниже, чем раньше, так что приобретали тела настолько плотные и грубые, что временами постоянные обитатели этих сфер, чьи тела, конечно же, были более грубые, могли видеть нас, а иногда даже прикасаться к нам и чувствовать наши прикосновения. Мы продвигались вперед медленно, шагом, постоянно

вдыхая окружающий воздух и пропитываясь им; так мы создали для себя новые оболочки. Со временем мы настолько привыкли к своему новому состоянию, что стали даже чувствовать то, что чувствовали люди, среди которых нам предстояло работать.

Там есть область, куда поначалу еще может проникать солнечный свет, но заканчивается она крутым обрывом, дно которого скрывается во мраке. Мы остановились на краю обрыва и долго смотрели вниз, в царство тумана, настолько плотного, что со своей освещенной солнцем скалы мы ничего не могли в нем разглядеть. Тусклый свет озарял поверхность этого унылого океана мрака и тяжелых испарений, но не мог проникнуть глубже, настолько он был плотным. Однако путь наш лежал именно туда.

Мост, о котором вам рассказывала ваша матушка, перекинут через эту долину и опирается другой стороной на возвышенность меньшего размера. Те, кто выбирается из долины на возвышенность, имеют возможность отдохнуть там, прежде чем переходить по великому Мосту на нашу сторону. И с той стороны, и здесь вдоль дороги расставлены приюты, где утомленные долгим путешествием странники могут восстановить силы. Ведь даже переход по Мосту требует немалого напряжения, поскольку на пути своем люди видят всё ту же мглу и туман, из которых они лишь недавно выбрались, и слышат крики своих прежних попутчиков, всё еще блуждающих внизу, в долине смерти и отчаяния.

Нам не нужно было идти по этому Мосту, но предстояло спуститься со своего склона прямо на дно долины.

Мы стояли на краю пропасти и размышляли; я же обернулся к своим спутникам и скал: «Мрачное место, братья мои, и ничего доброго оно нам не сулит. Но мы должны отправиться туда, и не пристало нам останавливаться на полпути».

И один из моих спутников ответил: «Я чувствую, как со дна этой ямы поднимается холод ненависти и отчаяния. Мы мало что сможем изменить в этом океане скорби. Но то малое, что мы всё-таки можем, мы должны сделать прямо сейчас, ведь пока мы здесь ждем, они там страдают».

«Прекрасные слова, — поддержал я его, — как раз в духе Того, Кто спускался туда раньше нас. Мы последовали за Ним к Свету, так последуем же теперь и во тьму, ибо она тоже принадлежит Ему; ведь спустившись туда, Он тем самым заявил Свои права на нее».

И мы продолжили свой путь; и чем ниже спускались, тем непрогляднее становился окружающий нас мрак, тем беспощаднее леденил подступающий со дна долины могильный холод. Но мы знали, что наша цель — помочь людям, а потому нам некогда было бояться; поступь наша была осторожна, но души — свободны от сомнений; мы внимательно следили за дорогой и за всеми ее поворотами, поскольку наша первая цель лежала не точно между Перевалом Отдохновения и нижним Хребтом, но по правую руку от места нашего спуска. Там находилась колония тех, кто уже устал от мертвящей жизни, которую им приходилось вести, но был еще недостаточно силен для того, чтобы освободиться, или же просто не знал, куда идти, чтобы выбраться из своей нынешней унылой обители. Постепенно наши глаза привыкли к темноте, и мы начали кое-что различать вокруг. Так, наверное, можно различить во мраке ночи отдаленный город по мерцающим огням на его сторожевых башнях. Мы увидели множество разрушенных домов: некоторые из них стояли группами, некоторые — обособленно. На всем лежала печать разрушения. Казалось, что никому здесь не удастся даже достроить дом до конца, как он уже начинает разрушаться. Закончив строительство, они при первых же признаках ветхости начинали строиться на новом месте или даже бросали дом недостроенным, так как уставали от него. Самый воздух этого места как будто дышал неуверенностью и апатией, вызванными отчаянной усталостью его обитателей и их неверием в собственные силы и в благие намерения соседей.

Там были и деревья, в том числе и довольно высокие, но в большинстве своем — без листьев. Даже если листья и были, от этого дерева не становились краше, потому что листва имела темно-зеленый или желтый цвет и напоминала скорее саблеобразные шипы, как будто деревья впитали в себя дух враждебности, исходящий от тех, кто живет поблизости от них.

Время от времени нам приходилось пересекать русла рек, изобилующие валунами и острыми камнями; воды в них было мало, и к тому же она была мутна от ила и грязи и скверно пахла.

Мы шли долго, очень долго, пока не добрались наконец до колонии, которую искали. Это был не город, но просто скопление домов — больших и маленьких, разбросанных по округе в полном беспорядке, так что никаких улиц в этом поселении не было. Многие строения представляли собою обычные глинобитные мазанки; встречались даже уложенные друг на друга, в форме навеса, каменные плиты. На открытых местах кое-где горели костры — источник света для обитателей этого места. Вокруг костров группами сидели люди: некоторые молча глядели на огонь, иные громко ссорились, а некоторые даже дрались друг с другом в слепой ярости.

Мы подошли к одной из групп сидевших молча людей, встали рядом и долго смотрели на них, скорбя в сердце своем об их духовной беспомощности. Взяв друг друга за руки, мы возблагодарили Отца нашего за то, что Он доверил нам оказание помощи этим несчастным.

Четверг, 3 январь 1918 г.

Мы приблизились к группе людей, сидевших и лежавших вокруг мерцающего огня в угрюмом молчании. Мы стояли прямо за их спинами, но ни один из них не поднял глаз; а если бы и сделал это, то всё равно не увидел бы нас, поскольку наше состояние, даже после долгого пути, требовавшего периодической адаптации к условиям нижних сфер, всё еще оставалось недоступным для их зрения. Но мы взяли друг друга за руки и начали постепенно «проявляться» на их уровне, что явно встревожило людей, ибо они почувствовали рядом с собою незримое присутствие чего-то неведомого и необъяснимого. Так бывает всегда: как только человек соприкасается с чем-то более одухотворенным, нежели он сам, это неизменно вызывает у него беспокойство и раздражение, удерживающие его в рамках собственного мира. Путь наверх нелегок и чреват всевозможными трудностями и частыми неудачами. Но награда, ожидающая странника в конце пути, с лихвой компенсирует все пережитые страдания. Правда, сами люди об этом не знают, но всё же могут кое-что услышать от тех, кто, подобно нам, спускается в нижестоящие мир.

Наконец один из них поднялся и стал встревожено вглядываться в темноту. Это был человек высокорослый и худой, с узловатыми конечностями, сутулый и скрюченный. На него невозможно было смотреть без жалости, такая безнадежность и такое глубокое отчаяние были написаны на его лице и отражены во всем облике. Шаркающей походкой двинулся он в нашу сторону, остановился недалеко от нас и застыл в изумлении. Мы знали, что, хотя и очень смутно, обитатели этого мрачного места могли теперь видеть нас, во всяком случае — некоторые из них.

Тогда и я шагнул вперед и сказал: «Ты выглядишь усталым, друг мой, и разум твой встревожен. Можем ли мы как-нибудь помочь тебе?». И мы услышали его голос. Станный, необычный это был голос. Он был похож на глубокий вздох, разнесшийся по коридорам подземелья. Он сказал: «Кто ты? Ты не один, я вижу, за твоей спиной стоят другие. Вы не из этой страны. Откуда вы и для чего пришли в это мрачное место?»

Теперь я всмотрелся в его лицо еще более пристально, потому что голос, как бы призрачно он ни звучал, показался мне знакомым; во всяком случае, не совсем чужим. И тут я узнал его. Ведь на Земле мы с ним жили по-соседству. Он был судьей в городке недалеко от моего дома. Я назвал его по имени, но, вопреки моему ожиданию, он даже не удивился, только посмотрел на меня непонимающе. Тогда я напомнил ему название города и имя его жены; и он, потупив глаза и приложив ладонь ко лбу, задумался. Видно было, что он силится что-то вспомнить. Похоже, что первым он вспомнил имя своей жен: глядя мне прямо в лицо, он повторял его снова и снова. Я опять назвал его по имени, и в тот же миг он закричал: «Я вспомнил, вспомнил! Что с ней? Ты знаешь о ней что-нибудь? Почему она меня оставила?»

Я сказал ему, что жена его сейчас — в более высокой сфере и не может встретиться с ним, пока он сам не начнет восхождение к ее нынешнему дому. Он не до конца понял смысл моих слов. Здесь, в этих мрачных сферах, люди настолько ослеплены, что в большинстве

своим не осознают, где находятся, и не помнят, что когда-то перешли сюда из земной жизни. Лишь иногда промелькнет в их сознании, подобно искре, воспоминание о прошлой жизни, но тут же угасает, оставляя после себя лишь пустоту. Так что большинство их просто не знает, что раньше они жили еще где-то, помимо этой преисподней. Но когда они устают от своих мучений и у них появляется желание жить в мире менее грубом, чем этот, и среди людей менее жестоких и испорченных, память снова возвращается в их полусонный разум, и тогда они по-настоящему чувствуют муки раскаяния.

Зная это, я постарался объяснить ему подробнее, что имел в виду. Там, в земной жизни, он всё же любил свою жену, хотя и на собственный, эгоистический манер, и я надеялся, что смогу вытащить его отсюда, потянув за эту ниточку.

Но он прервал меня: «Значит, она не хочет быть со мной сейчас, — спросил он, — когда я оказался в беде?»

«Она не сможет прийти сюда, — ответил я, — это ты должен прийти к ней, и тогда она встретит тебя».

В ярости он закричал: «Так будь же она проклята, спесивая девка. Она всегда разыгрывала передо мною святошу и дулась из-за моих мелких недостатков. Если ты пришел из ее краев, то скажи ей, что она вольна смеяться над несчастьем своего мужа, сидя в своем чистеньком домике. Здесь полно других женщин: может, они и не так красивы, но зато умеют доставлять удовольствие. А если она всё же спустится сюда со своих небес, пусть не сомневается, мы устроим ей «теплый» прием. А пока — до свидания, сэр».

И он, криво улыбнувшись, отвернулся и засмеялся, ища поддержки у приятелей.

Но навстречу ему поднялся другой человек, который взял его за руку и отвел в сторону. Он тоже был одним из сидевших у костра, и на нем была такая же серая, неопрятная одежда. И всё же в движениях его чувствовалась *уверенность*, а в облике — благородство, что немало нас удивило. Он поговорил о чем-то со своим товарищем, а потом подошел ко мне и сказал:

«Сэр, этот человек не совсем правильно истолковал смысл ваших слов и не понял сразу, что вы пришли сюда утешить его, а не смеяться над ним. Но он уже начал сожалеть о том, что так грубо разговаривал с вами. Я сказал ему, что когда-то вы с ним были немного знакомы. И если вы будете так добры, сэр, то, пожалуйста, поговорите с ним снова, только не о его жене, поскольку он до сих пор не может смириться с ее «предательством», как он называет ее нынешнее отсутствие».

Меня очень удивила эта спокойная речь, так странно звучащая среди шумной брани, выкриков и проклятий, доносящихся со стороны едва ли не каждого из разбросанных по округе костров. Я поблагодарил незнакомца и вернулся к своему «старому знакомому». Я чувствовал, что мне следует установить контакт, прежде всего с ним; и, если это удастся, через него я смогу повлиять на выбор всей их компании, так как он казался самым главным и авторитетным среди них.

Я подошел к нему, взял за руку, снова назвал по имени и улыбнулся. Мы долго бродили вдвоем, и я старался напомнить ему о прежней, земной жизни, о его надеждах и замыслах, о пережитых им неудачах и, наконец, о некоторых его грехах. Их он был отнюдь не расположен признавать, но прежде чем мы распрощались, мне всё же удалось убедить его в том, что, по крайней мере, в двух случаях он был явно неправ, и потому мои обвинения вполне справедливы. Это уже было немалым достижением.

Я попросил его обдумать мои слова и сказал, что еще найду его, и если он пожелает, то мы продолжим наш разговор. Затем я пожал ему руку, и мы расстались. Оглянувшись назад, я увидел, что он сидит на земле, подбрав колени к подбородку и обхватив их руками; он молча глядел на пламя костра, но взгляд его был направлен внутрь самого себя.

Но я не мог уйти, не поговорив еще раз с тем другим человеком, показавшимся мне готовым к восхождению и к переселению из этого мира в другой — более подходящий его преисполненному раскаяния разуму. Некоторое время я не мог его найти, но, наконец, уви-

дел, что он сидит в стороне от своих спутников на стволе поваленного дерева и о чем-то беседует с женщиной, которая очень внимательно слушает его слова.

Увидев, что я иду к нему, он поднялся и сделал несколько шагов мне навстречу. Мы встали друг против друга, и я сказал ему:

«Друг мой, я благодарю вас за помощь: если бы не ваше своевременное вмешательство, я, пожалуй, так и не смог бы найти общий язык с тем несчастным. Вы знаете характер своих собратьев лучше, чем я; и я вижу, что вы умеете обращать этот опыт во благо своих ближних. Но что вы думаете о своей собственной жизни и о своей будущей судьбе?»

«Позвольте и мне, в свою очередь, поблагодарить вас, сэр, — ответил он, — и, пожалуй, мне не стоит затягивать дело с «саморазоблачением». Я не из этого мира, сэр, мой дом — в Четвертой Сфере. А здесь я живу по доброй воле, чтобы помогать, по мере сил, этим несчастным омраченным душам».

«И вы живете здесь постоянно?» — спросил я его изумленно; и он ответил:

«Я здесь уже довольно давно. Но когда тяжесть становится непереносимой, я всё же возвращаюсь ненадолго домой, чтобы восстановить силы, а потом спускаюсь сюда снова».

«И как часто вам приходится это делать?» — спросил я его.

«С тех пор как я пришел сюда впервые, прошло уже шестьдесят лет по земному исчислению, — сказал он, — и за это время я возвращался домой только девять раз. Поначалу сюда попадали после своей физической смерти некоторые мои бывшие земные знакомые; сейчас приходят только незнакомцы, да и те, что пришли раньше, уже не помнят меня и держатся обособленно. И всё же я стараюсь помочь им, убеждая одного за другим в необходимости самосовершенствования».

Я почувствовал себя потрясенным и пристыженным.

Я сам и мои спутники пришли сюда, считая, что совершаем поступок в высшей степени достохвальный, почти что подвиг. Но этот неожиданный знакомый напомнил мне о Том, Кто добровольно отказался от Славы Своей и опустошил Себя всего без остатка, чтобы наполнить Собою других. Мне показалось, что до этого момента я не осознавал в полной мере, что значит для человека посвятить всю свою жизнь, без остатка, свои друзьям (причем тем из них, кто не заслужил ничего лучшего, как быть низвергнутым в эти мрачные сферы после физической смерти) и постоянно жить среди них в царствах, на которых лежит тень смерти. Он заметил мое смущение и, поняв, что у меня на душе, тоже смутился и сказал:

«То же самое Он сделал для меня, сэр; то же самое; только заплатил Он за это гораздо большую цену».

И я сказал ему, взяв его за руку:

«Поистине, брат мой, ты только что открыл для меня еще одну страницу Книги Божественной Любви. Мы не в силах понять Христа Божьего во всем Величии Его Красоты, ибо Любовь Его слишком велика и прекрасна. Мы можем только поклоняться Ему и преклоняться перед Ним. Но зато ничто не мешает нам стремиться к Христу, и ничто так не приближает нас к Нему, как общение с человеком, который знает, как самому можно стать малым Христом. А мне кажется, что в вашем лице я встретил как раз такого человека».

Но он в ответ только склонил свою светлую голову, а когда я, движимый восхищением, поцеловал пробор его волос, едва слышно прошептал:

«Если бы я был достоин; если бы я только был достоин Его Имени».

ГЛАВА IX: Тьма сгущается. Город Святотатцев.

Пятница, 4 январь 1918 г.

Покинув колонию, мы продолжили свои странствия по царствам мрака. Мы делали что могли, переходя от одной группы к другой. Мы находили их по скоплениям домов и по пламени костров и старались помочь утешением или советом, если они были готовы принять

нас. Но мы нечасто достигали успеха. Лишь немногие были готовы повернуть назад, прочь из этого мира; многим же предстояло опуститься еще ниже в кошмар преисподней, прежде чем их ожесточенность сменится отчаянием, а отчаяние — стремлением к освобождению. Только тогда для этих несчастных потерянных душ снова забрезжит луч света. Затем последуют раскаяние и очищение и долгое, тяжелое восхождение к Долине у Моста. Но это время еще не наступило. И потому мы оставляли их, ибо перед нами была цель, от которой мы не могли отклониться. Не думайте, что мы шли наугад; каждый из нас хранил в памяти карту этой туманной страны, и мы знали, где и что нам следует сделать, так как исполняли повеления тех, кто отправил нас сюда.

И чем дальше мы шли, тем сильнее было ощущение присутствия зла вокруг нас. Следует заметить, что различные силы, в том числе силы зла, представлены здесь в разных колониях в разной степени. То же самое можно сказать и о различных областях этого мира. Такое же неравномерное распределение сил существует и у вас, на Земле. Не все здесь одинаково злы и испорчены. Ибо здесь, как и везде, сохраняется личность и ее свободная воля, благодаря которым кто-то становится сильным, а кто-то слабым, так же как на Земле и в более светлых сферах.

Мы приблизились к стенам большого города и вошли внутрь через массивные ворота, вдоль которых прогуливались стражники. Мы ослабили свою волю к проявлению и, снова став невидимыми, без труда миновали их. Прямо от ворот протянулась широкая улица, обставленная огромными домами, похожими скорее на крепости или на казематы. Из некоторых окон-бойниц под ноги нам падали блики неяркого, зловещего света. По этой улице мы дошли до просторной площади, где на высоком пьедестале была установлена статуя. Она стояла не в центре площади, но чуть в стороне, рядом с самым высоким зданием.

То была статуя мужчины, облаченного в тогу римского патриция; в левой руке он держал зеркало, в которое смотрелся, а в правой — графин, из которого в сооруженный внизу бассейн выплескивалось красно вино. Словом, статуя являла собою настоящую пародию на монументальность. Бассейн был украшен по краю всевозможными фигурками. Тут были изображения играющих детей, только игра их заключалась в том, чтобы сдирать кожу с живого ягненка. С другой стороны бассейн украшало грубо вылепленное изображение женщины, прижимающей к груди младенца, только вверх ногами. И прочие изображения были ничуть не лучше — сплошь насмешки и богохульное глумление над святостью детства, материнства, доблести, набожности, любви и так далее. Вид этого непотребного шутовства едва не поверг нас в отчаяние, ибо нам показалось бессмысленным звать к благородству тех, кто живет в подобном городе. Проявления пошлости и цинизма встречались здесь повсюду. Даже форма и декор зданий вызывали содрогание и оскорбляли взгляд. Но, как я уже говорил, мы оказались здесь не случайно; посещение города входило в круг возложенных на нас обязанностей; так что нам оставалось только исполнить свою миссию, чего бы это нам не стоило, а затем продолжить свой путь.

Усилив воли мы снова сделали себя видимыми для тамошних обитателей и вошли под мрачные своды Дворца Зла, перед которым возвышалась статуя. За входом, напомиавшим крепостные ворота, открывалась галерея, заканчивавшаяся выходом на балкон, который окружал внутреннее пространство огромного, высокого зала — как раз посередине между полом и крышей. В глубину зала с балкона спускалось несколько лестниц. Мы приблизились к балюстраде и посмотрели вниз. Оттуда доносился чей-то сильный и пронзительный голос, но чей — мы никак не могли понять. Лишь после того как наши глаза привыкли к тусклому красноватому свету, заполнявшему пространство зала, мы увидели то, что там происходило.

Самая широкая лестница, связывавшая балкон с залом, располагалась как раз напротив нас. И все собравшиеся, заполнившие зал, сидели вокруг и смотрели на нее. На нижних ступенях — едва ли не до самой середины — тоже сидели, скрючившись в самых немислимых позах, люди — мужчины и женщины, отталкивающе некрасивые, в неряшливых и скудных одеяниях, призванных, однако же, подчеркнуть богатство и знатность своих владельцев. То тут то там можно было увидеть золотой или серебряный пояс или бусы, или серебряную

брошь с бриллиантами, украшенную самоцветами пряжку или застежку; но, приглядевшись, как следует, мы неизменно замечали, что всё это — ненастоящее: бриллианты — поддельные, а вместо золота — простая мишура. А выше всех на ступенях лестницы стоял сам оратор. Роста он был гигантского — выше всех в этом зале; и развращенностью своей, судя по всему, он тоже превосходил их всех. На нем был венец с шипами и долгополый плащ грязно-серого цвета. Казалось, что раньше этот плащ был белым, но со временем утратил прежнюю свою белизну и приобрел взамен неопределенный цвет, под стать своему хозяину. Его грудь украшали две ленты фальшивого золота, заправленные по бокам за кожаный пояс. На ногах были сандалии; на ступенях перед ним лежал пастуший посох. Но что отозвалось в сердце каждого из нас самой сильной и острой болью, так это его надвинутая чуть ли не до самых черных бровей корона. Она была сделана из шипов ежевики, покрытых сусальным золотом и сплетенных в виде кольца.

Нам всем хотелось как можно скорее покинуть это место, но мы не могли уйти, не выполнив порученную работу, и потому терпеливо ждали, пока оратор закончит свою речь. Мне не очень приятно рассказывать, так же как и вам записывать, всю эту историю. Но, брат мой, людям, живущим ныне на Земле, необходимо знать, какая жизнь ожидает тех, кто попадает в эти мрачные сферы, ибо здесь нет того сочетания добра и зла, которое есть у вас. Добро поднимается вверх, а зло опускается вниз, так что в преисподней зло уже не уравновешивается добром. Здесь скапливается только зло, что создает почву для богохульства, невиданного в смешанной атмосфере Земли.

Оратор рассказывал собравшимся о Евангелии Мира. Я приведу лишь несколько фрагментов его рассуждений, на основе которых вы сможете судить обо всей его речи в целом:

«Братья мои и сестры, мы собрались здесь, чтобы со всею кротостью поклониться Зверю, убившему ягненка. Ягненок этот был убит ради нас, и, стало быть, тот, кто убивает его, является активным благодетелем нашей расы, помогающим нам достичь блаженства и справиться со всеми тяжкими несчастьями, выпадающими на долю проклятого. Ягненок же служит здесь только пассивным орудием. Поэтому, братья мои, как Зверь терпеливо искал и нашел ягненка, чтобы извлечь из его невинной бесполезности кровь жизни и спасения, так и вам, стремящимся вершить дела благородные, следует искать и находить тех, кто подобен ягненку, и поступать с ним так, как учил наш Пастырь. Благодаря неукротимому вашему нраву, из овечьей инертности будет добыта жизнь, достойная ваших безумных восторгов. А что более всего похоже на невинного, кроткого ягненка, если не женщина — такое милостивое, но глупое подобие мужчины? Сестры мои, и в ваши привыкшие к прелести сквернословия уши я тоже вложу свое слово наставления. Дети не приходят сюда — в эти великие царства, Правителем которых вы меня избрали, оказав мне тем самым великую честь. Но всё же я горю вам: взгляните на меня, узрите кротость мою и этот пастуший посох, который я сейчас возьму в руки. Признайте меня пастырем своим и следуйте за мною. Я поведу вас к тем женщинам, у которых много детей — так много, что они готовы оторвать их от своей материнской груди и выбросить прочь или даже убить в себе едва появившуюся, но еще не рожденную на свет жизнь, в безграничной любви своей принося этих детей в жертву на алтарь Молоха спасения их тем самым от тяжких трудов и страданий земной жизни. Ступайте же, честные женщины, к тем несчастным, которые оплакивают своих погубленных детей, к тем, кто гонит от себя прочь и старается забыть всё, что напоминает им о детях, которых они так любили, но сами же обрекли на смерть».

Он говорил и о многих других вещах — настолько отвратительных, что я не стану просить Катлин передавать их вам, дабы они не коснулись ни ее, ни вашего слуха. Сказанного вполне достаточно для того, чтобы разглядеть злобное фиглярство и притворную кротость этого человека. А ведь в этих царствах живут тысячи подобных ему. Тот, кто старался выгнать таким кротким и доброжелательным к своей пастве, на деле был одним из самых жестоких и беспощадных деспотов во всей округе. То, что его избрали Правителем этой области, действительно было правдой, но люди покорились ему исключительно из страха перед его огромной злобной силой. И вот, когда он назвал этих уродливых и полубезумных

людей благородными, они в ответ устроили ему раболепную овацию, истинной причиной которой был опять же страх. И отвратительные ведьмы, безуспешно старавшиеся скрыть за убогими нарядами и украшениями свое уродство, услышав, что он назвал их честными женщинами и предложил им следовать за ним, как овцы следуют за своим пастырем, шумными восторгами выражали одобрение и толпою кинулись за ним, когда он начал подниматься вверх по ступеням главной лестницы. Но и ими двигала не любовь, а страх.

Итак, он начал подниматься по лестнице, опираясь на свой посох, который ставил на одну ступеньку выше перед собой; но вдруг остановился и попятился назад — ступень за ступенью, пока не спустился на пол. И вся толпа, пресмыкавшаяся перед ним в зале, затихла в удивлении, смешанном с надеждой и страхом.

Причиной тому было открывшееся им видение: прямо перед ними, наверху лестницы, стояли мы, вернувшие себе свое естественное сияние, насколько это было возможно в нижнем мире. Женщина, которая была с нами, спустилась на полдюжины ступеней ниже, и изумрудный венец, обрамляющий ее золотисто-каштановые волосы, ярко блестел на челе, а закрепленный на плече бриллиант — свидетельство высокого положения — излучал истинный свет ее добродетели. Ее талию охватывал серебряный пояс. И всё это — на фоне фальшивых и безвкусных украшений замершей перед нею толпы. В руках она держала букет белых лилий; и ее чистая женственность, явленная во всем своем совершенстве, была настоящим вызовом грубому цинизму недавнего оратора, позволявшего себе глумление над ее расой.

Долгое время в зале царило гробовое молчание; люди просто смотрели на нее, не отводя глаз и не говоря ни слова. Но вот одна женщина всхлипнула и, чтобы сдержать рыдания, зажала себе рот краем накидки; и в тот же миг зал заполнился воплями и причитаниями, ибо появление нашей спутницы напомнило всем присутствовавшим женщинам о том, что они когда-то тоже были красивыми. И так безнадежно, так горестно звучали их рыдания в этой атмосфере нищеты и рабства, что мужчины тоже не выдержали и закрыли руками лица; прочие же повалились на пол, стараясь спрятать лица в густом слое покрывавшей его пыли.

Тут Правитель наконец взял себя в руки, ибо почувствовал угрозу своей власти. Решительным шагом, переступая через тела распростершихся на полу женщин, направился он к нашей спутнице, преисполненный ярости из-за того, что она стала невольной причиной всеобщей скорби. Но тут уже я спустился на самую нижнюю ступень и сказал ему: «Умерь свой пыл и подойди ко мне».

Он остановился, хитро посмотрел на меня и вдруг залебезил: «Вам, мой господин, мы очень рады, ведь вы пришли к нам с миром. Но прекрасная женщина, которая стоит у вас за спиной, ослепила этих трусов блеском своей красоты, и я хотел немного привести их в чувство, чтобы они смогли оказать вам достойный прием».

«Перестань болтать, — строго прервал я его, — и подойди сюда».

И когда он встал передо мной, я продолжил:

«Ты осмелился богохульствовать — и в речах, и в одежде своей. Сними с головы этот дерзновенный венец и оставь пастырский посох. Страхом заставлял ты этих людей повиноваться, позабыв, как видно, что Тот, над Кем ты смеялся, признает их Своими детьми».

И, обернувшись к тем, кто стоял подле меня, добавил более доброжелательным тоном:

«Вы слишком долго жили в страхе, и потому этот человек поработил и тела и души ваши. Но мы заберем его с собою в другой город, где правит существо еще более злобное, нежели он сам. Сорвите же с него плащ и ленты, ибо он надел их, чтобы посмеяться над Тем, Кого даже он, рано или поздно, признает своим Господом и Царем».

Ждать пришлось недолго; очень скоро четверо мужчин решились приблизиться к нему и начать снимать с него пояс. Заскрипев зубами от ярости, он попытался было наброситься на них, но я, взяв из его рук посох, коснулся им его плеча, и он, почувствовав через это прикосновение исходящую от меня силу, смирился. Теперь воля моя была на нем, и я повелел ему выйти вон из зала и отправляться во внешнюю тьму, где его уже поджидали стражи, чтобы

унести прочь из этого мира — туда, где с ним будут поступать так же, как здесь он поступал с другими.

Потом я попросил собравшихся сесть, и, когда все они расположились на полу, я дал знак нашему певцу, и его сильный голос заполнил всё огромное помещение звуками чарующей мелодии. Он пел, и сердца людей бились всё свободнее; их больше не сковывал страх перед тем, кто ныне предстал перед ними таким беспомощным, попав в наши руки. Даже свет вокруг нас не казался теперь таким зловещим, так как песня несла ощущение умиротворенного Бытия, и люди с готовностью подставляли разгоряченные и истерзанные тела ее освежающему воздействию.

О чем же он им пел?

Он пел им о радости жизни — о весеннем настроении, об утренней заре, проникающей сквозь решетки темницы, имя которой — «ночь», о птицах, поющих гимн свободе, о шуме деревьев и журчании ручьев. В песне не было ни слова о святости или о Боге, здесь это было бы не к месту и не ко времени. Первым шагом к исцелению должно было стать пробуждение индивидуальности каждого из них, дабы они осознали свое освобождение от недавнего рабства. Он пел о том, как прекрасна свобода и какую радость дарит дружба. Песня, конечно же, не сделала их всех счастливыми, но всё же немного умиротворила их отчаяние. Со временем мы приучили их к себе, и они стали принимать от нас наставления. И однажды этот огромный зал заполнился людьми, поклоняющимися Тому, Кто здесь прежде хулили, а они, придавленные страхом, внимали этой хуле. Правда, пока это было далеко не то поклонение, какое мы вправе ждать от людей, живущих более возвышенной и добродетельной жизнью. Но в хоре голосов, всё еще очень нестройном, зазвучала нотка надежды, такая сладостная для нашего слуха; ведь мы приложили столько усилий, чтобы развеять их сомнения и страхи.

Впоследствии нас сменили другие — те, кто придал им силы и укрепил их решимость отправиться в долгое и нелегкое путешествие в сторону солнечного восхода; мы же отправились к своей следующей цели.

Неужели они все согласились отправиться туда, куда вы их позвали?

Почти все, друг, почти все. Нас покинули немногие. То, что я вам скажу, возможно, покажется вам странным и маловероятным, но некоторые предпочли последовать за своим Правителем в изгнание. Они настолько уподобились ему в испорченности, что не смогли потом найти в собственной природе практически ничего, что позволило бы им самостоятельно решить свою дальнейшую судьбу. И они присоединились к нему в его падении, продолжая служить ему, как служили раньше — в дни его мрачной славы. Но так поступили очень немногие; некоторые просто разбрелись кто куда; но большинство осталось, чтобы заново постигать те истины, которые они уже успели забыть. Старая история о нисхождении Христа казалась им такой новой и удивительной, что мы невольно проникались к ним глубочайшей жалостью и сочувствием.

А что стало с Правителем?

Он всё еще там — в том городе, куда его отвели стражи. Он не может вернуться, пока не преодолеет свои дурные наклонности. Но таких, как он, непросто обратить к возвышенным вещам.

Вы говорили о стражниках. Кто это?

О, тут вы затронули проблему, объяснить которую не так просто. Чтобы понять, кто такие стражи, вам необходимо больше знать о путях Господних, о Его Мудрости и Его Власти. Если говорить кратко, то вы знаете, друг, что Божья Власть распространяется не только на Небеса, но и на Преисподнюю; и во всех сферах ада правит Он и только Он. Прочие могут править — каждый в своей области, но Он — Властитель над всеми. Стражи, о которых я говорил, это жители того самого города, в который был низвергнут жестокий Правитель. Они — тоже злые существа, ни в коей степени не осознающие своей связи с Творцом. Но даже не зная ничего о Судие, предавшем им в руки эту очередную жертву, и не подозревая, что это было сделано ради его же будущего спасения, они тем не менее исполняли нашу волю. Если

бы у вас была возможность проникнуть туда, в эти темные сферы, вы нашли бы там объяснение многому из того, что происходит на Земле.

Многие считают, что злые люди остаются за пределами Его Царства и что злая воля и несчастья являются следствием неправильного проявления Его активной энергии. На самом деле власть Его простирается над всем и над всеми, и даже злые люди, в конечном счете, неосознанно содействуют достижению намеченных им целей. Однако это слишком сложная тема, чтобы излагать ее сейчас во всех подробностях.

Вторник, 8 января 1918 г.

Путешествуя по этим сферам с миссией помощи и утешения, мы всё больше убеждались в том, что заданная нам программа была составлена как будто специально для нас. В каждой колонии, которую мы посещали, мы находили для себя нечто такое, что обогащало нас новым опытом и содействовало нашему совершенствованию. Таким образом, помогая другим, мы в то же время помогали и себе, благодаря мудрому промыслу тех, кто внимательно следил за благополучием наших подопечных и за нашим обучением. В этом, брат мой, вы, без сомнения, сможете увидеть проявление всё того же принципа, о котором я вам только что рассказывал, а именно: даже те, кто бунтует против своего истинного Царя, могут быть поставлены Ему на служение.

Без их на то согласия?

Точнее, без их осознанного сопротивления. Даже те, кто погрузился во тьму настолько глубоко, что уже и не помышляет о противопоставлении собственных желаний влиянию тех, кто наблюдает за ними из своей обители в Сферах Жизни и Света, поставлены на службу своему Царю. И когда все их долги будут оплачены, и они тронутся наконец в обратный путь — к солнечному свету Великого Дня, им зачтется это служение, так как они, пусть даже неосознанно, действовали в унисон с праведностью, временно прекращая свой бунт против Бога и Его Воли.

Но ведь Правитель, о котором вы рассказывали мне в прошлый раз, явно относится к этой категории. И всё же в некоторой степени вам удалось использовать и его, не так ли?

Да, удалось, ибо его посрамление показало его бывшей пастве, что во Вселенной есть сила, намного превосходящая его собственную. Они убедились также в том, что зло не всегда будет действовать беспрепятственно и что рано или поздно на противоположную чашу весов будет возложен тяжкий груз, который снова их уравновесит, и тогда справедливость будет вновь возведена и восстановлена. Сам правитель, конечно же, не зачтет это себе в заслугу, поскольку его воля не была в тот момент с нами, но оказалась просто подавленной — к его стыду и неудовольствию. И всё же, коль скоро наказание было назначено ему отчасти за его собственные преступления, это сможет погасить часть его общего долга, хоть и в негативном плане, но наказание пошло ему на пользу.

Однако ваш вопрос затрагивает тему много более сложную, нежели может показаться на первый взгляд. Правитель был низложен вопреки его собственной воле, это верно; но сделано это было не сразу, поскольку самые злодеяния, чинимые этим человеком, тоже способствовали реализации какого-то божественного плана; и лишь тогда, когда этот злодей, сам того не ведая, полностью выполнил свое предназначение, в преисподнюю были посланы мы и приведены в тот самый зал, где находился он — в то самое время, когда он проповедовал. Разумеется, тогда мы еще ничего этого не знали, но просто действовали, как считали нужным и наилучшим при данных обстоятельствах способом. А ведь всё это было спланировано заранее теми, кто повелел нам спуститься в д.

В странствиях своих мы встретили еще много таких же городов и селений, где люди, похожие друг на друга по разуму, пытались наладить общение между собой. Грустно было видеть, как они скитаются из города в город в поисках товарищей, которые скрасили бы их одиночество, ибо согласие между ними, как правило, длилось недолго, и снова им приходи-

лось возвращаться в пустыню — подальше от тех, в ком они видели свой шанс обрести наконец покой и приятную компанию.

Мы заметили, что практически в каждой колонии был свой вожак (а иногда и еще несколько человек, почти равных ему по силе характера), который руководил остальными и поработал их, стараясь внушить им страх. Те, кто живет здесь, в могильной тьме, всё время стремятся облегчить свою участь и потому хватаются за любую возможность избавиться от тяжелого рабства, заняв какую-нибудь руководящую должность. Но, когда им это удается, радость длится недолго, ибо ее убивает страх постоянного близкого соседства с сатаной, превзошедшим всех в жестокости и беспощадной злобе и захватившим, благодаря этим качествам, верховную власть. Да, радость проходит, и надежда умирает вместе с иллюзиями. И всё же они продолжают карабкаться вверх, чтобы, достигнув желаемого, прийти в еще больший ужас и впасть в еще более глубокое, нежели прежде, отчаяние...

ГЛАВА X: Возвращение в храм на священной горе. Явление царственного Христа.

Понедельник, 21 января 1918 г.

Теперь мы возвращались обратно к свету. И если я говорю, что Долина под Мостом темная, как будто в ней вечно господствует земная ночь, то это вы себе еще можете представить и сделать вывод, что в тех сферах, которые мы оставляли у себя за спиной, действительно царит непроглядный мрак, как это бывает на Земле беззвездной ночью. Но бывает тьма еще более гнетущая и непроглядная, чем эта. Ибо на Земле темнота означает только отсутствие света; здесь же темнота пронизана реальным, осязаемым ужасом, который проникает в каждого, кто не имеет защиты в высших сферах. Те несчастные, которых силы притяжения увлекают в эту плотную тьму, чувствуют себя подобно утопающим. Они страдают от удушья; и нет поблизости ни одного обломка кораблекрушения, чтобы можно было ухватиться за него и выбраться на поверхность. Так и мучаются они до тех пор, пока безумие и отчаяние окончательно не завладевают ими; чередующиеся круги ада будут состязаться меж собою в святотатстве, но никто не скажет несчастным, что только их собственная воля может стать той силой, которая остановит их падение и вознесет к свету. Да, в этих отдаленных сферах темнота обладает особой плотностью. И хотя те, кто живет здесь, всё же сохраняют способность кое-что видеть, эта способность не приносит им радости, так как их взору открываются вещи большею частью уродливые и пугающие, что лишь усугубляет боль, которую им приходится терпеть. А ведь это те самые люди, что жили когда-то на Земле и составляли часть человечества; некоторые из них были признанными злодеями, но некоторые занимали высокое положение и слыли людьми почтенными. Я говорю вам затем, чтобы вы и другим смогли передать эту истину; ведь некоторые из вас говорят, что никакого ада нет, ибо Всевышний есть только Любовь, от начала и до конца. Так оно и есть; но те, кто таким образом рассуждает о Нем, постигли лишь Первую ступень этой всеобъемлющей Любви. Разумеется, даже мы, говорящие ныне с вами, еще очень далеки от ее Последней ступени, но мы уже достаточно глубоко проникли в Его Мудрость (пусть даже с точки зрения некоторых возвышенных существ эта глубина — ничтожна), чтобы удостовериться: несмотря на все кажущиеся упущения и противоречия, в действительности Он — сама Любовь. Мы тоже многого не понимаем, но то, что мы уже успели узнать о Нем, лишь углубило и упрочило нашу веру в то, что Он Совершенен в Мудрости и Сам — Совершенная Любовь...

Тебе, сын мой, надлежит понять и всегда помнить следующее: хотя в свете Совершенного Добра и Красоты зло предстает исключительно в негативном аспекте, будучи рассмотренным с противоположной точки зрения — то есть в обратную сторону, противоположную направлению Жизненного Потока, направляющегося к Совершенному Добру, — зло представляется потоком антиэволюции со своими верховными существами и могучими силами тьмы,

созданными в противовес Архангелам, Небесным Властям и Светлым Престолам. Однако между этими потоками всё-таки есть одно принципиальное различие, и заключается оно в следующем: если прогресс в небесных сферах постепенно приводит все существа и силы к Единому Предельному Совершенству, то в темных сферах такого абсолютного антисовершенства не существует, там нет Всевышнего. В этом, как и во всех прочих аспектах деятельности, темные силы проигрывают светлым из-за недостатка завершенности и порядка, предопределенного отсутствием Божества. Ведь если бы было иначе, тьма стала бы равной свету по силе и эволюционной активности и смогла бы потеснить свет. Любовь и красота смешались бы со своими противоположностями и перестали бы определять направленность эволюции. Тогда главная цель Всевышнего утратила бы свою конкретность, растворилась бы во времени и пространстве, и ее достижение стало бы невозможным.

Какими бы могущественными ни были Князья Тьмы, ни один из них не Всемогущ, ибо Всемогущество — привилегия Единого, и только Его одного. Он прекрасно осознает Свою мощь, а потому без опасений позволяет появляться на свет целым поколениям ослушников и на протяжении многих вечностей блуждать, не видя истинного пути, дабы своим неизбежным покаянием — добровольным и искренним — они подтвердили верховенство Любви. Тогда Мудрость Бога и тождество Первого и Последнего станут очевидными и неоспоримыми.

Вот, пожалуй, и всё, что я могу сообщить о строении царства, мой друг, поскольку мы сами знакомы с ним далеко не полностью и к тому же для его описания пользуемся обычно другим, более подходящим для этого языком, нежели языки земных людей. Боюсь, что подробности вам будут не слишком понятны.

Пятница, 25 января 1918 г.

Добравшись до Моста, мы перешли по нему с темной стороны на склон, примыкающий к восходящим сферам, и остановились там ненадолго, чтобы отдохнуть и оценить свою недавнюю работу. Там нас нашел посланник, явившийся из нашего мира, чтобы принести весть о том, какое впечатление произвело наше путешествие на наших собратьев. Ведь с того самого момента, как мы покинули Десятую Сферу, они с неослабным вниманием следили за нами, стараясь ни на мгновение не оставлять нас одних. Посланник поведал обо всех тех случаях, когда им приходилось прилагать значительные усилия, дабы оказать нам немедленную помощь. В некоторых случаях мы действительно ощущали их поддержку, иногда — догадывались, что они помогают нам, но большею частью бывали настолько напряжены и сосредоточены на своей работе, что просто не замечали, как некая доброжелательная сила способствует тому, чтобы мы одержали верх в сложных ситуациях. К тому же в темных сферах нам приходилось приспосабливаться к тамошним условиям, что с неизбежностью влекло за собою некоторые ограничения в духовном восприятии — тем более значительные, чем плотнее и тяжелее становилась окружающая нас атмосфера.

То же самое, друг мой, происходит и с вами, землянами; и даже если вы не замечаете протянутую руку помощи, это не значит, что до вас никому нет дела, ибо, на самом деле помощь предоставляется всякому, кто в ней действительно нуждается.

А теперь я вернусь к описанию возвращения в Десятую Сферу.

У вершин отдаленных гор нас встретили добрые друзья, с нетерпением ожидавшие нас. Им очень хотелось узнать о наших приключениях, и мы охотно рассказали им обо всем на обратном пути к великой долине, раскинувшейся у Святой Горы. И вот наконец мы снова поднялись к главному Порталу увенчанного Святую Гору Храма и вошли внутрь. Там, просторном Центральном Зале Святилища, мы застали огромное скопление народа. Люди стояли на коленях, поклоняясь Великому Незримому; так что ни один из них не шелохнулся, когда мы вошли и молча встали за их спинами.

Там у себя, на Земле, вы не знаете, что такое тишина, потому что на Земле не может быть совершенной тишины. Там вы не найдете места, куда не мог бы проникнуть звук. Но здесь, в Десятой Сфере, а именно — в тот момент и в том Святилище, действительно царил Тишина во всем своем ошеломляющем величии. Лишь оторвавшись от Земли — если, ко-

нечно, вам удалось бы это сделать — вы смогли бы постепенно выйти за пределы звука, сконцентрированного возле земной поверхности. Но даже наверху всё еще имеют место атмосферные возмущения, наводняющие пространство ощущением звука. Даже за пределами атмосферного пояса, в эфире, звук сохраняется как потенциальный элемент, благодаря взаимовлиянию гравитационных полей различных планет. Лишь за границей Солнечной системы, в пространственной пустоте, отделяющей ее от других систем, за миллионы световых лет от Земли — теперь уже абсолютно невидимой, неосязаемой и почти безвестной — можно приблизиться к понятию подлинной тишины. Однако эфир присутствует и здесь; и, хотя ваш слух не воспринимает никаких звуков, всё же они по-прежнему рядом — в тесном соседстве с вами: ибо если эфир это отдельное царство, то атмосфера — преддверие к нему.

Но здесь, в Десятой Сфере, атмосфера состоит из эфира в десять раз более разреженного, нежели тот, что окружает вашу планету; и поэтому Тишина здесь явление не негативное, но скорее, напротив, активно действующее, судя по тому влиянию, которое она оказывает на людей, погруженных в ее бездонную пучину. Здесь Тишина — не отсутствие звука, но Присутствие Беззвучного. Это самостоятельное вибрирующее существо, только пульсирует оно с такой невероятной частотой, что уловить эту вибрацию трудно — почти невозможно, из-за чего и возникает иллюзия Тишины и неподвижности. Боюсь, что не смогу изложить свою мысль с большей ясностью, поскольку вам, в вашей грубой и плотной среде, невозможно даже приблизительно представить себе то состояние, в которое мы погрузились, когда вошли в огромный Храмовый Зал.

Всё то е Провидец приблизился к нам по свободному проходу между рядами молящихся, взял меня за руку и повел нас к расположенному у входа в Тронный Зал Алтарю — тому самому, с которого мы, получив Его благословения, начали свое путешествие.

Теперь мы выглядели уставшими, и сердца наши были переполнены тоскою, которую мы принесли с собой из далеких темных царств. На лица наши лег отпечаток многочисленных сражений за подтверждение превосходства света; да, многочисленных, ведь я в значительной степени сократил повествование о нашем путешествии в преисподнюю, опустив многие события и детали. Мы были воинами в нескончаемой борьбе добра с его противоположностью. Но нашим морщинам и шрамам суждено было вскоре изгладиться, так что после этого мы стали еще светлее, нежели накануне путешествия, принесшего нам немало страданий. Поистине, Он — Чьи одежды до сих пор несут на себе облагораживающий отпечаток великого Жертвоприношения — так прекрасен, что я не нахожу слов для описания Его красоты ни в земных языках, ни в небесных.

Мы постояли немного подле Алтаря, не подходя к нему слишком близко, а затем опустились на колени, чтобы вместе со всеми поклониться Источнику Бытия — Единственному Всевышнему, лишь изредка предстающему перед нами в Форме Присутствия, чаще же — в лице Своего Помазанника, гораздо более близкого нашему нынешнему состоянию благодаря Своей Человечности.

И вот нам было дано знамение, и все мы, подняв головы, устремили взоры на Алтарь. Этим знамением стало ощущение Присутствия, теплою волною разлившееся повсюду и проникшее внутрь нас самих. И мы увидели стоящего слева от Алтаря (так что Алтарь оставался от Него по правую руку) Сына Человеческого. Он никогда не является дважды в одном и том же обличье, но всякий раз что-то изменяет в нем, чтобы дать нашему разуму новую пищу для размышлений и тем самым стимулировать наш духовный рост.

На сей раз над его головою выстроились в ряд, скрестив руки на груди, семь высоких Ангелов. В молчании застыли они в воздухе; их веки были слегка опущены, но глаза оставались открытыми, так что казалось, будто они смотрят куда-то в землю, как раз за Его спиною. На них были полупрозрачные одеяния разных цветов и оттенков. Но это не значило, что их одежды и в самом деле были раскрашены. Они лишь создавали ощущение цвета, не показывая его открыто. Там были оттенки, неизвестные вам, на Земле; но были и такие, что можно сравнить с вашим фиолетовым, золотым, бледно-малиновым (не розовым, но, как я и написал, бледно-малиновым; я знаю, что вам не очень понятно это определение, но рано или

поздно вы непременно поймете, что я имел в виду) и голубым. Несмотря на неуловимость этих оттенков, они были поистине прекрасны. Но еще прекраснее были их нагие тела, свет которых не могла скрыть прозрачная одежда. Святость была так велика, что одеяния скорее подчеркивали, нежели скрывали их красоту. Сотканые из света обручи обрамляли волосы; и свет этот был живым: он мерцал и волновался вместе с их мыслями, которые обращались то к молитве, то к любви или состраданию. Так гармонично слажены и так уверенно спокойны были эти мысли, что даже малейшее изменение в них отражалось на световой ауре Ангелов, рождая алые проблески посреди синевы или золотые искры на фиолетовом фоне.

Стоявший у Алтаря Христос был виден особенно отчетливо; черты Его лица проступали гораздо ярче, чем у Ангелов, сопутствовавших Ему. Голова была увенчана двойной короной: одна корона была как бы вставлена в другую. Внешняя — большего размера — была пурпурного цвета, а внутренняя — белая с темно-красным. Золотые лучи связывали обе короны в единое целое. А между ними светились прекрасные сапфиры: их сияние создавало подобие облака над Его головой. Поверх Его мерцавшего серебром одеяния был наброшен плащ фиолетово-красного цвета — у вас на Земле нет таких оттенков. Перепоясан Он был металлическим поясом цвета серебра с медью. Как видите, я прилагаю все усилия, чтобы как можно точнее и подробнее описать Его облик, для чего мне приходится использовать весьма причудливые сочетания земных слов; но даже этот прием не дает результата, который я решил бы назвать удовлетворительным. Грудь Его украшала рубиновая цепь, скреплявшая края мантии. В правой руке Он держал разноцветный алебастровый посох, на который опирался, установив его на подножие Алтаря; а левой рукой Он подбоченился, просунув за пояс большой палец, из-за чего плащ немного сполз с левого плеча. Вся фигура Христа была под стать величавому выражению Его лица.

Было ли Его лицо таким, каким мы обычно изображаем его здесь, на Земле?

Отчасти, друг, только отчасти. Но вы должны помнить, что в каждом новом проявлении черты Его лица могут слегка меняться, хотя не остается никаких сомнений в то, что это всегда одно и то же лицо. В тот раз Он предстал перед нами в образе Царя. Его облик по-прежнему хранил печать страдания, но господствовали в нем всё-таки царственные черты. Он выглядел настоящим победителем, для которого напряженность битвы уже сменилась умиротворенностью и радостью победы, ибо Он уже завоевал Себе Царство. Вам н терпится узнать, была ли у Него борода, ведь всегда изображаете Его с бородой. Нет, в этот раз бороды у Него не было. Скажу больше: я еще никогда не видел Его с бородой, хотя имел возможность лицезреть Его уже раз пятьдесят-шестьдесят. Однако это еще ничего не значит, ибо я не вижу причин, почему бы Ему не появиться когда-нибудь с бородой, коль скоро в Его власти изменять свой облик. Во всяком случае, я никогда не видел Его таким; и это всё, что я могу сказать.

Мы молча смотрели на Него и на парящих за Его спиной Ангелов, Он же говорил с нами. Вам был бы непонятен смысл Его речи, обращенной к людям, собравшимся в Храме до нашего прихода. Но когда Он обратился к нам — к пятнадцати, только что вернувшимся из дальних странствий, — слова Его были примерно такими (хотя они и не были произнесены так, как делаете это вы, на Земле):

«Вы же, вернувшиеся из отдаленной страны мрака, знайте, что Я — не только здесь, но и там. Хотя Я могу являться живущим в той стране заблудшим душам лишь изредка и не полнотью, во время Своего нисхождения во внешние царства, созданные самовыражением Отца Моего, Я говорил там со многими людьми. И многие, слушая Мой голос, обращали взоры свои к высшим сферам. Но были и такие, кто оторачивался от Меня, обращаясь лицом к темным царствам, поскольку для них невыносимо было ощущение Моего Присутствия, многократно усилившееся с тех пор в нижних мирах. Как бы далеко не спускались вы вниз во время своего путешествия, вы так и не достигли тех сфер, куда попали люди, отвернувшиеся тогда от Меня. Но даже этих людей Я не оставил, и когда-нибудь они тоже будут здесь, со Мной.

Вот и вы — Мои верные посланники — исполняли поручение, которое дал вам Я, и потому Я внимательно следил за вами со Своего высокого престола. Я вижу ваши раны, полученные в жестокой борьбе. Но и Мне они причинили немало страданий. К вам не всегда относились с должным доверием, сомневались в вашей честности, когда вы призывали людей к свету высших сфер. Но и обо Мне они говорили, что Я творю зло, а не добро. И сердца ваши преисполнялись болью, когда вы видели страдания наших братьев в этих темных царствах. Но если вы, возлюбленные мои друзья и помощники, вдруг почувствуете в своих дальних странствиях, что людские страдания становятся для вас непосильной ношей, которая вот-вот сокрушит вас, вспомните, что и Сам Я тоже прошел через все труды и страдания человеческие — в том числе и через те, что приходится видеть и переживать вам. Я тоже познал тьму, когда Он скрыл от Меня Свой лик».

Он говорил спокойно, тихо и сдержанно, и глаза Его как будто растворялись в туманной дымке: взгляд устремлялся куда-то далеко, словно унося Его прочь из этого Святилища, озаренного красотой святости и светом семи вознесенных над Ним лучезарных Существ — назад, к тем людям, о которых Он говорил, — заставляя Его снова и снова сопереживать им и страдать вместе с ними в их туманных и сумрачных царствах. И всё же в словах Его не было страсти — только величие сострадания и спокойная уверенность властелина, способного справиться со всеми недугами, о которых Он говорил.

Впрочем, вернемся к Его словам, ибо я пересказал еще не всю Его речь.

«Ныне же, — сказал он нам (если переложить сказанное на ваш язык), — за вашу преданность Отцу и преклонение перед Его добротой и безграничной любовью, Я вручаю вам памятный знак и печать, которую вы будете носить во свидетельство своего путешествия и служения и тех страданий, которые вы претерпели».

Так Он говорил о новом бриллианте, добавленном к убранству наших диадем, символизовавших преданность и поклонение.

Затем Он поднял левую руку, медленно очертил ею круг над головами коленапреклоненных людей и сказал:

«Я оставляю с вами Своего легата; он расскажет вам о поручении, которое вам предстоит выполнить здесь. Я Сам буду помогать вам в этом деле, поскольку то, что Я хочу доверить вам, — очень важное. Не спешите браться за работу, но, когда начнете, приложите все силы и усердие к тому, чтобы выполнить ее наилучшим образом, дабы не пришлось другим, более сильным и знающим, исправлять допущенные вами ошибки. Позовите Меня, если будет нужно, и Я вам отвечу. Но зовите только тогда, когда почувствуете, что не справляетесь сами. То, что вы сделаете, послужит не только нижестоящим сферам, но и вашему собственному совершенствованию. Помните об этом и не жалейте сил, которые вы уже обрели. Но не допускайте, чтобы дело страдало из-за вашего нежелания обратиться за помощью. Не сомневайтесь. Я всегда буду рядом. И помните, что благополучное завершение работы, которую Я собираюсь поручить вам, станет не только вашим собственным успехом, ибо это также работ Моего Отца и Моя».

Тут Он снова поднял руку, благословляя нас, и медленно произнес:

«Бог есть».

С этими словами Он Сам и Семь Его Ангелов начали постепенно исчезать и вскоре растворились в воздухе, удалившись в свою сферу, и вокруг нас снова воцарилась Тишина. Но в этой Тишине были растворены Его Любовь и Его Присутствие; и мы, прислушиваясь к Тишине, знали, что это Его голос и что Он говорит с нами. И потому никто не нарушил эту Тишину; мы слушали Его неслышимый голос — слушали и молились.

Понедельник, 28 января 1918 г.

Итак, мы рассказали о том, как завершилось наше путешествие. Возможно, у вас возникли какие-то вопросы. Мне кажется, что в голове вашей уже зреет один вопрос. Так почему бы не задать его прямо сейчас?

Да, у меня есть к вам вопрос, и даже несколько. Во-первых, в прошлый раз вы говорили о диадеме преданности или о чем-то вроде того. Не могли бы вы объяснить мне, что это такое?

Ни одна мысль и ни одна эмоция не остаются в этом мире без внешнего проявления. Всё, что вы видите вокруг себя на Земле, есть результат проявления мысли. Но все мысли концентрируются в Существо, из Которого исходит вся жизнь. Будучи направленными от внешнего к внутреннему, мысли как бы сходятся в Нем, всё время возвращаясь таким образом к своему Первоисточнику в никогда не прекращающемся цикле. В период действия этого цикла бесконечный поток мыслей проходит через разум Индивидуальностей, наделенных властью в той степени, в которой Они преданны и тождественны Ему. Проходя через разум всех этих Князей, Архангелов, Ангелов и Духов, мыслепоток проявляется в виде Небес, Преисподних, Созвездий, Солнечных систем, Рас, Народов, Животных, Растений и прочих существ, которых вы называете реальностью. Таким образом, эти объекты рождены мыслями тех, кто пропускает через себя мыслепоток в направлении от внутреннего к внешнему, тем самым делая мысль различимой и осязаемой для обитателей сферы, в которой живут они сами, и отчасти тех сфер, с которыми они так или иначе соприкасаются.

Более того, мысли каждого существа, к какой бы сфере оно ни принадлежало — к Земле, Преисподней или Небесам, становятся проявленными для тех, кто уже эволюционировал до их беспрепятственного восприятия. А потому вам не покажется таким уж невероятным, друг мой, что абсолютно все ваши мысли фиксируются как здесь, на нижних Небесах, так и в тех далеких возвышенных царствах, что пульсируют в такт биению Сердца Святейшего и Высочайшего — Всевышнего, Которому подвластна вся Вселенная.

Но то, что справедливо в большом, справедливо и в малом. И, следовательно, согласованные мысли группы людей в этих тонких сферах тоже получают осязаемое проявление, влияя на температуру и цвет окружающей атмосферы. (Здесь я использую ваши, земные термины, чтобы сделать свою мысль хоть сколь-нибудь понятной для вас.) Таким образом, свойства характера и эволюционный уровень человека получают здесь зримое выражение, так как именно они определяют плотность, форму и цвет его одежды; форму, размеры и структуру его тела; а также цвет и яркость бриллиантов, которые он носит.

Путешествуя по нижним мирам, мы смогли усовершенствовать многие свои положительные качества и полезные способности, что проявилось в виде еще одного яркого бриллианта в нашей диадеме.

Так что со стороны Христа это была не просто великодушная милость. Здесь в основе всех деяний лежит беспристрастная и безошибочная справедливость, но преподносится она неизменно в самой доброжелательной форме. Я назвал этот светлый круг диадемой преданности и поклонения, потому что большую часть времени он остается невидимым и проявляется только тогда, когда все ваши мысли и эмоции сфокусированы на поклонении. Тогда-то и возникает эта диадема, охватывая спереди наши волосы и замыкаясь в круг на затылке за ушами. Диадему украшают бриллианты, о которых нельзя сказать, что они были искусственно встроены в нее каким-то небесным мастером, ибо они скорее сами по себе произрастают из тех положительных качеств, которые мы накапливаем, переходя из сферы в сферу. И вот сейчас к ним добавился еще один бриллиант как результат наших трудов в нижних сферах, где мы исполняли, в меру своих сил, возложенную на нас миссию.

Я мог бы многое рассказать обо всех этих бриллиантах и драгоценных камнях, но боюсь, что вы не сможете всего понять, даже если мне удастся облечь мысли в подходящие слова. Когда-нибудь вы сами всё узнаете об их красоте, об их символике, о заключенной в них жизни и ее возможностях.

Пятница, 1 февраля 1918 г.

Хорошо, когда люди обращают взоры вверх, к свету. Но еще лучше, когда они глядят вниз, стараясь помочь тем, кому не хватает сил, чтобы восстать из своих несчастливых сфер.

Помните, друг, что когда-то точно так же поступил Христос, и многие по сей день продолжают делать это.

Пусть же Господь со всею щедростью одарит вас тем благословением, которое ниспослал однажды на Землю. И пусть Он сделает ваш дух и ваши деяния созвучными разуму Того, Кто принес вам это благословение. Я говорю о Великом Даре Отца, который Сын Его принес людям, живущим в туманной сфере Земли, чтобы оставит им его навечно.

Помните об этом, и вы не найдете для себя ничего более естественного, чем делиться с другими тем, что сами получили в подарок. Не скупитесь, и тогда покоем и радостью наполнится ваша душа.

Часть четвертая: НЕБЕСНЫЕ ВОИНСТВА.

ГЛАВА I: Храм на Святой горе.

Вторник, 5 февраля 1918 г.

Вы хотите, чтобы мы рассказали вам что-нибудь о происхождении и внешнем виде Храма на Святой Горе.

Он расположен между Десятой и Одиннадцатой Сферами таким образом, что виден из обеих этих сфер и в то же время не принадлежит полностью ни одной из них.

Храм появился на свет в стародавние времена, когда очень многие переходили здесь из одной сферы в другую; хотя, конечно, это были только те, кто уже оказался достаточно подготовленным для подобного рода перемещения. Но Десятая Сфера всегда оставалась особенной сферой, поскольку именно здесь суммируются и систематизируются все те силы и личностные качества, которые дух накапливает в ходе своих долгих странствий по нижестоящим мирам. Здесь завершается один грандиозный этап его путешествия и начинается другой — где эволюционное развитие входит в новое, доселе неведомое человеку качество.

На первом этапе в обязанности прогрессирующих духов входят преимущественно защита и поддержка более слабых существ; так что вы с полным правом можете называть их Ангелами-Хранителями. Разумеется, по мере того как эти духи совершенствуются, их помощь становится всё более возвышенной и одухотворенной; но, хотя помощь эта может преподноситься жителям Земли и других сфер, расположенных между Десятой Сферой и Землей, в самых разных формах, суть ее всегда остается неизменной.

Тем же, кто вступает в Одиннадцатую Сферу, предстоит выполнять обязанности иного рода. Их служение теперь будет связано прежде всего с Творчеством. Они начинают постигать великие тайны Живой Вселенной — теперь не столько во внешнем, действующем их проявлении, сколько в их внутренних, потенциальных истоках, как и подобает Святым, живущим в непосредственной близости от Дома Отца. Таким образом, к приобретенным ранее малым силам и знаниям они добавляют новые — великие, и, постепенно подготавливая себя к жизни в вышестоящей сфере, ждут, когда им будет позволено войти в пределы царства, в котором Творчество откроется им во всем величии своей силы и завораживающей красоты.

В этом как раз и заключается одно из предназначений Храма, а вернее, главное его предназначение; о прочих же нам нет нужды говорить прямо сейчас, ведь вы хотите, чтобы мы подробнее рассказали об архитектурной планировке и внешнем виде Храма. Что ж, попытаемся это сделать; но вы должны помнить, что в описании как предназначения, так и формы Храма нам едва ли удастся достичь совершенства, поскольку речь в данном случае идет о Храме, венчающем сферу, состоящую не из материального, но из духовного вещества, и расположенном в духовной атмосфере, десятикратно утонченной в сравнении даже с этим духовным веществом. Что это может означать с точки зрения потенциальной и динамической энергии — мы не станем даже пытаться объяснять, ввиду очевидной невозможности хоть сколь-нибудь внятно изложить данную тему известными вам земными словами.

Храм был построен как связующее звено между двумя сферами и потому сочетает в себе оба аспекта служения — как предшествующий Десятой Сфере, так и следующей за нею. Здесь те, кто уже почти готов к переходу в следующую сферу, собираются вместе и живут достаточно долго, время от времени возвращаясь в Десятую и другие, еще более низкие сферы, чтобы, как и прежде, оказывать помощь тамошним обитателям: защищать и обучать их, способствуя тем самым их развитию.

Но теперь они могут также сопровождать посланников из высших сфер, когда те нисходят по каким-либо своим делам в Одиннадцатую. Поначалу восхождения в Одиннадцатую Сферу длятся недолго и охватывают сравнительно небольшую ее территорию. Но по мере того как восходящие духи становятся сильнее и восприимчивее к тонким пульсациям этой сферы, они начинают заходить в нее всё дальше и оставаться в ней всё дольше. Возвращаясь, они отдыхают в Храм или же снова спускаются в нижние сферы, где выполняют привычные обязанности. Мы рассказали вам о таком нисхождении, охватывающем нижестоящие сферы, включая саму преисподнюю. Эта миссия стала для нас тяжким испытанием, поскольку нам пришлось пересечь не одну и не две, но весь диапазон сфер, отделяющий нас от Земли, а также несколько миров гораздо более мрачных, нежели ваш собственный. Это была суровая проверка на выносливость и адаптационную способность, позволяющую перестраивать тело и разум, чтобы научиться понимать и чувствовать чужие проблемы и затруднения, столь далекие от нашего нормального состояния и уклада жизни. И подвергнуты ей мы были не без основания: лично для меня — давно живущего в Храме — это нисхождение стало последним испытанием перед восхождением в Одиннадцатую Сферу; для большинства моих добрых друзей, сопровождавших меня в этом путешествии, — экзаменом, открывавшим доступ из Девятой Сферы в Десятую; а для двоих — пропуском в Храм и Святой Горе, постоянными обитателями которого они отныне становились.

Обратите внимание на то, что моим последним испытанием перед призванием в сферы, где необычайно активизируются и бурно развиваются творческие способности, стало спасение людей, которых мы вывели из кромешной тьмы к свету. Тогда я еще не задумывался над этим, да и сейчас мне понятно далеко не всё, но просветление уже началось, и потому я уже могу разглядеть часть той славы, которая ожидает в отдаленном будущем этих людей, оказавшихся некогда в столь незавидном положении, а ныне — почти свободных и потому способных чувствовать, какое великое счастье ожидает каждого, кто будет неуклонно следовать избранным ими путем.

И теперь вы уже окончательно перешли из Десятой Сферы в Одиннадцатую?

Пока не окончательно. Я живу в Храме, но условия жизни в Одиннадцатой Сфере становятся для меня всё более привычными. Пребывание наше в Храме складывается из многих составляющих, каждая из которых сама по себе чрезвычайно важна. И пока я не решаюсь преступить хотя бы одну из них, мой окончательный уход из Десятой Сферы невозможен. Для описания хотя бы тысячной доли этих составляющих нам с вами не хватит ни времени, ни слов; но вот вам, для примера, одна из них.

Практически каждый, кто приходит в Храм, задерживается здесь надолго. Но мне придется пробыть здесь дольше, нежели большинству моих собратьев. И причина тому заключается, в частности, в следующем: у меня есть подопечные, которым я обязан помогать, дабы они не сбились с истинного пути, ведущего к свету. Время от времени мне приходится навещать их лично, чтобы они могли видеть меня воочию, а для этого я всегда должен быть рядом. И хотя их мир расположен не в одной-двух сферах от места моего постоянного пребывания, а находятся почти у самых туманных пределов пространства, всё же, пока я остаюсь в Десятой Сфере, я могу достаточно быстро добираться туда и приспособливаться к тамошним условиям.

Таким образом, передо мной стоит сейчас двойная задача. Оставаясь здесь, на Плато, я должен протягивать одну руку вперед, чтобы брать, а другую — назад, чтобы отдавать. Вижу, вижу, друг, вам уже ясна моя мысль, и мне нет нужды развивать ее дальше. Думаю, вы сможете разобраться во всем сами.

Поговорим теперь непосредственно о Храме. Хотя, впрочем, лучше отложить этот разговор до следующего раза, так как вы уже устали.

Наставник, прежде чем мы прервемся, могу я узнать ваше имя? Пока что титул «Наставника» — единственно возможное обращение к вам, но оно мне не очень-то нравится.

Что ж, сын мой, возможно, в имени все-таки что-то кроется, невзирая на авторитетное заявление одного из ваших добрых мудрецов. В сферах, расположенных выше Храма, меня знают под одним именем. Но в нижестоящих сферах у меня другое имя — «Арнель». И вы можете называть меня так же, сын мой, если это вам по душе.

Моя мать говорила мне о духе по имени «Арнель».

Земные письма не годятся для точной передачи небесного имени; отсюда и неизбежная путаница. Я и есть тот, о ком говорила ваша матушка. Так что, пишите мое имя так, как вам самому заблагорассудится; главное — чтобы вы знали, кто под ним подразумевается. Надеюсь, сын мой, теперь я буду «нравиться» вам больше?

Мне понятен ваш упрёк. Но я признаю, что вполне заслужил его.

И правильно делаете, что признаете. Ведь в жизни вам не раз доводилось выслушивать и признавать куда более суровые и менее благожелательные упрёки в свой адрес. А теперь — спокойной ночи; и как бы странно не звучали эти слова в устах того, кому более не дано дышать ночным воздухом, не менее странно будет звучать и мое имя, когда его произнесете вы.

Арнель¹

Пятница, 8 февраля 1918 г.

Я уже рассказывал вам кое-что о предназначении Храма на Святой Горе. Теперь попробую рассказать о самом Храме, его внешнем виде; но только в общих чертах, так как детальное его описание дать невозможно.

Над просторной долиной нависает почти отвесная скала, а на плоской ее вершине воздвигнут Храм. Снизу, из долины, видно далеко не всё строение. Когда собравшиеся в долине смотрят вверх, они видят только главные ворота да боковые арки обращенной к нам стены. И надо сказать, что вознесенный ввысь фронтон Храма производит неизгладимое впечатление своими размерами, а также красотой и монументальностью архитектурных форм. Войдя внутрь через главные ворота, мы поворачиваем направо и идем вдоль открытой колоннады, у которой есть крыша, но отсутствуют боковые стены. Колоннада окружает главное здание Храма, располагаясь на некотором расстоянии от него; в некоторых местах она прерывается пересекающими ее коридорами: слева они ведут к центральному Храму; а коридоры справа — к храмовым пристройкам, каждая из которых снабжена собственными воротами. Впрочем, все ворота выходят в Одиннадцатую Сферу, и только главный вход, о котором мы уже говорили, связывает Храм с Десятой Сферой. У каждой из этих пристроек — собственное предназначение, а всего их десять. Но количество их связано не с десятью нижестоящими сферами, а напротив, с теми, что расположены выше и дальше Храма.

Главные ворота стоят особняком, и связаны они исключительно с нижестоящими сферами. В каждой пристройке есть свой большой зал, хотя по форме своей они разнятся между собой так, что среди них нет даже двух одинаковых. И в каждом из залов непостижимым для вас образом присутствуют элементы той сферы, с которой он связан. Именно сюда поступают сообщения из всех этих сфер: здесь они переводятся на язык Одиннадцатой Сферы и здесь же принимаются к исполнению либо пересылаются в ту область, которой они непосредственно адресованы.

Когда какая-нибудь группа обитателей Храма поднимается в вышестоящие сферы, с ними постоянно поддерживается связь через эти храмовые пристройки; и по мере того как они переходят из одной сферы в другую, канал этой связи перемещается в пристройку, связанную с той сферой, где они находятся в данный момент.

¹ В этом послании Арнель впервые назвал свое имя, после чего подписывал каждое свое сообщение, всегда добавлял к подписи знак креста.

Потом мы сворачиваем налево, в один из поперечных коридоров, разрезающих кольцеобразную колоннаду. Он ведет нас через живописные внутренние дворы, прекрасные сады и парки с фонтанами, статуями, прудами, вымощенными разноцветным мрамором дорожками, зелеными беседками и храмами, среди которых есть точные, но, конечно же, уменьшенные копии храмов высших сфер. И вот мы выходим к главному комплексу храмовых зданий.

Этот комплекс тоже имеет десять ворот, но с коридорами они не связаны. Ворота располагаются как раз посередине между двумя соседними коридорами, подступающими к стенам центрального комплекса, и выходят в просторный парк, который они делят на несколько секций. На Земле вы назвали бы каждую такую секцию отдельным парком, поскольку Храм занимает огромную территорию. Колония его обитателей исчисляется многими тысячами духов, но всё же в нем хватает места и для садов, и для строений.

Остановимся на минуту у ворот, расположенных между пристройками Двенадцатой и Тринадцатой Сфер (у нас принята другая нумерация, но, во избежание путаницы, я буду пользоваться привычной для вас). Вдоль стены идет широкая терраса, которую ворота делят на две части. Терраса возвышается над прекрасным садом, растущим до самых гор, вознесшихся на горизонте, и, подобно часовым, охраняющим границу Одиннадцатой Сферы, которая там проходит, поскольку Храм расположен на ее окраине. Я уже говорил, что ворота как бы разрывают террасу надвое, выходя прямо на площадь, куда можно спуститься по ступеням из сияющего янтаря. Янтарь светится внутренним светом, который, сливаясь со светом извне, создает неповторимое сочетание оттенков, изменяющееся всякий раз в зависимости от того, кто нисходит или восходит по этой лестнице. Не забывайте, что всё, что вы назвали бы мертвой, или неодушевленной, материей, здесь способно чутко реагировать на внешние воздействия. Камни ощущают влияние травы и деревьев и сами, в свою очередь, влияют на них; деревья ощущают присутствие людей, и характер этого ощущения определяется как природой самих деревьев, так и душевными качествами приближающихся к ним людей. То же можно сказать о домах и прочих строениях.

Сами ворота являют собою прекраснейшее сооружение. Форму они имеют не прямоугольную, не округлую, но такую, какую вы не в состоянии себе вообразить. А если я скажу, что это даже не форма, а ощущение ее, вы, пожалуй, решите, что это аллегория. Однако эта форма стабильна и устойчива, как ни одно строение на Земле. Что же касается материала, из которого выстроены ворота, то назовите его перламутром, или жидким стеклом, и этого достаточно.

Войдя в Ворота, мы попадаем в продолговатое помещение, покрытое решеткой, переплетенной лозой и цветами, посаженными отчасти за стенами помещения, а отчасти произрастающими в нем самом. Но не будем задерживаться и поспешим вперед, ибо перед нами — Главный Зал Храма.

Это тот Зал, в котором вы видели Христа, после того как вернулись из своего путешествия?

Да, тот самый. У него нет крыши — в том смысле, в котором вы себе это представляете. Но и открытым помещением его тоже не назовешь. Его увенчивают арки, высокие и величественные, поддерживаемые колоннами из полихромного кристалла. Каждая из арок напоминает тонкую нить, окруженную чем-то вроде светящегося облака; и свет этот имеет свойство быть непроницаемым для взоров большинства из тех, кто сюда приходит. Цвет облачной крыши может меняться в зависимости от того, какого рода церемония проходит под нею.

Я уже говорил об Алтаре и о расположенном за ним Тронном Зале. К Залу примыкают с боков и другие комнаты, одна из которых — комната для переодевания. Как видите, я постарался, чтобы название звучало вполне поэтически. Но вы должны знать, что Переодевание, которое совершается здесь, это не просто замена одной одежды на другую, но ритуальная церемония огромной важности. Пожалуй, я расскажу о ней.

В Главном Зале иногда совершаются церемонии, сопровождаемые привлечением электрической энергии из сфер, расположенных значительно выше. При этом необходимо, чтобы участвующие в подобной церемонии обитатели Одиннадцатой или любой другой, но всё же

расположенной ниже источника поступающей энергии, сферы преобразовали свою природу таким образом, чтобы проникающий в их тела жизненный поток облагораживал, а не разрушал их. Потому-то церемония Переодевания со всевозможным тщанием совершается в специально отведенной для этого Комнате, где под пристальным наблюдением существ святых и могущественных происходит преображение одеяний, проявляющееся в изменении их цвета, плотности и формы. Причем результат зависит от свойств личности их владельца. Внешний вид одежды во многом определяется внутренними качествами того, кто ее носит. Только после этого Преображения человек может войти в Зал и принять участие в предстоящей церемонии.

Это может быть отправка рабочей группы с поручением в иные сферы — церемония Проводов. При этом собравшиеся объединяют свои мысленные усилия, направляя их в помощь уходящим. Необходимо достичь абсолютного слияния мыслей в этом объединенном потоке, что возможно лишь в том случае, если между всеми собравшимися будет установлена полная гармония. А потому приходящие из нижних сфер, а также духи, недавно живущие в Храме, непременно должны пройти предварительную подготовку в комнате для Переодевания; только после этого они смогут внести свою лепту в поддержку отправляющихся в путь миссионеров.

Или же это может быть предстоящее Богоявление: то есть явление какого-либо аспекта Божества, или Высшего Существа, или даже Самого Христа. В таких случаях преображение одеяний также имеет большое значение, ибо без него Богоявление может принести не пользу, а вред. И хотя я никогда не слышал, чтобы в подобных случаях была допущена ошибка, всё же, теоретически, такую возможность нельзя исключить.

Часто бывает так, что новички, приближаясь к Главному Залу, начинают чувствовать, что силы оставляют их. Такое случается, когда Зал заполнен Присутствием могущественного Существа или каким-нибудь столь же интенсивным влиянием. Такое ощущение заставляет их на время отступить. Но и в этом отступлении заключено испытание, закаляющее человека, делающее его сильнее. И, следовательно, даже те, кто не может пока войти в Зал, не остаются без благословения.

Если подняться в горы и посмотреть на Храм с какой-нибудь вершины, он покажется целым городом — со множеством арок и башен, куполов, деревьев и парков. Зрелище становится более прекрасным благодаря обилию самоцветов, сияющих тут и там ослепительно ярким светом. Ибо каждый купол или шпиль здесь подобны бриллиантам, искрящимся неповторимым небесным светом. Более того, каждый фрагмент здания, каждый цвет и каждый драгоценный камень несут здесь определенную смысловую нагрузку, понятную тем, кто живет в Храме. И сами обитатели Храма — гуляют ли они вдоль галерей или в парках, или стоят на балконах и крышах зданий — ничуть не менее прекрасны. Они как бы сливаются с красотой этого места, подчеркивая и преумножая ее своею славой и умиротворенностью. Ибо они и Храм составляют единое и неразрывное целое или, как я уже говорил, реагируют друг на друга. И потому здесь невозможна никакая дисгармония, но повсюду царит идеальная сбалансированность цвета и композиции. И если бы мне предложили в двух словах охарактеризовать Храмовый Город, то я, пожалуй, назвал бы его Царством Гармонии, поскольку здесь достигнуто абсолютное созвучие цвета, звука, формы и настроения тех, кто снискал себе право жить в этом благословенном месте.

Арнель

ГЛАВА II: Ангелы-близнецы. Мертворожденные дети.

Понедельник, 11 февраля 1918 г.

А сейчас, сын мой, я хочу, чтобы вы освободили свой разум от собственных мыслей, потому что я намерен рассказать вам о событии, имевшем место в Храме на Святой Горе. Это

событие я мог бы назвать и Проводами, и Богоявлением одновременно, так как оно сочетало в себе черты и того, и другого.

По Призыву Хозяина Храма со всех уголков сферы в Главный его Зал стекались потоки счастливых людей. Эти люди были действительно счастливы, но лица их оставались серьезными, так как они знали, что им предстоит принять участие в очень важной церемонии, а потому надлежало настроить свой разум таким образом, чтобы извлечь из нее как можно больше для собственного самосовершенствования. Ибо эти Богоявления имеют характер мистический и сакраментальный; а мы уже имеем достаточный опыт восприятия исходящих из высших сфер облагораживающих влияний, чтобы понимать смысл происходящих в Храме церемоний и по достоинству оценивать то благословение, которое они несут с собой.

Когда Зал заполнился людьми, я посмотрел вверх и заметил, что цвет облачной крыши изменился. Когда я вошел, она была золотой с синими проблесками. Теперь же она впитала и перемешала в себе все те оттенки, которые принесли с собою многочисленные собравшиеся. И чем больше народа собиралось в Зале, тем больше возвышенных устремлений поднималось под его своды; так что к тому моменту, когда все были в сборе, крыша приобрела уже малиново-бархатный цвет. (Боюсь, что в человеческой речи не удастся отыскать более точного сравнения.) И всё же расцветка свода говорила мне о том, что к Храму из высших сфер приближается некая божественная сила и что скоро мы увидим перед собою чье-то величественное Присутствие.

И вот сквозь крышу, как через фильтрующее стекло, в пространства Зала начал просачиваться туман, нисходивший на нас ощущением сладчайших ароматов и едва слышной музыки. Его воздействие вызывало чувство восторга и в то же время умиротворения, вознося нас ко всё более высокой гармонии и превращая из обычного собрания самодостаточных личностей в некое подобие многоклеточной структуры, составляющей единое человеческое тело, — настолько сильным стало для нас ощущение единства цели и любви.

Наконец перед открытыми дверями Тронного Зала возникло и начало конденсироваться, приобретая форму, облачко. Я постараюсь рассказать вам как смогу, об этом превращении; но вы должны помнить, что, попытайтесь вы потом снова рассказать кому-нибудь из моих собратьев по сфере обо всем услышанном, он, хотя и признает, что событие, о котором вы ведете речь, действительно имело место, всё же сочтет ваше описание не соответствующим истине, по причине множества упущений, а также неадекватного и странного именованья всего того, что, по вашим словам, должны были видеть и слышать собравшиеся.

А облако между тем окрасилось в зеленый цвет, в котором блестели янтарные спирали. Его движение не прекращалось ни на миг; и вот в середине возникло некое подобие синего шатра, постепенно оформившееся в величественный павильон с темно-сине-фиолетовой крышей и полупрозрачными колоннами зеленого и янтарного цветов. Семь колонн стояли полукругом, и еще две располагались по бокам с открытой стороны. Они были темно-фиолетового цвета с украшениями в виде спиральных малиновых линий, окаймленных с обеих сторон белыми полосами. Всё сооружение дышало жизнью тех, чьей волей оно было порождено. А еще вокруг звучала едва уловимая чарующая музыка, ощущение которой доставляло нам истинное наслаждение. Именно ощущение, поскольку мы скорее чувствовали музыку, нежели слышали ее; а в этих сферах ощущение звука часто бывает гораздо более реальным, нежели его слуховое восприятие.

И вот под сводами шатра, в окруженном колоннами пространстве появилась колесница. Она была развернута к нам тыльной стороной, так что над ее верхним краем видны были только головы и гривы пяти прекрасных лошадей. Было заметно, что лошадям не стоитя на месте; казалось, они осознавали, насколько серьезная роль им доверена, и это наполняло их восторгом и ликованием. Цвета они были светло-золотистого, с темно-золотыми гривами. Их атласные крупы светились, отражая краски облачного свода. Это было захватывающее зрелище.

А затем в колеснице появилась фигура прекрасной молодой женщины. Она стояла лицом к нам, и я был настолько заворожен ее красотой, что перестал замечать всё вокруг. Вам

трудно будет вообразить себе цвет ее тела, поскольку таких оттенков нет на Земле. Я бы назвал его янтарным, но он был более светлым и прозрачным и в то же время вызывал ощущение реальности и постоянства, чего обычному янтарию как раз и недоставало. Женщина была одета в голубое прозрачное платье, и его цвет, сливаясь с цветом ее тела, создавал новые, нежно-зеленые оттенки. Ее предплечья украшали металлические обручи пурпурного цвета, а запястья — обручи из ярко-красного металла. На голове алела шапочка с тонким золотисто-белым ободком, из-под которого выбивались густые волосы — каштановые, с каким-то неуловимым оранжевым отливом, из-за чего казалось, будто их коснулся луч заходящего солнца. Глаза были темными — иссиня-фиолетовыми.

И все мы как один поняли, увидев эту Царицу, спустившуюся к нам с Вершин Небесного Царства, что перед нами — Повелительница... а вот Повелительница чего, я даже не могу толком объяснить вам, сын мой. Но очень хотелось бы, чтобы вы поняли, что она значит для нас и какое положение занимает в своем собственном Доме. А потому подождите немного, друг; я продолжу, когда отыщу в вашей памяти слова, которые могли бы по-возможности точно передать мою мысль...

Итак, запишите в точности следующее: Царица-Мать, непорочность, дух, размышляющий о судьбах рода человеческого и побуждающий его познавать себя как силу, стремящуюся к добру и совершенству. Образно выражаясь: ее задача — вызывать у апатичных и застывших в своем развитии людей чувство недовольства своим нынешним состоянием; с риском натолкнуться на сопротивление или безумствование будить их активность; и распространять повсюду ощущение отдаленной, но реальной и неизбежной вечности, когда всё будет погружено в состояние величественного и незыблемого покоя. Она была воплощением бесстрашия и чистоты, не оставляющей места для стыда перед телесной наготой; напротив, ее красота была свидетельством святости, сострадания и любви. Замените это описание одним словом — «Царица», и вы, возможно, поймете, какое впечатление произвело на нас это видение.

А женщина тем временем отвернулась от нас и поочередно прикоснулась ладонью к двум ближайшим к ней лошадям; в тот же миг колесница резко развернулась и женщина снова оказалась обращенной к нам лицом. И тогда на галерее в противоположном конце Зала показался юноша. Спустившись вниз, он прошел между рядами собравшихся и остановился перед павильоном. Женщина улыбнулась ему, он взшел на колесницу и встал рядом, отчего они оба стали еще прекраснее, ибо так они влияли друг на друга, стоя плечом к плечу, и сердца их ликовали от взаимной любви и обоюдного стремления к совершенству.

Не могли бы вы рассказать мне, как выглядел этот юноша?

Почти так же, как женщина, поскольку он был ее мужской ипостасью. Вместе они выглядели как близнецы, повторяя и дополняя друг друга. Только в одном они отличались: одежда юноши была чуть красноватой. Других явных отличий я не заметил; даже их половая принадлежность проявлялась, скорее, духовно, нежели телесно. Но один из них был, безусловно, мужчиной; а другая — определенно, женщиной. Поговорим об их роли в церемонии.

Они пришли к нам, чтобы увести с собою тех, кто находился в Храме и его окрестностях уже достаточно долго для того, чтобы им можно было доверить предприятие более масштабное, требующее немалых усилий и способностей. Им предстояло отправиться на планету, где разум только начал пробуждаться, чтобы помочь естественному ходу эволюции, направленного на данном этапе на выделение из животного мира нового, разумного существа. Это новое существо не обязательно должно стать похожим на земного человека, но кое-что общее у них всё-таки будет, поскольку основополагающие принципы у тех, и у других — идентичны. Таким образом, некоторым из нас предстояло взять на себя заботу о благополучном развитии какой-то расы, стоящей на заре разумной жизни. Разумеется, подобные задачи решаются не сразу и требуют долгой и кропотливой работы. Пока что им предстояла первая встреча с Творческими Иерархами, подведшими планету к этой переломной точке. А потом они будут, время от времени, возвращаться сюда, чтобы отдохнуть и получить необходимые наставления. Только возвращаться им придется небольшими группами, чтобы планета не ос-

тавалась совершенно без присмотра, и кто-то из них всё равно останется, продолжая работать. Так они и будут сменять друг друга, ни на миг не прекращая работу, пока вся эволюция планеты постепенно не окажется под их контролем. А в это время в нашей и в некоторых других сферах будут готовиться им в помощь новые группы, которые присоединятся к ним, после того как раса достаточно размножится и разовьется до такой стадии, когда ей потребуются гораздо большее число охранителей и пастырей, чтобы вести всю планету по бескрайним просторам Небесного Царства — от туманности к плотной материи, а затем — к живым организмам и далее, к разуму. Если брать в пример вашу Землю, — от животного сознания, через человеческий вид, к божеству.

Той группе, которой мы собирались пожелать счастливого пути, предстояло пройти первое испытание, не требовавшее собственно творчества, до которого нам всем пока очень далеко, но всё же способное исподволь подвести их к порогу творческого служения. Это испытание состоит в развитии из уже сотворенной жизни новых форм Бытия, что, в принципе, тоже является творчеством, а на практике представляет собой разновидность малого творчества, пока далекого от сотворения подлинного и изначального.

Заметьте, сын мой, что в описанном мною Явлении двух высших духов первой появилась женщина на колеснице, и только потом к ней присоединился мужчина. Подобная последовательность символизировала приоритет материнства в этой империи. Но затем оба — и женщина и мужчина — встали в колеснице бок о бок, дабы никто не мог усомниться в их равенстве. В этом и кроется загадка: как двое — пришедшая первой и пришедший вторым — могут стать равными и составить неразрывное единство? И тем не менее это так. Но всё же не стану давать этому феномену никаких объяснений, предоставляя вам возможность самому поразмыслить над ним. И, думаю, вам скорее удастся почувствовать справедливость подобного исхода, нежели объяснить его логически. И вот, наконец, были избраны те, кому предстояло исполнить миссию — сквозь бесконечность пространственных царств донести свет разума до самых отдаленных, глубоких и темных окраин, где духовную субстанцию и атмосферу заменяет материя. Если бы вы только знали, что это значит для нас — удаляясь от небесного света, погружаться всё глубже и глубже во тьму, с каждым шагом всё более непроглядную; опускаться на самое дно Бытия, где миры — материальны, и живые тела, в каждом из которых спрятана искра жизни из того же самого источника, что питает нас, небожителей, тоже формируется из материи. Но ведь и мы были когда-то в точности такими же. Это странно, очень странно, но всё же я и мои друзья снова здесь и говорим с вами, хотя вы и остаетесь до сих пор пленником материального тела. Правда, видим мы только ваше духовное тело и только к нему обращаемся. А вот маленькая леди Катлин, благодаря какому-то ей одной ведомому колдовству, способна проникать дальше нас и устанавливать контакт с вашим физическим мозгом. Поэтому для нас она — связующая нить, которая помогает нам услышать и понять друг друга.

Арнель

Пятница, 15 февраля 1918 г.

К какой расе принадлежали те двое Ангелов в своей земной жизни?

К той же самой. Вы должны знать, что, несмотря на свою молодость, эти двое Ангелов имеют очень древнее происхождение. Практически все, кто достиг их уровня силы и власти и научился применять их в творческой деятельности, имеют за плечами продолжительный период подготовки и развития. Те двое были духами-близнецами. Они оба жили в те времена, когда Земля еще не приобрела свой нынешний облик и когда человечество пребывало в самой первой на этой планете расе, к которой были причислены и эти двое. Этот период земной истории длился довольно долго, и они прошли через этап становления разума и перешли в духовные сферы. Там их обучение продолжилось, и они, будучи самыми прогрессивными и высокоразвитыми представителями своей расы, сами начали способствовать развитию разумной жизни на различных планетах, каждый раз переходя ко всё более высокому уровню эволюции, пока процесс их собственного совершенствования не привел их снова в земную

сферу. К этому времени на Земле уже существовала разумная жизнь и человек приобрел тот облик, который он имеет сегодня, только уровень его интеллектуальных способностей был пока еще не очень высок. Задолго до возникновения Атлантиды или другой цивилизации, которую вы называете Лемурией, эти двое вознеслись в околоземные сферы; а затем, накопив достаточно сил и знаний и достигнув высокой степени святости, быстро устремились вверх и вскоре поднялись до межпланетных и, насколько я знаю, даже межзвездных сфер. Я склонен полагать, что духам их уровня не поручают подобную творческую работу до тех пор, пока они не овладеют высшими силами, закрепляющими созвездия на их орбитах и поддерживающими их во взаимодействии друг с другом. Однако они не осознавали своего родства до тех пор, пока не вернулись в околоземное пространство, где естественный закон духовного притяжения сблизил их. С тех пор они неизменно вместе, рука об руку поднимаются по ступеням лестницы Божьих Небес.

Как же им удавалось вступить в контакт с обитателями других планет? Благодаря перевоплощению?

Под перевоплощением подразумевается возвращение в плоть того же самого вида и строения, в которой вы пребывали ранее. И если это так, а именно такое значение у вас придается этому слову, то термин «первоплощение» вряд ли сможет объяснить, каким образом им удавалось приспосабливаться к природе и внешним проявлениям, существующим на других планетах. И хотя на некоторых планетах плоть по своему строению очень похожа на вашу, земную, всё же ни одна планета в точности не повторяет другую по своему виду и условиям жизни, а некоторые миры и вовсе устроены радикально иным образом.

Следовательно, то превращение, которое вы имеете в виду, не только не является перевоплощением, но и косвенно противоречит законам межпланетной космогонии. Кроме того, его характер представляется настолько противоестественным, что те, кто контролирует и направляет восходящее движение сфер, наверняка отвергли бы его как бесполезное. Нет; они посещали отдаленные миры — как в Солнечной системе, так и за ее пределами — точно так же, как это сейчас делаю я. Я возвращаюсь к Земле, чтобы укрепить здесь свои силы; но, время от времени я точно так же посещаю и другие планеты в поисках большего знания и Божьей мудрости в сотворении миров и управления ими. Но я отнюдь не примеряю на себя свойственную этим планетам материальную оболочку, что только мешало бы мне. А так я могу изучать их внутреннюю жизнь и реальное состояние, и это гораздо лучше, поскольку реальное состояние и есть духовная природа. С духовной стороны я могу узнать намного больше о том, что происходит в их мире и что произойдет с ними в будущем. Мои возможности были бы куда более ограниченными, если бы я всякий раз спускался на поверхность планеты во плоти; ведь этим я только сковывал бы собственные чувства, заставляя их действовать с помощью тела более грубого и плотного, нежели сотканного из эфирной субстанции и потому служащее для духа удобным одеянием. Достаточно ли вам этих наблюдений, сделанных мною на основании собственного опыта, чтобы понять, как обстояло дело с Ангелами-Близнецами?

Да, сэр, спасибо. Мне кажется, я понял вашу мысль.

Да, вы должны понимать, что, хотя Творение и едино, всё же дифференциация проникает достаточно далеко в высшие сферы небесного совершенства, а процесс унификации принимает формы, недоступные даже нашему воображению. Ведь и мы пока несовершенны; и когда смотрим вперед, чувствуем, как мало мы еще прошли с тех пор, когда отмеряли свое продвижение днями и ночами, по пути к небесным вершинам, уводящим в бесконечность — туда, где маятник Божьих часов ритмично отмеряет вечность за вечностью, а ритмы музыки сфер, исполняемой великим оркестром динамического Творения, сливаются в один гармоничный аккорд.

Это школа, где я постигаю пока самые азы науки, поднявшись всего на одну ступень выше подготовительного, дошкольного класса, который я закончил, когда достиг своей нынешней сферы и получил право жить в Храме. Те двое Ангелов закончили эту школу и уже

взялись за высшее образование. И вы знаете, что теперь они возвращаются сюда как учителя и наставники, помогающие другим осилить дорогу, по которой некогда прошли сами.

Я давно хочу спросить вас, сэр: как их зовут?

Давно хотели спросить, но опасались, что я вас раскритикую, как в прошлый раз? Что ж, вы можете смело записать, что имен у них нет. Назовите их как хотите, сын мой, дабы мы могли узнавать их впредь по этим именам.

Пусть их зовут Марией и Иосиф.

Сын мой, боюсь, вы не совсем верно поняли аналогию этой сокровенной мистерии. Но я не возражаю. Более того, мне даже кажется, что эти два имени — единственные в земной традиции, хотя бы отчасти подходящие для них. И довольно об этом. Имеющий уши да слышит. Будем называть их так, как вы предложили: Мария и Иосиф. Вы ведь сами назвали их в такой последовательности — пусть так и будет. И заметьте, сын мой, что последовательность в данном случае важна.

Похоже, что передача имен, как и точная датировка своей прежней земной жизни, представляет для вас наибольшую сложность. Это замечали все, кто когда-либо принимал послания из ваших сфер. Почему так бывает, объясните.

Вы, похоже, смешиваете здесь два вопроса, не так ли, сын мой? Вы хотите спросить меня о воспринятых на Земле именах или о времени жизни на Земле?

И о том, и о другом.

Что ж, тогда начнем с земных имен. Некоторое время они сохраняются в памяти и после физической смерти. Но здесь люди получают новые имена, которые, в отличие от земных, сохраняются навсегда. Земные же, со временем, исчезают: постепенно изглаживаются из памяти и наконец забываются вовсе. Пока на Земле остаются родственники, перешедший на нашу сторону хорошо помнит свое земное имя; но когда все они оказываются здесь, имя начинает забываться. Затем — поколение за поколением — линия физического родства постепенно размывается, смешиваясь с чужой кровью, и, как следствие, ослабевает связь с Землей и живущими на ней потомками. Бывают, конечно, и исключения, но они крайне редки. Опять же, с течением время прежнее имя меняется — и в написании, и в произношении, пока в конце концов не становится совершенно иным. Но большинство земных имен забывается всё-таки потому, что интерес к земной жизни постепенно вытесняется новыми потребностями прогрессирующего духа и обилием ярких впечатлений, ожидающих его по эту сторону Завесы. Впрочем, даже забытое земное имя всегда можно восстановить в памяти, заглянув в хроники, но мало кто интересуется им настолько серьезно.

Трудности в воспоминаниях о времени жизни на Земле объясняются теми же самыми причинами: нам нет никакой необходимости вспоминать о ней, поскольку мы здесь смотрим, как правило, в будущее, а не в прошлое. По мере отступления на задний план воспоминаний о земной жизни и вытеснения их новыми событиями, наслаивающимися друг на друга в единой причинно-следственной цепи, становится всё труднее разглядеть в этой цепи единственное и к тому же весьма отдаленное звено, называемое земной жизнью. Вам — принимающим наши послания — легче задавать вопросы, чем нам — сосредоточенным на их передаче и потому не предрасположенным отвлекаться ни на какие посторонние разговоры — отвечать на них. Поверьте, это совсем не просто для нас, занятых другими делами и живущих не прошлым, но настоящим, — вдруг совершить резкий поворот и направить свой корабль вспять, в поисках того места, где о его нос разбилась одна маленькая волна, уже давно исчезнувшая с поверхности великого океана; тем более что корабль с тех пор успел уйти далеко вперед, и никто даже не пытался считать, сколько волн встретилось на его пути. Представьте себе, что каждая такая волна это целое столетие, и тогда вам, возможно, станет понятно, что я имею в виду.

Арнель

Пятница, 22 февраля 1918 г.

Вам и всем тем, кто пожелает понять разницу между жизнью в этих сферах и нормальными условиями жизни на Земле, необходимо сперва кое-что уяснить.

В данном случае мы говорим о рождении в этих сферах, распространяющемся на тех, кто приходит сюда из земной сферы, еще не имея собственной сложившейся личности. Эти дети приходят сюда спящими; и процесс их первого пробуждения здесь соответствует вашему земному рождению. Они никогда не дышали земным воздухом, никогда не видели света и не слышали звуков Земли. Короче говоря, ни одно из их земных чувств еще не использовалось для того, к чему его готовил естественный ход эволюции. И всё-таки структура органов этих чувств уже практически полностью оформилась. Их мозгу тоже пока не приходилось воспринимать и осмысливать посылаемые этими органами сигналы. Так что ребенок совершенно не обладает земным опытом, хотя потенциально все земные качества у него есть. Подобное состояние не распространяется на детей, которые успели родиться к земной жизни, пусть даже она длилась всего несколько минут или того меньше.

Следовательно, перед теми, кто берет на себя заботу об этих детях, встает немало проблем. Ибо, во-первых, им приходится воздействовать на органы чувств ребенка таким образом, чтобы был возможен их естественный прогресс; а во-вторых, заботиться о том, чтобы мозг ребенка получил все необходимые ему навыки. В случае с ребенком, который пробыв на Земле хотя бы несколько минут перед тем, как перешел на нашу сторону, связь между мозгом и органами чувств уже установлена и может быть использована для развития мыслительных способностей, зависящих от действия этих органов. Но у мертворожденного ребенка подобной связи нет, и нам приходится создавать ее здесь. Только когда эта задача будет решена, можно говорить о нормальном развитии ребенка — таком же, как у обычных детей.

Для ее решения применяются различные методы. В частности, используется существование связи между ребенком и его родителями и прежде всего — между ребенком и его матерью.

Здесь важно восстановить контакт ребенка с матерью таким образом, чтобы он пережил нечто похожее на процесс настоящего рождения. Это переживание заставляет ребенка ощущать как бы телесное отделение от нее и собственное становление как обособленного и самостоятельного существа.

Этот эффект достигается не рождением ребенка в плотном теле, но установлением контакта между духовным телом ребенка и духовным телом матери. Разумеется, это не может содействовать установлению такого же налаженного взаимодействия между мозгом и органическими функциями, какое дает ребенку естественное рождение, но позволяет хоть как-то имитировать обретение земного родства, чтобы впредь ребенок мог ощутить близость матери и благополучно расти, как все прочие дети, насколько это возможно.

И всё же между мертворожденными детьми и теми, кто хоть немного жил на Земле, существует заметная разница. Первым недостает некоторых мужественных добродетелей, но зато они более духовны, как по своему облику, так и по характеру. Но так же, как рожденные на Земле дети совершенствуются в духовном развитии, так и мертворожденные обогащают свои познания о Земле благодаря контакту с матерями, а впоследствии — и с другими родственниками. В результате различия между теми и другими постепенно сглаживаются, позволяя им достичь относительного баланса на основе взаимной дружбы и любви и обмениваться впоследствии тем, чего каждому из них недостает.

Таким образом, рожденные на Земле дети становятся мягче и нежнее, а нерожденные, напротив, укрепляют свой характер; и хотя едва уловимое различие между ними всё же остается, после их принятия в единое сообщество оно лишь вносит в его структуру элемент некоторого разнообразия — столь же приятный, сколь и полезный.

Уже из одного того, что я рассказал вам, сын мой, вы можете судить, насколько велика ответственность земных родителей за своих детей, попавших в эти сферы, ибо сохранение контактов с ними необходимо для нормального развития этих детей, включая тех, кто всё же успел родиться на Земле. Ребенок не может вести здесь нормальную жизнь, если он лишен связи с родителями на Земле, поскольку никто другой не в состоянии восполнить этот про-

бел. Но если родители ведут на Земле недостойную жизнь, то их детей, напротив, необходимо держать в отдалении от них на протяжении многих лет (в земном исчислении), пока они не вырастут и не станут достаточно сильными и мудрыми, чтобы помогать ангелам-хранителям этих людей присматривать за ними ради их собственного благополучия.

Но, как правило, ребенок еще не успевает достичь достаточной ступени развития для того, чтобы его можно было подвергать негативным земным влияниям; и прежде чем это произойдет, его родители оказываются здесь — по эту сторону завесы, в царстве духа. В таких случаях единственное, чем ребенок может помочь своим родителям, это молитва.

Когда такая мать попадает сюда, она либо не чувствует уже никакой любви и привязанности к своему чаду, которое некогда вскармливала собственной грудью, либо даже вовсе не вспоминает о его существовании. Таким образом, и без того очень слабая связь между ними истончается всё больше по мере того, как ребенок восходит всё дальше вверх по пути прогресса, а его мать, напротив, опускается вниз — к тому месту, где ей предстоит пройти очищение. И к тому времени, когда она возвысится наконец до той сферы, где ребенок ожидал ее прихода на протяжении всего остатка ее земной жизни, он уже успеет продвинуться еще дальше и вновь окажется недосягаемым для нее.

При этом ребенок может знать о существовании матери и время от времени, незримо для нее самой, помогать ей. Однако узы нежной привязанности и любви, обычно связывающие сердца родителей и детей, уже разорваны и вряд ли когда-нибудь будут восстановлены обычным ходом небесной жизни.

Я поведал вам обо всем этом, сын мой, поскольку мы здесь видим, что вы явно недооцениваете роль материнства в ситуациях, которые я только что описывал. И всё же эти нежные цветы, оказавшиеся сорванными до того, как успели взрасти, тоже распускаются во всей своей красе под лучами живого солнца; и лишь тоска по родителям, которую можно иногда прочесть на их лицах, дает нам повод для сожалений.

Это не значит, что они несчастны, отнюдь нет. Такого мы бы ни за что не допустили. Но ощущение потери всё равно не оставляет их и лишь частично компенсируется заботой матерей, которым не удалось выполнить свою миссию на Земле и потому пришлось перенести ее сюда. Здесь каждый, как я уже говорил, делится с ближним тем, чего тому недостает, и получает взамен то, в чем нуждается сам, что весьма отраднo.

Но, Арнель, почему вы решили рассказать мне обо всем этом именно сейчас? Ведь ваш сегодняшний рассказ, похоже, никоим образом не связан с предыдущим.

Это вам так кажется.

Но я уже давно заметил зреющий в вашем разуме вопрос, который вы бы мне всё равно рано или поздно задали. Так что тему нашей сегодняшней беседы я выбрал не наугад. Без той информации, которой я с вами сегодня поделился, вы не смогли бы уяснить себе характер взаимоотношений между Царицей и ее Супругом, которых вы окрестили Марией и Иосифом. Ведь сегодня я рассказал вам о том, что связывало их в далеком, очень далеком прошлом; о том, что некогда соединило их. А о плодах этого союза, скрепленного узами любви, вы уже слышали.

Арнель

ГЛАВА III: Университет Пяти Башен.

Пятница, 1 марта 1918 г.

Здесь, в Десятой Сфере, посреди густого леса есть широкая поляна. Глухой стеною ее окружают деревья, но множество дорог и проселок, подступая к ней со всех сторон, соединяют ее со всеми уголками сферы. От этих дорог в лес уходят узкие тропинки — излюбленное место прогулок для тех, кто жаждет уединения для медитации или общения с иными сферами. Здесь повсюду господствует красота и покой. Деревья, цветы, ручейки, разбросан-

ные тут и там озера, и никого вокруг, кроме птиц и животных. Всё это притягивает сюда ученика, побуждая подолгу бродить здесь, вдыхая воздух тишины.

Но нам интересна прежде всего поляна. Впрочем, она настолько велика, что вы, пожалуй, назвали бы ее не поляной, а долиной. Вся она покрыта садами, фонтанами, храмами и прочими строениями, предназначенными для исследований и обучения, ибо здесь расположен университет, хотя на первый взгляд его можно было бы принять за большой и прекрасный город. И назидательность здесь не менее важна, чем красота.

В плане он имеет не круглую, но скорее овальную форму. С одного конца овала из леса вступает широкий портик огромного здания, окруженный высокой стеною деревьев, над которой нависает еще более высокая стена с вытянувшимся вдоль нее балконом. С него открывается замечательный вид на долину. Остальная часть здания тонет в чаще лес. И только воспарившие к самому небу башни да огромный купол подсказывают, что там, за фронтоном, есть и другие строения; в противном случае об их существовании можно было бы только догадываться, настолько надежно их скрывает окружающий лес.

Всего башен пять: четыре — четыре одинакового размера, но разного вида, и в середине между ними — купол. Великая Башня расположена дальше всех прочих, а еще она — выше всех и имеет живописный дизайн. Вершина выполнена в форме небесного пальмового дерева, листья которого изящно изогнуты в виде короны, украшенной бриллиантами и увенчанной подобием созвездия из солнц, также богато орнаментированных самоцветами.

Все они — четыре башни, купол и Великая Башня — имеют мистическое значение, полностью открытое только тем, кто уже заслужил право жить в Храме на Святой Горе. И во время великих празднеств обитатели Храма делятся своими знаниями со студентами университета, передавая им ровно столько, сколько те в состоянии воспринять. К тому же смысл некоторых мистерий может быть открыт ученикам во время Богоявлений. Об одном таком случае я и собираюсь рассказать вам; но сперва — еще несколько слов о самом университете.

Сразу за портиком расположено озеро, к берегу которого можно спуститься по ступеням лестницы. Озеро немного шире портика; и главное здание восстает прямо из него, соединенное со всеми садами и строениями многочисленными — преимущественно крытыми — мостами. Под куполом расположен огромный зал, предназначенный для наблюдения. Как видите, это не совсем та работа, что производится в различных пристройках к Храму на Святой Горе, так как они служат для оказания помощи и поддержания контактов с другими сферами, тогда как здесь сферы только изучаются. Изучение производится в соответствии с требованиями непрерывно прогрессирующей науки, усложняющейся с каждой последующей сферой и в то же время непрерывной, ведь каждая новая сфера не отрицает, но как бы повторяет предыдущую на более высоком уровне. Таким образом, познание в этих небесных царствах не имеет предела.

Вокруг каждой из четырех башен группируется собственный комплекс зданий. Я не могу воспроизвести вам их точные названия, но вы можете называть их Башней Спящей Жизни (которую вы назвали бы жизнью минеральной), Башней Бодрствующей Жизни (или, по вашему, животной) и, наконец, Башней Сознания (соответствующей человеку).

Великую Башню можно назвать Башней Ангельской Жизни. Со своей огромной высоты она как бы наблюдает за низшими формами жизни, различающимися по степени развития, и увенчивает их. Ведь всё нижестоящее творение медленно, но верно движется именно к ней — к Ангельской Жизни.

На службу всем этим башням поставлен Купольный зал: к нему обращаются за знаниями, необходимыми для успешного продолжения работы, направленной на исследование и обобщение. Когда нужна помощь, обращаются к тем силам, которые генерируются и накапливаются в Купольном зале.

Все четыре баши, как я уже говорил, отличаются друг от друга по виду, так что, взглянув на них из долины, сразу можно догадаться, какой именно раздел Творения каждая из них олицетворяет. Собственно, это и делает их такими разными. Та работа, которая проводится в

каждой из них, наделяет башни индивидуальностью и собственным характером, а индивидуальность, в свою очередь, определяет и саму форму здания, и, следовательно, его внешний вид.

Вид Великой Башни поистине прекрасен. Ее расцветка не имеет аналогов на Земле: назовите это золотым алебастром, усеянным жемчугом, и у вас, возможно, появится некоторое представление о ней.

Она похожа на огромный, беспрерывно бьющий фонтан из текучих бриллиантов. Только вместо плеска воды вокруг слышна едва уловимая музыка, вызывающая у каждого, кто приближается к ней, ощущение гармонии и восторга.

Здесь воды тоже прекрасны. Они текут повсюду между цветниками и садами. То и дело встречаешь на своем пути ручей или родник. А прекрасное озеро, в водах которого отражаются башни и купол и другие жемчужины архитектуры, покоится в неге и безмятежности, как младенец-ангел в своей колыбели (если такая аналогия будет понятнее для вас). А сейчас войдите вместе со мною внутрь Великой Башни, и я расскажу вам кое-что о ее свойствах.

Внизу у Башни нет широкого основания; ее стены сразу поднимаются вертикально вверх. Как только вы войдете внутрь и поднимете голову, вас тут же охватывает чувство восторженного изумления, поскольку вы видите, что над вами нет никакого перекрытия. Стены четырехугольного сооружения поднимаются всё выше и выше, так что кажется, будто они подпирают звездное небо, которое и заменяет ему крышу. Верхний край Башни вознесен на такую высоту, что представляется свободно висящим в воздухе.

Но не думайте, что вас со всех сторон окружают глухие стены. У Башни есть две стены — наружная и внутренняя, а между ними расположены комнаты, залы и жилища Ангелов. Так что повсюду во внутренней стене вы видите то дверь, то балкон, то окно, или даже перекинутый через пространство дугообразный мост, соединяющий одно жилище с другим, или диагональную линию вдоль стены, обозначающую ступени лестницы, также переброшенной от одной двери или террасы до другой. Здесь есть даже сады, разбитые на примыкающих к стене широких уступах. И всё же Башня настолько широка и высока, что все эти архитектурные дополнения — отнюдь не миниатюрные, в чем можно убедиться, подойдя к ним поближе по лестницам, скрытым внутри стены, — совершенно не закрывают небо над головой и ни в коей мере не искажают форму отверстия наверху.

Приглядевшись чуть внимательнее, вы заметите, как изменяется и переливается внутри Башни свет, так как ее внутреннее пространство на разных уровнях освещено по-разному. Если на одном из ее этажей, в том месте, где он выходит к шахте колодца, светло, как в ясный полдень, то на другом зеленые деревья и беседки в раскинувшемся на террасе небольшом саду как будто озарены красноватым блеском заходящего солнца. Чуть выше, наоборот, создается ощущение свежего весеннего утра, поскольку в ярких рассветных лучах пред нами предстают поющие птицы и журчащие ручьи, сбегаящие с горных склонов на зеленые луга (как видите, и в этом чудесном месте тоже есть текучие воды).

То тут, то там начинает звучать музыка. Иногда она раздается из нескольких мест одновременно, но даже внутри Башня настолько просторна, что одна мелодия никогда не мешает другой.

Из того, что я вам рассказал, — а это всего лишь малая толика того, что я мог бы вам рассказать, — вы можете заключить, что вся Великая Башня погружена в полудрему и что она была изначально задумана как место отдохновения и покоя. Однако, если вы вспомните, как называются все пять башен, вы поймете, что это далеко не так. Из Великой Башни осуществляется контроль за работой остальных четырех, а купол черпает из нее и аккумулирует силы, необходимые для этой работы. В ней обитают Ангелы высокого ранга: они приходят сюда на время из самых высоких царств, чтобы поделиться своей титанической силой и обширным опытом с теми, кто идет сейчас тем же путем, по которому много веков тому назад прошли они сами. Ведь те, кто живет в четырех башнях и Купольном зале, выполняют в нынешней вечности ту же самую работу, которую в прошлые вечности выполняли эти Ангелы,

прежде чем, повинувшись циклу прогресса, вознеслись еще выше, освободив свое место для новой расы.

Вы, вероятно, заметили, что, какой бы сложной ни была эта работа, она всё равно ограничивается воспитанием и обучением, не затрагивая собственного творчества, так как речь идет по-прежнему о Десятой Сфере. И всё же попасть в университет мечтает каждый ученик, так как это одно из самых высоких мест во всей сфере.

Арнель

Понедельник, 4 марта 1918 г.

В Университете Пяти Башен заметно оживление, хотя суеты и спешки нет. Из боковых каналов на центральные «улицы» то и дело выплывают лодки, высаживающие пассажиров у различных зданий. На террасах и лестницах, спускающихся к самой воде, уже скопились тысячи духов, и каждая новая группа умножает всеобщую радость, так как приближает своим приходом долгожданный миг великого Божоявления. Каждого пригласили сюда персонально, поскольку не всем обитателям сферы позволено проникать в эти пределы, но только наиболее подготовленным.

Когда все тысячи приглашенных собрались, из Башни Ангелов полилась музыка; и все мы сразу обратили взоры на нее, ожидая, что же будет дальше. А дальше было то самое Божоявление, о котором я вам сейчас попытаюсь подробно рассказать.

Музыка звучала всё громче, а атмосфера вокруг Башни тем временем становилась всё более туманной, но не скрывала от нас Башню, а скорее преобразовывала ее. Башня становилась как будто прозрачной, и нам казалось, что она то поднимается, то опускается, при этом то расширяясь, то снова сужаясь, подобно многоцветному кристаллу жидкого стекла.

Тут к музыке Ангельского оркестра присоединился хор голосов: он пел Благодарственную молитву, посвящая ее [Единственному](#) и Его Христу, Который должен был явить нам сейчас одну из ипостасей Своего Бытия.

Последние слова хор пропел чуть слышно и в замедленном темпе; а потом наступила тишина. И мы ждали, склонив головы.

И вот мы услышали, как Его голос произнес одно единственное слово: «Покой». Мы подняли головы и увидели Его. Он стоял у входа в Башню Ангелов. От Его ног к самой кромке воды спускалась длинная и очень широкая лестница, на которой стояли, устремив на Него взоры, коленопреклоненные Ангелы — обитатели Башни. Их было много — целые тысячи. Он же стоял на некотором расстоянии от исполинской закругленной арки, служившей входом в Башню, а за Его спиной расположился целый сонм Ангелов еще более высокого порядка, сопровождавших Его в этом пришествии.

Сама Башня сияла теперь, как огромный язык пламени, озаряя окружающее пространство и роняя отблески огня на воды озера, которое, казалось, пылало вместе с нею.

Вдруг Он как будто поднялся на ступень невидимой лестницы — сперва одной, затем другой ногой — и завис в воздухе, совершенно не касаясь земли. Но наши взоры в этот момент были прикованы не к Нему, а к вершине Башни, Венец которой совершенно изменился и стал еще прекраснее, потому что ожил и пришел в движение. Корона из пальмовых листьев была теперь украшена не самоцветами, а гроздьями Ангелов. Они сидели рядами на листьях, кружились вокруг их оснований, стояли, облокотившись на опустевшие гнезда бриллиантов.

Постепенно вершина Башни отделилась от основания и нависла как раз над тем местом, где стоял Он и Его спутники. Затем она приблизилась к нам и опустилась на мощенную террасу. Внутри нее уже находились тысячи Ангелов, но, тем не менее, нас тоже пригласили пересечь озеро и присоединиться к ним.

Когда я добрался до верхней площадки лестницы, потоки светящихся радостью людей уже вливались внутрь новоявленного дворца. Вместе с ними без страха вошел я в эту обитель мира, покоя и радости.

Внутри Короны был огромный зал — очень высокий и усеянный от основания до самого потолка сияющими бриллиантами и драгоценными камнями. Всё пространство зала было за-

полнено фосфоресцирующим туманом, что создавало иллюзию бесконечности пространства. Стены зала поднимались сперва вертикально вверх, а затем закруглялись, сходясь посередине в форме крестового свода, в самой верхней точке которого, точно над нашими головами, блеснул огромный кристалл, по цвету напоминающий сапфир. Он был прозрачен и обладал удивительным свойством отражать небесный свод так, чтобы мы могли видеть всех, кто приближается к сфере или, напротив, удаляется от нее. Похоже, что Корона была переделана подобным образом специально для этого случая, поскольку в обычное время она вообще не имела крыши.

Тех, кто пришел вместе с Ним, там было около полутора тысяч. Нас — гостей — по крайней мере, раз в шесть больше. Да постоянных обитателей в Башне обычно бывало тысячи три. Так что в зале собралась весьма внушительная компания.

Целью нынешнего Богоявления было разъяснение цели и задач той науки, которая преподается в этом университете. Я уже рассказывал вам о ней. Мы проводили здесь исследования, собрали немало информации; и теперь Он пришел, чтобы показать нам, как накопленные нами факты соотносятся с Божественным знанием еще более высоких сфер.

Чтобы не слишком утомлять вас, скажу сразу, что на этот раз Он пришел как проявленное Слово Бога. Вы знаете, что в те времена, когда еще только создавались миры, именно Слово было сделано Посредником, с помощью Которого энергия Божественной Жизни преобразовывалась, конденсировалась и направлялась в скопление звездного хаоса, превращая его в пластическую материю, а последнюю, в свою очередь, во множество миров. Именно Слово было Действующей Силой Творения. Отец выразил Свою мысль в Слове, и эта мысль, пройдя через Слово, приняла форму материи.

Эту науку мы усвоили уже давно, и теперь она должна была помочь нам перейти хотя и к аналогичному, но более глубокому знанию вышестоящих царств. Для того Христос и пришел к нам, чтобы поведать чуть больше о Слове и о роли, которую Оно сыграло в сотворении Отцом Вселенной. Вот и всё, что я пока могу вам рассказать.

Не могли бы вы рассказать мне, как Он выглядел в тот раз?

Он неподвижно стоял или, вернее, парил в воздухе посреди Зала Пальмовой Coronы, и я поначалу не понимал, для чего это нужно. Но по ходу церемонии я понял, что любое другое Его положение нарушило бы гармонию происходящего. Он занял это возвышенное место не только для того, чтобы Его было видно из всех уголков Зала, но и потому еще, что этого требовал сам предмет Его поучения. С самого начала Он постепенно поднимался, пока не остановился на полпути между полом и потолком. Это был даже не Его Собственный выбор, но научно обоснованное решение, продиктованное динамикой этих сфер.

Более того, Ангелы, украшающие Корону снаружи, теперь оказались внутри и, подобно живым бриллиантам, занавешивали стены, словно живой гобелен.

Когда вы говорите о Нем, я всегда хочу как можно точнее представить Его внешность, будто это может помочь мне и другим лучше узнать Его — Его Самого.

Понимаю. Но поверьте, сын мой, вы всё равно не сможете узнать о Нем многого, пока остаетесь в земной сфере; и даже когда вы окажетесь там, где нахожусь ныне я, вы будете знать о Нем лишь немногим больше, насколько Он велик. Ни один догмат вашей ограниченной теологии не дает даже приблизительного представления о его истинном величии. Ваши теологи пытались описать Его суть с помощью слов, но слова здесь бессильны. Он не связан даже Небесами Божьими, ибо весь мир — всего лишь пылинка, лежащая на полу Его Дворца. И всё же некоторые из вас отказывают Ему в праве быть свободным даже в пределах этого маленького атома. Впрочем, на эту тему пока достаточно.

Интересно, а во что вы сами верили, когда жили на Земле, Арнель? В то, что вы сейчас мне диктуете, я верю. Но знали ли вы всё это, пока жили здесь, сэр?

К стыду своему должен признать, что не знал, потому что люди в то время еще не освободились от власти слов даже в той мере, в какой им удалось это сделать сейчас. И всё же поверьте мне, сын мой, мне удалось выйти за рамки, установленные моей церковью, в том смысле, что я исповедовал более последовательную и беспристрастную любовь к ближнему,

нежели это было позволено. И мне пришлось за это пострадать. Нет, они не убили меня, но заклеили отступником и тем самым обрекли на одиночество. Временами я чувствовал себя даже более одиноко, нежели чувствуете себя вы, сын мой. Сейчас у вас больше единомышленников, чем было у меня. И хотя я не обладал такими знаниями, которые есть теперь у вас, всё же для тех мрачных лет я смог продвинуться достаточно далеко вперед. Сейчас солнце уже начинает светить по-весеннему ярко, а тогда была зима.

Скажите, когда и где это было?

Это было в Италии, сын мой, в прекрасном городе Флоренция. Я уже не помню точно, когда это было, но помню, что Бог задумал в то время обновить наш мир, и потому людям начали приходить в голову очень странные и очень смелые мысли, что заставляло и церковь и государство недовольно хмурить брови; от их гнева меня избавило только то, что я умер во цвете лет. Я преподавал музыку и живопись; в то время эти виды искусства часто преподавал один учитель.

Вы имеете в виду эпоху Возрождения?

Мы не называли так свое время. Мы просто жили, не задумываясь над тем, в какое время живем. Бог тогда обновлял мир так же, как делает это сейчас. А когда Он берется за эту работу, это означает, что и люди должны помочь себе сами, даже если это будет нелегко. Ведь трудиться над обновлением мира им придется не одним — вспомните рубин на Его поясе, сын мой, и пусть мысль о Его помощи и поддержке делает вас сильнее.

Арнель

Пятница, 8 марта 1918 г.

Когда все собрались, сопровождавшие Его Ангелы запели хвалебный гимн, и все мы с благоговением присоединились к ним.

И пока мы пели, всё здание начало вибрировать, а затем — растворяться, и вскоре исчезло совсем; и Ангелы, украшавшие собою стены и своды Зала, разбившись на группы, встали в надлежащем порядке перед сонмом Его спутников, бесконечными рядами расположившихся за Его спиной. И все небеса оказались заполненными людьми разных рас и бесчисленными животными, ибо вокруг нас собралось всё Творение.

Перед нами предстали духи людей, стоящих на разных ступенях развития; и мы увидели все формы животной жизни — летающей и нелетающей, и всех тварей морских — от самых простых до самых сложных.

И Ангелы тоже стояли перед нами — всех степеней и рангов, наблюдающие за странами и народами, растениями и животными, и прочие, и прочие. То были высочайшие Иерархи, представшие перед нами во всем своем великолепии; и те из них, кто летал вокруг Короны, теперь заняли места в общем Ангельском собрании, каждый в соответствии со своим рангом.

Это зрелище было призвано наполнить наши души благоговейным трепетом перед величием Творения и перед Тем, Кто стоял, а вернее, парил в самом центре всего, так что всё Творение вращалось вокруг Него, как колесо вокруг своей оси.

И вдруг я осознал, как никогда отчетливо, что Проявленный Христос — как на земле, так и в небесах — это лишь тень Истинного, реально существующего Христа. Это отражение Божественного света на стенах пространства, сложенных из мельчайших частичек пыли, рассеянных в великой пустоте; и каждая такая частичка — отдельное солнце со своими планетами.

Но, даже несмотря на эти неизбежные ограничения, Он был поистине велик и прекрасен, когда проявился перед нами в тот момент. Каждое движение всего бесчисленного множества окружавших Его творений отражалось в Его глазах, на Его тунике и на всем Его теле. Казалось, что каждая клеточка и каждый волос на Его голове реагировали на процессы, происходящие в той или иной сфере окружавшей Его великой процессии Творения.

Не видели ли вы там среди различных видов животных тех, кто отклонился в сторону в своем эволюционном продвижении; то есть стал жестоким, кровожадным или уродливым: тигров, пауков, змей и так далее? Неужели их тоже туда допустили?

Сын мой, ничто не называй «нечистым», пока не заглянешь внутрь. Когда розовый бутон начинает развиваться неправильно (как это говорят некоторые люди), он становится не цветком, а шипами; но всё же Бог допускает существование шипов и даже делает их полезными, так как шипы защищают цветок подобно тому, как верные стражи охраняют покой своей прекрасной королевы.

Да, они тоже были там — не только шипы и розы, но все без исключения твари, нелюбимые человеком так же, как шипы, от которых он хотел бы избавиться.

И мы видели тех тварей, которых вы называете мерзкими или жестокими; но мы смотрели на них уже не так, как при жизни на Земле, поскольку здесь нас научили смотреть на них по-другому. Теперь мы видели их как бы изнутри, и потому они казались нам не отвратительными ошибками природы, но ответвлениями единого древа естественного и закономерного прогресса. Они вовсе не злые, просто менее совершенные; и каждый класс этих существ являет собою попытку какого-либо высокого духа и связанной с ним иерархии творцов отразить некий мельчайший оттенок характера Божества.

Конечно, результаты экспериментов могут быть более или менее совершенными, но, пока Великий Эксперимент еще не окончен, ни один Ангел и уж, конечно, ни один человек не в праве называть ту или иную тварь Божью доброй или, напротив, злой. И мы, увидевшие перед собою Проявленного Христа, застыли в изумлении, ибо нам была явлена изнутри красота Его огромной мантии, в которую Он был облачен, как будто принимал на себя и отражал истинную, очищенную и свободную от всех внешних оболочек суть всего Творения, с любовью и преклонением стремящемуся к Нему.

На время мы перестали быть жителями Десятой Сферы, но превратились в обитателей всей Вселенной; мы бродили по ее континентам и заглядывали в глубь веков; беседовали с теми, кто рисует планы и реализует их на практике в великой мастерской Бога. Мы узнали много нового, и каждое открытие наполняло нас радостью, которую дано понять лишь тем, кто подошел так же близко к творческой деятельности, как мы. Это было похоже на дополнительные и самые важные уроки в той школе, где мы учились быть такими же, как Могущественные Ангелы, и вместе с ними выполнять их прекрасную и благородную работу, пусть даже это будет сотворение обыкновенного червя или того же шипа розы. Сын мой, вы с таким пренебрежением отзываетесь о подобных созданиях, но попробуйте сами сотворить хотя бы одного из них. Как вы думаете, удастся вам это? Что ж, мудрость приходит с годами, а вечность дарует великую мудрость.

А потом всех нас, учеников, призвали прервать странствия и поиски, чтобы снова собраться вместе; и когда мы исполнили это повеление, всё вдруг растворилось, растаяло в пустоте, и мы увидели, что стоим на площади перед Воротами Храма Ангельской Жизни.

Я посмотрел вверх и увидел, что Корона вернулась на свое обычное место и всё вокруг было так же, как до начала Церемонии. Всё, кроме одного, поскольку по существующей здесь традиции каждое такое Богоявление оставляет после себя некий памятный знак, который напоминал бы о нем вечно. На этот раз мы увидели на озере, перед Башней, маленькое сооружение в форме купола, едва возвышающегося над поверхностью воды. Это был кристалл, светившийся внутренним светом, который ложился на воду и плавал на ее поверхности, но не как отражение, а как субстанция. И к водам озера добавился с тех пор еще один действующий элемент, которого в них не было раньше.

Что вы имеете в виду? Поясните.

Нет, сын мой, тут я ничего не смогу для вас сделать; земной человек не в состоянии разобрататься в подобных вещах. Скажу только, что этот элемент должен был помочь нам понять природу тех сил, которые пронизывают пространство между светилами и их планетами и становятся тем, что вы называете светилом, в результате трения об окружающую их более плотную атмосферу. С этим элементом нам придется иметь дело в Одиннадцатой Сфере, так что он был дан нам для предварительного ознакомления.

Арнель

ГЛАВА IV: Некоторые принципы науки творения.

Понедельник, 11 марта 1918 г.

Не могли бы вы рассказать мне о том, что увидели и узнали, когда путешествовали среди Творческих Иерархий во время Богоявления в «Коронном Зале»?

Вместе с компанией коллег-учеников я устремился в раскрывшиеся перед нами дали и сразу же убедился в том, что всё здесь было специально приспособлено для удобства накопления нами полезных знаний. Всё было заранее продумано и спланировано. Широкие аллеи — такие длинные, что им не было видно конца, соединяли между собою великие царства Творения. Но, поскольку эти царства частично соприкасаются друг с другом, аллеи являются не просто разделительными полосами, которые необходимо пересечь, чтобы добраться из одного царства в другое, но отдельными областями Творения, соединяющими в себе свойства двух сопредельных сфер.

Путешествуя по аллеям, мы обратили внимание на некоторые принципы, обязательные к исполнению для всех Творцов, даже имеющих Княжеский сан. Эти принципы остаются неизменными в своей основе, где бы они не действовали, а действуют они повсюду — и в минеральной жизни, и в растительной, и в животной. И это вполне естественно, если вспомнить, что очарование разнообразия, во всей своей мудрости и изобретательности развившегося в различных царствах Творения, изначально происходит из маленького скопления элементов, прогрессирующих на протяжении многих столетий; этот прогресс начался с небольших, внешне неприметных отклонений от простого к сложному и в результате породил то цветистое и неисчислимо многообразное форм, которое мы сейчас наблюдаем.

Позвольте мне проиллюстрировать эту мысль конкретным примером.

Проходя по одной из аллей, мы стали свидетелями того, как создаются миры. По левую руку от себя мы увидели, как мысль Бога, пульсируя, продвигалась от внутреннего к внешнему, постепенно превращаясь в более плотный элемент, пока не достигла того состояния, которое вы называете эфирным. Здесь нам открылась природа этого продвижения, ибо мы заметили, что оно имеет спиральную траекторию. И вот что примечательно: как только очередная волна достигает вершины спирали, начинается обратное, нисходящее, движение, опять же по спирали, но уже внутри атома эфира. Таким образом, этой внутренней спирали приходится разворачиваться в гораздо более ограниченном пространстве, из-за чего скорость движения на нисходящем этапе заметно больше, чем на восходящем. Достигнув нижней оконечности атома и самой высокой скорости, поток вибраций снова начинает восходящее движение от внутреннего к внешнему, используя для этого накопленную инерцию; но скорость движения при этом неизбежно уменьшается, пока не станет нулевой в высшей точке подъема; и тогда снова начинается равноускоренное движение внутрь.

Атомы имеют не круглую и даже не овальную форму. Из-за непрестанно происходящего в ней движения они приобрели форму эллипса. Движущей силой автономного движения является гравитационное давление, воздействующее на них извне. И если бы нам удалось проследить природу этой силы до самых ее истоков, полагаю, мы убедились бы в том, что вырабатывающей ее динамо-машиной является Разум Бога. Надеюсь, вы понимаете, что понятия «верх» и «низ», или «верхний» и «нижний», используются здесь только ради удобства изложения. На самом же деле у атома эфира не может быть ни верха, ни низа.

Я рассказал это для того, чтобы вы по аналогии могли судить о процессах, происходящих в веществах более плотных, чем эфир. Когда мы добрались до атомов, из которых формируются газы, составляющие земную атмосферу, мы заметили, что такое же циклическое движение продолжается и в них. Разумеется, различия тоже есть: в некоторых случаях спираль бывает длиннее, в некоторых — короче; скорость движения тоже может варьироваться. Но траектория всегда остается спиральной — как внутри, так и вне атома.

Тот же самый принцип мы обнаружили и в атомах минералов.

И то, что справедливо для одного атома, справедливо и для их скоплений. Так, атомы, составляющие планету, тоже движутся по спирали. Только движение их существенно замедлено высокой плотностью материи, из которой планеты обычно состоят.

То же можно сказать о движении и спутников, и планет, вращающихся вокруг светил, и самих светилах, вращающихся вокруг своего Центра.

Таким образом, масса и плотность объекта влияют на скорость движения. Чем плотнее планета, тем медленнее движутся ее атомы. Но даже на таких планетах действует правило, согласно которому движение внутрь всегда быстрее, нежели движение во внешнюю сторону. Оно, как и положено, протекает очень медленно, будто даже с неохотой, но всё-таки оно есть и тоже по спирали, разворачивающейся вокруг центральной оси.

Ваша Луна тоже пытается соблюсти это правило применительно к своей орбите. Она то отдаляется от Земли, то приближается снова, как будто старается восстановить свою прежнюю — спиральную — траекторию движения вокруг Земли. Точно так же ведет себя и Земля, когда движется вокруг Солнца. Ее орбита не имеет форму правильного круга, даже в плоскостной проекции. Орбита у Земли блуждающая и эллиптическая — как по отношению к своей оси, так и к плоскости вращения.

То, что справедливо в отношении атомов эфира, газов земной атмосферы и самой Земли, не менее справедливо в отношении Солнца и созвездий. Их движение тоже имеет форму гигантской спирали, вращающейся в пределах эллиптической формации, составленной из солнц и их планет.

И всё это мы видели только по одну сторону дороги, так как с другой стороны располагались духовные двойники этих творений: так сказать, их небесный прообраз. А дорога, таким образом, играла роль пограничной полосы, разделявшей и в то же время соединявшей обе половины. Когда вы, люди, переходите из земной жизни в духовные царства, вы тоже пересекаете границу, подобную этой. Следовательно, и мы пересекли эту черту, отделяющую человека земного от человека небесного, когда переходили из одной Области Творения в другую.

И что же вы нашли на другой половине? Были ли там какие-нибудь другие принципы, помимо спирального?

Да. Я начал рассказ со спирального движения, поскольку это один из самых основных принципов; к тому же он прост для изложения (очевидно, как раз по причине своей фундаментальности).

Теперь я попытаюсь объяснить суть еще одного принципа. Чем дальше от истоков, тем сложнее становится материя; а чем она сложнее, тем труднее ее описать. Но всё же я постараюсь.

Мы узнали, что великие Повелители Творения начинают свою работу гораздо выше эфирного уровня, едва ли не у самого источника. Но и те, кто занимается эфирной эволюцией и далее, — тоже великие и древние Повелители. Следуя дальше вдоль дороги, мы перешли к изучению тех вибраций мысленной силы, движение которых еще более замедлено плотностью окружающей их материи. И тут мы заметили, что наиболее сложной и важной задачей, стоявшей перед нами — учениками, было научиться надлежащим образом направлять свои мысли и волю. Ибо первое, чему нужно научиться в процессе подготовки к творческому обращению с материей, это мыслить по спирали. Вряд ли я смогу объяснить, что это значит; скажу лишь, что это не просто — приобрести привычку мыслить спирально.

Впрочем, вы просили меня описать еще какой-нибудь принцип. Давайте перейдем в область сенситивного творения, а именно — в царство растительной жизни.

Мы снова шли по широкой дороге, по одну сторону которой находились растительная жизнь Земли и других планет, а по другую — ее небесный прообраз. Мы обнаружили, что каждый вид растительной жизни имеет свой аналог в животном мире.

У этой аналогии есть логическое объяснение, связанное прежде всего с душой самой планеты, а не с какими-то внешними проявлениями (как, например, кора, ветви и листья). Но и

они, конечно, имеют значение, поскольку даже в них прослеживается несомненная связь между двумя царствами: растительным и животным.

Боюсь, я не совсем понял вас, сэр. Не могли бы вы рассказать об этом немного подробнее?

Что ж, давайте вернемся к этим двум царствам и поработаем с ними еще.

Здесь, на небесах, существуют различные разряды существ, отличающиеся друг от друга по силе, власти, характеру и способностям к того или иного рода действиям.

То же самое есть и на Земле.

Подобные разряды вы можете найти в животном царстве, ведь животные тоже отличаются друг от друга по силе; к тому же одни из них совершенствуются в одном направлении, другие — в другом. И характеры у них тоже разные. Лошадь, например, более склонна к дружбе с человеком, нежели змея; и попугая приручить легче, чем стервятника.

Так вот, принцип аналогии, о котором я вам говорил, можно проследить, сравнивая животный мир с растительным, хотя в большинстве случаев существующая между ними связь не столь очевидна.

Рассмотрим для примера дуб в качестве представителя растительного мира и птицу как представителя мира животных. На ветвях дуба произрастают семена, которые затем падают на землю и покрываются слоем почвы; земное тепло разрывает их оболочку и высвобождает тем самым их внутреннюю жизнь, переводя ее во внешнее проявление. А ведь желудь и птичье яйцо идентичны по своей сути; их структура и способ вызревания аналогичны друг другу. Движение жизни от внутреннего к внешнему является универсальным законом, который никогда не нарушается. Истоки этого движения также следует искать в первичной материи, из которой вышла вся нынешняя Вселенная. Вспомните, что я говорил вам об эфирном атоме. Первоначальное движение атома является внутренним и ускоренным, направленным на накопление инерции. Тогда как внешнее движение протекает с замедлением.

Вот мы и нашли еще одно правило, справедливое для всех областей Творения. И таких объединяющих принципов, коим должны следовать небесные труженики, еще очень много. В их числе принцип защитной оболочки и ее внешней красоты, понятный каждому, кто способен рассматривать ее с точки зрения внутренней полезности. А еще есть принцип пола в его двух аспектах — активном и рецептивном; принцип циркуляции — крови или жизненной силы; система дыхания через поры и другие принципы.

Арнель

Пятница, 15 марта 1918 г.

Итак, принципы, управляющие материальным миром (то есть внешним проявлением жизни в материи), справедливы также и в отношении духовных царств.

Во-первых, спиральный принцип, проявляющийся в мире материи, является аналогом принципа, действующего в духовных сферах. И это вполне закономерно, поскольку всякое движение материальных атомов является результатом действия активной воли. Первичная Воля принадлежит Богу; ее мощный поток проходит одну за другой все сферы, прежде чем получает окончательное выражение в материи. Поэтому то, что вы видите у себя в материальном мире, есть результат прохождения энергии через эти сферы. Согласно описанному принципу, эта энергия входит в атом по спирали. Но это было бы невозможно, если бы аналогичный принцип не действовал во всех тех сферах, через которые энергетический поток прошел, прежде чем достичь мира материи. О том, как этот принцип проявляется здесь, я и намерен сейчас рассказать.

Корона из пальмовых листьев тоже символизирует спиральный принцип, поскольку листья в ней закручены именно по спирали; и когда во время Богоявления, о котором я рассказывал, Корону украсили собою Ангелы, они тоже, по необходимости, расположились в форме спирали, символизируя тем самым работу, которую они выполняют. Для нас — учеников — такое расположение Ангелов тоже должно было послужить наглядным уроком.

А теперь о том, как этот принцип был использован в сотворении животной жизни.

Первые признаки чувств встречаются уже у растений; и среди них принцип спиральности проявляется наиболее наглядно. Стебли бобов поднимаются вверх по спирали, как и у других вьющихся растений; только у одного это выражено более ярко, а у других — менее отчетливо. Прожилки в стволах деревьев стремятся отклониться от прямой линии, когда поднимаются вверх. Растения, которые карабкаются наверх с помощью усиков, цепляются за ветви других растений крючками спиральной формы. Семена многих растений падают на Землю по спиральной траектории. И всё это — результат действия принципа, который проходит вместе с энергетическими вибрациями через солнце, после чего достигает Земли, где воздействует на ее растительную жизнь. Следовательно, земные растения воспроизводят в миниатюре траекторию движения энергетического потока через небесные сферы и, в какой-то мере, повторяют орбитальное вращение созвездий.

Переходя от растительной жизни к животной, мы замечаем действие того же самого принципа. Птицы, например, никогда не летают и не плавают по строго прямой линии, но всегда стремятся отклониться от нее; и если проследить их движение на достаточно большом расстоянии, мы получим тот же самый спиральный рисунок. Это правило относится также и к животным — наземным и морским, только проявляется оно здесь не так явно, как в низших формах жизни, — у животных уже появляется свободная воля, которая усложняет картину, так как создает почву для отклонений от основного правила. Справедливо и обратное утверждение: чем меньше у существа свободной воли, тем отчетливее оно проявляет действие вселенского закона. Для примера достаточно упомянуть раковину улитки или ракушку морских существ, у которых место свободной воли заменяет инстинкт.

И с другой стороны, если говорить о человеке, то мы заметим, что этот принцип лучше всего проявляется в тех случаях, когда речь идет об общем направляющем Разуме всей человеческой расы, а не о каждом индивидууме в отдельности. Так, цивилизация распространяется с востока на запад, постепенно огибая Землю, ибо ее центр движется вслед за Центральным Солнцем Земли. Однако солнечный меридиан смещается вдоль экватора отнюдь не по прямой. Он отклоняется то к северу, то к югу, так как Земля тоже слегка колеблется из стороны в сторону. Это движение Земли — пережиток тех древних времен, когда она пребывала в состоянии туманности, где движение по спирали проявлялось со всей отчетливостью. А в результате центр цивилизации, огибая Землю, никогда не попадает два раза подряд в одну и ту же область. К тому времени, когда цивилизационная волна достигнет той же самой долготы, с которой начала предыдущий оборот, полюсы Земли уже успевают отклониться: северный — на несколько градусов к югу, а южный — к северу. Соответственно, направленный поток солнечных лучей, возвращаясь на ту же долготу, освещает уже другую область, куда перемещается и центр земной цивилизации. Кстати, само слово «цивилизация» является синонимом другого понятия — «откровение». И если вы обстоятельно поразмыслите о том, где именно находилась Лемурия, Атлантида и их преемники, вы поймете, что я имею в виду.

Более того, описываемый принцип оказывает влияние не только на географическое перемещение, но и на достижения цивилизации. Однако объяснить это уже сложнее; хотя для нас указанная закономерность вполне очевидна, так как нам ясно видна изнутри вся ментальная деятельность вашей расы, и к тому же мы можем проследивать ее на протяжении гораздо более продолжительных временных периодов. На основании собственных наблюдений могу сказать, что прогресс человеческой расы действительно ведет вас неуклонно вверх, но при этом движется как бы по гигантской спирали. Пожалуй, мне наилучшим образом удастся проиллюстрировать свою мысль с помощью афоризма: «Ничто не ново под луной». Это еще не сама истина, но эхо, отражающее истину. Вам, наверное, доводилось слышать о том, как открытия современной вам цивилизации вдруг оказывались предвиденными и предсказанными много тысячелетий назад.

Попробую объяснить, почему это происходит. Скажем так: всякое новое открытие делается примерно тогда, когда наука в своем спиральном развитии оказывается над тем местом, где было сделано предшествующее ему аналогичное открытие или предсказание — только на предыдущем, нижестоящем витке. Ибо спираль всё время стремится вверх, но ее витки

постоянно повторяют друг друга, хотя и на разных уровнях. И новые открытия вследствие этого являются новыми только в том смысле, что они развивают и совершенствуют соответствующие научные достижения предыдущих циклов спирального движения цивилизации.

Не могли бы вы привести какие-нибудь примеры?

Подходящей иллюстрацией может послужить история использования молекул эфира на благо человечества. Несложно заметить, что нынешний уровень прогресса в этой области науки был достигнут постепенно. Начнем с процесса сгорания, сопровождающегося высвобождением газа; при этом выделялось тепло, которое, в свою очередь, стали использовать для производства пара. Затем начали использовать всё тот же газ, но уже без применения пара. Далее на службу была поставлена еще более тонкая система эфирных вибраций, и пар начал быстро вытесняться электричеством. Но потом был сделан еще один шаг вперед, и теперь всё большее значение приобретает то, что вы называете радиоволнами.

А ведь всё это уже открывали раньше — пусть иногда и в менее совершенной форме — ученые исчезнувших цивилизаций, самые воспоминания о которых звучат для вас как миф. И следующий шаг вашей науки нетрудно предсказать заранее. Это будет замена эфирных волн ментальными. Реальность этой замены уже обосновали некоторые наиболее мудрые и образованные ваши предшественники. Только им было запрещено делиться этими знаниями с соотечественниками — недостаточно подготовленными морально, чтобы использовать новые знания во благо. Нынешней расе людей тоже не позволят довести эти знания до уровня точной науки. Сперва им надлежит подрасти в духовном плане. В противном случае от новой науки человечеству будет гораздо больше вреда, чем пользы.

Но нынешний цикл прогресса продвинет человечество намного дальше, чем предыдущий, поскольку точка, в прошлый раз ставшая для науки наивысшей, на этот раз окажется едва ли не отправной. Когда древняя цивилизация пришла в упадок, ее научные достижения не канули в Лету, но перешли в духовные сферы, где их как бы оставили на хранение до того часа, когда следующая раса достигнет такого уровня развития и совершенства, который позволил бы вернуть ей это забытое знание, присовокупив к нему дополнительную исследовательскую энергию, которую хранители этого знания успели накопить за те столетия, пока оно неподвижно лежало в их сокровищнице.

Назовите духовные сферы внутренними, а земную сферу — внешней, и вы получите тот же принцип движения, который я описывал применительно к атому эфира.

Я мог бы еще много рассказать на эту тему, но вряд ли нам удастся облечь свои знания в достаточно понятные для вас слова. А потому достаточно будет сказать, что принцип, который мы схематично изложили, справедлив не только для динамики научного прогресса (если так можно назвать только что приведенные мною примеры), но также и для искусства государственного управления, для земледелия и скотоводства, для астрономии и химии.

Значит, нам следует ожидать в скором будущем нового пришествия астрологии и алхимии, ведь они являются аналогами астрономии и химии наших дней?

Нет, сын мой, и еще раз — нет. Мы говорим сегодня об зонах, а не о столетиях. Астрология и алхимия — непосредственные родители этих двух современных вам наук. Следовательно, они входят в тот же самый цикл упомянутой гигантской спирали. От нынешних астрономии и химии они отстоят лишь на несколько дюймов и занимают практически тот же самый уровень на спиральном витке. Но всё же я скажу еще несколько слов, причем именно химии.

Химия является наиболее внешним проявлением деятельности тех Высочайших, которые управляют потоком вибраций, исходящих из Единого Великого Центрального Разума, контролируя процесс его последующего разделения и дифференциации. По мере того как этот жизненный поток всё больше отдаляется от Бога, проходит сквозь дух и достигает материи, первичное единство делится сначала на части, а затем и на частицы, порождая известное вам многообразие химических элементов. Но затем, достигнув самой низшей точки, импульс поворачивает обратно; начинается движение вверх и внутрь. Аналитическая химия следует этому импульсу в его внешнем движении — от единства к многообразию. Но синтетическая

химия уже пытается предпринимать пока еще неуклюжие и неуверенные шаги к преодолению этой тенденции. Ее усилия направлены от дифференциации к новому воссоединению всех элементов. Синтетическая химия меняет направление движения спирали в самой нижней точке космического атома, переводя всё тот же импульс кинетической энергии на внутренний курс, который, рано или поздно, опять сменится внешним на этом вечно спиральном пути. вспомните, что мы говорили на этот счет во время нашей предыдущей встречи, и сравните прошлый рассказ с нынешним.

Арнель

Пятница, 22 марта 1918 г.

Давайте продолжим разговор о тех принципах, которые открылись нам при изучении устройства сотворенной Вселенной во время описанного мною ранее Богоявления.

Я уже рассказывал о спиральном принципе действия сил, так что сегодня мы поговорим о другом принципе, с которым нам довелось ознакомиться. В каждой области творческой жизни действуют дополнительные импульсы — своего рода подводные течения, с которыми Ангелам, направляющим ход развития, приходится либо бороться, либо видоизменять. Эти противоборствующие влияния имеют очень древнее происхождение и представляют собой результаты деятельности тех, кто стремился усовершенствовать проявление Божьего Разума в материи.

Когда-то очень давно некоторые люди избрали для себя короткий путь к совершенству, тогда как другие предпочли пойти более длинным путем. Эти две группы не то чтобы вступили в противоборство, но различная направленность их усилий поневоле привела к возникновению путаницы, последствия которой вы, люди, называете злом. Все существа стремятся к совершенству, но поле их деятельности столь обширно, что процесс совершенствования по необходимости должен длиться долго, если измерять его годами и столетиями. Но с точки зрения тех, кто стоит в Присутствии Бога, это процесс не долгий и не быстрый, но постоянный и непрерывный, словно река, если рассматривать ее как единое целое от истоков и до самого устья.

Вы можете заметить, как это различие в темпах развития Творения проявляется во внешних царствах, включая те, в которых функционирует ваше нынешнее земное сознание. Вся Земля буквально наводнена и практически соткана из этих противоречий мудрости, породивших со временем нынешнее изобилие сил и способностей, продолжающих благополучно развиваться. Материалы, которые уже выполнили свое предназначение в великой системе прогресса, оказались отброшенными в сторону и забытыми, поскольку жизнь стала более возвышенной и утонченной и требует более сложных и деликатных средств для проявления. Но если многие реликты прошлого просто-напросто устарели, то некоторые из них прямо свидетельствуют о том, что в ряде случаев эволюция заходила в тупик. Поступательное движение вверх прибегало к услугам носителя, явно не соответствующего его потребностям, и из-за этого начинало замедляться: пульс жизни становился всё более слабым, продолжая биться уже по инерции, и вскоре линия эволюционного развития пресекалась.

Все те огромные млекопитающие и рептилии, окаменевшие останки которых вы находите до сих пор, были замечательными и своевременными произведениями творческой энергии, хотя сейчас, с возвышенных позиций этапа эволюции, они могут показаться топорными и неуклюжими. Не следует забывать, что многие из них послужили чем-то вроде блоков, положенных в фундамент величественного храма энергии жизни и прогресса, возведение которого продолжается по сей день. Изучив этот фундамент, вы можете судить, насколько далеко с тех пор продвинулось строительство и с какой огромной высоты вы можете теперь взгляды в далекие небеса, где работники мастерских великих Иерархий продолжают обустроить новые миры, многие из которых находятся сейчас на том уровне, на котором находилась Земля, когда на ней еще только закладывалось основание нынешней жизни.

Сам же принцип, о котором идет речь, состоит с следующим: курс эволюции приобретает всё более выраженный двойственный характер. Как я уже объяснял, на первом этапе это

движение является внешним — от единства к множественности выражения. Но параллельно развивается и другое, своего рода близнец первого: это движение в направлении от духовного к материальному. Они — как два бегуна — бегут бок о бок по соседним дорожкам. Только одно из них называется — «От Единства к Многообразию», а другое — «От Духа к Материи». Причем развиваться они должны с одинаковой скоростью; ни одному из них не позволено опережать другое, потому что их цель — не обогнать друг друга, но прийти к финишу одновременно.

И всё же были такие, кто стремился сократить дистанцию, изменив направление движения до того, как весь путь от внутреннего к внешнему будет пройден до конца — до той поворотной точки, достигнув которую импульс творческой жизни ложится на внутренний курс — от материи к духу. Эта точка есть материальное проявление творческой активности. Ваши ученые называют ее Вселенной. Но это еще не сама Вселенная, а только внешнее выражение внутреннего, более глубокого цикла развития, за которым стоят те Повелители Творения, чья оживляющая воля направляет великую армаду созвездий и составляющих их солнечных систем сквозь материальное пространство к той гавани, где они изменят наконец свой курс и направятся домой. Но это не значит, что им придется возвращаться тем же путем, которым они добрались до цели своего путешествия. После того как они познали всё богатство и многообразие активного проявления жизни, плавая по бурным водам внешних морей, им предстоит путешествие при более ясной и солнечной погоде. К тому же экипаж флотилии теперь целиком состоит из опытных Капитанов — Повелителей, выдержавших все тяготы долгого путешествия, в самом начале которого они были простыми гребцами и юнгами.

Неприятности начались после того, как некоторые Великие Повелители Творения решили сократить продолжительность своих странствий. К тому времени флот уже прошел через несколько вечностей, достиг середины океана и на всех парусах двигался дальше. И вдруг поднялась буря, море взволновалось и начало швырять корабли из стороны в сторону с такой силой, что некоторые столкнулись и едва не пошли ко дну. Буря дала понять, что плыть следует, как раньше — по ветру; и армада вернулась на прежний курс и достигла ранее намеченной цели, но разбитые остовы и разорванные паруса кораблей по-прежнему напоминают о пережитых ими штормах.

Попробую пояснить эту метафору: океан это царство Бытия, созданное внешним распространением Разума Бесконечного и Изначального Единого. Флот это Вселенная, сотворенная по Его приказу Повелителями Творения, о которых я вам уже говорил. Гавань, в которую ведет внешний путь, это то материальное выражение Вселенной, в котором вы сейчас пребываете. А путь домой это то, к чему вы сейчас стремитесь; ибо конечная точка путешествия уже достигнута — вы ее как раз сейчас огибаете. Именно поворот вокруг конечной точки с последующим выходом их гавани материальной инерции в более подвижные воды открытого моря является причиной вашей нынешней тяги к знаниям во всех без исключения областях. Вскоре паруса снова наполнятся ветром и развернутся, направляя корабли в обратный путь; и все их матросы и офицеры преисполнятся радости, потому что ветры и течения понесут их назад, к дому. И чем ближе будет тот заветный порт, из которого они отправились в путь много лет назад, тем больше будет в них радости, уверенности и душевного покоя, ибо в конце пути их ожидает сердечный прием — там, на востоке, где уже светел горизонт и видна улыбка Бога.

Когда же начались упомянутые вами неприятности? Я имею в виду, на какой стадии прогресса Повелители Творения начали совершать ошибки?

Давно; настолько давно, что даже мне из своей сферы не видно этого места. И хотя вам, с вашей точки зрения, это представляется следствием допущенной Повелителями Творения ошибки в расчетах, на самом деле всё может обстоять не совсем так, как вы полагаете. Я продвинулся дальше вас по пути прогресса; и, хотя я обгоняю вас совсем не намного, мне и моим собратьям уже кажется, что по окончании нашего путешествия то, что ныне представляется нам ошибкой, на деле окажется чем-то совершенно иным. То, что мы называем и считаем злом и несовершенством, — всего лишь плеск волн о каменистый берег маленького

островок — песчинки, затерянной в просторах бесконечного океана. С виду кажется, что эти волны разбиваются в пыль, но в действительности они возвращаются назад, чтобы снова стать всё тем же океаном. И как мы не можем измерить глубину океана и мощь его приливов по одним лишь брызгам, выброшенным на крошечный островок, со всех сторон окруженный его бескрайними водами, так не можем мы измерить и глубину мудрости Великих по той лишь мизерной крупинке их Бесконечности, которую мы в состоянии воспринять.

Один муравей сказал другому: «Мы, братец мой, гораздо мудрее тлей, потому что они — наши рабы и нам служат». — «Ты прав», — согласился другой. Но тут мимо шел муравьед, и вся муравьиная премудрость вмиг исчезла — была и улетучилась. А муравьед, растянувшись на солнышке, пробормотал: «Когда я пришел сюда, они говорили о мудрости, но это, видимо, была лишь малая часть мудрости, раз она вся уместилась во мне. А ведь есть, возможно, и те, в ком мудрости гораздо больше, чем во мне».

И если уподобить человеческую мудрость муравьиной, то не приходится сомневаться в том, что есть на свете и такие существа, чей рост и сила — неизмеримо больше. Они никогда не спешат с выводами, но это не значит, что они менее мудры, чем вы, сын мой.

Арнель

Понедельник, 25 марта 1918 г.

До сих пор, сын мой, мы с вами лишь прикасались к внешнему краю одеяния Бога, скрывающего и в то же время открывающего форму Его света и красоты. Но, если вы предоставите нам свой разум, мы сможем проникнуть и немного глубже, ибо нам есть о чем рассказать вам, и мы расскажем обо всём, что позволит ваша способность воспринимать и фиксировать наши мысли.

Было бы замечательно, если бы люди с пониманием воспринимали наши попытки продемонстрировать им цель Бога через события, наблюдаемые ими в повседневной жизни. Мы здесь хорошо знаем, чем и как живет каждый из вас, включая ваши самые сокровенные секреты; и единственные препятствия, мешающие нам, создаете вы сами, отрезая ими поток наших энергий от их адресатов в вашем мире. Мы же — я и мои собратья — лишь малые звенья в великой цепи жизни, которая, двигаясь через созвездия, омывает всё сущее водами великого живого моря, заполняющими своей энергией бесконечность и нигде не встречающимися неодолимым преград, куда бы они ни текли.

Итак, мы рассказали о некоторых причинах и следствиях, отделяющих материальную Вселенную от ее Великого Центрального Источника, из которого произошло всё сущее и к которому всё вернется, когда урожай на великом поле будет собран полностью и настанет время Отдыха.

И вот мы снова оказались в большом Коронном Зале, зачарованные мощным воздействием всё той же великой силы, ибо перед нами парило в воздухе исполненное величия и покоя, облаченное в прекрасную форму Слово, явленное в Божьем Христе. Не забывайте, что в тот момент мы стояли в Его присутствии; и то, что нисходило на нас через Его Присутствие из глубин Бытия, было неведомо нам; лишь созерцая Его, мы могли хоть немного приблизиться к этому неведомому. Потому-то мы и ощущали воздействие потока мощной энергии, сила и масштабы которой превосходили нашу способность к восприятию. Всё, что мы знали, — это то, что Он пришел к нам, чтобы подарить малую толику света, сияющего за Его спиной и в Нем Самом ради нашего наставления и просветления.

Пока вокруг Него разворачивалась бесконечная панорама различных разделов творения, Он стоял неподвижно, как будто все эти чудеса требовали от Него огромного напряжения всех сил и способностей. Но, когда всё закончилось и результат был достигнут, Он с облегчением вздохнул; и тут же за Его спиной появился трон, и многие прекрасные существа возникли вдруг из пустоты и застыли рядом с троном в немом обожании. Он обернулся, поднялся вверх на семь ступеней и сел на трон; и тут мы увидели перед ступенями дорожку, протянувшуюся к одной из окружающих престол Иерархий, а именно — к той из них, что стояла напротив человеческой расы. Эти Иерархи прошли по дороге и в молчании встали пе-

ред тронном, потупив глаза; а в это время со стороны их царства доносились отдаленное пение и звуки музыки, как будто в глубине пространства звучал исполинский камертон. Казалось, что между мирами протянулись струны огромной арфы, звучащие во свидетельство их единства между собой и с теми, кто стоял сейчас в Присутствии Господа своего.

Тут из-за трона вышел сияющий Князь, встал по правую руку от Христа и обратился к стоявшим перед тронном. Пока он говорил, из дальних миров продолжали доноситься звуки торжественного гимна; и тем не менее мы ясно слышали слова Князя. Он говорил о том, что Жертва, которую Христос Божий принес ради Любви, оправдана теперь во всей Божьей Вселенной.¹

ГЛАВА V: Иерархия Творцов и Христос созидающий. Гимн Ламеля. Земля, Марс и другие планеты. Сфера Христа. Очищение нижних сфер.

Среда, 19 февраля 1919 г.

Сегодня с вами та самая группа, которая описывала церемонию в Коронном Зале год назад. В тот раз мы были вынуждены прерваться, поскольку силы ваши были истощены. Теперь мы намерены возобновить работу с вами и прямо сейчас продолжить прерванный рассказ.

Первыми из Иерархов, кто с восхвалениями приблизился к Христу и к Пославшему Его, были те, чья задача — просвещение человечества. А затем вперед вышел глашатай и обратился ко всем собравшимся Ангелам из разных областей творения. Они отличались друг от друга по уровню развития, и потому он обращался к каждому поочередно, находя для каждой иерархии подходящие слова наставления и ободрения в их продвижении по пути прогресса. Вот вам краткое описание этой части церемонии.

Перейдем теперь к следующей. Вокруг Трона, на котором сидел Великий Христос Созидающий, появилось облако, сверкающее яркими красками, которые, распускаясь, подобно цветам, переплетались, создавая прекрасный узор, коим мы любовались, не отводя зачарованных глаз. Вдруг из-за Трона и окружившего его облака вырвался и рассыпался веером сноп ярких лучей, и сидящий на Троне Христос оказался в самом его основании. Эти лучи были синего, зеленого и янтарного цветов. То были небесные проекции сил, генерирующихся в материальных областях Его Царства, проявленного в материальной субстанции, из которой состоят звезды и планеты, в том числе и Земля.

Затем облако, и до того находившееся в постоянном движении, начало сжиматься и вскоре приняло форму плаща; однако все его цвета остались прежними, так что узор не был нарушен. Христос сидел всё так же напряженно и неподвижно на Своем Троне, но теперь Его Форма была облечена в прекрасный сияющий Плащ. Большая часть Плаща была синего цвета — темного и в то же время блестящего. Край Плаща, ниспадавший на мозаичный пол и на верхние ступени лестницы, был золотым с широкой каймой, в которой золотой, серебряный и зеленый цвета перемежались двумя широкими полосами — малиновой и янтарной. На синем фоне тоже были узоры, напоминавшие перевернутые короны. А еще Плащ украшал жемчужный воротник, сиявший многоцветьем, — именно так, поскольку это был не бесцветный жемчужный блеск, но какой-то внутренний свет, создававший ореол вокруг Его лица, но не затмевавший его. Издали казалось, что лучи, поднимающиеся из-за Трона, исходят

---

¹ Здесь силы оставили меня, и я вынужден был прекратить работу. Мне не хватило сил, потому что в тот день я был очень утомлен работой в приходе — особенно напряженной в военное время. Эта двойная нагрузка оказалась для меня столь тяжелой, что мне пришлось прервать работу на самой середине послания.

На это пришел ответ: «Джордж почувствовал перенапряжение и пожелал остановиться. Пусть он отдохнет; это пойдет ему на пользу. Тем более что скоро лето. Но он не должен думать, что работа уже завершена.» — Прим. Дж.В.Оуэна.

именно от Плаща, но на самом деле это было не так, даже если нам так показалось. На Голове Его не было венца — только красно-белый обруч, не позволявший Его убранным за уши волосам падать на лицо. Обруч чем-то напоминал ту диадему преданности и поклонения, о которой я вам говорил.

Вы с таким тщанием описываете цвета, Арнель. Вероятно, они тоже имеют какое-то важное значение?

Да, имеют; только я не смогу описать их значение так же подробно, как сами цвета. Скажу только, что нам они говорили о многом и что их прекрасные сочетания были отнюдь не случайны. Впрочем, описать их символику в общих чертах всё же возможно — здесь для вас не будет ничего непонятного. Лучи за Его спиной символизировали материальную Вселенную. Они были призваны подчеркнуть благородный облик Христа для тех, кто имеет глаза и уши. Обруч на Его голове был очищенной духовной сущностью человечества — как живущего на Земле, так и перешедшего в наши сферы.

Обруч был красно-белым. Это тоже что-то значит?

Конечно. Эти цвета означают переход человечества из сферы принуждения, желаний и эгоцентризма в царство гармонии с Единым Светом, в котором все цвета сливаются в мире и покое, а те, кто создает эти разноцветные лучи, собираются вместе. В этом суть перехода из красного в белое. Белый цвет — самый совершенный и могущественный. Смотрящим со стороны видится в нем только безжизненный холод снежной пустыни. Но находящимся внутри видны все его прекрасные оттенки, они чувствуют в их сочетании нежное тепло. Для них белый цвет вовсе не холодный, он наполнен теплом любви и мира.

Ныне лицо Христа обращено к нам, несовершенным, и к стоящей за нашими спинами человеческой расе, небесными первопроходцами которой мы являемся. Но Он повернется в обратную сторону, чтобы повести за собою мириады спасенных Им к Престолу Отца; и по истине, Он будет тогда таким же, как все они. В тот день красный цвет в Его обруче окончательно сольется с белым; и белый цвет станет, благодаря этому, еще чуть-чуть теплее.

Однако, сын мой, вы немного отвлекли меня вопросом об обруче на Его голове. Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов о Его синем Плаще. Если лучи материальной Вселенной подчеркивали Его форму, а также форму Его Плаща и Его Трона, а диадема соединила в себе земное человечество с его будущим восхождением в небеса духа, то Плащ был призван скрыть под собою всё Тело Того, благодаря Которому Творение Отца перешло во внешний мир: в Его Плаще соединились все великие силы, приводящие в движение, оживляющие и одухотворяющие материю и ее порождения. Некоторые из этих сил вам известны: электричество, эфир, который, как вы уже знаете, не просто инертен, но обладает собственной энергией; также — магнетизм, движущая сила солнечных лучей и многие другие, еще более возвышенные. Все они слились в Его мантии, чтобы скрыть под нею Его форму и в то же время подчеркнуть ее, а заодно украсить Его Трон.

А каково значение перевернутой короны, и почему она перевернута?

Как я уже сказал, красно-белый обруч в тот раз заменял Его корону. Но когда-нибудь, когда обруч станет полностью белым и сольется с непревзойденной белизной Его существа, Он наденет настоящую корону; и тогда Его Плащ развернется, края его поднимутся вверх и воспарят к небесам. Таким образом, перевернутый плащ из одежды превратится в новый фон для Него и для Его Трона, заменив собою материальные лучи, которые исчезнут из виду. И когда с наступлением Великого Дня Он призовет к Себе Свои мириады, над Ним и вокруг Него будут сиять все эти короны, только уже не перевернутые, поскольку перевернутым будет сам плащ. Короны имеют разную форму, но в нормальном положении все они будут указывать в сторону еще большей славы. Туда Христос поведет Своих спасенных, и они бесстрашно последуют за ним.

Арнель

Четверг, 20 февраля 1919 г.

А Синий Плащ тем временем начал таять в атмосфере и вскоре исчез совсем. Христос Созидающий по-прежнему сидел на Своем Троне, только одет Он теперь был по-другому. На плечах Его появилась накидка такого же темно-синего цвета; она ниспадала по-бокам оставляя открытым золотой хитон, опускавшийся, когда Он сидел, чуть ниже Его колен. Он был перепоясан широкой зеленой лентой с золотыми вкраплениями и оторочкой цвета рубина. В правой руке Он держал невзрачный однотонный венец из белого металла. Это была единственная связанная с Ним, вещь, которая не светилась; и уже одно только это обстоятельство привлекало к венцу внимание всякого, кто мог его видеть.

Вдруг Он поднялся, положил венец на ступени у ног и, выпрямившись, обратился к нам. Он возвестил нам Свою волю. Вот Его слова:

«Вы сами лишь недавно видели, что ждет вас дальше в Царстве Моем. Но есть и много таких, кто пока не может прийти сюда, чтобы созерцать внутреннюю красоту. Те, кто живет на дальних окраинах Царства, лишь смутно представляют себе, кто Я, поскольку их полное пробуждение еще не наступило. Так расскажи нашим далеким братьям, добрый Ламель, о жизни в этих мирах и о том, какая судьба их ожидает».

Когда Он произнес это, на верхнюю ступень перед Троном поднялся человек — один из Его свиты, стоявшей по обеим сторонам лестницы. На нем был белый с серебряным отливом пояс, переброшенный через левое плечо и обернутый вокруг бедер. Он повернулся к нам и заговорил. Его голос, казалось, складывался из множества музыкальных аккордов — именно аккордов, поскольку звучал он не как один, а как несколько голосов сразу. Звуки его речи отдавались в воздухе многократным резонансом, словно ему вторили натянутые в пространстве многочисленные невидимые струны. Одна за другой эти воздушные нити присоединяли свои вибрации к общему хору, так что вскоре трепещущая музыка зазвучала повсюду, как будто разом заиграли тысячи арф, не нарушая общей гармонии.

И всё же это не мешало нам слушать его слова, но, напротив, делало их более мелодичными и выразительными, приближало к природе тех вещей и деяний, которые они описывали, наполняло веществом и плотью, как будто кто-то рисовал черной краской на белом полотне контур будущей картины, а затем заполнял его яркими цветами и оттенками. В его словах звучала не только музыка, но сама жизнь.

Вот о чем он говорил нам тогда (или пел):

«Что с того, что Его Присутствие кажется далеким и скрытым от нас в высоких Царствах Славы? Всё равно Он здесь, с нами, потому что мы — Его порождения и живем Его жизнью.

Что с того, что они кажутся нам такими далекими и что живут они внизу — там, где свет кажется таким же туманным, каким Он Сам представляется нам? Всё равно они — наши братья; и мы сами такие же, как они.

Что с того, что не знают они, где сокрыта их собственная жизнь — та, которою они живут, направляя ее в русло праведное или неправедное? Они не видят, зато чувствуют и ощущают продвигаются вперед, хотя и получают много меньше, чем могли бы, если бы знали, где искать; даже в слепоте своей они протягивают к нам руки с обращенными вверх ладонями. И в этом они оправданы.

Часто они спотыкаются в темноте или сбиваются с прямой дороги. Тогда их продвижение вверх замедляется; но те, кто способен хоть что-то различать впереди, терпеливо ждут возвращения заблудших, чьи глаза видят еще хуже. Из-за этого они продвигаются медленно, но зато не теряют друг друга.

Что же с того, что длинна дорога? Разве не следует нам дождаться идущих за нами, чтобы вместе отправиться дальше и выше, даря друг другу благословение взаимной любви, оказывая помощь ближнему и получая ее взамен?

И должны ли мы просто ждать, ничего не делая, когда они с таким трудом ищут во тьме верную дорогу? Или нам следует спуститься и привести их? Ведь Сам Христос снимал с Себя времена одеяние славы и, облаченный в простое платье, отправлялся на поиски отбившихся от стада овец, возвращая на Землю то, что она может исцелить.

Эти чудесные нисхождения были предопределены Высшими силами. Те, кто пребывает в мирах еще более величественных, чем наш, низко кланяются Ему за это, отдавая дань почтения Сыну Божьему в Его смирении. Ибо те, кто действительно велик в своей мудрости, лучше нас знают, как Любовь вошла во Вселенную и что Вселенная прекрасна, потому что создана из Любви.

Что же с того, что Он высоко и далеко от нас — Тот, из Кого исходит всё сущее? Ведь с нами Его Христос.

Что с того, что они далеко внизу — те, чье возвышение еще впереди? Ведь Христос и с ними тоже.

Что с того, что слабы их руки и затуманено зрение? Он — их сила и их Светильник, не дающий им окончательно сбиться с пути и пропасть.

И если сейчас они не знают эти светлые царства так, как, к радости нашей, знаем их мы, когда-нибудь они всё равно увидят их и возрадуются; и мы будем радоваться вместе с ними.

Но кто из нас подберет этот венец; у кого хватит сил для предстоящей битвы? Кто решится возложить его себе на голову сейчас, когда он так тяжел и некрасив? Пусть тот, кто силен и прост в своей вере, выйдет сюда и возьмет его.

Что с того, что сейчас он тусклый и невзрачный? Когда-нибудь он засияет ярким светом, сокрытым ныне внутри него. Когда-нибудь — когда миссия будет выполнена».

Он замолчал, и воцарилась великая тишина. Только музыкальные вибрации всё еще звучали вокруг нас — ласково и задумчиво, словно не желая умолкнуть, не ответив певцу.

Но никто не выступил вперед, никто не осмелился возложить на себя столь высокую обязанность; поэтому Сам Христос спустился по ступеням, поднял корону и надел ее на себя. Корона тут же сползла вниз, едва ли не до самых Его бровей, ибо она в самом деле была тяжела. Да, сын мой, Его венец нелегок по сей день, но он уже начинает немного светиться, чего не было раньше.

Надев корону, он обратился к нам: «Братья мои, пойдет ли кто-нибудь вместе со Мною?»

Услышав Его голос, мы опустились на колени и преклонили головы под Его Благословение.

Арнель

Среда, 26 февраля 1919 г.

Что это за высокая обязанность, о которой вы говорили, Арнель?

Об этом я как раз и собирался рассказать, сын мой; так что запишите то, что я сейчас продиктую, ибо это важно для тех, кто желает в сердце своем понять смысл событий последних столетий.

Вы должны знать, что это великое предприятие было задумано отнюдь не в Башне Ангелов. Оно было начато много веков назад в Царствах более высоких, нежели все те, о которых я вам до сих пор рассказывал. Как нам говорили, в начале каждого столетия Высочайшие собираются на Совет, во время которого они вспоминают и анализируют события прошлых веков. О событиях давно минувших говорят кратко и схематично. О недавних — более подробно. А о событиях только что завершившегося века — обстоятельнее всего, связывая их с теми, что происходят на Земле в настоящий момент. Затем точно так же обсуждают события на планетах, родственных Земле; а потом говорят о них и о Земле одновременно. Так что Совет длится долго и проходит не спеша, дабы те силы, которые его участники запланируют ввести в действие в следующем столетии, не противоречили планам других Иерархий, направляющих ход развития других планет.

Пожалуйста, объясните смысл выражения «родственные Земле планеты».

Я имел в виду другие миры, сходные с Землей по уровню развития и направленности эволюции. Те планеты, которые пошли по пути развития свободной воли, в большинстве своем похожи на Землю; и уровень развития духа и интеллекта на них примерно такой же, как и на Земле в нынешнем столетии. Так что пространственная близость к Земле здесь со-

вершенно ни при чем; родство, как я уже сказал, определяется интеллектуальным и духовным содержанием.

Не могли бы вы назвать эти планеты?

Мог бы, но не стану, дабы меня не упрекнули в том, что я объясняю очевидное. Я вижу, что на уме у вас вертится фраза, которую я, пожалуй, запишу в свой словарь — «напустить туману». Но кроме того, ведь существуют и невидимые для вас планеты, хотя они тоже входят в солнечную сферу, а это понятие относится к материальному уровню. Есть также некоторые планеты, расположенные на границе этой системы; и, хотя они относятся к сфере притяжения другой звезды, они тем не менее родственны Земле. И еще две планеты не только находятся в Солнечной сфере...

Вы хотите сказать — «Солнечной системе»?

Да, Солнечной системе — не только находятся в ней, но и имеют материальную субстанцию. Ваша наука в настоящий момент ничего о них не знает, но узнает со временем. Впрочем, эта премудрость не имеет отношения к нашему сегодняшнему разговору. Итак, как я уже сказал, все планеты тщательно выверяются и корректируются на Совете, отдаются команды, и судно, у которого наконец подняты все паруса, устремляется вперед, держа курс в открытое море.

Какая роль в этих Советах отводится Христу?

Вам следует писать не «Советы», а «Совет» — в единственном числе, так как это один и тот же Совет, только собирается он из столетия в столетие. Состав этого Совета не то чтобы абсолютно неизменен, но изменяется лишь раз в несколько эонов, да и то лишь частично, — настолько высоки входящие в его состав Великие Повелители Творения. И Христос главенствует над ними.

Значит, Он — их Царь?

Нет, я бы так не сказал. Скорее, Он — Царь Небес, нижестоящих по отношению к Небесам, в которых собирается этот Совет, и Он же — Глава Совета. Я знаю, что это так; но это знание я приобрел не на собственном опыте; оно перешло мне и моим собратьям по сфере из тех миров, что расположены выше нас.

Надеюсь, вы поняли, что я хотел сказать? Или следует продолжить объяснения?

Благодарю вас, сэр; кажется, я понял вашу мысль, насколько мог.

Ну что, это хорошо, что вы стремитесь понять то, о чем пишете. Меня это радует. Ни я, ни даже те, кто уже смог подняться несколько выше, чем я, не в состоянии представить, чем, на самом деле является этот Совет. Мы знаем о нем лишь благодаря рассказам других; и точно так же вы сейчас узнали о нем от меня. Но вы, как вижу, стремитесь извлечь максимум из того, что я могу вам передать; и это хорошо.

А теперь, если вы не против, я продолжу рассказ. Как вы уже поняли, Глава Совета, избранный сын **Бога**, Сам спускается вниз, чтобы следить за ходом работы. Но, с точки зрения тех, кто работает рядом со мной, именно так и должно быть. Тот, кто принимает на себя ответственность за принятое решение, сам должен претворять его в жизнь и следить за правильностью его исполнения. Так и поступил Христос. И сейчас Он среди вас, выполняет свою Миссию. Пройдено уже чуть больше половины пути: мы достигли Земли и повернули обратно — наверх, к дому. Пусть вас не удивляют мои слова. Я намерен подробно остановиться на этой теме. То, о чем я говорил раньше, — всего лишь первая стрела, пущенная в намеченную мною цель. Пусть она там и остается, чтобы служить ориентиром, не позволяющим нам отклоняться от избранной темы. А отступлений здесь может быть множество: интересных, назидательных и просто красивых; но они не имеют непосредственного отношения к нашему разговору. Я намерен ограничиться только тем, что связано с Землей. А потому оставим в стороне процессы, определяющие направленность эволюции в иных мирах, и поговорим только о Земле — во всяком случае, о том, что влияет на ход земных событий. Сделаем только одно исключение, раз уж вас так заинтересовали наши слова о других планетах. Поговорим немного о Марсе. В последние годы этой планете у вас было посвящено

столько рассуждений, что теперь она является предметом повышенного интереса не только для ваших ученых, но и для рядовых граждан. Не так ли, сын мой?

Да, я думаю, вы недалеко от истины.

Мышление — это прежде всего отражение. Обитатели Марса первыми развили его. Ни направили огромное количество мыслительных волн в вашу сторону, и вы откликнулись (но не более того). Подобное взаимодействие стало возможным благодаря родству жителей Земли и Марса. Некоторые ваши астрономы настолько свыклись с мыслью о реальности их существования, что даже придумали им фамильярное название — марсиане. Знай они об этом, их бы это позабавило; ведь даже нам это название дает повод для снисходительной улыбки. Будучи «хорошо знакомыми» с «марсианами», ваши астрономы неизменно утверждают, что в своем интеллектуальном развитии они намного обогнали землян. Не так ли?

Да, вы правы. Они всегда так говорят.

И напрасно. Кое в чем люди Марса опередили вас — жителей Земли. Но по очень многим параметрам они от вас отстали. Я там был. Я знаю. Впрочем, обо всем этом вы вскоре узнаете обычным путем, благодаря вашей науке; тогда это знание будет вашим собственным и вы сможете по праву им гордиться. В этом кроется одна из причин того, что мы так часто налагаем печать молчания на наши болтливые уста. И в данном случае я намерен последовать этому правилу.

Вы сказали, что были на Марсе?

Так же, как жители Марса бывали у нас на Земле. Мы стараемся выполнять свою работу наилучшим образом. Как вы знаете, я был в рядах того Христова воинства, что собралось в Башне. Но ведь были и другие армии Христа, и впоследствии к ним добавились еще новые. И едва ли не каждого из этого огромного множества необходимо всесторонне подготовить к выполнению определенного задания.

Примерно так же вы обучаете своих солдат. Одним предстоит освоить одну воинскую специальность, другим — другую. Мне же для успешного выполнения своих обязанностей необходимо было узнать, как живут и как развиваются люди на других планетах, помимо Земли. Ради этого я, так сказать, переходил из одного университета в другой. Вот так. Один из университетов был в Храме на Святой Горе; другой — в Пяти Башнях; а еще один — на Марсе.

Арнель

Четверг, 27 февраля 1919 г.

Насколько я понимаю, те события, о которых вы рассказывали до сих пор, происходили в Одиннадцатой Сфере; не так ли?

Это так, сын мой, если следовать той классификации сфер, которую предложил для вас милорд Забдиэль. Но у вас возник вопрос, хотя он еще не совсем оформился в ваших мыслях. Отвечу на него прямо сейчас, чтобы больше к нему не возвращаться, и тогда продолжу рассказ.

Я уже говорил о том, что великий замысел родился не в Одиннадцатой Сфере, но в царствах гораздо более высоких. Вы уже слышали о Сфере Христа. Эта сфера действительно существует, только одни представляют ее себе так, а другие — иначе. По содержанию и форме сферы устроены так, что строгая классификация, привычная вашему философскому складу ума, для них мало приемлема. Но, говоря о них, мы вынуждены разделять и классифицировать их, чтобы вам было проще нас понять. Однако универсального метода классификации не существует. Для нас это не догма. И всё же, если вы заглянете за внешнюю словесную оболочку, вы заметите, что те, кто передает вам послания, говорят об одном и том же, хотя и по-разному.

Некоторые говорят, что сфер семь и что Седьмая — и есть Сфера Христа. Что ж, пусть так. Мы же с Забдиэлем называем вам сферы вплоть до Одиннадцатой. Если разграничивать сферы так, как это делаем мы, то их становится дважды по семь, и только затем идет Сфера

Христа. Но, мне кажется, правильнее будет сказать, что Седьмая Сфера является не Сферой Христа, но наивысшей из известных сфер, в которой есть Христос.

В нашем исчислении (дважды по семь) именно Четырнадцатая Сфера является наивысшей из всех, о которых мы — обитатели Одиннадцатой Сферы — можем иметь хоть какое-то реальное знание. Мы пока не можем воспринимать непосредственные наставления из сфер, превосходящих Четырнадцатую. И коль скоро мы знаем, что в Четырнадцатой Сфере Христос присутствует повсюду, значит, Сам Он, по необходимости, должен принадлежать, по крайней мер, к следующей сфере — на одну выше, чем Четырнадцатая; ведь в последней, как я уже говорил, нет ни единой толики пространства, где не проявлялось бы Его Присутствие. И если Он заключает в Себе всю Четырнадцатую Сферу, значит, Сам Он должен быть значительно выше. Отсюда и дважды по семь сфер плюс еще одна. К этому выводу мы пришли сами, основываясь на тех знаниях, которыми мы располагаем в настоящее время. Поэтому-то мы и говорим, что при подсчете Сфера Христа оказывается Пятнадцатой и что она включает в себя все четырнадцать нижестоящих сфер. Вот и всё, что мы можем вам сказать о Пятнадцатой Сфере, описывать которую не беремся, так как сами ничего не знаем ни о ее размерах, ни о действующих в ней законах. Но, где бы ни находились ее пределы (если их вообще можно установить), мы знаем, что именно оттуда — из Пятнадцатой Сферы — черпают силы и наставления руководители нижестоящих сфер. На этом наши познания и наше воображение исчерпываются; дальше начинается великая Неизвестность. Впрочем, еще кое-что я могу вам сказать, не рискуя нарушить одно из основных правил — никогда не преподносить собственные предположения под видом точного знания.

Итак, записывайте: Некоторые постановления собирающегося каждые сто лет Совета Высших Сил (я говорил вам о нем раньше) могут быть зафиксированы у вас на Земле в тех случаях, когда они передаются в виде откровения тем, кто способен их воспринять.

А еще этот Совет созывался перед сотворением материального Космоса.

Арнель

Пятница, 28 февраля 1919 г.

Он собрался снова, когда новорожденный человек вышел наконец из огромной комнаты, где спал много столетий, открыл глаза навстречу восходящему солнцу осознанной деятельности и впервые посмотрел вперед — на те царства, которые ему предстояло покорить. Участники Совета (во всяком случае некоторые из них) видели гибель Атлантиды, а в последующие века были свидетелями того огромного напряжения, с которым появлялись на свет новые элементы потенциального человеческого величия, заявляя о своих правах на участие в дальнейшем эволюционном продвижении человеческой расы. От них же поступил и недавний импульс к ускоренному развитию ваших феноменальных наук. Люди полагают, что их нынешняя наука является венцом мудрости всех прошедших столетий. Но этот бравый марш в сторону материи — вовсе не последний этап путешествия; царственный прогресс человечества продолжится и после того, как материальный мир будет им освоен, поскольку город грядущей Коронации находится не здесь, но далеко на вершинах Духа. Вы же только что пересекли долину, собирая по дороге красивые камни, отшлифованные водою ее ручьев; и теперь вам надо найти гранильщика. Рано или поздно вы найдете его, и он превратит ваши камни в прекрасные сияющие самоцветы, достойные царского венца. Но живет он не в долине и даже не на тех холмах, на которые вы ныне пытаетесь подняться, но среди высоких гор, где согревающий душу свет сияет в полную силу. Там увидите вы Ворота Царского Чертога, где живут Сам Царь и его Свита; только сейчас вы не найдете Его дома: Он там — далеко внизу, невидимый ходит по Земле, исполняя ту Миссию, которую Сам на Себя возложил. И мы — беседующие ныне с вами — сопровождаем Его, исполняя всё, что Он нам скажет.

Если я правильно понял, Арнель, Христос сейчас находится здесь, на земном уровне; и вы и ваши братья получаете приказы непосредственно от Него?

А от кого же еще нам их получать? Попробуйте разглядеть сами, сын мой, какие замечательные силы действуют вокруг, и попытайтесь непредвзято осмыслить их природу. Ваша

наука, опьяненная собственными успехами, совершила еще один скачок и выпрыгнула из материального мира в эфирный, хотя до сих пор ее развитие было направлено в обратную сторону. Всё чаще вы слышите сообщения о разного рода чудесах и знамениях; и то, что раньше говорилось шепотом, теперь провозглашается в полный голос. Посмотрите вокруг, и вы увидите, что во всех водах земных отражены мириады наших улыбающихся лиц и что никто из нас не скучает без дела. Мы молчим, но вы нас слышите; нас не видно, но наша рука заметна повсюду. Люди говорят, что не ощущают нашего присутствия; и тем не менее мы окружаем вас со всех сторон, с удовольствием запуская пальцы в каждый пирог, который печется у вас на Земле. Но делаем мы это вовсе не для того, чтобы выковыривать оттуда сливы; напротив, от наших прикосновений пироги становятся еще слаще.

Арнель

Понедельник, 3 марта 1919 г.

Первым делом, порученным мне после того, как я был призван принять участие в великом предприятии, стало очищение нижних сфер. Все они тесно соприкасаются с Землей и в предшествующие столетия оказывали на нее заметное влияние. Обратное тоже верно: то есть эти сферы тоже вобрали в себя многое из того, что Земля создавала из поколения в поколение. Иначе и быть не могло, поскольку сферы эти пополняются с Земли; и, чем ближе сфера расположена к Земле, тем быстрее осуществляется этот переход.

Когда люди приходят сюда через ворота смерти, их, как вы знаете, встречают, чтобы помочь немного полнее представить себе картину их новой жизни. Прежние ошибки постепенно изглаживаются, и человек понемногу привыкает видеть всё в новом свете. Но помните и никогда не забывайте, что жизнь нигде не подчинена какому-то единому строгому закону — ни на земле, ни на небесах. Свободная воля священна и действует всегда и повсюду. Благодаря этому элементу и его присутствию в сферах, те, кого приводит сюда физическая смерть, даже после очищения сохраняют в себе определенную долю недостатков и заблуждений. Конечно, большинство недостатков, которые люди приносят с собою, преобразуются со временем в элементы положительные и благотворные. Большинство, но не все. Всё та же свободная воля, так же мало подвластная законам логики, как и любым другим ограничениям, позволяет некоторым неуловимым блуждающим частицам примешиваться к жизни этих сфер, растворяясь в их атмосфере. И со временем этот элемент накапливается. Разумеется, его концентрация никогда не достигает угрожающих размеров, и при обычных обстоятельствах он просто предоставляется сам себе — в расчете на то, что с течением столетий он все-таки будет вытеснен. Но как раз в то время было нежелательно пускать дело на самотек. И причина тому заключалась в следующем.

До последнего времени человеческая эволюция была направлена вниз и во внешнюю сторону — то есть в глубь материи. Такова была Воля Божья — проявить Себя феноменально во всем многообразии и завершенности форм. А поскольку этот путь вел всё время вниз, то элементы заблуждения успели накопиться в таком количестве, что резервуар духа просто не успевает впитать, усвоить и преобразовать все эти элементы, поступающие ныне с Земли. Потому-то мы и должны были по пути на Землю очищать эти сферы. И это задание было лишь прелюдией к более масштабным операциям на самой Земле.

Почему «более масштабным»?

Земля всегда управлялась из этих сфер. Но тогда было необходимо активизировать воздействие на Землю, придать ей динамический импульс такой силы, чтобы колесо смогло благополучно докатиться по склону до самого подножия горы, а затем продолжить свой путь, на сей раз поднимаясь снова вверх — из долины к вершинам. Теперь эту задачу можно считать выполненной, так как восхождение уже началось.

Мы действовали примерно так же, как действует желатиновая пленка в бочонке с вином. Мы спускались медленно — как плотное и не оставляющее ни единого просвета облако решительно настроенных и тесно связанных друг с другом работников. При этом мы улавливали и гнали перед собою все создающие дисгармонию элементы, направляя их всё дальше

вниз, к Земле. Это продолжалось на протяжении жизни нескольких теперь уже ушедших поколений.

Мы продвигались вперед неумолимо и безостановочно; и чем ближе наше победоносное воинство подходило к земному уровню, тем выше становился уровень концентрации нежелательных элементов, тесно сжатых между нами и Землей. С каждым шагом мы всё плотнее прижимали их к земной поверхности, так что вскоре они уже напоминали густой клубящийся туман, частицы которого неистово метались из стороны в сторону, требуя, но не находя простора для передвижения.

И так, чем теснее сжималось кольцо нашего окружения вокруг земной сферы, тем более яростным становилось буйство нарушающих гармонию частиц, тем активнее они проникали в земную жизнь, пока не прорвали наконец окружающую ее эфирную оболочку и не обрушились всей своей массой в мир людей.

Зато, оглядываясь назад, мы видели позади себя — наверху — чистое небо, свободное от скапливавшихся в нем веками испарений, еще более яркое и прекрасное после нашей работы.

А под нами, где сконцентрированным испарениям поневоле приходилось... а впрочем, стоит ли мне так подробно распространяться на сей счет? Ведь те из вас, кто имеет глаза, сами могут видеть последствия наших действий, так ярко проявлявшихся на Земле в последние столетия. Только форменный олух может сказать сейчас, что ему не видны плоды наших недавних трудов.

Но когда эти страшные силы прорвали защитную оболочку вашей атмосферы (если так можно сказать, используя вашу научную терминологию), мы сами, не встречая более перед собою никакого серьезного сопротивления, тоже провалились вслед за ними в вашу сферу. И вот наконец мы здесь, у цели своего путешествия.

Но, сын мой, какая же долгая и жестокая нас ждала битва — битва двух непримиримых сил — долгая, жестокая, а порою и вовсе беспощадная. Но мы победили, благодаря дружественной поддержке мужчин вашей расы, а также и женщин — таких замечательных и не раз приятно удивлявших нас проявлениями беспримерной отваги, поистине чудесной для женщин земной сферы. Да, да, мы знаем, что вам — жителям Земли — пришлось немало пострадать, но за это мы стали любить вас еще больше. Знайте, сын мой, что в этой битве мы не только наносили сокрушительные и беспощадные удары, но и сами получали раны — порой весьма серьезные. Мы страдали также, как и вы. Но мы даже рады тому, что нам пришлось пройти через эти страдания. Гораздо хуже было бы для нас пребывать в мире и покое, видя, как страдаете вы. Нам очень помогло то, что в час суровых испытаний мы были рядом с вами и видели, как мужественно вы с ними справляетесь; так что вы помогли нам, возможно, не меньше, чем мы — вам.

Вы имеете в виду великую войну, Арнель?

И ее тоже, как пик противоборства. Но, как я уже говорил, противостояние развивалось по нарастающей на протяжении нескольких столетий. Война шла в это время по нескольким направлениям и унесла куда больше человеческих жизней, чем вы, возможно, предполагаете. Вы были бы удивлены, если бы я перечислил вам все ее направления. Но я ограничусь тем, что назову лишь некоторые: религиозное и теологическое, научное, а еще — военное, ставшее настолько популярным в последнее тысячелетие, что его ненасытная утроба поглощает теперь едва ли не всю активную энергию человечества.

И всё же люди и мы одержали победу в этой войне, и теперь вместе идем по небесному пути — к освещенным солнцем вершинам. Погруженная во мрак долина осталась позади. так возьмем же в руку посох и обратим взоры свои к небесам; и, когда солнечный свет озарит наши шрамы, они превратятся в сияющие гирлянды у нас на груди и прекрасные браслеты на руках, а наша изорванная и запыленная одежда станет похожей на изящное кружево. Ведь наши раны — доказательство бесстрашия, а одежда — свидетельство великих трудов. А наш общий Капитан — Христос — хорошо знает, что такое получать раны в бою.

Примите мое благословение, сын мой. Сейчас грусть моя уже прошла, но шум битвы порой еще слышится мне, и звучит в ушах небесный призыв, когда я вспоминаю об этой войне и о том, что мы сделали, а главное — о том, что мы видели. Немало слез пролили мы за вас — земных людей. Да, не раз и не два и не три доводилось нам плакать. Ведь мы ясно видели рядом с собою Христа. Который вел нас впереди; а ваше зрение было омрачено тяжелым земным туманом, из-за чего вы едва различали Его перед собой, а то и не видели вовсе. Вот это и печалило нас, сын мой.

Мы смотрели на вас хотя и сквозь слезы, но с удивлением и восхищением, ибо вы сражались как настоящие герои. О, как сражались вы, сыны человеческие, как доблестно вы сражались! Мы смотрели на вас, как замороженные, но потом вспомнили, что и вы тоже — воины нашего Капитана и общего нашего Царя. И когда мы подумали об этом, то возрадовались; и, хотя слезы по-прежнему застилали нам взор, мы отыскивали глазами Его, стоящего во главе всего нашего воинства, и вознесли Ему молитвы от вашего имени.

Примите мое благословение и передайте вашим собратьям — земным людям — мой привет, исполненный искренней любви и безграничного уважения.

Арнель

Среда, 5 марта 1919 г.

Теперь же я намерен рассказать вам о некоторых конкретных случаях, которые опять-таки произошли на моих глазах по дороге к Земле и после проникновения в земную сферу. Начну, пожалуй, вот с чего.

Наше нисхождение на Землю было уверенным и безостановочным. Мы не останавливались ни на миг и ни на миг не ослабляли своего напора. И сплоченность рядов наших никому не удавалось нарушить. Ничто, принадлежащее к нижним мирам, не могло прорваться наверх через нас. Но это не значит, что наше продвижение было монотонным и однообразным. Мне придется воспользоваться земными словами для передачи неизвестных на Земле понятий, и я изложу свою мысль следующим образом: время от времени отдельные наши отряды получали возможность недолго отдохнуть от ратных трудов. Они могли вернуться наверх, в свои дома, или же заняться на некоторое время простой работой в более светлых царствах Божьих небес.

Уточню еще раз, что предприятие наше ограничивалось Землей, и потому в пространственном плане было сравнительно скромным. Всё поле нашей деятельности ограничивалось одной маленькой песчинкой, затерянной на окраине материального Космоса. И цели, которые мы преследовали, были чисто духовные. Я уже говорил, что последствия земных событий ощущались в некоторых близких к Земле сферах. Но эффект нашего предприятия был особенно сильным и потому ощущался на многих планетах, обитатели которых могли испытывать растерянность, смущение или беспокойство, поскольку ничего не знали о причинах своих странных ощущений. В других мирах — более развитых духовно — источник потрясений был известен; так что некоторое время Земля считалась весьма беспокойным членом планетарного братства. Если бы мы — знающие Землю не понаслышке (ведь мы когда-то тоже жили здесь) — не взяли дело в свои руки, то решать проблемы Земли пришлось бы жителям этих планет. Те из них, кто достиг уровня межпланетного общения, уже начали строить планы совместных действий. Их намерения были благородны и высоко духовны, но образ действий, выработанный их собственной эволюцией, настолько отличается от земного, что вы всё равно не поняли бы их, и последствия оказались бы ужасными. Их вмешательство привело бы вас к отрицанию Бога, так что вы оказались бы отброшенными на пару столетий назад как раз в тот момент, когда вам необходимо было двигаться вперед. Вспомните об этом, когда будете размышлять о страданиях тех, кто направлял развитие мира последнюю тысячу лет, и тех, кто продолжает делать это сейчас.

Но до сведения жителей планетарных миров было доведено, что решение проблемы берет на себя Сам Христос, и они с готовностью предложили Ему свою помощь. Он принял их предложение, но попросил их пока оставаться, так сказать, в резерве. Но они направили к

нам силовой поток с частью своих добродетелей, чтобы укрепить наши силы. Так, благодаря им, мы стали сильнее, и быстрее смогла закончиться наша война.

Помните обо всем этом, когда будете записывать продолжение этого рассказа о подробностях нашего нисхождения на Землю. То, о чем я расскажу, поможет вам лучше понять некоторые факты вашей собственной истории и дать им более правильную оценку с точки зрения их причинности. В будущем люди будут изучать историю главным образом изнутри, что позволит им обоснованно сопоставлять ее внешние проявления и, следовательно, понимать их истинную подоплеку гораздо лучше, нежели сейчас.

Даже странно, что люди так мало знают о нас и о наших деяниях. Ведь, хотя вы и разбросаны по всей Земле, многие ее территории остаются практически незаселенными, так что в целом землян не так уж много. Мы же окружаем Землю со всех сторон; а сколько еще духов остается позади нас во всех сферах и ярусах многоступенчатых небес? Таким образом, нас очень много, и каждый из нас в отдельности — сильнее большинства из вас, жителей Земли. Но лучи утренней зари уже пробивают себе дорогу наверх, высвечивая нас в наших тайных убежищах, окруженных сиянием высших сфер. И вскоре Земля перестанет чувствовать себя такой одинокой, обнаружив, что движется она не в пустоте, но вдоль бескрайних лугов, где танцуют прекрасные феи и резвятся веселые эльфы. Да, Земля не одинока; вместе с нею мириады спасенных, живших некогда в ее сфере, а ныне соединяющих ее с далекими планетами, видимыми с Земли только ясными ночами, а то и невидимыми вовсе. Но вы сами узнаете об этом только тогда, когда покинете свой низкий берег и направите парус в открытое море — навстречу великому простору, в западную область солнца.

Арнель

ГЛАВА VI: Небесные воинства Христа. Авангард. Глашатай. Нисхождение Христа на Землю.

Четверг, 6 марта 1919 г.

Повсюду на просторах небесных лугов выстроились Христовы воинства — одного за другим, в соответствии со своим рангом и положением. Я сам расположился со своим отрядом на одной из террас, как будто подвешенной в середине неба, в самом центре великого океана Бытия, где каждая капля была воином и у каждого воина было свое собственное предназначение. Это казалось настоящим чудом, ибо даже для нас — обитателей Одиннадцатой Сферы — всё происходящее было новым и непривычным.

Наша подготовка к предстоящей битве включала в себя воздействия на нас самого разнообразного свойства. Одно из них заключалось в усилении наших магнетических способностей путем вливания в нас новых добродетелей — как с вышестоящих небес, так и со стороны тех планетарных правителей, о которых я уже говорил. Наше зрение тоже было усовершенствовано: теперь мы могли видеть даже те далекие сферы, которые раньше были нам абсолютно недоступны.

Целью нашего преображения была, так сказать, гармонизация наших усилий: новое зрение позволяло нам видеть то, что делается выше и ниже нас, координировать наши действия, повышая тем самым их эффективность. И те, кто пока находился ниже нас, могли укрепиться духом, видя рядом с собою существа более сильные и светлые и действуя под их непосредственным руководством.

Вот почему я смотрел вокруг — и вверх, и вниз, и по сторонам — с трепетом и восхищением. Я видел много прекрасного и великого, но никогда не видел ничего более грандиозного.

Ниже, до самой Земли, как будто чередовались — один за другим — разноцветные прозрачные сои. То были отличительные цвета различных сфер, расположенных между Землей и нами. Теперь они служили определяющими цветами разных армий, маршировавших по на-

правлению к земной сфере. А в самом низу клубился окружающий Землю туман: мрачный, густой и зловонный, с красными и темно-зелеными молниями, прорезавшими свинцово-бурые тучи, которые извивались под нами густой студенистой массой, подобно злобным змеям, пресмыкающимся в отвратительных глубинах ада.

Но мы не содрогались и не боялись того, что видели. Напротив, мы взяли за руки, чтобы ощутить дух любви и товарищества, и настроились на торжественный лад. Нам предстояло пройти сквозь отвратительную и противящуюся нашему вторжению субстанцию, в самой гуще которой находилась цель нашего путешествия — Земля, темная планета, отчаянно нуждающаяся в нашей помощи. В тот момент мне даже пришла в голову мысль: «Как вообще человек, находясь в этом адском вареве, всё еще может жить и дышать?»

Как я уже говорил, наша задача заключается в том, чтобы поглощать, по мере сил, эту нездоровую субстанцию и преобразовывать ее. А то, что не поддается преобразованию, надлежало изгнать еще глубже — в преисподнюю, где эта субстанция, так сказать, распалась бы сама по себе. В, наверное, скажете, что это, по всей видимости, была не самая вкусная и не самая полезная пища, и будете правы. Но мы достаточно хорошо подготовились к выполнению миссии. И к тому же, мы действовали сообща, нас были мириады и с нами был наш Наставник Христос.

А потом мы повернулись и посмотрели наверх. Там уже стояли или медленно двигались с уступа на уступ светлые Ангелы. И каждый уступ был одним из небес, а каждое небо было ступенькою развернувшейся перед нами единой панорамы огромной лестницы, устремленной ввысь, к сияющим вершинам, за которыми она терялась из виду в море ослепительного света. Только те, кто смог подняться на несколько сфер выше нас, имели возможность видеть и знать, что происходит там — на самой вершине лестницы. Для нас это было только море света и больше ничего.

И всё же мы чувствовали себя сильнее, зная, что мириады Ангелов будут действовать заодно с нами. Как прекрасны были те Ангелы, что стояли к нам ближе всех. Как сияли и переливались неизвестными вам, внизу, цветами и оттенками их светлые одежды. А тем, кто стоял еще выше, одеянием служила прозрачная аура, не скрывавшая совершенство формы и ослепительной яркости их тел. Поистине, каждый из них был богом в своей невозмутимости и славе; и каждый был достоин торжественной поэмы или нежной песни любви и преклонения. Вы, следуя земным понятиям, могли сказать, что они находились очень далеко от нас; и это верно, но все-таки каждый из них был виден совершенно отчетливо и все вместе, и каждый в отдельности.

Но и эти Ангелы были не самыми главными в нашем войске. Были и другие, занимавшие еще более высокие ступени. Правда, их мы не видели, но знали об их существовании. Просто они были слишком возвышенными, чтобы разглядеть их даже с высоты нашего положения. А на самом вершине лестницы, как мы сказали, стоял Христос.

Глядя на Ангелов, мы спрашивали друг друга: если они так прекрасны, то каким же тогда должен быть Он в Своей первозданной славе?! Но на этот вопрос никто не мог ответить, и потому мы вскоре оставили бесполезное гадание и стали ждать, поскольку знали, что Он придет Сам, чтобы повести нас за Собой. По пути вниз Ему всё равно придется стать видимым; правда, в каждой сфере Ему придется принимать соответствующую этой сфере форму. Так Ему предстоит спускаться до самой Земли, ибо нам объявили, что Он, более совершенный, чем самые высокие Ангелы, намерен дойти до самого земного небосвода, чтобы мы могли следовать за Ним.

Да, сын мой, ни у кого не было такого полководца, как у нас. Среди богов и небесных властей нет Ему равных в умении руководить Ангелами и людьми. Я заявляю это со всей ответственностью, ибо Небесные Силы и Князья вовсе не одинаковы между собою, но, как и у вас на Земле, каждый из них имеет неповторимую индивидуальность. То же можно сказать и об Ангелах, и о тех, кто намного превосходит нас святостью. Даже самые великие выражают те или иные возвышенные качества Отца в большей или меньшей степени, что обуславливает индивидуальность каждого из них.

Так что, повторю еще раз, нет среди них Наставника, равного Христу. Так думаю я; и те мои собратья, с которыми я разговаривал, стоя в строю перед битвой, согласились со мной. И теперь я говорю об этом вам, чтобы вы сами могли судить, прав я, на ваш взгляд, или ошибаюсь.

Арнель

Пятница, 7 марта 1919 г.

Мы терпеливо ждали, глядя наверх, в многоярусные небеса, раскинувшиеся над нами, как гигантский шелковый ковер, расстеленный и ниспадающий вниз многочисленными складками и оборками, подобно озаренному небесным светом призматическому водяному каскаду. Чудесный ковер ниспадал с необозримых высот сверкающими волнами, подобно усыпанной бриллиантами царской мантии; и каждый его бриллиант, каждый сияющий атом был Ангелом силы. Ангелы не стояли на месте, они двигались, и при этом менялась направленность восприятия и отражения ими красоты небесных лучей, всякий раз создавая новый узор.

И вот мы заметили, что верхний край видимых нам небес начал изменять цвета. Вернее, цвет остался прежним, только к нему добавился новый ингредиент, новое сияние. И мы поняли, что Христос и Его свита вот-вот предстанут перед нами. Это было поистине прекрасное зрелище: складки шелкового ковра как будто побежали вниз; каждая ступенька словно склонялась над нижней и целовала ее, побуждая тем самым нежно опускаться на плечо следующей, и так далее.

Таким предстало перед нами начало нисхождения Христа: ступень за ступенью Он приближался к нам и все-таки оставался еще довольно далеко за той чертой, где видение лестницы небес переходило в непроницаемый для нашего зрения свет. То, что мы увидели, было лишь влиянием Его Присутствия, летевшим впереди Него и захватывавшим одну сферу за другой. Наконец, когда световые волны были уже в нескольких сферах от нас, охватив почти всё пространство выше расположенных небес, мы увидели тех, кто спускался к нам с вершины лестницы. То был многочисленный авангард Его свиты, освещавший путь своими яркими лучами. Но Самого Христа еще не было видно.

Первым, что мы почувствовали при виде столь впечатляющего и грандиозного зрелища, был, конечно же, душевный подъем, в котором наш безграничный восторг смешивался с таким же безмерным удивлением. Но затем к нему добавилось ощущение животворящего тепла, наполнявшего нас любовью и состраданием, а еще решимостью приложить все силы к достижению успеха нашего предприятия. Так мы впервые почувствовали, что Он уже рядом.

Я вряд ли смогу достаточно внятно и последовательно рассказать, как именно Он пришел, как прошел мимо нас и спустился вниз, к Земле. Всё было слишком ошеломляюще. И тем не менее я постараюсь.

Ощущение теплоты всё нарастало, и мы становились всё сильнее, пока не почувствовали, что уже можем выдержать Его приближение, не опуская глаз. Первой шла Его свита, которая должна была подготовить нас, ибо нынешнее Его появление было не таким, как те, что я не раз описывал вам раньше. На сей раз Он шел к нам в Своей великой славе и первозданной силе, чтобы увлечь за Собой десять тысяч полков, избранных Им для этого великого предприятия. Поэтому нам предстояло вобрать в себя столько Его силы, сколько было возможно; но делать это надо было постепенно.

Они проходили среди нас и над нами, поддерживая кого наставлением, кого благословением или успокаивающим поцелуем; словом, каждый получал то, чего ему в данный момент недоставало. Они проходили сквозь наши ряды не спеша — эти могущественные существа, в одно мгновение определяя, кому какая требовалась помощь, и, так же мгновенно восполнив наши недостатки, следовали дальше. А те, кто пролетал над нами, указывали им, где именно необходимо их присутствие. Все они работали слаженно и гармонично, что само по себе было для нас немаловажным уроком.

Среди них, как и среди нас, были не только мужчины, но и женщины. Вы ведь тоже обращаетесь к помощи женщин во время своих земных войн, сын мой. Вот и мы берем с собой на войну женщин, чтобы они помогали нам в том, с чем они справляются лучше нас, мужчин.

Арнель

Понедельник, 10 марта 1919 г.

Вам следует знать, что все описанные мною процессы по земному исчислению продолжались много лет. И мы в это время занимались, как и прежде, обычными делами. Ведь если у вас на Земле идет процесс реформ, это не значит, что люди забывают о своих повседневных заботах. Так же было и с нами. Только теперь все наши действия были проникнуты одной великой мыслью, определяющей характер всего нашего служения: то была мысль о приближении Христа и о преображении Им вышестоящих сфер, которых Он уже достиг. Мы чувствовали это приближение, продолжая жить, как жили до сих пор, и иногда собирались вместе, чтобы узнать подробнее об изменениях, вызываемых Его продвижением. Этим собраниям предшествовало обычно появление в нашей сфере глашатая, который поднимался на какую-нибудь гору или взлетал вверх, к небесам, и оттуда возвещал о предстоящем собрании. И тогда те из нас, к кому был обращен его призыв, направлялись к назначенному месту, где ждали дальнейшего развития событий.

Но в остальное время мы занимались тем же, чем обычно: готовились к будущему служению под началом своего Князя, когда Он призовет нас, или уходили с каким-нибудь поручением в иные сферы. В этом случае с нами поддерживалась более тесная связь, дабы мы могли быть немедленно извещены о необходимости скорейшего возвращения, если бы дома срочно потребовалось наше присутствие.

За это время мы успели совершить много такого, что вам было бы интересно и полезно узнать, но я пока не буду останавливаться на этом. Расскажу после, если мне будет предоставлена такая возможность. Ныне же я собираюсь рассказать о Пришествии Самого Христа.

Мы собрались вместе — избранные следовать за Ним — в парке возле Башни Ангелов. Мы ждали, глядя на Пальмовую Корону наверху; и вот — один за другим — на ее поверхности появились многочисленные Ангелы. Они сидели, стояли на коленях и во весь рост, кое-кто облокотившись на ажурные украшения купола. Ангелы не спускались сверху и не пришли снизу сквозь крышу, но просто стали видимыми, как будто возникли из пустоты. Вообще-то, они появились там раньше, только были невидимы и лишь спустя некоторое время приобрели внешнюю форму. Став видимыми, они начали двигаться, разговаривать друг с другом. Судя по их красоте, это были Ангелы очень высокого ранга. Я уже описывал однажды подобное событие. Не все из них явились нам в прошлый раз. Но некоторых я всё же узнал.

Когда Ангелы вновь заняли свои места, рядом с ними начала проявляться еще одна форма; и происходило это следующим образом.

В Короне появился новый элемент — крест, поднявшийся из самого ее центра и увенчавший ее. А затем проявился последний Ангел: он стоял на одной из горизонтальных ветвей креста, опершись рукою на его вершину. Этот Ангел был прекраснее всех остальных. Вскоре он полностью приспособился к условиям нашей сферы и тогда поднял вверх правую руку, посмотрел на нас сверху и осенил своим благословением. Потом он заговорил с нами чистым и звонким голосом, не слишком громко, но все-таки отчетливо слышным, несмотря на то что мы стояли далеко внизу. И все в округе слышали его — на горах и на лугах, на крышах домов и в лодках посреди озера. И вот о чем он возвестил нам:

«Мы собрали вас здесь, друзья мои, чтобы передать послание Того, Кто уже приближается к вашему Миру, дабы во время Его появления здесь вы понимали, что происходит, и не остались бы без благословения.

Знайτε же — вы, видевшие Его много раз, — что Он идет к вам сейчас в ином качестве. Когда вы видели Его прежде, Он приходил к вам с той или иной целью, определявшей, какая

именно сторона Его существа будет вам явлена. Но сейчас Он идет если и не во всей Своей полноте, то в гораздо большей славе и величии, нежели раньше. Ибо тогда Его приводило к вам собственное желание помочь вашему духовному росту, а сейчас Он исполняет наказ Своего Отца.

Поистине, это — великое предприятие, ибо Земле очень нужна ваша помощь. А потому, когда Он придет сюда, пусть каждый обратится к Нему и скажет, каких полезных качеств вам более всего недостает. Так вы сможете лучше подготовиться к предстоящим трудам и приобрести силы, необходимые для их успешного завершения.

Не будьте нерешительны и не бойтесь Его славы. Она предназначена для вас; Сам Он в ней не нуждается. Ради вас Он идет сюда прославленным и свет Свой несет тоже вам. Купайтесь же в лучах Его света и возьмите, сколько сможете, от той силы и благородства, которые несет с собою их магнетическая сила.

А теперь разделитесь на группы для дружеской беседы и обсудите между собою то, что слышали. Я сказал вам мало; превратите же малое во многое. А если что-то покажется вам непонятным, мои спутники помогут разрешить ваши затруднения. И вы сможете достойно встретить Его; а когда Он окажется среди вас, вы будете не только видеть, слышать и чувствовать, но и понимать Его».

Мы последовали его совету. И те, кто появился в Пальмовой Короне, не исчезли после его речи. Нет; они спустились к нам, и вместе с ними на нас снизошел великий покой. Они направились туда, где была нужна их помощь; и, когда пришел Христос, мы были готовы к Его появлению. Мы выпили, сколько могли, из реки Жизни и приняли крещение в ее водах, приобщившись к Его сокровенным планам и намерениям.

То было последнее собрание накануне Его прихода. Когда оно закончилось, мы ощутили свое единство с Ним и, исполнившись покоя и радости, стали ждать проявления Его воли.

Арнель

Вторник, 11 марта 1919 г.

Мы собрались на вершине Десятой Сферы. Это было уединенное место, где почти никто не жил. Редкие постройки использовались главным образом работниками Великой Башни как наблюдательные пункты, откуда были видны все окрестности.

Это, конечно же, случилось до того, как вы стали обитателем Храма, о котором вы мне рассказывали?

Да, сын мой. Так вот, Его нисхождение уже подходило к концу, когда Он достиг нашего мира. Я тогда только что перешел в Десятую Сферу, в которой оставался довольно долго. Там я был и в то время, когда Он подошел к ее границам.

Мы смотрели на отдаленный горный хребет. Над ним сиял кристально чистый свет золотисто-зеленого оттенка. Вдруг цвет начал изменяться: зеленый оттенок сменился розовым, как если бы на красную розу посмотрели через прозрачный янтарь. Это розовое сияние становилось всё ярче, пока наконец все горы не запылали алым и золотым огнем. Огненное море волновалось: это свита Христа двигалась к нам невидимыми пока отрядами. Вскоре мы стали различать их силуэты, отчетливо вырисовывавшиеся на фоне сияющего облака, в котором приближался Сам Христос. Все они были прекрасны, и их огромный рост служил свидетельством их великой силы. Там были и мужчины, и женщины; а кое-где были заметны даже двойные Ангелы. Не стану объяснять вам, что это значит. Вы всё равно не сможете понять эту тайну, да и мне нелегко будет найти подходящие слова. Они не были ни двуполыми, ни бесполыми. А впрочем, я уже сказал, что в объяснения лучше не вдаваться. Скажу только, что они были очень красивы: их лица были нежнее, чем у мужчин, но гораздо царственнее, чем у шедших рядом женщин.

Вскоре всё огромное воинство перешло в состояние, соответствующее нашей сфере, и заполнило весь небосвод своими светом и славой. Они не стали спускаться к нам, но пронесли над нашими головами, окропляя нас росой своей доброты и умиротворения — легкой, как поцелуй летнего ветерка, и в то же время исполненной силы и понимания сокровенных

тайн. Всякий раз, когда эти знаки их любви прикасались к нам, мы чувствовали, что перед нами открываются недостижимые доселе горизонты познания; а это было так необходимо для успешного осуществления нашей будущей миссии.

Некоторые Ангелы опустились на вершины самых высоких гор, куда лишь очень немногие из нашей сферы имели возможность подниматься, настолько разреженной там была атмосфера. И в тот момент там не было никого из нас. На горных вершинах пришельцы обособились группами, окружив кольцом огромную территорию. Несколько групп оказались внутри кольца, поскольку высокие горы располагались не только по границам, но и в центре страны.

Заняв свои места, они стали переключаться между собой с помощью музыки и пения; и вскоре вся окружающая атмосфера наполнилась звуками созданной ими гармонии. Музыка оказывала влияние и на нас, добавляя к той благости, которой одарили нас прежде их спутники. Так мать баюкает своего уснувшего ребенка, чтобы он заснул еще крепче.

Тем временем свет над горизонтом снова изменился — стал золотым и алым. Причем господствовал золотой оттенок, а алый лишь примешивался к нему. И мы поняли, что Христос уже на пороге нашего мира.

И Он пришел. Но смогу ли я рассказать о Его приходе или о славе Его Присутствия? Когда я думаю об этом, сын мой, страх и неуверенность охватывают меня. Можно ли просить придворного шута изобразить коронацию своего сюзерена: надеть колпак точно так же, как была надета корона на его царственную голову; взять в руки погремушку, как будто это скипетр; и потрясти колокольчиками, имитируя пение церковного хора? Не будет ли это похоже на насмешку над монархом? Примерно такие же сомнения мучают меня сейчас, когда я собираюсь рассказать вам о пришествии Христа.

И всё же, если бедный дурак действительно любит своего царственного господина, он сделает всё возможное, чтобы показать, как велик был его король, когда предстал перед своим народом; но в то же время он будет достаточно осторожен, чтобы заранее предупредить зрителей о несовершенстве своего будущего спектакля, ведь для серьезной постановки ему не хватает ни сценического мастерства, ни надлежащих декораций. То же самое делаю сейчас и я; и Тот, Кто создал орла для высокого полета и воробья для того, чтобы перелетать через изгородь, примет и мой неуклюжий полет, и мое чириканье, ибо я прибегаю к ним со смирением и добрыми намерениями.

Его сияние становилось всё ярче, охватывая всё большую территорию, пока мы все не оказались в этом окружении. Теперь я мог ясно видеть всех своих собратьев — даже тех, кто находился очень далеко от меня. Воздух вокруг стал золотисто-розовым, и наши тела купались в его потоках. Это Он принял нас всех в себя, так что мы оказались внутри Его Присутствия и Его Существа. Хотя мы ощущали обратное: нам казалось, что это Он вошел в нас и во всю нашу сферу. Итак, мы вошли в Христа и стали его частью. И хотя Он и так уже стал для нас всем, Его милости на этом не исчерпались, ибо Он предстал перед нами в своей внешней форме.

Я видел, как Он проходит рядом с нами, среди нас и над нами. Мне трудно это объяснить. Казалось, что в Своей телесной, видимой форме Он пребывает одновременно повсюду; и в то же время Он был один и только один. Я не могу передать это более точными словами, хотя и понимаю, что изъясняюсь не слишком внятно. Во всяком случае, так нам казалось. Подозреваю, что не все мы, глядя на Него, видели в точности одно и то же. Но каким Он показался мне лично, я вам сейчас расскажу.

Он был очень высок — примерно в два человеческих рота, но вовсе не выглядел великаном. Вообще слово «великан» было бы в данном случае совершенно неуместным, потому что Он был обычным человеком, только очень благородной внешности и телосложения. Итак. На голове у Него была корона — просто широкая золотая полоса, в которой золото перемежалось с яркими рубинами. Рубины светились алым цветом, и исходящие от них лучи не смешивались со светом золота, который был так же ярким. Это двухцветное сияние подни-

малось вверх, охватывая всё более широкое пространство, и отражалось от одежд парящих над нами Ангелов, от чего становилось еще прекраснее.

Его тело сияло первозданной наготой, но все-таки не было лишено одежды. Попробую объяснить вам этот парадокс. Дело в том, что слава, которую излучало Его тело, распространяясь на весь наш мир и на всех нас — его обитателей, частично отражалась от чистой поверхности наших душ, исполненных восторженного благоговения, и, возвращаясь обратно, окружала Его фигуру светом нашей отраженной любви, напоминая золотые доспехи. И это одеяние было по душе не только нам, но и Ему Самому. Ведь Он пришел к Нам без одежды, дабы мы узрели святость Его естественной красоты. Мы же предложили Ему взамен самое лучшее одеяние, которое только могут предложить своему Царю преданные слуги, и, опустив глаза, смиренно возложили это одеяние Ему на плечи. Это было платье, сотканное из нашей любви, ибо мы самозабвенно любили Его за доверие, которое Он нам оказал, — любили со всей нежностью и со всем почтением, на которое были способны.

Но мы видели Его славу и знали, что в Нем скрыта великая сила. И хотя у Него не было оружия, теперь на Нем была золотая кольчуга — наш подарок. То была Его любовь, ведь всё во Вселенной принадлежит Ему, и мы лишь вернули Ему то, что сами некогда получили от Него в подарок.

Ноги Его были босы, ибо то, что мы Ему дали, не шло ни в какое сравнение с тем, что мы получили от Него для себя. По этой же причине и одежда Его была не слишком длинна и едва доходила до лодыжек.

Он переходил от группы к группе, и в то же время казалось, что Он никуда не сходил с того мест в центре сферы, где впервые проявился перед нами в видимой форме. Его лицо было исполнено торжественности и сострадания, и мы могли читать по нему, как по книге. Мы знали, что Его торжественность исходит сверху — из тех неопикуемых царств, где грех неведом. Сами мы только слышали о существовании этих царств. А сострадание пришло снизу, с Голгофы. Оба потока — торжества и сострадания — встретились посередине и слились в Божественном Сыне Человеческом, прикрывшем глаза рукою от яркого света высших царств, дабы разглядеть, что они намерены сделать с человеком за его греховность; несколько капель земного греха упали на Его чело, слегка затуманив его, но лишь преумножив тем его красоту. Так слились воедино торжественность и скорбь, добавив к облику Божества оттенок возвышенной печали, ставший отныне Его неизменным атрибутом.

Итак, перед нами была любовь: не та любовь, что находит удовольствие в том, чтобы брать или отдавать; но любовь, которая вбирает в себя всё и становится единой со всем сущим. В этом мы убедились на собственном опыте, ибо Его любовь в тот момент приняла нас в себя, сделав нас частью Его существа.

А еще, помимо короны, Его голова была увенчана величием. Тем величием, которое позволяет носить на руке, на манер браслета, целое созвездие, а Солнце, вместе со всеми окружающими его планетами, сделать своей личной печатью.

Так Он пришел, и таким предстал перед нами. Проследовав через нашу сферу, Он направился дальше, но Его присутствие всё равно осталось с нами. Теперь мы уже не видим Его так, как видели во время Его прихода, но всё же можем воскресить видение и снова сделать его реальным, когда захотим. Это еще один парадокс. Попробую объяснить его следующим образом: Он направился далее к Земле, но шлейф Его мантии всё еще тянулся за ним, озаряя светом те сферы, через которые Он прошел. Он спускался всё ниже и ниже — в ужасную пресподнюю ядовитого тумана, окутавшего Землю; и мы — видевшие печать страдания на Его царственном лице — тоже исполнились жалостью к Нему — жалостью, смешанной с восхищением и преклонением перед Его мужеством. Ведь какими бы ужасными ни казались Ему — в Его непорочной чистоте и святости — те условия жизни, что господствуют ныне в нижних сферах, Он не испугался и, ни минуты не раздумывая, устремился на помощь тем, кто вынужден жить среди этого ужаса. Спокойным и невозмутимым шел Он в битву за очищение мира; и мы знали, что с Ним мы обязательно победим. Ни у кого еще не было такого

великого Полководца, как у нас, сын мой. Ибо Он главенствует над всеми — во многом благодаря женственности, которая также не чужда Его сердцу.

ГЛАВА VII:
Отношение небесных воинств к земной науке,
религии, христианству, земному Христу.
Притча: Бабушка и планеты.

Среда, 12 марта 1919 г.

Когда Христос миновал нашу сферу, мы тоже поспешили за Ним, присоединившись к Его свите. Мы разделились на отряды, хотя никто извне не командовал нами. Все необходимые указания мы находили в собственных сердцах; не зря же нас столько времени готовили к этому великому событию. Теперь мы точно знали, где потребуется наша помощь и что нам следует делать. Так что мы без особого труда отыскивали каждый свое место в общем строю и, вдохновляемые ощущением Его Присутствия, отправились в путь.

Попытаюсь вкратце объяснить, каким образом развивалось наше наступление на Землю. Мы окружили ее со всех сторон — Землю и те сферы, что отделяли нас от нее, и одновременно двинулись к центру. Так можно охарактеризовать наше продвижение, не выходя за пределы понятий трехмерного пространства. Только так вы сможете в некоторой степени представить себе, как именно начиналась эта великая кампания.

Как я уже говорил, Сам Христос был вездесущим. Он находился одновременно со всеми мириадами Своего огромного воинства, независимо от их рода и звания: от высочайших Своих Князей, обладающих огромной властью, и до самых скромных рядовых солдат. И хотя стимул к некоторым действиям мы получали в виде вдохновения изнутри, внешне всё было организовано, как в самом настоящем сражении. Те, кто стоял выше всех и ближе всех к Нему, уведомяли о Его приказах тех, кто стоял рангом ниже; они в свою очередь передавали их дальше по цепи, и так далее. Соответственно, мы получали приказания от тех, кто стоял на ступень выше нас и кого мы могли видеть и слышать без особого труда. Вообще-то, мы можем видеть Ангелов на целых три сферы впереди себя, но, за редкими исключениями, получали приказания только от обитателей следующего — расположенного на одну ступень выше нашего — мира.

Итак, мы — жители Десятой Сферы — последовали за Ним и вскоре оказались в Девятой Сфере, где принялись за работу. Мы продвигались вперед с всех сторон, и наше кольцо постепенно суживалось. И чем дальше мы проникали в пределы Девятой Сферы, тем очевиднее в ней проявлялись те же самые эффекты, которые мы наблюдали в своей сфере во время появления Христа и Его свиты. Следовательно, мы тоже принесли с собой в это царство благотворное влияние своего более высокого положения. Мы вытеснили оттуда некоторые отрицательные элементы в нижнюю сферу, а некоторые преобразовали в положительные, после чего передвинулись ниже, в Восьмую Сферу.

Но, достигнув ее, мы в свою очередь, стали для обитателей Девятой Сферы тем же, чем в свое время жители Одиннадцатой Сферы стали для нас. Следуя нашим наставлениям, они отправились за нами в Восьмую Сферу, преодолев которую им также было суждено превратиться в наставников. Таков непреложный порядок: мы получали приказы от вышестоящих и передавали их далее жителям Девятой Сферы, чтобы они, в свою очередь, передали их тем, кто следует за ними.

Этот процесс продолжался до тех пор, пока мы не оказались в трех сферах от Земли. Проходя одну сферу за другой, мы собрали собственное небесное воинство, присоединив его к вышестоящим мириадам. Но на этом рубеже мы вынуждены были остановиться. Эти ближайшие к Земле три сферы, обычно рассматриваемые как более или менее единое целое, были насыщены вредными испарениями, исходящими от бурлившего на Земле адского варева. Именно здесь нам предстояло вступить в великий Армагеддон; эти три сферы должны были

стать для нас полем битвы, ибо здесь враг был достаточно силен, чтобы оказать активное сопротивление.

А тем временем вы у себя на Земле продолжали заниматься привычными делами, и лишь очень немногие из вас могли разглядеть сквозь окружающий полумрак то, что происходило в этот момент в окружающих вас со всех сторон духовных сферах. Но постепенно мы приблизились настолько, что на Земле распространились многочисленные слухи о том, что кто-то ощутил наше приближение, а кто-то даже разглядел одного или нескольких Ангелов из нашего авангарда. Многие из вас смеялись над этими слухами. Смеющихся было так много, что это нечестивое веселье даже повлияло на состав окружавшей нас сферы. Но мы знали, что страдать из-за этого придется прежде всего вам, пока разум человеческий не привыкнет с почтением относиться к Тому, Кто пришел к вам на помощь, и с уважением воспринимать тех, кто Ему служит. Впрочем, я, кажется, забегаю вперед.

Но как же мне рассказать обо всех наших действиях? Я хотел бы, чтобы вы поняли, что именно происходило с вами в последнее время. Я говорю о явлениях небесных и демонических, о духовных силах, светлых и мрачных, вечно борющихся друг с другом. Эта борьба может быть невидимой, незаметной и даже неправдоподобной, но не замечать ее результаты просто невозможно. Я стараюсь, как могу, облечь свои знания в известные вам слова и понятия и хотя бы аллегорически пересказать всё то, что тогда происходило. Сверх этого я ничего не могу сделать, но всё, что могу, сделаю безотлагательно.

По прибытии в три околоземные сферы мы обнаружили, что наша первая задача состоит не в уничтожении, а в преобразовании. Мы скрупулезно изучили природу испарений и выявили элемент, от которого следовало избавиться прежде всего. Многие пришли сюда раньше нас и на протяжении веков вели здесь подготовительную работу. Но я могу начать рассказ лишь с того времени, когда в этих царствах появились мы — обитатели Десятой Сферы.

В тамошней атмосфере мы обнаружили ингредиент, слишком тяжелый для нее. Будучи порождением земной науки, он имел свойство подниматься вверх, а затем — снова опускаться на Землю, в материальный мир, ложась дополнительной тяжестью на плечи обитателей этой сферы. Но в основе этого ингредиента лежало истинное, хотя и примитивное знание, и потому в нем присутствовало немало подлинной искренности.

Именно она поднимала этот элемент в пространство Трех околоземных сфер. Но, поскольку эта искренность была связана исключительно с материальными феноменами, она же, по необходимости, возвращала его назад, в материю, где было очень мало духовности, которая могла бы поддерживать упомянутый элемент на плаву. Его мы вытеснили методом расширения. Мы, так сказать, входили в него, распространяли вокруг себя положительное влияние, помогая элементу расширяться до предела и тем самым самореализоваться. Под нашим давлением вытесняемый элемент действительно расширялся, пока не достигал наконец границ материального мира. Но и на этом импульс, который мы придавали таким образом материалистической науке, не исчерпывался. Постепенно он начал продавливать границы собственного мира и просачиваться обратно, в вашу сторону. Пограничная полоса, столь условно и в то же время столь надежно отделяющая материальное от духовного, начала прогибаться и деформироваться, и вот то тут, то там в ней появились разрывы — сперва маленькие, но увеличивающиеся с каждым мгновением. Однако самым важным было все-таки то, что, однажды появившись, эти бреши уже не закрывались — даже самые маленькие из них.

Так бывает с плотиной, которая, однажды дав течь, уже не может восстановиться сама по себе, но зато под внешним напором воды может разрушиться еще сильнее. Точно так же и мы, надавив на стену вашего мира со всех сторон, добились того, что неиссякаемый поток духовности пробил себе дорогу в земную науку и продолжает питать ее по сей день.

Таким образом, мы не разрушали вашу науку, вызывая резкий прорыв «плотины» со всеми проистекающими отсюда катастрофическими последствиями, хотя в былые времена подобное случалось на Земле неоднократно. Нет. Несмотря на всю свою узость и ограниченность, земная наука, в общем и целом, способствует прогрессу, и потому заслуживает неко-

торого уважения с нашей стороны. К тому же мы внесли в нее некоторые изменения, расширив ее, и продолжаем делать это до сих пор.

Та работа, в которой маленькая леди Катлин помогает мне и моим друзьям, на первый взгляд имеет мало общего с темой нашего сегодняшнего разговора. И всё же между нашими прежними беседами и нынешней существует прямая связь; и если вы еще раз перечитаете послания, которые получили от нас и от наших предшественников, вы заметите, что в них было столько науки, сколько вы в состоянии были воспринять. Разумеется, мне очень хотелось бы, чтобы наши послания стали еще более научными, но этому препятствует уровень вашей подготовленности, а вовсе не недостаток воли. И вот что я еще вам скажу: среди людей есть и такие, кто гораздо лучше вас подготовлен к восприятию подобного рода откровений, — мужчины и даже некоторые женщины с научным складом ума. Они могли бы стать гораздо более удобным инструментом для передачи научных сообщений. Но я не могу быть их претором, поскольку сам не готов к этому. Каждый из нас старается наладить контакты с тем, кто близок по характеру ему самому. Потому-то я и пришел именно к вам, сын мой. Я не могу говорить о науке с таким же знанием дела, как некоторые мои ученые собратья, поскольку у меня нет необходимой для этого подготовки. Я только говорю о том, что видел сам, и делюсь с вами тем, что знаю. И прошу вас принять от меня этот скромный дар. Этого будет достаточно для того, чтобы я считал свой долг выполненным.

Арнель

Понедельник, 17 марта 1919 г.

Еще один элемент, с которым нам пришлось иметь дело, была религия. С нею дело обстоит немного сложнее. Ее преторы называют религию наукой, причем прогрессивной наукой, но в то же время сдерживают ее развитие, слишком тесно связывая религиозное учение с авторитетом его основателей. В итоге эта связь начинает служить подобием поводка, не позволяющего вырываться далеко вперед. Иначе говоря, вам позволено, как и мне в свое время, двигаться по пути прогресса, но не слишком быстро, чтобы не выйти за пределы очерченного для вас круга. Если же вы, случайно или намеренно, нарушите эту не слишком отдаленную границу, поводок очень скоро напомнит вам о том, что удаляться от центра круга все-таки не следует. И чем быстрее вы бросаетесь вперед, тем болезненнее впивается в вас поводок, не позволяя «сбиться с пути истинного». А центром круга, как я уже говорил, является Основатель той или иной формы традиционного религиозного учения. Данное правило справедливо в отношении мусульманской и буддийской систем; и христианство совсем не далеко ушло от них в этом плане.

Природа возникших перед нами сложностей как раз и заключалась в том, что апологеты различных религий произносили очень правильные и исполненные веры слова, практическое воплощение которых зачастую было сопоставимо с теми последствиями, к коим привело в свое время благочестие древних раввинов, живших в период нисхождения на Землю Господа нашего Иисуса. Внимательно исследовав природу этих свойственных земным религиям противоречий, мы пришли к выводу, что во всех случаях в их основе лежит одна и та же общая причина. Я не беру в расчет второстепенные факторы, такие, как жажда богатства и власти, или довольно странную разновидность, именуемую фанатизмом, или лицемерие, часто поражающее слепотой тех, кому нравится считать себя искренне верующим. Об этих второстепенных факторах вы можете прочесть в ваших собственных Писаниях, где много говорится и о добрых мужах Израилевых, и о матери Церкви на раннем этапе ее существования. Эти примеры известны уже не одно столетие, и все-таки люди неизменно повторяют из века в век те же самые ошибки. Но сейчас я не буду говорить о них и перейду к самой главной причине религиозного застоя.

Мы все были единым огромным воинством, направленным к Земле; и действовали мы сообща, не теряя связи друг с другом. Но все-таки у каждого из нас была своя определенная сфера деятельности, в которой нам следовало приложить максимум усилий. И поскольку в своей земной жизни я был христианином, именно этой религиозной системой мне было по-

ручено заняться. И мой дальнейший рассказ о нашем взаимодействии с земными религиями будет поэтому посвящен христианскому вероучению.

Основная причина упомянутых мною противоречий заключается в следующем.

Люди считают Христа Основателем своей религиозной системы. Да. Но Христос, о Котором они говорят, стал известен им только в начале христианской эры; и отсюда же начинается история развития Его Церкви. Когда человек спрашивает, что ему надлежит делать в том или другом случае, чтобы оставаться верным Его воле, неизменно следует один и тот же ответ: «Смотри, как поступал Он, и учись у Него». А если спрашивали, где можно увидеть проявления воли Христовой, отвечали, что все они собраны в одной книге — книге Его деяний и изречений. Таким образом, всё, что не входило в эту книгу, считаться изъяснением Его воли уже не могло и, следовательно, не должно было браться в расчет христианской религией.

Так христианство оказалось привязанным к книге. Сама церковь продолжала жить Его жизнью; и Его Дух одухотворял ее так же, как кровь оживляет человеческое тело. Однако привязанность к одному-единственному источнику ослабила интенсивность жизненного потока, и тело из-за этого тоже стало вялым и теперь едва передвигается по предписанной ему орбите.

Запись Его слов и деяний действительно является ценнейшим наследием. Изначально на нее возлагали надежды, как на будущую Шекину, которая сможет провести церковь сквозь туман столетий. Но вспомните: Шекина шла впереди Сынов Иаковлевых и вела их за собою; а Книга Нового Завета была «возведена на престол» и оставлена позади. Она и сейчас излучает истинный свет, подобно маяку на вершине скалы. Но она осталась за вашими спинами, и потому, когда люди смотрят вперед, они видят перед собою лишь собственные тени. Если они хотят увидеть свет, им приходится оглядываться назад, и тогда они спотыкаются, ведь это очень трудно — идти вперед и смотреть при этом в обратную сторону.

Вот в чем заключается ошибка, допущенная людьми. «Он — наш Капитан, — говорят они, — Он идет перед нами, и мы следуем за Ним — через смерть и Воскрешение — в Его Небеса». Но для того чтобы увидеть идущего впереди Капитана, им приходится оборачиваться и смотреть назад, что, как я уже говорил, никак не вяжется с нормальным продвижением, да и со здравым смыслом тоже.

Тогда мы начали искать самых смелых, чтобы помочь им. Иисус нацеливал людей на дела еще более велики, нежели Его собственные; Он хотел, чтобы Его Присутствие вело людей к истине, а не подталкивало их сзади. И некоторые люди, сумевшие заметить и понять это, нашли в себе силы и мужество вырваться вперед, будучи уверенными, что тем самым исполняют Его волю. Им пришлось немало пострадать из-за этого, но при жизни следующего поколения (или, может, чуть позже) те семена, которые они посеяли, все-таки взошли и дали богатый урожай.

Итак, сын мой, теперь вы видите, какую ошибку допустили люди: они заменили бесконечную, вечно движущуюся Жизнь Книгой. Более того, они видят в ней совсем не то, чем она является на самом деле: то есть не удивительное, прекрасное и в высшей степени истинное сочинение, но некую непогрешимую и исчерпывающую данность. Однако Жизнь Христа продолжалась и после написания этой Книги, как продолжается по сей день, в том числе и у вас на Земле. А те немногие слова и дела Иисуса, которые вошли в текст Книги, написанной четырьмя евангелистами, нельзя назвать даже источником великой реки христианства, ибо они — всего лишь несколько волн на ее огромной поверхности, по которым можно судить только о направлении ее течения.

Сейчас люди начинают видеть и понимать, что если Он говорил через Своих Ангелов со многими благочестивыми людьми древности, то и в настоящее время Он продолжает то же самое. И те, кто уже понял это, вырываются вперед, радуясь тому, что вослед им светит путеводный маяк, но еще больше радуясь яркому свету, который они видят теперь перед собою. Ибо Он по-прежнему там, где был раньше, когда въезжал в Иерусалим, — впереди всех. Так последуйте же за Ним без страха. Он обещал вести вас за собой и сдержал слово.

Следуйте же за Ним, Ио Он не будет ждать, когда вы избавитесь наконец от своей нерешительности. Читайте то, что было написано о Нем в Евангелии. Но продолжайте при этом двигаться вперед. Не оборачивайтесь всё время назад, к святилищу своего Источника, вопрошая у него, как у Дельфийской пифии: «Поступить мне так или же иначе?». Нет. Пусть свиток с кратким изложением Его деяний останется с вами в вашем долгом путешествии, дабы вы могли разворачивать его время от времени, не слезая со своего коня. На нынешнем этапе ваших странствий это всё еще очень полезная и очень важная для вас путеводная ката — пусть кое-где уже выцветшая, но тем не менее точно передающая общие очертания и рельеф той страны, территорию которой вам ныне предстоит пересечь. В более поздние времена составлялись и другие карты. Ими вы тоже можете пользоваться как более подробными дополнениями к изначально существующей. Только не стойте на месте, всё время идите вперед. А если кто-нибудь снова попытается набросить на вас аркан, чтобы притянуть обратно, напрягите мышцы свои, пришпорьте коня и разорвите путы.

Увы, много, очень много было среди вас тех, кто, не найдя в себе мужества двигаться дальше, безнадежно отстал и задохнулся от пыли, поднятой вырвавшимися вперед. Таким людям вы ничем не можете помочь, ведь наш Капитан по-прежнему идет впереди и громким, чистым голосом призывает храбрецов возглавить шествие вместе с Ним. И призыв Его не остается без ответа.

Что же до отстающих, то одиночество им всё равно не грозит. Мертвые погребают своих мертвецов, и мертвое прошлое упокоит их под покровом своей ночи. Но впереди уже забрезжил рассвет. Горизонт еще затянут облаками, но радостное солнце непременно рассеет их своими лучами, когда полностью взойдет. И тогда, при свете дня, люди увидят, что Отец, желая дать благословение всем Своим детям, зажег на небосводе Своего сияния лишь единственное Солнце. Просто люди смотрят на это Солнце под разным углом, в зависимости от места своего обитания — к северу или у югу от Его небесного пути; и для кого-то из них Оно сияет более, а для кого-то менее ярко. И всё же это всегда одно и то же Солнце, и Его цель — дать благословение всей Земле.

И никогда Оно не станет дарить благословение одному народу в ущерб другим. Во все стороны Оно светит с одинаковой силой. И только свободная воля самих народов определяет, в каком объеме они намерены воспринять силу Его света.

Таким образом, каждый народ сам решает, насколько далеко от небесного пути он намерен жить.

Обдумайте еще раз мое иносказание, и вы увидите, сын мой, что, если Христос действительно является Солнцем для одной религии, он по необходимости должен быть Солнцем для всех. Ведь Солнце не может укрыться от мира; разве что только мир сам отвернется от Него. Тогда Солнце действительно скроется, но и это не всегда — а только до наступления следующего утра.

Арнель

Вторник, 18 марта 1919 г.

Мы говорили вам о Христе и о том, что на самом деле Он гораздо больше, чем это готово допустить христианство. Попробуем развить эту тему дальше.

Когда мы — группа, призванная помочь христианской церкви, приблизились к Земле, мы сперва немного отдохнули, а затем собрались на совет, чтобы обсудить все детали предстоящей нам работы. В это время присутствие Христа вокруг нас стало заметнее, и вскоре Он Сам предстал перед нами. Он появился на небе, и мы могли видеть Его целиком. Теперь мы были гораздо ближе к земному состоянию, нежели в то время, когда Он пришел в нашу сферу (я уже рассказывал об этом). Поэтому Он тоже принял более материальный и, следовательно, более конкретный облик; так что мы могли во всех подробностях рассмотреть его одежду. Она покрывала Его тело до колен, но оставляла свободными руки. Именно одежда привлекла нас в тот момент больше всего, поскольку она являлась отражением тех чувств,

которые испытывали к Нему обитатели Земли, принадлежавшие к различным церквям и верованиям.

Я не смогу описать, каким именно образом передавалась нам эта информация. Скажу только, что свет, возносимый вверх изучением религий в вашем мире и преклонением земных людей перед духовным совершенством, отражался на одеянии Христа. Оно же действовало наподобие спектроскопа, разделяя свет на составляющие его компоненты. Мы тщательно их проанализировали, но так и не обнаружили среди них ни одного истинно белого луча. Все они были затемнены и несовершенны.

Этим изучением мы занимались довольно долго, и в конце концов нам было позволено увидеть, какое именно средство могло бы помочь в данной ситуации. Средство, надо признать, весьма радикальное. Люди не только заимствуют у Него часть Его славы, но и добавляют к ней славу, никоим образом с Ним не связанную. И эта добавочная слава настолько фальшива, что совершенно недостойна Его. Я говорю о славе ничем не подкрепленных словесных титулов и атрибутов. Они могут быть красивыми и высокопарными, но от этого они не становятся более реальными.

Не могли бы вы рассказать об этом подробнее, Арнель?

Люди называют Его Богом, приписывают Ему Божественную природу. Но, хотя говорят они очень много, понимают они очень мало. С одной стороны, Христос — не единственный из Высочайших и не Единственное совершенное Существо, стоящее над всеми существами. Даже об Отце нельзя сказать подобное, просто Он — величайшее проявление Бытия, которым может знать человек. И, конечно же, Отец более велик, чем Христос, Который принадлежит Отцу Своему, ибо Он — Сын Бога.

С другой стороны, слава и сила Господа Христа на самом деле многократно превосходят даже те эпитеты, которыми люди наделяют Бога Отца. Высочайшее Существо, признаваемое христианством, — Всемогущий Отец. Это слово — Всемогущий — звучит внушительно; но смысл, который в него вкладывают люди, не идет ни в какое сравнение даже с истинным величием Его Христа. Мы говорим это вам, потому что знаем. А ведь мы достигли только десятой по счету сферы от Земли и потому сами еще не можем в точности представить себе, насколько далеко простирается Его величие!

С одной стороны, люди полагают, что Он равен Отцу, хотя Он Сам никогда не говорил этого. А с другой, утверждают, что Отец властвует над всякой Силою. Так откуда же тогда они берут еще какие-то силы, чтобы наделить ими Христа?

Люди говорят также, что Христос пришел на Землю во всей полноте Своего Бытия. И в то же время заявляют, что все небеса не в состоянии Его вместить.

Больше я не буду распространяться на эту тему, сын мой. Потому что очень люблю Его и смиренно преклоняюсь перед подножием Его Царственного Трона; люблю настолько, что мне больно, очень больно видеть, как Его чистое одеяние пятнают тусклыми отблесками всевозможных цветов и оттенков. Да, Его одежда была перепачкана всевозможными красками, даже отдаленно не напомиавшими единый гармонический рисунок. И если бы только было возможно исказить внутреннюю святость внешним воздействием, они, без сомнения, сделали бы это. Но Его одеяние защищало чистоту Его тела, отражая всю эту пеструю мешанину в околоземное пространство; так что посторонние цвета не могли пробиться сквозь Него наверх — к высочайшим небесам, где Он пребывал в Своем обычном состоянии. Все несовершенные лучи преломлялись и возвращались вниз, благодаря чему мы и могли видеть и изучать их.

А открывшийся нам способ противодействия этому ненормальному положению вещей заключался в следующем: мы должны были способствовать уничтожению земного Христа. Как ни жутко это звучит, но это правда. Ужасная правда и не менее ужасная действительность. Попробую объяснить это.

Допустим, что некое здание было не слишком умело возведено своими неопытными строителями. Если допущенные оплошности незначительны, его можно подремонтировать и усовершенствовать не разрушая. Но если здание построено из рук вон плохо, его остается

только разрушить до основания, вывезти весь мусор, собрать новый материал для строительства и возвести на его месте другое, более совершенное здание. Единственное, что следует оставить неприкосновенным, это подземное основание, фундамент. А земной Христос это как раз то здание, которое следует разрушить. Поймите меня правильно: я говорю не о самом Христе, но только о связанных с Ним земных религиозных представлениях, о догматическом Христе христианств. Тот Христос, которого исповедует официальная доктрина христианства, недостоин имени Христа настоящего. И потому его следует разрушить и выбросить всё, из чего он был сделан, оставив только глубинный фундамент. А после люди соберут новый материал для строительства и возведут на месте прежнего новое святилище — святое и прекрасное, достойное того, чтобы установить в нем Его Трон, и достаточно высокое, чтобы увенчать Его голову, когда Он займет Свое место на этом Троне.

Вот, сын мой, к чему призываю вас я, стоя сейчас рядом с вами; и это вовсе не угроза. Тот процесс, о котором я говорил, начался и продолжается уже примерно полтора столетия. Правда, в странах Европы он еще не завершен, однако идет полным ходом. И когда Божественное одеяние Христа, сотканное в земных мастерских, будет уничтожено, его заменит Церковное Платье, сотканное на Небесах, сияющее лучами вечного света, мягкое и нежное, благодаря вплетенным в него нитям божественной любви, и украшенное сверкающими жемчужинами ангельских слез, пролитых Ангелами в то время, когда они приблизились к Земле и склонили головы, чтобы лучше рассмотреть деяния человечески, — пролитых и рассыпавшихся у подножия лестницы, ведущей к Скинии Отца. Там лежали они до тех пор, пока не заискрились ярким светом, вобрав в себя лучи Его любви, и тогда украсили собою одежды Его Сына, ибо сами были некогда вызваны великой любовью.

Арнель

Среда, 19 марта 1919 г.

Итак, процесс «разоблачения» Христа начался уже давно и с самого начала был связан с материалистическим прогрессом науки, о которой я вам уже рассказывал. И хотя отношение к этим процессам с течением времени несколько изменилось, все-таки их результаты вполне соответствовали стоящим перед нами целям. Их взаимосвязь наглядно проявляется в генеральной тенденции к возвеличению естественного и искоренению чисто духовного. Наука в данном случае развивалась в направлении от внутреннего к внешнему, пока не прорвала наконец ею же самой установленные рамки и не проникла в царство духовных вещей.

А в случае с Христом люди действовали в направлении от внешнего к внутреннему: то есть не заполняя еще не занятое пространство, но, напротив, счистили сперва кожуру, а затем — соскребли мякоть, оставив одну только косточку. Ведь именно в этой косточке заключена жизнь; и очень скоро эта жизнь вырвется наружу и принесет новый, прекрасный плод.

Однако разум человеческий ни в один исторический период нельзя мерить единою мерою по всему миру. Потому что свобода воли существует всегда, и с нею необходимо считаться. Как выяснилось, лишение Христа абсолютно всех Его прежних Божественных одежий вовсе не является универсальной необходимостью. Мы обнаружили на Земле некоторые сообщества, в которых разум человеческий устроен так, что, убедив мы их ныне в человеческой, а не божественной природе Христа, и они полностью утратили бы веру в Него как в повелителя Вселенной. Поэтому мы оставили им их веру, хотя и ее не могли не затронуть изменения. Ведь до них тоже доходили слухи, что многие люди стали считать Христа обычным человеком. Слухи тревожили их, и вот в поисках мужества, необходимого им, чтобы противостоять опасности и найти настоящую истину, они обратились к Источнику, как к обломку кораблекрушения, способному удержать их на поверхности.

Другие, напротив, ведут себя чересчур смело и заявляют, что им уже удалось разрешить загадку Христа. И ответ на нее они всегда дают один и тот же: «Он — человек и не более того». Сын мой, мы — говорящие ныне с вами на эту серьезную тему — тоже стремимся разрешить для себя загадку Христа; так же как и наши преторы — еще более высокие и еще бо-

лее мудрые, чем мы. И всё же мы пока не нашли ответ; и наши учителя сообщают, что, хотя им и удалось проникнуть в эту великую тайну гораздо глубже, нежели нам, до окончательного ее постижения им еще очень далеко. Как вам это нравится, сын мой? В то время как некоторые ваши теологические авторитеты, ни на йоту не сомневаясь, описывают природу и признаки Верховного Существа, те, кто стоит над нами, не осмеливаются говорить столь уверенно даже о природе Его Христа. Конечно, старый баран не может скакать так же резво, как молодой шаловливый ягненок. Но зато у барана есть мудрость и достоинство, которым ягненок похвастать пока не может.

Итак, на Земле по-прежнему есть сообщества, которым оставлена их прежняя вера; но реабилитация Христа будет исходить отнюдь не от них, а от более смелых — тех, кто прошел путь до конца и, к своему удивлению, снова вернулся к Христу. Первые мало чем смогут помочь в этом деле; основная часть всей работы будет проделана теми, кто, по крайней мере, непредвзято изучил и оценил аргументы сторонников «чисто человеческой» доктрины. Разумеется, и с той, и с другой стороны будут встречаться исключения; я же излагаю только основную тенденцию.

Я так подробно освещаю эту проблему, поскольку для христианства она актуальна как, наверное, ни для какой другой религии. Многие очень болезненно воспринимают то, что об их Спасителе отзываются без должного, как им кажется, уважения. Но это потому, что они любят Его. Мне тяжело говорить об этом, сын мой, но все-таки я вынужден сказать, что было бы намного лучше для них самих, если бы их знания о Нем хоть немного соответствовали той любви, которую они к Нему испытывают. Ибо большая часть их набожности складывается из облаков тумана и испарений, не имеющих к Нему никакого отношения, поскольку эти облака — плод их собственного воображения. Какими бы искренними ни были их воззрения, они всё равно остаются во многом фантастическими; а в результате страдает истинная набожность, растворяющаяся в массе ложных, химерических идей. Разумеется, Он принимает и такую форму поклонения тоже, но достигает она Его в значительной мере ослабленной из-за страха, который примешивается к ней. Вот почему мы призываем этих преданных людей освободить свою любовь от страха и любить Его со всею искренностью, не беспокоясь о том, что Он может разгневаться, если они будут рассуждать о Нем чуточку смелее, пусть даже с правом на некоторые небольшие заблуждения. Главное, чтобы они думали о Нем со смирением, как это делаем мы сами. При этом наши представления о Нем тоже могут быть в чем-то ошибочными; однако это нас не пугает, поскольку мы отдаем себе отчет в своем несовершенстве и в том, что нам пока не по силам понять Его полностью. Мы уверены, что Он не будет сердиться на нас из-за наших временных заблуждений, ибо они с лихвой компенсируются смирением и благими намерениями. Так что мы можем смело вести поиск истины, которую Он в Себе заключает, не опасаясь при этом ни упрека, ни наказания с Его стороны.

Поступайте и вы так же, сын мой. И будьте уверены в том, что Он гораздо более велик, чем это когда-либо представляло себе христианство; и следовательно, Его любовь гораздо более совершенна, нежели всё то, то вы можете думать о ней.

Некоторые полагают, что Христос родился на Земле несколько раз: например, в образе Будды и Кришны. Так ли это?

Нет, сын мой, не надо всё упрощать. Прежде чем выдвигать подобные предположения, человеку следует сперва понять природу и характер существа, которое мы с вами называем Христом. А ведь я уже говорил, что даже для нас и для тех, кто стоит над нами, Он по-прежнему остается загадкой. Наверное поэтому, пытаюсь пересказать вам хотя бы то, что я уже знаю, я весьма часто, сам того не желая, сбиваюсь на парадоксы. Да.

Было бы неправильно утверждать, что Христос, проявивший Себя (или Отец, проявившийся через Христа) в Иисусе из Галилеи, есть тот же самый Христос, что проявился, например, в образе Будды. Однако не менее ложным было бы утверждение, что во Вселенной может быть более, чем один Христос. Но если Иисус Христос это один аспект Отца, явленный через Христа, то Будда это другой Его аспект, явленный опять же через Христа. И, сле-

довательно, Иисус и Будда представляют собой различные аспекты проявления Единого Христа.

Каждый человек является особым проявлением своего Творца. Но при этом все люди родственны друг другу. Точно так же и проявления Иисуса Христа и Будды Христа различны, но в то же время родственны. Только Иисус Христос является более полным проявлением Единого Христа, нежели Будда Христос. Я привел вам только эти два примера — Иисуса и Будду. Но были и другие проявления, о которых, в принципе, можно сказать то же самое.

В высшей степени желательно, сын мой, чтобы вы возносили свои мысли к небесам, стараясь разглядеть в них Сердце Бога. А если почувствуете, что неясностей, подобных вопросу о Христе, накопилось слишком много, возьмите в руки простое описание жизни Иисуса, прочтите его заново так, как будто речь идет о вашем друге и брате, и вы увидите, что уже в одном Своем человеческом обличье Он имел в Себе достаточно Божественного, чтобы Ему можно было подражать и поклоняться. И когда вы сами достигнете такого же совершенства, перейдя на нашу сторону, вы всё равно увидите Его впереди себя. А потому, глядя в небеса и размышляя о возвышенном, помните о том, что со всех сторон вас окружают великие чудеса и что на Земле много дано вам в утешение.

Две маленькие девочки играли у открытых дверей своего дома летним вечером, а их старая бабушка присматривала за ними из дома и одновременно штопала их чулки. И одна девочка сказала другой: «Вот это моя планета. Вон там, видишь? Она самая большая и самая красивая. А какая планета твоя, Мария?» И Мария ответила: «Моя — вон та, красивая. Она тоже большая, и мне нравится ее цвет. Он не такой холодный, как у белых планет». И они заспорили, стараясь доказать друг другу, почему именно их планета более всех других достойна восхищения. Спор затянулся, и в конце концов они решили обратиться за помощью к бабушке. Они хотели, чтобы она подошла к ним и показала свою любимую планету, решив тем самым, кто из них прав. Но бабушка продолжала штопать чулки; она даже не поглядела в ночное небо, а просто сказала: «На это у меня нет времени, детки. Бабушка занята починкой ваших чулок. Да и нужды в этом нет, ведь я как раз сижу на этой планете, и мне она нравится больше всего».

Арнель

ГЛАВА VIII:

Почему Христос пришел в образе мужчины, а не женщины. Будущая судьба женщин. Притча: Ювелир и бриллиант. Женщины будущего. Богоявление продолжается. Юный завоеватель и его возлюбленная.

Пятница, 21 марта 1919 г.

Мне придется отказаться от рассмотрения многих интересующих вас вопросов, дабы не слишком затягивать свое послание. Но я непременно должен упомянуть самую важную причину нынешнего кризиса, приведшего к крупномасштабному конфликту между братьями-людьми. Причина заключается в преувеличении роли внешнего, материального проявления в сравнении с внутренней и более динамичной деятельностью духа. Эта тенденция уже проникла во все сферы вашего западного образа жизни и даже начала внедряться в мысли и поступки обитателей Востока. В большей или меньшей степени она воздействует на вашу экономику, а также на общественную, политическую и церковную жизнь; и даже искусство не смогло уберечься от ее влияния. Вспомните то, что я говорил о внешнем и внутреннем направлении эволюции, преобразующей Космос в материальные формы, и мои слова не покажутся вам удивительными.

Я говорил вам также о Христе в Его проявленном состоянии. Я упомянул тогда, что, на какой бы планете Он ни воплощался и на каком бы уровне Он ни проявлялся на Земле, Он

всегда принимает форму, привычную для тех людей, среди которых Ему предстоит действовать. Так что форма Его проявления определяется прежде всего местом действия и его временем.

Поговорим теперь о последнем воплощении Христа в образе Иисуса Галилейского. Люди, похоже, не обратили сколь-нибудь серьезного внимания на тот важнейший факт, что, хотя Божество, насколько это нам известно, не имеет никакого пола — ни мужского, ни женского, — все-таки в тот раз (как и всегда до этого) Он пришел на Землю в образе мужчины. И почему это было именно так, а не иначе, я сейчас и попытаюсь вам объяснить.

До сих пор эволюция всего Космоса была направлена в сторону самоутверждения, что сопряжено с конкретизацией и увеличением числа форм. Дух — сущностный и абсолютный — не может иметь никакой формы, в том смысле, который вы — жители Земли — вкладываете в это понятие. И в этот продолжительный период эволюции, ныне приближающийся к своему завершению, лидирующую роль играет именно мужчина, а не женщина. Это было вполне закономерно, ведь стремление к самовыражению типично мужская, а не женская черта. Мужчина подчеркивает собственную индивидуальность и включает в эту индивидуальность избранную им женщину. Он защищает ее, заботится о ней и при этом заявляет свои права на нее, ревниво оберегая от окружающих. Его воля подчиняет себе ее волю и вытесняет ее. В зависимости от того, насколько утончен мужчина по своей природе, это утверждение верховенства его воли над волей жены может быть смягчено внешним проявлением любви и ласки. Но подобная утонченность напоминает скорее женский, нежели мужской идеал. И я прошу вас обратить на это особое внимание, поскольку это важно.

И если говорить только о Земле, не затрагивая другие миры, можно сказать, что с течением столетий превосходство силы приобрело как телесное, так и интеллектуальное выражение. Это двойственное проявление энергии стало движущей силой во всех областях прогресса: в политике, науке, общественной жизни и так далее. Оно являлось направляющим принципом жизни всего мира до нынешнего дня. «Мужчина — лидер», — эти слова были написаны как девиз на Знамени Человечества. Вот почему Христос приходил на Землю в образе мужчины, а не женщины.

Но теперь вы уже миновали высшую точку этого эволюционного этапа. Собственно говоря, вы как раз сейчас ее проходите. И внешним выражением этого переломного момента стала недавняя война.

Эта война принесла нам немало несчастий. Не могли бы вы рассказать о ней поподробнее, Арнель?

Кое-что расскажу, но не очень подробно. Разумеется, полностью обойти внимание это катастрофическое событие означало бы пропустить кульминационный пункт, в котором слились воедино многие важнейшие линии эволюции. Вполне естественным и даже неотвратимым проявлением этой кульминации стала война. Обдумайте мои слова как можно более бесстрастно, и вы заметите, что в лучшем своем проявлении принцип самоутверждения способствует тому, чтобы мужчина уподоблялся в жизни своему Творцу, а в худшем — развивает в нем эгоизм и чувство собственника. И если утонченный мужчина боготворит женщину, то грубый стремится подчинить ее своей власти. Так же и с народами: утонченная нация стремится помогать другим, если они недостаточно сильны и нуждаются в ее помощи; тогда как грубый народ ведет себя иначе, чужая слабость для него — повод к порабощению соседней нации, к ее поглощению.

Но, на каком бы уровне ни реализовывалась эта тенденция, она всё равно остается чисто мужской по своей сути и полностью зависит от волеизъявления мужчины. Добрый мужчина стремится отдавать, злой — отбирать. Но в любом случае выбор делает мужчина, а не женщина. И если стремление отдавать считается добродетелью и проявлением истинного благородства со стороны мужчины, то для женщины это норма поведения. И действительно для мужчины стремление отдавать является дополнительной добродетелью, поскольку оно приближает его к женщине.

Сам Христос явил в Себе этот принцип самоутверждения, служивший побудительным мотивом для всей расы, к которой Он пришел. Он хотел иметь всё и получил всё, как и подобает мужчине, а не женщине. Но, едва проявив в себе этот принцип, Он тут же отказался от всего, раздарив другим, что тоже характерно для мужчины. Правда, в этом случае Он следовал уже не мужскому, а женскому идеалу. Но при этом стал гораздо более совершенным мужчиной, нежели все те, кто привык только брать. Чуть позже я объясню, как подобное стало возможным. А пока напомним о некоторых высказываниях Иисуса Христа, Который, хотя и явился во внешнем образе мужчины, по свойствам Своего характера был истинным проявлением Божества, сочетающего в Себе в равной мере оба элемента — мужской и женский.

«Нет большей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Вот так. И всё же есть любовь еще большая, нежели эта — человеческая. Эта любовь побудила Его положить душу Свою не только за людей, но и за врагов. И когда я вижу, как преданно некоторые женщины способны любить даже тех мужчин, которые дурно обращаются с ними, я невольно сравниваю их любовь с Его великим подвигом самоотречения. Иисус положил жизнь Свою за тех, кто обошелся с Ним до крайности жестоко; и к этому, как мне кажется, Его подтолкнул отнюдь не мужской, но женский элемент, скрытый в Его природе.

Отсюда же и Его слова: «Больше благословения в том, чтобы отдавать, нежели в том, чтобы брать». Мужчине трудно следовать этому наставлению и в мыслях, и в поступках, но женщине это удается легко и естественно. Мужчина может признать истинность этих слов, но при этом будет продолжать брать, как и прежде. Женщина же ищет благословения в том, что отдает. И пока она не воздаст многократно за всё, что получает, чувствует себя неудовлетворенной. Отнеситесь к этим моим словам со всем уважением, так как они имеют отношение к таинству, благодаря которому продолжается жизнь всей расы.

Те случаи, когда Он накормил хлебами множество народа, служат практическим применением Его неизменной готовности к самоотдаче.

Впрочем, довольно об этом.

Главное, чтобы вы уяснили следующее: до сих пор мир служил проявлению героического элемента в человечестве, которому надлежало реализоваться во всех своих аспектах. Выражение «мужская сила» кажется нам совершенно естественным; но если мы скажем — «женская сила», эта фраза неизбежно покоробит наш слух своей непривычностью.

Однако мужчина является выражением одного, и только одного аспекта Божества. И этот аспект уже в полной мере проявил себя в необозримой цепи минувших столетий. И теперь для того чтобы человечество смогло достичь Божественного совершенства, надлежит проявиться другому аспекту. До сих пор во главе рода человеческого шествовал мужской элемент, и плоды этого лидерства вы видите сейчас. Будущим столетиям предстоит раскрыть новое, еще более прекрасное качество, необходимое человеку.

Арнель

Понедельник, 24 марта 1919 г.

Запишите то, что мы вам продиктуем, и не тратьте пока времени на вопросы. Когда всё послание будет записано, прочтите его еще раз целиком и тогда уже судите о нем в целом, а не по частям. Я говорю это, сын мой, поскольку то, что мы намерены продиктовать, у многих вызовет неизбежный внутренний протест. Поэтому запишите всё, что мы хотим рассказать, ибо мы непременно должны это сделать. В свою очередь, мы постараемся быть краткими.

До пришествия Христа в образе Иисуса из Галилеи эволюция человечества шла под знаком превосходства интеллекта и силы мужской десницы. Я имею в виду всё тот же мужской элемент и его влияние на развитие человеческой расы. Если где-то и превалировали иные идеи, подобные случаи являлись исключениями из общего правила. Их можно сравнить с водоворотами, иногда возникающими посреди речного потока. Мы же говорим ныне об общем направлении течения эволюции, а не о частных случаях.

Окунувшись в водоворот земной жизни, Иисус вылил в его бурные волны принесенную с Собою чашу масла. Тем, кто желал Его слушать, Он объяснял, что окончательную победу одержат не те, кто силен интеллектуально или физически, но, напротив, кроткие, ибо они наследуют Землю — именно наследуют, а не завоюют.

Люди восприняли Его учение и признали его красивым и истинным, хотя и с трудом применимым на практике. Почти два тысячелетия люди пытались соединить христианскую теорию с практикой, призвать сильных к смирению и руководствоваться христианскими принципами в национальных, международных, общественных и прочих отношениях. Однако никаких существенных успехов они так и не достигли. Дело дошло до того, что некоторые объявили христианство неприспособленным для нужд практической жизни. Но они неправы; учение Христа — единственный прочный и стабильный элемент земного Бытия.

В результате люди все-таки признали несправедливость силы и насилия. Но в борьбе с ними ограничились лишь их смягчением с помощью кротости. Они старались сохранить за собою право на завоевания, но при этом ограничить его практическое применение женским элементом смирения. В итоге все их попытки закончились неудачей. Чувствуете, к какому выводу мы с вами приближаемся, сын мой? Единственный путь, ныне оставшийся человечеству, заключается в отказе от использования в своей жизни нежелательного элемента и постепенном выдвигании на первое место женского элемента кротости.

Прошлое мира было прошлым мужчины, но его будущее станет будущим женщины.

Ощувив внутри себя движение нового существа, женщина, прежде всего, решила, что новоявленный младенец послужит спасению ее пола. Не самая верная мысль — половинчата и, следовательно, бесполезна. Когда в былые времена женщина произвела на свет Спасителя, Он пришел в мир как Спаситель не только ее пола, но всей человеческой расы. Таким же будет и ее плод, появляющийся на свет в родовых муках, переживаемых женщинами ныне.

Едва почувствовав его в себе, она начала готовиться к появлению ребенка на свет. Стала собирать для него одежду. Я не случайно сказал — «для него», ибо она была уверена, что родится мальчик — маленький мужчина. И потому она отправилась на рынок, где мужчины продавали и покупали собственные товары. Там она предложила им обмен. «Мы сами можем делать вашу работу», — говорят она, не понимая, что тем самым вливает новое вино в мехи ветхие. Разумеется, в результате пропадут и мехи и вино; но только так женщина сможет усвоить предложенный ей урок, как некогда пришлось усвоить свой урок мужчине. Сейчас мужчина уже понял, в чем причина его неудач, но пока не знает, как ему достичь успеха. Одной рукой он цепко держится за прошлое, а другую — протягивает вперед, в будущее. Но эта рука до сих пор пуста, и никто не протянет ему навстречу свою руку, пока он не отважится отпустить прошлое и на какой-то миг остаться без опоры.

Сейчас женщина продолжает делать то, что делала до сих пор: пытается разделить с мужчиной его господство. Но в будущем ее ждет иная судьба. Женщина не будет править расой — ни единолично, ни совместно с мужчиной. Ей предстоит не править расой, а направлять ее.

Как я уже говорил, эволюция Земли до сих пор была направлена вниз, в сторону материи. И впереди шел мужчина, и рыцарские доспехи, необходимые в жестоких столкновениях с материальным миром, были ему весьма к лицу. Но вот пройден последний виток нисходящей спирали; люди миновали последний поворот, и теперь для всей расы начинается период восхождения к духовному совершенству. А в духе нет той власти закона, которой подчинил себя человек. В духе мы признаем только руководящую роль любви. И потому лидерство неизбежно должно перейти к женщине — но лишь после того, как она осознает бесплодность своих попыток править миром с позиции силы и извлечет из этого осознания необходимые уроки.

Довольно трудно, сын мой, объяснить, как именно будет выглядеть это грядущее лидерство женщины. Ведь та манера руководства, которая привычна вам, неизменно вызывает в человеческом мышлении ощущение двойственности, поскольку предполагает наличие управляющих и управляемых, господ и подчиненных. Но в будущей системе лидерства по-

добной раздвоенности уже не будет. И хотя само слово «лидерство» подразумевает разделение на две группы, одна из которых идет вперед, а другая — следом за нею, причем не всегда по своей воле, будущее человеческой расы было явлено нам совсем не таким.

Попробую пояснить свои слова. Будущее человечества было явлено нам в облике Иисуса Христа. В нем мы видим сочетание всех мужских достоинств, не отягощенных отрицательными и отталкивающими мужскими качествами. И в Нем же заключена женская нежность, при отсутствии присущих женщине слабостей. Так что в будущем мужчина и женщина будут уже не двумя различными полами людей, пусть даже достигшими полной гармонии во взаимоотношениях, но двумя аспектами одного и того же пола.

Там, где правит сила, всегда были и будут звучать слова: «Я — главный, следуй за мной». Там, где правит любовь, слова не нужны вовсе, ибо сердца бьются в унисон, говоря друг другу: «Мы пойдем вместе, любовь моя». Понимаете ли вы то, о чем я пытаюсь рассказать вам, сын мой?

Кажется, да. Но тому, кто привык к нашему нынешнему положению вещей, будет нелегко представить себе, что прогресс возможен даже в том случае, когда в обществе нет ни ведущих, ни ведомых.

Да, сын мой. Вы замечательно сформулировали то затруднение, о котором я предупреждал вас в начале послания. Вам это вполне удалось, поскольку вы пользуетесь словами и фразами, привычными для мира, где господствует организованность и строгие правила. Ведь фактически весь ваш мир устроен, как большая армия или предприятие, сверху донизу регламентируемое правилами и уставами.

Конечно, упорядоченная структура не чужда и нашим небесным сферам, но основана она не столько на том, кто сильнее, а кто слабей, сколько на том, что превыше любой силы, — на Любви.

Постарайтесь представить себе, что это может означать на практике. А в самых общих чертах это означает, что здесь нет ни высших, ни низших, ни больших и ни малых в земном понимании этих слов. Даже между Ангелом и новоприбывшем духом существует потенциальная связь. Даже самый неопытный дух — в перспективе не только Архангел, но и Князь, Добродетель и Сила, что гораздо выше архангельского чина.

Что же касается взаимоотношений, скажем, Ангела с Отцом, то в земном понимании Ангел, конечно же, меньше; но в атмосфере небес это неравенство растворяется в единой великой реальности, в Единении с Богом, ибо каждый Ангел знает, что он и Бог — едины. При этом не имеет значения, какую именно ступень занимает Ангел в Небесной Иерархии; ведь отраженные в ней различия касаются только внешних одеяний — количества бриллиантов на них и так далее, не затрагивая внутренний храм сердца.

Это ощущение единства обновляется и укрепляется в нас с каждым новым Явлением Христа. Видя Его, мы чувствуем, что, хотя Он и Царь, а мы — Его подданные, Царь наш неотделим от Своего Царства, и все Его подданные делят вместе с Ним Его Трон. Он отдает приказы и руководит нами, а мы повинемся и следуем за Ним, но не столько потому, что боимся оказаться в числе ослушников, сколько потому, что любим Его, а Он любит нас. Надеюсь, вы поняли мою мысль? Если да, то постарайтесь пролить хотя бы немного небесного света на будущую судьбу человеческой расы, и тогда, возможно, вам откроется хотя бы небольшой отрезок предстоящего ей пути, уже известного нам, говорящим ныне с вами.

Только помните о том, что чисто мужские качества — не самый совершенный инструмент и потому мало подходят для обозрения будущего, о котором я веду речь. В данном случае более подходящей линзой для вашей подзорной трубы послужит интуиция, являющаяся женским качеством. И, как мне кажется, женщины, которые прочтут впоследствии эти строки, признают их правоту с гораздо большей готовностью, нежели мужчины, которые не успокаиваются до тех пор, пока всё не поймут. Для женщины понимание не так важно, поскольку логику она практически не признает. Да ей она и не нужна, ведь у нее есть интуиция, которая ей прекрасно служит, а впоследствии будет служить еще лучше — и ей самой, и мужчине.

Не кажется ли вам, Арнель, что сейчас — самое время для очередной вашей маленькой притчи?

Однажды ювелир держал в руках два драгоценных камня — рубин и изумруд, пытаясь выбрать, которым из них украсить браслет супруги своего короля. Принять решение ему было совсем не просто, потому что рубин был любимым камнем короля, а изумруд — любимым камнем королевской жены.

Так и не решив, какой же камень выбрать, он в конце концов позвал свою жену и спросил, как бы она поступила на его месте. И женщина сказала, что украсила бы браслет бриллиантом. «Но почему, — удивился ювелир, — ведь у него вообще нет никакого цвета?» «А ты попробуй», — настаивала жена. И ювелир последовал ее совету.

Во дворец он шел со страхом, опасаясь вызвать недовольство либо короля, либо королевы, либо обоих величеств сразу. Но король, увидев новый браслет, сказал: «Великолепная работа, мастер. Это настоящий бриллиант — чистейшей воды; а как он искрится алыми лучами! Отнеси его моей супруге, пусть и она на него полюбуется». И ювелир отнес браслет королеве. А королева, увидев его, сказала: «Ты и вправду хорошо разбираешься в драгоценных камнях, ювелир. Этот бриллиант очень красив, когда искрится своими изумрудными гранями. Скорее заканчивай работу и неси мне готовый браслет».

Ювелир вернулся домой озадаченный и спросил у жены, почему она выбрала именно бриллиант. «Скажи сначала, как всё прошло во дворце?» — попросила она, и ювелир ответил: «Они оба были довольны: королю бриллиант показался чистым и алым, а королеве — искристым и изумрудным». «И они оба правы, — сказала женщина, — потому что бриллиант, отражая белый свет солнца, может сиять и золотым, и изумрудным, и другими цветами. Ибо в нем скрыта любовь, а в любви соединены все добродетели. И каждая добродетель — это один из лучей Любви. Король и королева выбрали из многих цветов бриллианта те, которые более всего желали увидеть. Но это не значит, что они видели не одно и то же. Ведь их любимые лучи снова сольются внутри бриллианта и вернут ему первоначальный блеск. Поэтому что велика их любовь».

Арнель

Вторник, 25 марта 1919 г.

Итак, мы с вами уже пустили одну стрелу в будущее; но теперь нам предстоит вернуться на исходный рубеж, чтобы подробнее проанализировать то послание, которое мы вам уже продиктовали. Мой предыдущий рассказ был весьма обобщенным, поскольку я излагал лишь основные вехи эволюции человеческой расы. Однако путь, коим следует человечество, вовсе не так прост; напротив, он очень сложен и многообразен. Как одна сфера проникает в другую, так и различные потоки эволюции смешиваются, образуя единую широкую реку человеческого прогресса.

Например, когда я говорю, что мужская властность уступит место женской кротости, это не значит, что всякое стремление к господству и самоутверждению будет искоренено. Нет. Эволюция человека в направлении материи была предначертана его Творцом; а если Он намечает какую-либо цель, то вовсе не для того, чтобы по достижении она была отброшена и забыта. Следовательно, завершающийся ныне эволюционный этап тоже был необходим для духовного развития человека. И приобретенная им на этом этапе властность также войдет в число тех качеств, которые понадобятся ему для будущего восхождения.

Если отобрать у бриллианта его рубиновые лучи, он потеряет часть своей красоты. Поэтому их блеск будет только слегка приглушен за счет того, что в будущем свет на его грани будет падать под другим углом. Так что в последнюю эпоху наиболее проявленным в своем сиянии будет уже не рубиновый, а изумрудный свет. Точно так же в древние времена наиболее зримыми были лучи другого цвета, по прошествии лет уступившие место рубиновым. В сердце кристалла сокрыто множество лучей; и, если они еще не играли доминирующую роль в его внешней окраске, значит, они ждут своей очереди и проявятся в будущем, когда изумрудные лучи исполнят свое предназначение.

К тому же человечество будет входить в новый век женщины постепенно. Так что никакой катастрофы, по меркам земного прогресса, при этом не произойдет. На Земле этот век еще не родился, но в положенное время это случится. И когда это время придет, вспомните — Спаситель был рожден ночью, но немногие заметили это, хотя именно Он был источником и предтечей Своего собственного нового века. Мир продолжал жить, как жил до тех пор, и те, кто привычно отсчитывал годы от сотворения мира, не заметили никаких перемен. Однако сейчас, именно благодаря ночному рождению этого безвестного ребенка, весь христианский мир отсчитывает годы от Рождения Христова, а сотворение мира больше не упоминается в ваших календарях. Поразмыслите над этой притчей, сын мой, — раз уж вы сочли мои притчи занимательными, — и вы увидите, что в ней скрывается глубокий смысл.

Вспомните также, что я рассказывал об увиденном нами Явлении Христа Созидающего в Башне Ангелов. Оно послужило частью нашей подготовки к выполнению нынешней миссии на Земле; и по моему рассказу вы можете судить, насколько серьезной и всесторонней была подготовка. В тот раз нам был открыт механизм сотворения вселенных и показана структура атома, из которого эти вселенные создаются. Мы видели эволюцию минералов, растений, животных и человека, показанную нам в виде безбрежного и бесконечного жизненного потока. Но, помимо этого, мы получили еще много других наставлений, благодаря которым можем теперь распознавать отдельные элементы, входящие в состав многообразной и сложной земной жизни; и не только распознавать, но и видоизменять их — каждый обособленно, не затрагивая другие. А затем нам было позволено заглянуть в будущее.

Я не могу передать всего, что было открыто нам во время Богоявления, посвященного будущей судьбе человечества, потому что в сердце бриллианта много лучей, выходящих за пределы видимого вами спектра. Но обо всем, что вы в состоянии воспринять из этого завораживающего своим величием и красотой зрелища, вселившего в нас безграничную веру и радость, я постараюсь вам рассказать.

По прошествии времени нам удалось с помощью небесной химии разложить околоземные испарения на составляющие элементы, которые мы разделили, препоручив каждый из них группе, специально подготовленной для работы с этим элементом. Все они были подвергнуты превращению, после чего вновь собраны в единую, но теперь уже более здоровую массу. Работа уже походила к концу, когда нашу группу отозвали в спокойное место, чтобы мы могли немного отдохнуть. Нас же подменила другая группа.

Мы повернули назад, и перед нами предстала потрясающая картина: мириады небожителей ряд за рядом заполнили собою многоярусные небеса. Это было грандиозное зрелище, еще раз напомнившее нам о сближающем всех нас единстве цели. Ведь каждый из этого огромного небесного воинства внес свою лепту в спасение наших братьев на Земле, которое и было нашей главной целью, персонифицированной в образе нашего Предводителя. В необозримую высь уходили их упорядоченные ряды, похожие на тысячи радуг; так что мы словно оказались под сводом сияющей многоцветьем огромной арки. И каждый Ангел и Архангел был ветераном, вернувшимся с поля сражения, о чем свидетельствовал более насыщенный и яркий цвет их одеяний и тел, обогащенный новыми приобретениями, которые они сделали, жертвуя собою во славу Любви, а не захватывая их как добычу по праву победителей.

Но вот в окруженной нашим воинством пустоте, составляющей целую Вселенную, возникла та живая тишина, о которой я рассказывал раньше; тишина, в которой сокрыто Присутствие нашего Князя. И когда она коснулась нас, мы смиренно склонили головы (ибо ее влияние всегда сказывается на нас подобным образом) и, соединенные общей любовью, с радостью и в то же время с трепетным почтением стали ждать появления нашего невидимого Гостя.

Арнель

Пятница, 28 марта 1919 г.

К тому времени мы уже вернулись в нормальное состояние, в котором обычно пребываем в своей небесной сфере. Поэтому, хотя мы и окружали Землю со всех сторон на манер

сферической оболочки, глядя внутрь, я уже не видел ее перед собою. Я говорю только о себе, так как те, чей дом расположен ближе к Земле, нежели мой собственный, должны были, как мне кажется, различить на месте Земли хотя бы некоторое подобие планеты. Так что я буду рассказывать только о том, что мог видеть сам, собственными глазами.

Итак, я всматривался внутрь, в великую пустоту, но ничего кроме этой пустоты не видел. И хотя наше присутствие освещало окружающее пространство, по мере приближения к центру сферы темнота всё больше сгущалась, так что в самой ее середине не было видно уже ничего. Мы ждали, и вот из непроглядной темноты до нас донеслись звуки, похожие на плач. Они неслись сквозь пустое пространство и были слышны во всех частях образованной нами сферы. Звуки становились всё громче; а вскоре мы услышали, как к одному голосу присоединился другой, затем третий и так далее, пока плач не утонул в шуме многоголосого хора. Поначалу хор звучал неслаженно, но постепенно окреп и очистился; и вот, наконец, вся сфера завибрировала в унисон теперь уже не жалобным, но более мужественным — сильным и низким — голосом. Так продолжалось некоторое время, после чего характер голосов снова начал меняться: они становились всё выше и тоньше: из баса перешли в тенор, но и на нем остановились ненадолго, и вот, наконец, всё окруженное нами пространство заполнилось стройным хором явно женских голосов.

Более того, когда звуки стали достаточно гармоничными, к ним присоединились вибрации света. Так что, когда красота звучания достигла своего апогея, вся внутренняя сфера уже была озарена сиянием самых прекрасных оттенков. И мы заметили, как в самой середине — одинаково далеко от всех и каждого из нас — Богоявление начало принимать не только осязаемую, но и видимую форму.

Земля проявилась перед нами, как хрустальный шарик. На ее поверхности стоял маленький мальчик. Вскоре рядом с ним появилась маленькая девочка, и они взялись за руки. Их милые юные лица были обращены куда-то вверх. Они молча стояли и тем временем превращались во взрослых — юношу и девушку; и их планета росла вместе с ними, приобретая всё более внушительные размеры. А потом на ее поверхности появился трон под балдахинном, и девушка, подведя юношу к его ступеням, встала на колени, тогда как юноша поднялся и занял место на троне.

Появились слуги и встали вокруг трона. Они увенчали юношу короной и опоясали сечем, а на плечи ему возложили украшенную вышивкой мантию темно-красного цвета. Менестрели настроили музыкальные инструменты и запели ему хвалебную песнь:

«Из духа пришел ты, Властитель всей жизни на Земле.

Во внешнюю Вселенную, где есть форма, вступил ты и посмотрел вокруг. И ты, твердо стоящий на ногах, решил, что это хороший мир, хотя и не свободный от некоторых неудобств. Хорошо зная один мир, ты провозгласил себя господином и второго мира тоже. И после того как закончил его завоевание, стал повелевать в обоих мирах.

А потом ты снова огляделся, чтобы оценить новые владения; и, будучи в превосходном расположении духа, прошептал слова любви прекраснейшему созданию из всех, кого увидел. Так женщина стала для тебя величайшей из всех ценностей, которые Отец всего сущего извлек для тебя из святилища своей сокровищницы.

Всё ли было так, как мы спели тебе, о Повелевающий Землей по праву победоносного завоевания?»

И юноша, положив меч на колени, ответил тем, кто пел ему хвалебную песнь:

«Всё было точно так, как пели в своей песне вы, наблюдавшие сверху за моей долгой войной и многочисленными битвами. Вы все видели правильно, верно то, что вы говорите, ибо все вы — мужчины и женщины — подданные нашего общего Господа.

И вот теперь я на деле доказал то, о чем возвестил; и нет на Земле равного мне мужеством. Это мое наследство. Я заявил свои права на него и отстоял их.

И всё же я не могу успокоиться. Теперь, когда мой поход окончен, где мне найти новую цель, достойную трудов моих? Земля, не знавшая покоя многие столетия, теперь пребывает в

мире, но тревога еще не оставила ее. Земля устала от забот и хочет тишины; хочет, чтобы „бурное сегодня” осталось позади и наступило „мирное завтра”.

Вы, друзья-ангелы, всегда помогали мне отыскать верный путь. Подскажите же и сейчас — куда мне направиться дальше? Я знаю, что нечасто следовал вашим советам и бросался в бой вопреки предостережениям, которые нашептывала мне моя мудрость. И всегда мне приходилось сожалеть о своем упрямстве; так что теперь горький опыт сделал меня мудрее. Эта мудрость досталась мне дорогой ценой, но теперь она моя, ибо я заплатил за нее сполна.

Отныне я буду внимательнее прислушиваться к вашим советам, ведь мое сражение закончилось, и я немного устал, ибо нелегок был мой путь к этому трону».

И все слуги встали по сторонам ведущей к трону лестницы; а между ними на ступенях появилась всё та же девушка, одетая в белое с серебряным отливом платье, окаймленное синей полосой. Сжав перед собою ладони, она молча ждала, всем своим видом выражая смирение. Она смотрела, не отрывая глаз, на молодого царя, сидевшего на троне; и тот так же пристально смотрел на нее.

В конце концов он взял в руки меч, снял с головы корону, спустился по ступеням и встал перед девушкой. В ее руки вложил он меч и на ее голову возложил корону. А потом поклонился ей, поцеловал ее над бровью и сказал:

«Всё это время я был твоим защитником. Я оберегал тебя от всех опасностей, подстерегавших нас в долгом путешествии, которое мы проделали вместе. Я закрывал тебя своим плащом от ветра; переносил на руках через бурные потоки. Но теперь все опасности путешествия позади; и вместо рева штормового ветра и шума воды в быстрых реках мы слушаем музыку летнего бриза. Мне удалось сохранить тебя живой и невредимой до сего дня; и ты, любимая, — самое дорогое, что у меня есть.

Ныне я отдаю тебе и меч свой, и венец, поскольку чувствую, что они не смогут более радовать меня, если я не отдам их тебе, а ты их не примешь. Эти вещи — символы великой власти, но право на них я заслужил в борьбе, и теперь они мои. Возьми же их вместе со всем, что они означают, и храни у себя. Ты всегда была добра ко мне, не отвергай же мой дар; и, как я, любя, даю его тебе, так и ты прими его с любовью. Это всё, что я могу подарить тебе, любимая, — меч, корону и весь мир».

Девушка приняла меч и возложила его на левое плечо, а потом, взяв юношу за руку, повела его за собою вверх по лестнице. Возле самого трона они ненадолго остановились. Но затем юноша, после недолгого раздумья, отошел в сторону и поклонился девушке; и она без страха села на Трон, а юноша так и остался стоять, глядя на нее с радостью и с чувством исполненного долга.

Я снова перевел взгляд на девушку и заметил, что меч на ее левом плече — уже не меч, но пальмовая ветвь, украшенная драгоценными камнями, переливавшимися всеми цветами радуги. Корона тоже изменилась; вместо тяжелого венца из золота и железа красивые коричневые волосы девушки украшал теперь венок из маргариток, в котором сияли похожие на звезды самоцветы — синие, зеленые, белые и темно-желтые (такого яркого желтого цвета нет у вас на Земле).

Юный царь тоже изменился. Его лицо стало более умиротворенным, а из одежды осталось только широкое, свободно ниспадающее платье, не пригодное ни для сражения, ни для путешествия. Цвета были бледно-золотого, а в складках поблескивали розовые полутона.

И юноша сказал своей подруге: «Благодарю тебя за то, что приняла мои дары. Покажи мне теперь наш будущий путь, по которому будем идти уже не я и ты, а ты и я».

И девушка ответила: «Нет, не я и ты; ведь я принадлежу тебе так же, как ты принадлежишь мне. Нет, теперь мы будем идти только вместе. Я буду говорить тебе, в какую сторону нам следует направиться; и поверь, я не подведу тебя. Но дорогу будешь выбирать всё равно ты, любимый».

Арнель

ПОСЛАНИЯ АРНЕЛЯ ВОЗОБНОВЛЯЮТСЯ

ГЛАВА IX:
Будущая эволюция Земли. Космическая
психометрия. Эфирные планеты. Явление
Христа совершенного. Космический гимн о вещах
небесных, вещах земных и вещах подземных.

Вторник, 1 апреля 1919 г.

И снова окруженное нами со всех сторон пространство с теперь уже видимой Землей наполнила тишина. А юноша и девушка сидели рядом на Троне, ибо она сама попросила его сесть вместе с нею.

А потом мы услышали голос одного из тех великих, кто привел к нам в Десятую Сферу воинство с Небес, а затем готовил нас к предстоящему походу на Землю. Он стоял за Троном, возвышаясь над ними, и громогласно возвещал:

«Я обращаюсь к тем, кто пришел сюда из одного со мною мира, и к тем, кого мы призвали присоединиться к нам в нашем нисхождении на Землю. Это Богоявление даровано вам для того, чтобы вы с еще большей уверенностью могли продолжить свою работу. Мы, пришедшие за вами, чтобы повести вас за собой, заранее знали о том, что нам предстоит увидеть. Но для себя вы открыли ранее неизведанное. А потому смотрите и слушайте внимательно, дабы без колебаний вступить затем на путь, который вам предстоит пройти. Бог, Отец наш, дарит вам часть Своей силы, чтобы поддержать вас в трудах ваших. Эту силу направляет Он через Возлюбленного Своего, возглавляющего ныне всё наше воинство. Через Него изливается на нас живительный Поток, делая нас сильнее. И за это честь Ему и хвала во веки веков».

А над Троном тем временем появилось облако светлого тумана, вскоре окутавшего всю Землю так, что она снова скрылась из виду. Но и после этого туманная завеса не перестала расширяться; и только когда она заняла примерно четверть окруженной нами сферы, ее рост прекратился. Но зато в ней стало заметно вращение; и мне показалось даже, что она начала приобретать плотность. Однако это была не материальная плотность. Если вы можете предположить, что материальная Земля вдруг стала бесплотной, эфирной и полупрозрачной, то вам удастся в какой-то мере понять, что мы увидели в этот момент.

Туманная сфера вращалась вокруг своей оси, и на ее поверхности проявлялись очертания океанов и материков. Они не совпадали по форме с вашими земными, вернее, с теми, что существуют на Земле сейчас. И это не удивительно, ведь мы видели перед собою сферу своей будущей деятельности. Очертания материков на ней постепенно изменялись, что происходит сейчас и с вашими материками, только здесь этот процесс был показан нам в ускоренном изображении. Грядущие столетия проносились перед нами как мгновения, и, глядя на них, мы постигали будущее как бы по движущейся модели. А затем на туманной планете появились города, и люди, и животные, и машины, созданные людьми и поставленные ими себе на служение. А планета продолжала вращаться, и по ее изменяющейся поверхности мы узнавали ее грядущую судьбу.

Попробую объяснить, что именно я имею в виду. Возьмем для примера ваши острова. В первый раз я увидел бы их такими, какие они есть сейчас или будут в ближайшие годы. Затем планета делает поворот, и острова исчезают из вида. А когда появляются перед нами снова, в их облике уже заметны некоторые перемены: слегка видоизменилась береговая линия, города, люди. Планета вращается, и с ее вращением неузнаваемо изменяется ее рельеф, и вся человеческая раса, и все воздвигнутые ею сооружения, и средства передвижения, и все прочие произведения их трудов; только тысячелетия при этом спрессованы в часы. Как видите, мне приходится облекать мысли в привычные для вас слова, сын мой, хотя на самом деле дни и годы здесь проходят совсем не так, как у вас.

Мне не позволено ловить для вас рыбку в глубине грядущих столетий. Вам на Земле положено самим забрасывать в будущее сети своих прогнозов и воображения, если вдруг захо-

чется что-нибудь выудить оттуда себе на завтрак. Пусть будет так. Но все-таки я вправе подсказать, где находятся самые рыбные места. И те, кто признает меня хорошим администратором, отправившись в плавание по морям грядущего, смогут сверять курс по оставленной мною карте.

С каждым новым витком, означавшим целое столетие, Земля становилась всё прекраснее. Ее поверхность становилась всё светлее — не только благодаря лучшему отражению солнечных лучей, но и за счет проявившегося в ней внутреннего света. Люди на ней тоже стали спокойнее: перестали суетиться, потому что научились быть ближе к природе; и природа стала щедрее дарить им свои богатства, заботясь об их благополучии. Из жизни людей почти исчезло нервное возбуждение, и они получили возможность больше времени уделять медитации, что гармонизировало их взаимоотношения и духовно приблизило их к нам. Нам же, в свою очередь, теперь стало проще делиться с ними своей силой и душевным покоем.

И это постепенное возвышение людей наполняло наши сердца огромным счастьем: ведь после всех ужасов войны наша древняя раса приобрела юных друзей и помощников. В самом деле, осознавать это было очень приятно.

В конце концов Земля полностью преобразилась. Попробую рассказать об этом подробнее.

В вашем словаре недавно появилось новое слово, которое я обнаружил в вашем — и не только вашем — разуме. Это слово «психометрия». Насколько я понимаю, оно означает способность извлекать из какого-либо материального предмета информацию о том или ином событии из прошлого. Подобное становится возможным благодаря тому, что каждое событие накладывает долговременный отпечаток своих тонких вибраций на все предметы, которые были с ним так или иначе связаны. Психометрия же представляет собой способность воспринимать эти вибрации и по ним восстанавливать ход минувших событий.

Верное, в принципе, утверждение; но природа этого явления станет окончательно понятна вам только тогда, когда ваши ученые раскроют секреты структуры и природу сил, управляющих движением атомов той субстанции, которую вы называете эфиром. Мы наблюдали за вращением призрачной планеты и теперь точно знаем, что в будущем наступит время, когда вы научитесь преобразовывать это космическое сырье, именуемое вами эфиром, как синтетически, так и аналитически. Вы сможете обращаться с ним, как ныне обращаетесь с жидкостями и газами. Но это будет не скоро, ведь ваши тела всё еще слишком грубы, чтобы вам можно было доверить эту великую силу, не подвергая опасности ваши жизни. А пока люди с научным складом ума подготавливают почву для этого открытия.

Арнель

Среда, 2 апреля 1919 г.

Изучая материю, мы смогли заключить, что психометрические вибрации оказываются записанными или отпечатанными в эфире, окружающем материю. И не только это. В соответствии со своими динамическими свойствами, приобретаемыми благодаря активизирующемуся внешнему воздействию, эфир тоже оказывает влияние на материю, постоянно превращая ее в более тонкую субстанцию. Эти свойства эфира, как я уже сказал, определяются его способностью пропускать через себя поступающие извне силы, которые заполняют его и используют как связующее звено между своим источником и материей. Ваши химики уже высказывали предположение, что все материальные частицы плавают в эфирном растворе. Но эта гипотеза вводит их лишь в преддверие храма. А ведь есть еще и Храм, а в Храме — Святилище. Когда же они выйдут за пределы материального притвора и окажутся внутри эфирного храма (но не раньше), ни начнут понимать, что источником энергии, питающей эфир, а через него и материю, является именно Святилище. А Святилище — это обитель Духа.

Вот я и изложил всю схему нашего предприятия, очень кратко, но упорядоченно: Дух оказывает динамическое воздействие на эфир извне (то есть из вышестоящего царства, превосходящего эфирное как мощностью действующих в нем энергий, так и утонченностью

своей основополагающей субстанции). Дух заряжает эфир энергией; а эфир, в свою очередь, очищает и облагораживает частицы, составляющие материальную субстанцию.

Это не автоматический процесс, а волевой. А там, где есть воля, непременно должна быть и личность. Именно личности, проявляя себя, придают эфиру определенный характер, который переносится затем на материю. А вывод из этого можно сделать следующий: в зависимости от степени святости тех духовных существ, которые воздействуют через эфир на материю, материя может приобретать более или менее грубую структуру.

И, следовательно, свойства материи, из которой состоят Земля и всё, что на ней находится, являются отражением характера духовных существ, оказывающих на эту материю волевое воздействие. Эти духи могут быть как бесплотными, так и воплощенными.

Мы видели, как люди Земли прогрессировали в сторону духовности; и Земля медленно, но верно, сама изменялась под их влиянием, что отражалось на всей структуре составляющей ее материальной субстанции. Материя становилась менее грубой, приближалась к эфирному состоянию. Вот почему планета приобрела внутренний свет и стала более яркой. И это была самая настоящая космическая психометрия — не больше и не меньше: крупномасштабная, но, по сути, идентичная проявлениям, которые вы наблюдаете сейчас на примере отдельных, мелких вещей.

И чем более эфирными становились Земля и населяющие ее люди, тем проще было духовным существам общаться с ними, так что их взаимные контакты с каждым столетием становились всё более частым и доступным явлением, в сравнении с тем, что мы имеем на сегодняшний день. Чтобы не затягивать свой рассказ, сообщу сразу, что в будущем духовная эволюция Земли достигнет такого уровня, на котором общение духов с земными людьми станет делом обычным и постоянным. И тогда станет возможным то прежде невиданное великое Богоявление, о котором я вам сейчас расскажу.

Но сначала вот что: не стану пока ничего говорить о других созвездиях, расскажу только о нашем солнце и его планетарной системе; итак: те планеты, которые известны вашим ученым, по их словам, материальны.

Они заметили также, что материя, из которой состоят планеты, не одинакова по своему составу и пропорциональному распределению формирующих ее элементов. Но они пока не в состоянии разглядеть тот факт, что лежит в основе существующих различий — в том числе и в плотности планетарной материи. Этим определяющим фактором является духовность, о которой я вам уже говорил. Духовность уже проникла в эволюционное развитие некоторых планет Солнечной системы и теперь ведет их далее в том же направлении, что и Землю.

Но есть и другие планеты, которые невидимы вам с Земли, потому что в своем развитии они уже вышли за пределы материального уровня и стали эфирными. Увидеть их могут лишь живущие на таких же планетах. Планеты эти пока нельзя назвать духовными: они занимают промежуточное положение между материальным и духовным состояниями. Их обитатели не только знают о существовании материальных планет, в том числе Земли, но и оказывают на них заметное влияние, поскольку их уровень развития намного выше, и в то же время по состоянию своему они гораздо ближе к земным людям, чем духовные существа.

Те планеты, о которых я говорю, являются, отдельными, самостоятельными планетами. Но есть эфирные планеты и другого порядка. Одна из них окружает Землю. Грубый и плотный эфир, из которого она состоит, питает материальную структуру Земли. Но это не просто некий эфирный фон, сопутствующий материальной планете. На эфирной Земле есть свои континенты, океаны и свои собственные жители, многие из которых жили в прошлом на Земле. Многие, но не все: некоторые ее обитатели вообще никогда не жили на вашей планете и никогда не проявлялись в вашем материальном мире в теле из плоти и крови.

Это и есть то, что некоторые люди называют астральным уровнем?

Те из вас, кто пользуется этим термином, вкладывают в него неодинаковый смысл. Но, как вы сами можете заключить из только что продиктованного, эфирная планета и астральный уровень это не одно и то же. Так что эфирную планету лучше всего представлять себе именно такой, какой ее описал я сам. Как нам говорили, земные люди, попавшие на эфирную

планету, живут там уже давно, но общую продолжительность их пребывания на ней я затрудняюсь определить. Они — своего рода побочный продукт земного человечества, созданный в далеком прошлом.

Когда вы спускаетесь на Землю из своей сферы, вам, вероятно, приходится проходить через эту эфирную планету?

В пространственном плане, да. Но обычно мы нечувствительны к субстанции эфирной планеты, когда проходим сквозь нее. Иными словами, мы просто не ощущаем ее присутствия. Она никак не связана с Первой, Второй и Третьей Сферами, если отсчитывать их в соответствии с предложенной нами ранее классификацией. Это просто иная область творения, причем — весьма необычная. Она лежит в стороне от столбовых дорог, которыми мы пользуемся, поэтому я мало знаю о ней — чуть больше того, что уже рассказал — да и то понаслышке, поскольку нам говорили о ней, чтобы объяснить причину некоторых странных событий, происходящих на Земле. Пока мы не узнали о существовании эфирной планеты, эти события приводили нас в недоумение. Но новое знание расставило всё по местам.

Арнель

Четверг, 3 апреля 1919 г.

И вот теперь, подготовив надлежащим образом почву, мы можем перейти к описанию увиденного нами великого Божоявления, призванного открыть цель всей нынешней эволюции, дабы мы могли стремиться к ее приближению с уверенностью и пониманием. Явленная нам Земля будущего постепенно достигла состояния, когда материальный и эфирный элементы в ее структуре практически уравнились. Тела людей по-прежнему оставались материальными, но теперь выглядели очищенными и более восприимчивыми к небесной духовной жизни, чем в прежние времена — то есть в то время, в котором вы сейчас живете.

И планета очищалась вместе с людьми, так что теперь ее растительность казалась живой и чувствующей и напоминала ребенка, прильнувшего к материнской груди. На Земле уже не было никаких царств, существовала лишь единая конфедерация народов, внешне гораздо меньше отличающихся друг от друга, нежели в ваше время. Наука тоже изменилась, в сравнении с нынешней европейской, поскольку открытие и освоение сил эфирной динамики радикально преобразило всю человеческую жизнь. Достаточно, пожалуй. В конце концов, детальный анализ земной эволюции не является моей задачей. И если я сказал на эту тему несколько слов, то только для того, чтобы вы могли лучше понять, что за картина предстала перед нами.

Всё это время Земля не переставала медленно вращаться вокруг своей оси, и с каждым оборотом ее внутренний свет становился всё ярче. И когда он достиг нас — воинство, окружившее Землю, но не подходившее к ней слишком близко — мы тоже стали ярче и светлее. Но вот из земного света вышли мириады полумрачных сил, управляющих жизнью земных элементов. Их движение было таким же странным, как и их формы. Прежде я не видел ничего подобного, и потому наблюдал за ними с большим интересом. Там были те имперсональные силы, что обеспечивают взаимосвязь атомов в минералах; и те, что оживляют растения, и те, которые управляют жизнью животных. Минеральные существа, сами по себе, не очень чувствительны, но на них распространяют свое влияние те великие Повелители Творения, чьей обязанностью является содержание их царства в надлежащем порядке. Растительные существа уже обладают сформировавшейся субъективной чувствительностью, позволяющей им реагировать на силовое воздействие со стороны своих Повелителей. Вот почему вещественные изменения намного быстрее происходят в растениях, чем в минералах, и внешне это проявляется в их росте.

По той же причине рост может ускоряться и видоизменяться, если в нормальное развитие растения вмешивается человек. Когда два противоположных или родственных минерала смешиваются (например, в растворе), их взаимодействие или противодействие проявляется немедленно и очень бурно, поскольку им не хватает чувствительности, которая позволила бы им противопоставить что-либо внешнему влиянию. Но когда в растительный мир вторгается

земледелец, ответная реакция растения более замедленна и осмысленна, поскольку растение противопоставляет внешнему раздражителю свою внутреннюю чувствительность. В отличие от растений, животные обладают чувствительностью уже в полной мере и имеют зачатки личности. (И, наверное, поэтому их Повелители были, поистине, прекрасны в своих облачениях.)

Все эти силы оторвались от поверхности Земли и направились к нам, но на полпути остановились. А затем, опять же на полпути между ними и нами, прямо из пустоты проявились их Повелители. Я не смогу описать их облик, поскольку на Земле вы не видели ничего похожего (хотя, именно Земля является ареной их деятельности). Скажу только, что, глядя на них, мы по одному их виду могли догадаться, какой областью природы каждый из них поведует. Будь то атмосфера или золото, дуб или тигр, власть над ними была явно запечатлена на их прекрасных лицах. Форма и структура их тел, их внешний облик и одежда, — всё указывало на их связь с тем или иным царством. И хотя одежда была далеко не у всех, вид этих великих Правителей не мог не изумлять гармоничным сочетанием силы и красоты. И у каждого из них была свита, расставленная по степеням и рангам. Эти слуги и помощники отвечали за различные области своих царств и связывали своих Повелителей с подконтрольными им силами и организмами.

Теперь мне надо рассказать вам о том, как из земного света появились земные творения и как они соединились со своими Повелителями; а я никак не могу облечь мысли в понятные вам слова. Попробую сформулировать это так: когда помощники из свиты приблизились к земным творениям, те пришли в движение и окружили своих Повелителей, не скрывая их из виду, но превращаясь как бы в новые одеяния для них. А когда к ним приблизились еще и земные силы и смешались с этими более сложными образованиями, результатом этого слияния стало появление защитного купола вокруг всей Земли.

И Земля стала еще светлее, чем прежде, потому что оказалась под светлым куполом из живых существ, обступивших ее. Теперь Земля казалась огромной и очень красивой жемчужиной, поверхность которой была испещрена зелеными, золотыми, алыми, янтарными и голубыми прожилками, напоминающими кровеносные сосуды. А изнутри эта жемчужина сияла ярким светом, потому что в сердце ее горел огонь веры и поклонения, пульсировавший радостью и жизнью. Так Повелители Творения и их бесчисленные помощники разбудили Землю своими импульсами и заставили ее искриться ответной пульсирующей красотой. Но вот под этим живым куполом проявилась форма Христа. На сей раз Он пришел как Христос Совершенный. И если вы помните, какие затруднения вызвало у меня описание его внешнего вида в предыдущий раз, то поймете, какая непосильная задача стоит передо мною сейчас.

Его тело, состоящее из полупрозрачной субстанции, удивительно гармонично сочетало в себе все окружающие его цвета, как земные, так и цвета купола. Он стоял на поверхности огромной сияющей жемчужины — Земле. Планета вращалась под Его ногами, но ее движение не отражалось на Нем, ибо Он неподвижно стоял на одном месте.

Никакой одежды на Нем не было; но слава окружавшего Его богатства и многообразия жизни непрерывно направлялась к Нему великими Повелителями этой жизни на волнах любви и поклонения, облекая Его со всех сторон в лучезарное одеяние и заполняя прекрасным сиянием святилище, внутри которого Он находился. Лицо Его было спокойным и умиротворенным, но в то же время несло на себе отпечаток великой силы и власти. Казалось, сама Божественность окутывала Его, подобно плащу, ниспадая от самых плеч широкими складками фиолетового цвета.

Мы же окружали Его со всех сторон, и сверху, и снизу, потому что сплошным кольцом обступили Землю, а Он оставался на месте. Но всё же никто из нас не мог сказать, что оказался прямо перед Ним, или позади, или справа, или слева; потому что каждый видел Его целиком, со всех сторон сразу. Вам это будет непонятно, я знаю; но я сказал то, что сказал, ибо это было действительно так.

А затем все собравшиеся вокруг Земли мириады хором запели. Как я уже говорил, они были разделены на большие группы, в соответствии с рангом и родом занятий; и каждая

группа запела собственную хвалебную песнь, но звучали они в унисон, как единый мощный аккорд творческой гармонии, заполнивший небеса и всё пространство между планетами и отозвавшийся эхом в сердцах тех, кто в отдаленном Космосе, на других планетах неусыпно заботится о благополучном развитии своих подопечных — тамошних обитателей.

Разумеется, я не смогу перевести слова этого гимна ни на один земной язык. Но всё же я в состоянии хотя бы в общих чертах рассказать, о чем мы пели тогда, присоединяя свои голоса к тем, кто, находясь в других сферах и областях Вселенной, так же как и мы, выражал свою любовь и поклонение в единой и слаженной хвалебной песне:

«Мы не знаем, с чем встретимся в будущих вечностях, сквозь которые нам предстоит пройти: какие народы будут там жить и какие Князья будут ими править. И всё же мы идем вперед без страха, потому что следуем за Тобою, Христос. На плечах своих несешь Ты близнецов — силу и любовь, слившихся в едином венце твоего величия.

Мы знаем своего Отца, потому что видели Тебя — Его Возлюбленного Сына. И мы тоже полюбили Тебя. Так наша любовь встретила с любовью Отца, и Ты стал местом этой встречи. Мы узнали Его в тебе, и тем мы счастливы.

Прекрасен Ты, Возлюбленный, прекрасен и удивителен, хоть и не можешь явить нам всю свою красоту — слишком она велика. Но мы отдаем Тебе без остатка силу своего сердца, всю энергию и храбрость. И Ты, как прежде, идешь впереди; мы же следуем за Тобою, О Христос, Совершенный в мудрости, силе и животворящей любви.

И теперь, построившись в ряды и разделившись на отряды, мы возносим Тебе заслуженную хвалу в надежде, что и на нас снизойдет Твой благословенный Покой».

Арнель

КОНЕЦ